0.5
Г. 61
№ 1 и 2
1915
Голос минувшаго
журн. истор. и истор. литер. № 1 и 2
1915
Инв. № 14019.

05
г. 61
2р 50к
БИБЛІОТЕКА ...итета Железнодорожных Служащ... в Петрограде. №

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія III)

подъ редакціей

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

1815
1-2
п 3719
п 3650
ЦЕНТРАЛЬНАЯ Библиотека РАБОТНИКОВ Народной Связи в Петрограде № 14069
БИБЛИОТЕКА Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской
февраль

№ 1. Январь. 1915.

Январь

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бул., Путинковскій пер., домъ. № 3.
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи: *Стр.*

В. Евгеньевъ. Редакція «Современника» въ 1866 году (по воспоминаніямъ Г. З. и Е. П. Елисеевыхъ) 5
И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. III. Николаевская эпоха . . 37
В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири. I. Петрашевскій на каторгѣ. 66
В. М. Фишеръ. Гете и воинственная Пруссія. 88
Р. И. Выдринъ. Національный вопросъ въ русскомъ общественномъ движеніи. 100

II. Воспоминанія:

П. А. Шульцъ. Остзейскій Комитетъ въ Петербургѣ въ 1856—57 г.г. 124
А. А. Пеликанъ. Во второй половинѣ XIX вѣка. Студенческіе годы. I. Въ домѣ у дѣда. 146
Е. Н. Водовозова. Изъ недавняго прошлаго. 164
Л. Ѳ. Пантелѣевъ. Памяти Н. Г. Чернышевскаго 192

III. Матеріалы.

Ч. Вѣтринскій. Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ. I. Изъ писемъ людей шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ 204
С. П. Мельгуновъ. Выговоръ Аракчеева ген.-м. Воронову . . . 221

IV. Романъ.

Ш. де Костеръ. Легенда о подвигахъ Уленшпигеля. Пер. В. Н. Карякина. Съ предисловіемъ **В. М. Фриче** «Національная библія бельгійцевъ». 224

V. Изъ текущей литературы.

С. В. Петлюра. Къ исторіи научнаго общества имени Шевченка во Львовѣ. 264

Стр.

Л. Бергъ. Внѣшняя политика Николая I передъ восточной войной 1853—56 г.г. по секретнымъ донесеніямъ прусскихъ посланниковъ. 273
И. И. Поповъ. Къ 80-лѣтію Г. Н. Потанина (Потанинъ и областничество). 289

VI. Критика и библіографія.

М. Н. Гернетъ. А. Ѳ. Кони. Отцы и дѣти судебной реформы. **Ч. Вѣтринскій.** Проф. И. А. Линниченко. Рѣчи и поминки. **В. М. Фишеръ.** Александръ Закржевскій. Лермонтовъ и современность. **Н. К. Пиксановъ.** Синявскій и Цявловскій. Пушкинъ въ печати. **В. Ѳ. Лазурскій.** Записки Неофилологическаго Общества. Вып. VII. **Г. В. Вернадскій.** К. В. Сивковъ. Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII в. **Ю. В. Готье.** И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи. **С. П. Мельгуновъ.** Вѣстникъ Общества ревнителей исторіи. Вып. I. **В. П. Потемкинъ.** Ф. Сарсе. Осада Парижа. **К. Н. Успенскій.** С. Г. Лозинскій. Исторія инквизиціи въ Испаніи. **П. В. Мокіевскій.** Ф. Мюллеръ Лиэръ. Форма брака. **Его же.** Фазы любви. Письмо въ редакцію 303

VII. Рисунки.

Портреты: **М. В. Буташевичъ-Петрашевскаго, Н. А. Спѣшнева, Г. Н. Потанина.** Памятникъ де Костеру (въ текстѣ). **Заставки и концовки** изъ рукописей XVI—XVII в.в.

VIII. Объявленія.

Помѣщаемыя въ № 1 заставки и концовки получены нами отъ предсѣдателя Единовѣрческаго Общества въ Москвѣ Якова Максимовича Пашкова. Онѣ заимствованны изъ книгъ московской печати XVI и XVII вв.

БИБЛІОТЕКА
Комитета
Желѣзныхъ

Редакція «Современника» въ 1866 году.

(По воспоминаніямъ Гр. З. и Е. П. Елисеевыхъ).

«Современникъ» средины 60-хъ годовъ значительно отличался отъ «Современника» конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Тогда въ немъ сотрудничали Чернышевскій и Добролюбовъ, сумѣвшіе придать журналу значеніе крупнаго общественнаго фактора. Замѣнившіе ихъ новые руководители не имѣли возможности удержать журналъ на прежней высотѣ[1]). Весьма неблагопріятное впечатлѣніе производило на общество упорное молчаніе журнала по польскому вопросу, которое едва ли можетъ быть оправдано тѣмъ соображеніемъ, что высказаться съ полною откровенностью о событіяхъ 1863 г. журналъ по цензурнымъ условіямъ не могъ. Одинъ изъ членовъ редакціонной коллегіи «Современника» Г. З. Елисеевъ въ своихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ называетъ это молчаніе «величайшею ошибкою».— «Я думаю, пишетъ онъ, что, преимущественно, за эту именно ошибку онъ потерялъ почти половину своихъ подписчиковъ... Понятно, что симпатія публики не могла не охладѣть къ журналу,

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ пояснить однако, что, по словамъ автора этой статьи (въ его недавно вышедшей въ свѣтъ книгѣ), Некрасовъ и послѣ ареста Чернышевскаго и послѣдовавшей вскорѣ въ томъ же 1862 году пріостановки «Современника» ....остался вѣренъ прежнему знамени, и журналъ его, съ главными сотрудниками въ лицѣ Г. З. Елисеева, А. Н. Пыпина, М. А. Антоновича, къ которымъ впослѣдствіи присоединились М. Е. Салтыковъ и Ю. Г. Жуковскій, мужественно отстаивали завѣты Чернышевскаго и Добролюбова, несмотря на усилившуюся реакціонность правительства». (*В. Евгеньевъ.* «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ». М. 1914, стр. 171).
Ред.

который не хотѣлъ ни слова говорить о той злобѣ дня, которая занимала умъ и сердце всѣхъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ».

Независимо отъ этого уменьшенію популярности «Современника» содѣйствовали, съ одной стороны, ослабленіе личныхъ связей между его заправилами и прогрессивной молодежью, связей, столь тѣсныхъ во времена Чернышевскаго, съ другой—нерѣдко обнаруживавшееся отсутствіе солидарности во взглядахъ даже ближайшихъ его сотрудниковъ. Вотъ характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ. Въ декабрской книжкѣ «Современника» за 1863 годъ Ю. Г. Жуковскій помѣстилъ статью «Затрудненія женскаго дѣла», въ которой доказывалъ, что «вопросъ о неудовлетворительномъ положеніи женщинъ сводится на вопросъ о матеріальномъ достаткѣ или обезпеченіи»; говорить о томъ или иномъ его разрѣшеніи, по мнѣнію Жуковскаго, можно будетъ только тогда, когда женщина сама сознаетъ ненормальность своего положенія, а пока этого нѣтъ, не стоитъ прибѣгать ни къ какимъ палліативамъ, ибо «и мастерскія Вѣры Павловны, и общества женскаго труда, хотя очень милыя сами по себѣ вещи, но плохія средства для устройства женскаго дѣла». Рѣшеніе женскаго вопроса, какъ и устройство мужского труда невозможно иначе, какъ путемъ законодательнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія.—«Помѣщеніе этой статьи, какъ полагаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Г. З. Елисеевъ, было прямо безтактно послѣ романа Чернышевскаго». Она не могла не смутить и, дѣйствительно, смутила какъ тѣхъ женщинъ, которыя успѣли кое-какъ примоститься къ слушанію лекцій въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и тѣхъ, которыя подъ вліяніемъ Чернышевскаго начали устаивать разныя ассоціаціи. «Какъ, все безполезно: и учиться, и работать? — волнуясь говорили онѣ.—Ничѣмъ ничего не достанешь?» И отъ мастерскихъ и артелей Вѣры Павловны мысль ихъ стала склоняться къ снамъ Вѣры Павловны».

Вскорѣ обстоятельства заставили и самого Елисеева принять участіе въ спорахъ по этому дѣлу. Въ мартѣ 1864 года возникло благотворительное общество съ цѣлью пріисканія работы нуждающимся женщинамъ, помощи въ образованіи рабочихъ ассоціацій, артелей и т. п. Кто-то изъ участвовавшихъ въ учрежденіи этого общества пришелъ къ Елисееву съ его уставомъ, прося огласить его во «Внутреннемъ обозрѣніи» «Современника» и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать по поводу вновь учреждаемаго общества нѣсколько словъ о пользѣ рабочихъ женскихъ артелей и ассоціацій въ виду сомнѣній по этому вопросу, возбуждаемыхъ статьею г. Жуковскаго. Елисеевъ безъ труда согласился на это, потому что Жуковскій въ составъ редакціи тогда не входилъ, а былъ

простымъ сотрудникомъ журнала; кромѣ того, называть его по имени не было никакой нужды, такъ какъ въ то время было не мало людей, которые усвоили его взгляды. Мнѣніе Елисеева было нѣкоторою поправкою или оговоркою редакціи, дѣлаемою tacito modo по поводу статьи, напечатанной почти полгода назадъ и стоявшей въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ основнымъ стремленіемъ «Современника» — вообще будить сонное общество и съ романомъ Чернышевскаго въ частности. Смыслъ замѣтки Елисеева, помѣщенной во «Внутреннемъ Обозрѣніи» по поводу устройства новаго благотворительнаго общества женскаго труда былъ тотъ, что радикальное исцѣленіе всякихъ золъ есть, несомнѣнно, дѣло очень хорошее и самое желательное, но въ дѣлахъ, гдѣ такихъ радикальныхъ средствъ еще не найдено, ненадобно пренебрегать и полезными палліативами. Представивъ нѣсколько примѣровъ, какое огромное значеніе могутъ имѣть такіе палліативы въ мѣстныхъ дѣлахъ, авторъ закончилъ свою замѣтку слѣдующимъ замѣчаніемъ:

«Вообще въ рьяномъ, повидимому, прогрессизмѣ тѣхъ изъ нашихъ ультра-прогрессистовъ, которые не допускаютъ никакихъ мѣръ, кромѣ универсальныхъ, которые всякое зло хотятъ врачевать въ цѣломъ родѣ человѣческомъ, не допуская дѣятельности мѣстной, вызываемой нуждой, положеніемъ,—я вижу ту же русскую обломовщину, только щеголяющую въ научномъ кафтанѣ, шитомъ знакомымъ портнымъ Тришкой. Нѣтъ ничего, на что бы русскій человѣкъ былъ такъ неспособенъ, какъ на инициативу. Придумайте какую угодно полезную мысль, какое угодно полезное дѣло и идите приглашать начать его людей, которые лежатъ на боку въ полной недѣятельности. Вы думаете, они сейчасъ встанутъ и съ радостью пойдутъ на ваше приглашеніе? Какъ бы не такъ. Съ перваго самаго слова начинается отнѣкиваніе. «Да вѣдь что же, это дѣло,—начинаетъ вамъ говорить тотъ, къ которому вы обратились,—и выгоды принесетъ не Богъ вѣсть какія».—«Ну, да хорошо,—возражаете вы,—положимъ, выгоды небольшія: но вѣдь теперь ты лежишь, ничего не дѣлаешь, а тутъ получишь кое-что, да, кромѣ того, выгода ужъ и то, что дѣло будетъ, не будетъ отъ тебя пахнуть стоячимъ, заплѣсневѣлымъ болотомъ».—«Да, такъ оно,—отвѣчаютъ вамъ,—да все какъ-то оно тамъ будетъ... вѣдь не было прежде». На томъ и покончитъ, что опять ляжетъ и будетъ лежать, какъ лежалъ. А теперь еще наука такая подоспѣла совершенно въ русскихъ нравахъ, которая утверждаетъ, что можно дѣлать съ пользою только тогда, когда всю землю поворотишь. А когда всю землю поворотишь?—Ее, извѣстно, никогда не поворотишь: ergo и лежи душа въ волю».

«Во всемъ этомъ», говоритъ Елисеевъ о своей замѣткѣ, «что я написалъ, я не видѣлъ, какъ я уже сказалъ, ничего особеннаго, ничего такого, что могла бы остановить вниманіе другихъ. Вскорѣ, однако, случай заставилъ меня взглянуть на дѣло съ другой стороны и показалъ мнѣ всю неловкость моей замѣтки». Случай этотъ заключался въ слѣдующемъ. Послѣ выхода каждой книжки, у Некрасова бывали, обыкновенно, редакціонные обѣды, на которыхъ присутствовали всѣ постоянные сотрудники журнала и, кромѣ нихъ, нѣсколько стороннихъ лицъ изъ близкихъ знакомыхъ Некрасова или Салтыкова. Почти всегдашними завсегдатаями этихъ обѣдовъ изъ стороннихъ лицъ были А. М. Унковскій,

время отъ времени участвовавшій въ «Современникѣ» своими статьями, и А. И. Европеусъ, который ничего не писалъ, но называлъ себя *словеснымъ сотрудникомъ* «Современника», потому что любилъ дѣлать критическія замѣчанія о разныхъ помѣщавшихся въ журналѣ статьяхъ. Обѣды эти большею частью происходи у Некрасова и, конечно, на его счетъ, а иногда въ извѣстныхъ ресторанахъ въ складчину. Въ томъ или другомъ случаѣ на нихъ изрядно пили, и шампанское сильно развязывало языки, рѣчь дѣлалась вполнѣ свободною относительно самыхъ щекотливыхъ предметовъ и нѣкоторымъ образомъ вполнѣ братскою: говорили о другихъ въ присутствіи ихъ самихъ многое такое, что въ другое время себѣ не позволилъ бы сказать никто. «Не помню, уже на другой или на третій редакціонный обѣдъ», разсказываетъ Елисеевъ, «т.-е., спустя два или три мѣсяца послѣ написанной мною замѣтки, порядочно подвыпившій «словесный» сотрудникъ «Современника» начинаетъ такую рѣчь: «А я, господа, замѣчаю, что журналъ нашъ начинаетъ портиться. Братское согласіе въ немъ начинаетъ исчезать». Всѣ насторожили уши. «А то какъ же это иначе назвать? Одинъ пишетъ въ журналѣ статью, которая въ настоящее время для Россіи совсѣмъ не годится, и которая могла бы найти мѣсто въ русскомъ журналѣ развѣ черезъ 100 лѣтъ или 200 лѣтъ послѣ нашего времени. Положимъ, что это неумно. А другой черезъ двѣ или три книжки помѣщаетъ другую статью въ опроверженіе ее съ совѣтомъ и неподобающими эпитетами по адресу работающаго съ нимъ товарища въ одномъ журналѣ, положимъ, не называя его по имени,—но вѣдь все равно,—всякому внимательному читателю видно, о комъ идетъ рѣчь. Это, на мой взглядъ, еще менѣе умно,—и, какъ хотите, такой разладъ въ журналѣ не годится. Помните, что concordia res parvae crescunt, a discordia... ну, да что ужъ говорить, discordia, это—плохое дѣло, это—начало распаденія журнала».

Говорить о распаденіи журнала было, конечно, преждевременно, но если, съ одной стороны, начала проявляться discordia среди сотрудниковъ, то, съ другой, заставляли желать много лучшаго и отношенія, сложившіяся у нихъ съ редакторомъ. Интересная по документальному матеріалу статья г. Ляцкаго «Чернышевскій въ редакціи «Современника» (см «Современный міръ» №№ 9, 10 и 11 за 1911 г.) приводитъ рядъ совершенно неопровержимыхъ данныхъ, устанавливающихъ наличность на рѣдкость сердечныхъ и интимно близкихъ отношеній между Некрасовымъ, Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Эти отношенія зиждились не только на идейномъ единомысліи, но и на чувствахъ взаимнаго уваженія и теплой личной привязанности.

Когда умеръ Добролюбовъ и былъ арестованъ Чернышевскій, Некрасову исполнилось уже сорокъ лѣтъ, возрастъ, въ который не такъ-то легко находить и устанавливать дружескія связи. Друзья юности, люди 40-хъ годовъ, покинули Некрасова послѣ его разрыва съ Тургеневымъ, друзья зрѣлыхъ лѣтъ, Добролюбовъ и Чернышевскій, были отторгнуты отъ него силою внѣшнихъ обстоятельствъ. Поэтъ имѣлъ право воскликнуть въ 1867 г. (см. стих. «Неизвѣстному другу»):

...Давно я одинокъ;
Въ началѣ шелъ я съ дружною семьею,
Но гдѣ они, друзья мои, теперь?
Одни давно разсталися со мною,
Передъ другими самъ я заперъ дверь;
Тѣ жребіемъ постигнуты жестокимъ,
А тѣ прешли уже земной предѣлъ»...

Некрасовъ не написалъ бы этихъ хватающихъ за душу строкъ, если бы среди сотрудниковъ «Современника» послѣднихъ лѣтъ его существованія имѣлъ бы друга, столь же преданнаго и близкаго, какъ Чернышевскій или Добролюбовъ. Впослѣдствіи одинъ изъ членовъ редакціи «Современника» Гр. Зах. Елисеевъ, обозрѣвая прошлое въ извѣстной исторической перспективѣ, не побоялся исповѣдать какъ свою неправоту въ отношеніи Некрасова, такъ и неправоту своихъ сотоварищей. Вотъ интересный отрывокъ изъ мемуаровъ Елисеева, посвященныхъ исторіи «Современника» послѣднихъ лѣтъ, характеризующій взаимоотношенія Некрасова и его сотрудниковъ:

«Одинъ разъ, когда Некрасовъ сталъ жаловаться на бѣдность доходовъ журнала, на недостатокъ денегъ и на наши возраженія предложилъ намъ повѣрить его конторскія книги, то мы, о срамъ! вызвались идти и дѣлать самоличную повѣрку. Признаюсь, при одномъ воспоминаніи объ этомъ, по малой мѣрѣ неприличномъ, походѣ для ревизіи конторскихъ книгъ «Современника», у меня до сихъ поръ выступаетъ краска на лицѣ. Контора «Современника» помѣщалась въ то время въ квартирѣ завѣдующаго конторой, Ипполита Александровича Панаева, недалеко отъ технологическаго института. И, вотъ, гурьбой всѣ мы, сотрудники «Современника», я, Ю. Г. Жуковскій, М. А. Антоновичъ, В. А. Слѣпцовъ, А. Ф. Головачевъ отправились къ Панаеву. Не помню, былъ ли на ревизіи А. Н. Пыпинъ. Панаевъ принялъ насъ очень любезно, раскрылъ всѣ книги и сталъ давать объясненія по своимъ бухгалтерскимъ счетамъ. Мы, незнакомые съ бухгалтерскимъ счетоводствомъ, шутили, спорили, смѣялись надъ тѣми qui pro quo, которые получались въ нашихъ понятіяхъ по объясненіямъ Панаева къ терминамъ бухгалтеріи. Нашъ походъ или,

лучше сказать, набѣгъ на контору журнала былъ для насъ въ нѣкоторомъ родѣ partie de plaisir и не доставилъ намъ ничего, кромѣ удовольствія, хотя мы далеко уже были не дѣтьми: младшему изъ насъ, было не менѣе 30 лѣтъ, я былъ старше на 15 лѣтъ, возрастъ остальныхъ варіировалъ между этими двумя цифрами. Всѣ мы, неглупые, кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дипломированные, сами себя считали людьми умнѣйшими во всей Россіи. Вдобавокъ ко всему этому надобно сказать, что мы вовсе не были и злы. Но никому изъ насъ и въ голову въ то время не приходило, какое жестокое издѣвательство совершаемъ мы надъ Некрасовымъ. Никто не подумалъ о томъ, что долженъ былъ передумать и перечувствовать этотъ человѣкъ во время этой ревизіи? А еще больше, что онъ долженъ передумать и перечувствовать послѣ того, какъ эта неслыханная не только у насъ, но и во всей литературѣ, ревизія сотрудниковъ надъ кассою своего редактора огласилась въ литературныхъ и журнальныхъ кружкахъ? Вѣдь подобная ревизія равносильна объявленію редактора, если не доказаннымъ, то подозрѣваемымъ воромъ.

«Такихъ униженій, самыхъ оскорбительныхъ для самолюбія всякаго человѣка, отъ нашей честности Некрасовъ претерпѣлъ немало, такъ что, обращаясь на прошедшее, думаешь, какъ могъ выносить все это Некрасовъ, чего, я увѣренъ, не вынесъ ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ бывшихъ и существующихъ редакторовъ, а тѣмъ болѣе не вынесъ бы никто изъ насъ, считавшихъ себя въ правѣ оскорблять его. Всякій на его мѣстѣ сказалъ бы: «да ну васъ къ чорту, честные люди»; бросилъ бы все и конецъ! Тѣмъ болѣе и тѣмъ скорѣе сдѣлали бы это мы, бывшіе сотрудники «Современника», ибо всѣ мы были съ великимъ гоноромъ и великаго о себѣ мнѣнія. Представлю, однако, и еще нѣсколько примѣровъ униженія Некрасова отъ нашей честности.

«Вмѣстѣ съ пожарами Апраксина двора въ Петербургѣ въ 1862 г. и взятіемъ подъ стражу Чернышевскаго «Современникъ» былъ остановленъ на девять мѣсяцевъ. Всѣ друзья и враги интересовались знать: почему остановленъ «Современникъ», и всѣ приставали къ Некрасову съ этимъ вопросомъ; Некрасовъ всюду, куда являлся, чтобы отвязаться отъ вопрошающихъ, отвѣчалъ кратко: «да я не знаю, за что остановили «Современникъ»; вѣрно, моя консисторія тамъ что-нибудь въ немъ напутала». Когда слухъ этотъ дошелъ до насъ съ Максимомъ Алексѣевичемъ Антоновичемъ, мы съ нимъ очень этимъ обидѣлись, обидѣлись до того, что порѣшили не участвовать болѣе въ «Современникѣ», если бы онъ и открылся. Я осенью въ этомъ году былъ приглашенъ редактировать имѣвшую открыться съ новаго 1863 года газету «Очерки».

Антоновичъ согласился писать въ будущей газетѣ политическое обозрѣніе и собирался, кромѣ того, искать другой работы. Чѣмъ мы тогда обидѣлись, теперь даже и понять трудно. По существу Некрасовъ, дѣйствительно, отвѣтилъ такъ, какъ стояло тогда дѣло. «Современникомъ» тогда безраздѣльно почти завѣдывалъ одинъ изъ членовъ этой консисторіи, человѣкъ очень умный, даровитый и высоконравственный, которому Некрасовъ безгранично довѣрялъ. Многаго, что печаталось тогда въ журналѣ, Некрасовъ, вѣроятно, часто не читалъ за недосугомъ. И если что напутано было въ журналѣ, то напутала, конечно, консисторія. Но своимъ отвѣтомъ Некрасовъ вовсе не отрицалъ своего согласія съ тѣмъ, что напутано, а тѣмъ болѣе своей главной отвѣтственности за напутанное передъ правительствомъ. Со стороны Некрасова дать почувствовать вопрошающимъ, что онъ самъ все напуталъ, было бы не только несправедливо, но походило бы на хвастовство, а главное было бы совсѣмъ неумно. Вѣдь если бы дать такой отвѣтъ, то ему послѣ не разрѣшили бы продолжать изданіе «Современника». Но мы, конечно, и такимъ его отвѣтомъ не удовлетворились бы. Наша честность желала, чтобы Некрасовъ явился подвижникомъ первыхъ временъ христіанства, т.-е. предсталъ предъ подлежащимъ начальствомъ, объявилъ ему, что ничего напутаннаго въ «Современникѣ» нѣтъ, что все, что тамъ напечатано, именно и есть сама святая истина, которую онъ признаетъ умомъ и сердцемъ, и что членъ консисторіи, который написалъ и позволилъ другимъ написать, все это сдѣлалъ по его желанію и по его требованію. Отъ такого исповѣдничества арестованному члену его консисторіи (Чернышевскому) никакой бы пользы не было, самому Некрасову никто не повѣрилъ бы въ его признаніяхъ, а за этотъ рыцарскій подвигъ его или посадили бы туда же, гдѣ сидѣлъ членъ его консисторіи, или отправили бы временно охладиться въ Архангельскую губернію. Какъ бы то ни было, но когда въ концѣ 1862 года Некрасовъ изъ своего имѣнія пріѣхалъ въ Петербургъ, его поразила непріятная новость, что мы съ Антоновичемъ оскорблены его поведеніемъ и твердо рѣшили отказаться отъ участія въ «Современникѣ», а я даже законтрактовался работать въ газетѣ. Положеніе Некрасова наканунѣ открытія «Современника»,—срокъ опалы «Современника» истекалъ въ январѣ 1863 года,—было незавидное. Блестящій штабъ «Современника» совсѣмъ исчезъ. Добролюбовъ умеръ, глава консисторіи (Н. Г. Чернышевскій) продолжалъ сидѣть, и не было надежды, что онъ выйдетъ оттуда..., я... примыкавшій къ прежнему блестящему штабу, болѣе или менѣе извѣстный тогдашней публикѣ,—также отошелъ отъ «Современника». Изъ старыхъ постоянныхъ

сотрудниковъ «Современника» остался одинъ А. Н. Пыпинъ. Некрасовъ немедленно отправляется къ Антоновичу и ко мнѣ, умоляетъ насъ, чтобы мы не покидали «Современника»; передъ каждымъ изъ насъ, а потомъ передъ обоими вмѣстѣ онъ клялся, призывалъ въ свидѣтельство все, что было для него святого, что «никогда онъ переданныхъ намъ словъ не говорилъ, что онъ привязанъ и душой, и сердцемъ къ идеямъ, проводимымъ «Современникомъ», но что, какъ ни дороги для него эти идеи, онъ не рѣшится безъ насъ продолжать изданіе журнала, что если мы не согласимся участвовать въ немъ, онъ немелленно закроетъ журналъ. Мы съ Антоновичемъ для него необходимы». Мы, наконецъ, смиловались надъ бѣднымъ Некрасовымъ. Я согласился, не оставляя «Очерковъ», въ которыхъ былъ законтрактованъ, поставлять «Внутреннее Обозрѣніе» въ «Современникъ», а Антоновичъ стать во главу его. На этотъ разъ я долженъ признаться, что погрѣшилъ своей честностью. Не знаю, зналъ ли Антоновичъ, но я зналъ навѣрное, что Некрасовъ, дѣйствительно, говорилъ тѣ слова, которыми мы обидѣлись. Мнѣ передалъ ихъ одинъ хорошо знакомый мнѣ человѣкъ, который слышалъ самъ эти слова, когда Некрасовъ говорилъ ихъ въ какомъ-то книжномъ магазинѣ, а этотъ человѣкъ былъ настолько правдивъ и безпристрастенъ, что въ вѣрной и точной передачѣ имъ сказанныхъ словъ сомнѣваться было немыслимо. Для меня было очевидно, что Некрасовъ отпирался отъ своихъ словъ. И это именно обстоятельство меня очень кольнуло, гдѣ-то тамъ въ глубинѣ моей души. Хотя я былъ тогда вполнѣ убѣжденъ въ моей честности, но мнѣ вдругъ какъ-то стало не по себѣ отъ этой честности. Какъ! Некрасовъ, этотъ лучшій русскій поэтъ, которымъ зачитывалась вся Россія, на пѣснопѣніяхъ котораго воспиталось столько поколѣній, въ поэзіи котораго свѣтъ и правду черпалъ даже я, его сверстникъ,... и вдругъ, этотъ человѣкъ поставленъ въ необходимость раболѣпствовать передъ нами?!... Какъ хотите, это было характерно».

Когда прочитываешь эти и имъ подобныя страницы изъ воспоминаній Елисеева, невольно возникаетъ вопросъ, что же заставляло Некрасова вести дѣло въ столь тяжелой для него атмосферѣ. Мотивъ личной выгоды при этомъ, надо замѣтить, не могъ имѣть мѣста, такъ какъ «Современникъ», у котораго въ послѣдніе годы его существованія было лишь 4000 подписчиковъ, врядъ ли могъ приносить большой доходъ[1]). Этимъ доходомъ, къ тому же

[1]) Уже послѣ того какъ эта статья была набрана, намъ сдѣлались извѣстны документы, устанавливающіе съ полною непреложностью тотъ фактъ, что «Современникъ» въ 1864—1865 гг. не только не приносилъ прибыли, но издавался со значительнымъ дефицитомъ.

В. Е.

Некрасовъ, повидимому, или вовсе не пользовался, или пользовался въ очень незначительной мѣрѣ, предоставляя его, какъ это видно изъ опубликованнаго нами въ прошломъ году письма его къ Плетневу (см. «Современникъ» № 7 за 1913 г.), «бѣднымъ сиротамъ, завѣщаннымъ «Современнику» людьми, бывшими ему полезными», т.-е. семьямъ Панаева, Чернышевскаго и Добролюбова. Ради поддержки сиротъ и погашенія долга, образовавшагося вслѣдствіе того, что «Панаевъ умеръ, оставивъ долгу на своей половинѣ «Современника» до 17 тыс. руб. сер., Добролюбовъ же и Чернышевскій лишены были возможности возмѣстить своею работою значительную сумму, которую редакція выдала имъ впередъ»,—Некрасовъ, если судить по его письму къ Плетневу, и продолжалъ изданіе журнала. Справедливость фактическихъ данныхъ, содержащихся въ этомъ письмѣ, подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ источниковъ, напр., воспоминаніями Ип. Ал. Панаева, и заподозрѣна быть не можетъ. Присоединивъ къ указаннымъ Некрасовымъ мотивамъ въ теченіе многихъ лѣтъ укрѣплявшуюся привычку къ работѣ въ своемъ журналѣ и, наконецъ, сознаніе, что журналъ этотъ, несмотря на дефекты теперешней его постановки, все-таки вѣрно служитъ тому дорогому поэту знамени, подъ которымъ еще такъ недавно онъ шелъ рука объ руку съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ—мы, безъ сомнѣнія, назовемъ наиболѣе существенныя изъ побужденій, заставлявшихъ Некрасова обѣими руками держаться за редактированіе и изданіе «Современника». Неудивительно поэтому, что ему нелегко было примириться съ мыслью, что его дѣтищу угрожаетъ насильственная смерть, и онъ, будучи охваченъ послѣ событія 4-го апрѣля сильнѣйшей тревогой за участь журнала, хватался за различныя средства въ тщетной надеждѣ его спасти.

Надо замѣтить, что Каракозовскій выстрѣлъ на Некрасова и его сотрудниковъ долженъ былъ произвести впечатлѣніе удара грома среди яснаго неба. За какіе-нибудь три мѣсяца до него въ цитированномъ уже письмѣ къ Плетневу Некрасовъ утверждалъ, что «насчетъ запрещенія журнала» ему было «положительно заявлено, что подобнаго намѣренія нѣтъ у правительства». Это убѣжденіе, безъ сомнѣнія, раздѣлялось и его сотоварищами по «Современнику». Такимъ образомъ, руководители журнала сгустившимися надъ ихъ головами тучами были захвачены врасплохъ, поддались той растерянности, которая явилась однимъ изъ слѣдствій 4-го апрѣля. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, при большей солидарности и довѣріи между Некрасовымъ и его сотрудниками, эта растерянность не достигла бы такихъ пре-

дѣловъ, такъ какъ люди, связанные узами истинной дружбы, другъ въ другѣ всегда найдутъ опору и поддержку среди жизненныхъ злоключеній. Въ разобщенности сотрудниковъ «Современника» съ редакторомъ журнала лежитъ, такимъ образомъ, частичное объясненіе той растерянности ихъ, которая обнаружилась въ дни реакціи 1866 года. Въ чемъ же она сказалась? Прежде всего, въ чувствѣ страха, властно охватившемъ руководителей «Современника». Его испыталъ Некрасовъ, признавшійся годомъ позднѣе, что «когда грозилъ неумолимый рокъ», онъ готовъ былъ даже «исторгать невѣрные звуки со стороны своей лиры». Его испыталъ М. А. Антоновичъ: «мы упали духомъ», говоритъ онъ въ одной изъ позднѣйшихъ статей («Журналъ для всѣхъ», № 2, 1903 г.). Его испыталъ и Г. З. Елисеевъ, который не убоялся со жгучей откровенностью разсказать о своихъ настроеніяхъ этого времени въ одномъ изъ отрывковъ своихъ неизданныхъ воспоминаній.

«Я былъ арестованъ,—читаемъ мы здѣсь,—и отвезенъ въ крѣпость 28 или 29 апрѣля. Но самымъ злополучнымъ временемъ было не то, когда меня посадили въ крѣпость,—напротивъ, по заключенію въ крѣпость я значительно успокоился,—а время, проведенное отъ 4-го апрѣля до 29-го апрѣля въ тревожномъ, ежедневномъ, ежечасномъ ожиданіи обыска и ареста, которое не давало покоя ни днемъ, ни ночью. Тотъ, кто не жилъ тогда въ Петербургѣ и не принадлежалъ къ литературнымъ кругамъ или, по крайней мѣрѣ, не былъ къ нимъ такъ или иначе прикосновенъ, не можетъ представить той паники, которая здѣсь происходила. Всякій литераторъ, не принадлежащій къ направленію Каткова, а не принадлежала къ этому направленію почти вся тогдашняя литература, считалъ себя обреченною жертвою и былъ увѣренъ, что его eo ipso непремѣнно, потому только, что онъ литераторъ, арестуютъ. Такъ всѣ были убѣждены, что графъ Муравьевъ держится вполнѣ взглядовъ Каткова и слѣдуетъ его указаніямъ. Сотрудники «Современника», на которыхъ Катковъ смотрѣлъ какъ на очагъ и притонъ всякихъ зловредныхъ ученій, тѣмъ болѣе были увѣрены въ неизбѣжности такой участи для себя.

«Я съ Ю. Г. Жуковскимъ имѣлъ въ этомъ отношеніи преимущество передъ всѣми другими сотрудниками «Современника», хотя оба мы, равно какъ и остальные сотрудники «Современника», ни въ чемъ не были виноваты. Я—потому, что почти за годъ до Каракозовскаго покушенія жилъ мѣсяца два въ Москвѣ въ водолѣчебномъ заведеніи доктора Крейзера, гдѣ лѣчился по методу Присница холодной водой и гдѣ случайно познакомился съ нѣкоторыми молодыми людьми, оказавшимися потомъ привлеченными къ

Каракозовскому дѣлу, къ которому привлеченъ былъ также и жившій въ Петербургѣ одинъ мой землякъ и близкій знакомый молодой литераторъ, занимавшійся собираніемъ русскихъ старинныхъ сказокъ и пословицъ, Иванъ Александровичъ Худяковъ; Жуковскій—потому, что Катковъ изобразилъ его въ числѣ главныхъ дѣятелей и сообщниковъ представлявшагося его разстроенному воображенію мнимаго Каракозовскаго заговора.

«Что касается до меня, то я былъ увѣренъ, что меня непремѣнно арестуютъ и, начиная съ 4-го апрѣля, находился въ постоянномъ нервномъ возбужденіи и непрестанной тревогѣ, не имѣя возможности ничего сдѣлать и ни о чемъ думать, кромѣ ожидаемаго ареста и неизбѣжно сопряженныхъ съ нимъ разнаго рода самыхъ неутѣшительныхъ возможностей въ жизни моей и моей жены и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Это тревожное состояніе увеличивалось существовавшею кругомъ меня паникою въ обществѣ. Каждый день, и всегда почти утромъ, приносили извѣстіе: сегодня ночью взяли такого-то и такого то литератора, на другое утро опять взяли такихъ то и такихъ то, и т. д. Эти извѣстія дополнялись каждый почти разъ сообщеніемъ истинныхъ или придуманныхъ подробностей о жестокости и нахальствѣ офицеровъ, производившихъ эти аресты, обыски и выемки. Мало по малу чуть не половина извѣстныхъ мнѣ литераторовъ была взята. Затѣмъ стали сообщать слухи о привозимыхъ цѣлыми вагонами арестованныхъ въ разныхъ провинціяхъ, въ особенности въ Москвѣ. Стали ходить слухи, что этихъ привозимыхъ изъ другихъ городовъ и Москвы до того много, что ими полна вся Петропавловская крѣпость, всѣ тюрьмы, всѣ тюремныя отдѣленія при частяхъ. Всѣми этими слухами, непрестанно возраставшимъ тревожнымъ состояніемъ, безсонными ночами я до того былъ энервированъ, такъ близокъ былъ къ полной прострації, что подумывалъ идти самъ просить, чтобы меня заключили въ крѣпость. Но не только въ это время, т.-е. къ концу апрѣля, но задолго передъ моимъ арестомъ, и даже вскорѣ послѣ Каракозовскаго выстрѣла, я былъ въ такомъ тревожномъ нервномъ состояніи, такъ былъ всецѣло подавленъ своею мыслью о предстоящемъ, что едва видѣлъ и слышалъ, что предо мною происходило. Помню, какъ во снѣ, что еще въ то время, когда личность Каракозова оставалась неизвѣстною, и его выставляли напоказъ публикѣ: не признаетъ ли кто его, петербургскіе литераторы собрались, чтобы составить и подать адресъ государю съ изъявленіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Назначили, помнится, комитетъ для немедленнаго составленія адреса, въ который избранныхъ было трое: В. Д. Спасовичъ, И. А. Колю-

пановъ и я. Я все это время былъ такъ разстроенъ, что мысли мои были совершенно внѣ того собранія, въ которомъ я былъ, и я совершенно машинально относился къ тому, что происходило и говорилось, какъ составлялся адресъ, былъ-ли написанъ, былъ ли принятъ и отправленъ. Однимъ словомъ, я до извѣстной степени успокоился и овладѣлъ своею мыслью только тогда, когда меня привезли въ крѣпость и посадили въ одиночное заключеніе.

«Пробѣгающій эти строки скажетъ: да вѣдь это такая постыдная трусость, какую только можно представить! Да, я долженъ сознаться, что я далеко не отличался храбростью, и если могу чѣмъ утѣшить себя, то только тѣмъ, что, припоминая прошедшее, не припомню никого изъ людей, которые находились въ обстоятельствахъ, подобнымъ моимъ, и вели бы себя храбрѣе меня; крайняя угнетенность духа была тогда болѣе или менѣе общею среди литераторовъ. Кромѣ указаннаго выше общаго подозрѣнія, тяготѣвшаго вообще надъ литературой, въ участіи ея въ Каракозовскомъ дѣлѣ, можно указать не мало смягчающихъ обстоятельствъ для объясненія тревоги и боязни въ тѣхъ изъ литераторовъ, на которыхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, могло обрушиться это подозрѣніе спеціально».

Переходя къ выясненію этихъ «смягчающихъ обстоятельствъ», Елисеевъ ссылается, во 1-хъ, на необычность и чрезвычайность совершеннаго Каракозовымъ акта, возбудившія въ массахъ «ненависть и озлобленіе противъ всѣхъ подозрѣваемыхъ въ соучастіи», къ категоріи которыхъ въ первую голову были отнесены и представители прогрессивной журналистики, во 2-хъ, на опасеніе, что процессъ по Каракозовскому дѣлу будетъ вестись не на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ, хотя и изданныхъ, но еще не введенныхъ въ практику, а по старому порядку, дававшему полный просторъ проявленіямъ произвола и беззаконія, въ 3-хъ, на страшную репутацію предсѣдателя слѣдственной комиссіи, котораго считали способнымъ на все, даже на примѣненіе пытокъ, и, въ 4-хъ, на систематическую кампанію, которую велъ противъ петербургскихъ литераторовъ Катковъ.

Нужно замѣтить еще, что въ правительственныхъ сферахъ въ это какъ разъ время возникла мысль о существованіи нѣкоторой связи между идеологіей Каракозовцевъ и взглядами, развивавшимися на страницахъ «Современника». Въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ допустимымъ являлось предположеніе, что кружокъ «Современника» могъ сочувствовать слѣдующимъ пунктамъ программы, опредѣлявшей дѣятельность членовъ «Организаціи», которые составляли болѣе умѣренную группу каракозовцевъ: пропаганда между сель-

скимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа; устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій въ цѣляхъ сближенія съ народомъ и распространенія соціалистическаго ученія; заведеніе въ провинціи библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ въ видахъ организаціи общественныхъ силъ и т. д. Нельзя забывать при этомъ, что соціально-политическое credo Некрасовскаго журнала создалъ Чернышевскій, а Чернышевскаго правительство считало вдохновителемъ нѣкоторыхъ каракозовцевъ. Въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда, (см. «Прибавленіе къ № 78-му Спб. Сенатскихъ Вѣдомостей», отъ 3-го октября 1866 г.) въ ряду «преступныхъ цѣлей», преслѣдовавшихся каракозовцами, указывалось «освобожденіе отъ каторжныхъ работъ государственнаго преступника Чернышевскаго для руководства предполагавшеюся революціею и для изданія журнала, такъ какъ романъ этого преступника «Что дѣлать» имѣлъ на многихъ изъ подсудимыхъ самое гибельное вліяніе, возбудивъ въ нихъ нелѣпыя противообщественныя идеи»...

А 3650 п 3719

Въ воспоминаніяхъ одного изъ членовъ «Организаціи», П. Ѳ. Николаева, недавно напечатанныхъ г. Вѣтринскимъ въ «Русской Мысли» (№ 2, 1913 г.), идейная связь между Чернышевскимъ и нѣкоторыми каракозовцами подчеркнута и выдвинута самымъ опредѣленнымъ образомъ. Характеризуя ее, какъ «самую близкую», Николаевъ называетъ себя и своихъ товарищей «непосредственными учениками и послѣдователями» Чернышевскаго. Зависимость нѣкоторыхъ каракозовцевъ отъ Чернышевскаго сказывалась, по его словамъ, «даже въ философскомъ отношеніи»: подобно ему, они были убѣжденными «матеріалистами или, лучше сказать, фейербахистами», въ «писаревщинѣ» же видѣли «значительное отклоненіе отъ основныхъ идей Чернышевскаго о службѣ народу» и потому относились къ ней отрицательно. Идейная близость каракозовскаго кружка къ Чернышевскому породила даже легенду, что нѣкоторые изъ его членовъ подражали Рахметову и чуть ли не на гвоздяхъ спали. «Это,—говоритъ Николаевъ, разумѣется, чепуха. Но безспорно то, что сближеніе съ мастеровыми, странствованія по разнымъ кабакамъ и притонамъ, суровая дисциплина въ личной жизни, плаваніе на волжскихъ пароходахъ Ишутина и Каракозова, въ качествѣ водоливовъ, были до значительной степени навѣяны Рахметовымъ. Эти двое, каждый нѣкоторыми отдѣльными черточками, безусловно, напоминали Рахметова. Каракозовъ былъ очень похожъ на Никитушку Ломова». Что касается политической программы каракозовцевъ, то въ ней Николаевъ отмѣчаетъ черты «чистаго бланкизма»,

составлявшаго, по его мнѣнію, «душу ученій Николая Гавриловича».

Характерно, что и для Шаганова, точно такъ же, какъ и для Николаева, Чернышевскій являлся авторитетнѣйшимъ учителемъ. Въ показаніи своемъ слѣдственной комиссіи[1]) Шагановъ говорилъ о вліяніи на него идей Чернышевскаго, оцѣнивая ихъ съ рѣзко отрицательной стороны. Черезъ много лѣтъ тотъ же Шагановъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Чернышевскомъ, изданныхъ Пекарскимъ («Н. Г. Чернышевскій въ каторгѣ и въ ссылкѣ». Спб. 1907 г.) высказалъ совершенно иной взглядъ на него, и этотъ взглядъ, не будучи никѣмъ и ничѣмъ вынужденъ, само собой разумѣется, выражаетъ истинное мнѣніе его о Чернышевскомъ. «Единственная вина Чернышевскаго», говоритъ здѣсь Шагановъ, «была та, что это—человѣкъ съ выдающимся умомъ (что, къ несчастью, въ нашей странѣ составляетъ слишкомъ рѣдкій даръ Божій), что его логика неотразима и что, въ какой бы средѣ знанія ни работалъ этотъ умъ, онъ равно будетъ опасенъ, такъ какъ заставитъ логически мыслить своихъ учениковъ. «Именемъ твоимъ изгоняются бѣсы». Эти слова изъ Евангелія Іоанна прямо примѣняются къ Чернышевскому. Гдѣ звучало его слово, тамъ пропадалъ мракъ, оттуда бѣжали фантомы человѣчества, тамъ дрожала неправедная власть за свой престижъ передъ массой».

При такомъ отношеніи къ Чернышевскому каракозовцы наканунѣ своей встрѣчи съ нимъ на каторгѣ испытали совершенно особое чувство радостнаго страха. Вотъ какъ описываетъ его Николаевъ («Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ». М. 1906 г.): «такъ боятся строгаго, но любимаго учителя, такъ неопытные влюбленные юноши иногда боятся предмета своей страсти. И хочется имъ видѣть этотъ предметъ поскорѣй, хотя бы глазкомъ взглянуть, и страшно. Теперь, когда вспоминаешь о томъ чувствѣ, съ которымъ мы тогда поглядывали на низенькую обитую войлокомъ дверь, становится просто смѣшно. Думалось о томъ, что́ такое мы въ сравненіи съ нимъ... Какъ мы чувствовали себя ничтожными по сравненію съ нимъ, авторомъ «Примѣчаній къ Миллю», статей объ общинѣ, авторомъ «Что дѣлать»! Какимъ ореоломъ мысли и страданія былъ освященъ для насъ его образъ,—ореоломъ, свѣтящимся до боли въ глазахъ, до мучительнаго страданія нервовъ!»

Какъ близки эти проникнутые лиризмомъ дифирамбы въ честь Чернышевскаго съ тѣмъ славословіемъ, которое было пропѣто ему въ 1874 году Некрасовымъ. Мы имѣемъ въ виду стихотворе-

[1]) Это показаніе было напечатано нами въ № 7-мъ 1914 г. журнала «Завѣты».

ніе его «Пророкъ» (изъ Барбье). Здѣсь, между прочимъ, съ достаточной опредѣленностью указывается на полное единомысліе, существовавшее между авторомъ стихотворенія и его адресатомъ по основному вопросу человѣческаго бытія, вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ «служить добру».

Не говори: «забылъ онъ осторожность,
Онъ будетъ самъ судьбы своей виной»...
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.
Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире...

Думается, что приведенныя данныя съ несомнѣнностью устанавливаютъ, что Чернышевскій и его идеологія являлись тѣмъ именно связующимъ звеномъ, которое позволяетъ разсматривать нѣкоторыхъ каракозовцевъ и редакцію «Современника», какъ людей родственнаго, хотя и не тождественнаго міросозерцанія. Различіе между политическимъ credo той и другой группы заключалось отнюдь не въ конечныхъ идеалахъ, а въ способахъ ихъ достиженія, при чемъ террористическій принципъ, исповѣдывавшійся меньшинствомъ каракозовцевъ, конечно, не имѣлъ сторонниковъ въ редакціонной семьѣ «Современника». При такихъ условіяхъ сотрудники «Современника» едва ли могли опасаться прямого обвиненія въ «соучастіи», но вся обстановка, въ которой происходилъ каракозовскій процессъ, дѣлала вполнѣ возможнымъ пріобщеніе ихъ къ нему въ той или иной косвенной формѣ.

Не безынтересно остановиться на вопросѣ, какъ проявилась уже отмѣченная нами растерянность тогдашнихъ руководителей «Современника». Начнемъ съ редактора журнала Н. А. Некрасова. Онъ былъ черезчуръ опытнымъ журналистомъ, чтобы не понять, что наступила «необыкновенно сильная, экстраординарная гроза», отъ которой не могутъ защитить «громоотводы и щиты, купленные цѣною столькихъ моральныхъ и неморальныхъ жертвъ» (слова М. А. Антоновича изъ его полемической брошюры «Литературное объясненіе съ Некрасовымъ», Спб., 1869 г.); страшная мысль: «могутъ закрыть журналъ» пронизала сознаніе Некрасова, и онъ, забросивъ на время свои излюбленныя занятія—охоту и карты, съ болью и тревогою въ сердцѣ принялся за утомительную и неблагодарную работу: сталъ приспосабливать журналъ къ требованіямъ цензуры, старательно сглаживая рѣзкія мѣста, могущія подать поводъ къ репрессіямъ. Недавно опубликованное его стихотвореніе (см. «Русская Старина», 1913 г., № 2) отъ 7-го апрѣля 1866 г.—знаменательная дата!—рисуетъ слѣдующую картину (стихотвореніе представляетъ отвѣтъ на стихотворное же

письмо одного изъ друзей, содержащее приглашеніе уѣхать вмѣстѣ за городъ на охоту):

На письмо твое долженъ сказать:
Не за картами гну теперь спину,
Какъ изволите вы полагать.
Отказавшись отъ милой цензуры,
Погубилъ я досуги свои,—
Самъ читаю теперь корректуры
И мараю чужія статьи!
Побѣжалъ бы, какъ школьникъ изъ класса,
Я къ тебѣ, позабывши журналъ,
Но не знаю свободнаго часа
Съ той поры, какъ свободу узналъ!..
Одолѣла піита забота,
Позабылъ я, что значитъ игра,
Позабылъ я, что значитъ охота,
Потому что Валуевъ сердитъ;
Потому что законъ о печати
Запрещеньемъ журналу грозитъ,
Если слово обронишь некстати.

Вынужденнаго превращенія въ свои собственные цензоры оказалось, конечно, недостаточно: тучи, собиравшіяся надъ «Современникомъ», становились все гуще и грознѣе. И, вотъ, Некрасовъ хватается за другое средство: онъ рѣшается на унизительныя паломничества по вліятельнымъ друзьямъ въ родѣ того, которое описалъ В. П. Боткинъ въ одномъ изъ писемъ къ Фету, относящемся къ 1866 году. «Некрасовъ сталъ похаживать ко мнѣ», сообщаетъ здѣсь Боткинъ Фету и не безъ цинизма добавляетъ: «я же, пользуясь моимъ знакомствомъ съ членами Совѣта по книгопечатанію, стараюсь поддерживать ихъ въ ихъ энергіи», направленной противъ «Современника». Столь участливое отношеніе друзей, подобныхъ Боткину, само собой разумѣется, только ухудшало положеніе «Современника» и вынуждало Некрасова пойти на крайнія средства. Такимъ крайнимъ средствомъ явилась похвальная ода въ честь гр. Муравьева.

За послѣднее время опубликованъ матеріалъ, позволяющій думать, что къ мысли «воспѣть» Муравьева Некрасовъ пришелъ несамостоятельно: среди знакомыхъ растерявшагося поэта нашлись добрые совѣтчики, которые и уговорили его рѣшиться на «самозаклaніе» и положить «себя искупительною жертвою на алтарь муравьевскаго всемогущества» (выраженія малорасположеннаго къ Некрасову человѣка—П. М. Ковалевскаго изъ его «Воспоминаній»). Что дѣло обстояло именно такъ, объ этомъ можно судить по отрывкамъ изъ дневника Пыпина, опубликованнымъ въ новомъ «Современникѣ» (см. 1913 г. № 1). Здѣсь, подъ датою «15 января 1876 г.» читаемъ: «...(Некрасовъ) вспоминалъ объ «ошибкахъ»—стихотвореніи къ Муравьеву. Его подбивали (Строгановъ) написать стихотвореніе. Увѣряли, что этому

человѣку надоѣла катковская газета, но что стихотворенія отъ Некрасова могли бы на него подѣйствовать и укротить». Поддаться на такія рѣчи со стороны Некрасова было болѣе, чѣмъ неблагоразумно, не только потому, что исполненіемъ строгановскаго совѣта онъ пятналъ свою репутацію, но и потому, что едва ли могли быть у него мало-мальски серьезныя объективныя основанія для надеждъ «укротить» Муравьева. И если Некрасовъ все-таки на обѣдѣ, данномъ Муравьеву англійскимъ клубомъ 27 апрѣля 1866 г., произнесъ свои привѣтственныя вирши, то этотъ поступокъ его прежде всего, думается, явился слѣдствіемъ паники, которая исключала возможность обсужденія и взвѣшиванія sine ira et studio предпринимаемаго шага. Достаточно извѣстно, какъ неблагосклонно встрѣчено было Муравьевымъ некрасовское выступленіе. Оно и неудивительно: въ своемъ стихотвореніи Некрасовъ ни единымъ словомъ не заикнулся о крамолѣ русской, воплощеніемъ которой въ представленіи Муравьева и его единомышленниковъ являлось молодое поколѣніе; вся «ода» посвящена прославленію успѣшной борьбы Муравьева съ крамолой польской и литовской.

Мы не будемъ распространяться о томъ невыносимо тяжеломъ впечатлѣніи, которое было произведено обѣденнымъ спичемъ Некрасова на передовую часть общества. Его настроеніе достаточно ярко выразилъ Герценъ, горячо осудившій образъ дѣйствій поэта (см. «Колоколъ», отъ 15 мая 1866 г.). Отмѣтимъ только, что люди, столь различные по своей общественной роли и психологіи, въ частности по своему отношенію къ Некрасову, какъ П. М. Ковалевскій и Г. Зах. Елисеевъ, но, безъ сомнѣнія, хорошо освѣдомленные въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, сходятся въ утвержденіи, что въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто именно попытка «спасти направленіе» (т.-е. журналъ), а отнюдь не измѣна знамени въ расчетѣ на личныя выгоды. Какъ бы то ни было, ни въ чемъ не каялся впослѣдствіи Некрасовъ съ такою жгучею скорбью, съ такими кровавыми слезами, какъ въ этомъ своемъ поступкѣ. Не говоря уже объ общеизвѣстныхъ стихотвореніяхъ «Ликуетъ врагъ» (1866 г.) и «Неизвѣстному другу» (1867 г.), особеннаго вниманія съ этой стороны заслуживаетъ не вошедшее въ «Полное собраніе» стихотвореніе «Зачѣмъ меня на части рвете» (относится къ іюлю 1867 г.; впервые было напечатано Елисеевымъ во «Внутреннемъ Обозрѣніи» «Отеч. Записокъ» за январь 1878 г., но вырѣзано оттуда, очевидно, по требованію цензуры, съ относящеюся къ нему частью «Внутр. Обозрѣнія»); оно вылилось изъ глубины страдающей души поэта подъ вліяніемъ непосредственныхъ воспоминаній объ обѣдѣ въ англійскомъ

клубѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ сдѣланная съ боку замѣтка: «Это написано въ минуту воспоминанія о мадригалѣ. Хорошую ночь я провелъ!» Вотъ его начало:

Зачѣмъ меня на части рвете,
Клеймите именемъ раба?..
Я отъ костей твоихъ и плоти
Остервенѣлая толпа.
Гдѣ логика? Отцы—злодѣи,
Низкопоклонники, лакеи,
А въ дѣтяхъ, видя отпрыскъ свой,
И негодуютъ, и дивятся,
Какъ будто на соснѣ простой
Каштаны гдѣ нибудь родятся?»

Въ находящемся у насъ автографѣ послѣднее четверостишіе имѣетъ не лишенный значенія варіантъ:

А въ дѣтяхъ видя подлецовъ,
«И негодуютъ и дивятся,
Какъ будто отъ такихъ отцовъ
Герои гдѣ нибудь родятся?»

Итакъ, Некрасовъ въ покаянномъ экстазѣ договорился до того, до чего никто, кажется, не договаривался: онъ готовъ былъ считать себя подлецомъ... Какую тягчайшую душевную драму надо было пережить, чтобы дойти до такой самооцѣнки. Но и эта драма, и эта самооцѣнка, свидѣтельствуя о высотѣ моральныхъ требованій, предъявляемыхъ къ себѣ Некрасовымъ, послужили тѣмъ очистительнымъ пламенемъ, черезъ которое прошла больная душа «героя-раба»,—такъ называлъ Некрасова Елисеевъ.

Почти одновременно, всего нѣсколькими днями ранѣе «мадригала» Муравьеву, Некрасовъ предалъ гласности свою оду въ честь Коммиссарова. Въ ней нѣтъ никакихъ выпадовъ противъ внутренней или внѣшней крамолы; стихотвореніе состоитъ исключительно въ славословіяхъ какъ по адресу государя, «что стезей многотрудной царство русское къ счастью ведетъ», такъ и по адресу Коммиссарова, «кого возрастилъ въ нѣдрахъ Руси народъ православный». Намъ уже приходилось указывать (въ «Завѣтахъ») на то, что это стихотвореніе, находящееся въ прямой связи съ «Тишиной» и нѣкоторыми другими пьесами 50-хъ и 60-хъ годовъ, не стоитъ въ особенно рѣзкомъ противорѣчіи съ общимъ настроеніемъ некрасовской музы, въ теченіе долгаго времени питавшей чувство глубокой и искренней симпатіи къ личности Александра II. Характерно, что и Герценъ не ставилъ Некрасову въ вину того, что «подвигъ Коммиссарова могъ расшевелить его демократическую музу». Тѣмъ не менѣе трудно, конечно, отрицать, что въ одѣ сказалось, употребляя современный терминъ, нѣкоторое «поправѣніе поэта», при чемъ, по всей вѣроятности,

оно было обусловлено, съ одной стороны, тѣмъ настроеніемъ, которое и Герцена привело къ сочувственному отзыву о спасеніи государя Коммиссаровымъ, съ другой—несомнѣннымъ желаніемъ отгородиться, во имя избавленія журнала отъ грозившей ему участи, отъ всякихъ подозрѣній въ близости къ каракозовцамъ. Во всякомъ случаѣ, думается, что Некрасовъ не игралъ комедіи, когда на нѣкоторыя соображенія своихъ сотрудниковъ относительно содержанія стихотворенія «рѣшительно, демонстративно и съ какою-то торжественностью заявилъ, что стихотвореніе написано имъ совершенно искренно и выражаетъ настоящія его мысли и задушевныя убѣжденія, за исключеніемъ одного пункта, и онъ указалъ при этомъ на одинъ чисто метафизическій пунктъ»[1]) (ст. Антоновича въ «Журналѣ для всѣхъ», 1903 г., № 2).

Вмѣстѣ съ одой въ честь Коммиссарова въ апрѣльской книжкѣ «Современника» за 1866 г. была напечатана статья «Современное Обозрѣніе». Не высказаться о событіи 4-го апрѣля, какъ онъ не высказывался о польскихъ дѣлахъ, «Современникъ» не имѣлъ никакой возможности: его молчаніе, безъ сомнѣнія, было бы сочтено за «знакъ согласія». Однако, въ этой статьѣ довольно явственно проведена мысль о томъ, что Александръ II, ознаменовавшій свое царствованіе рядомъ прогрессивныхъ реформъ, не долженъ подъ вліяніемъ такихъ случайностей, какъ покушеніе Каракозова, мѣнять направленіе своей внутренней политики, не долженъ забывать того, что отъ него зависитъ «будущее Россіи», «прочные успѣхи ея процвѣтанія». Какъ бы отвѣчая на завыванія впавшаго въ ярое мракобѣсіе Каткова, какъ бы стараясь предотвратить осуществленіе столь реакціонной мѣры, какъ рескриптъ 13-го мая, «Современникъ» цитировалъ извѣстныя слова государя о совершенствованіи внутренняго благоустройства Россіи, воцареніи правды и милости въ судахъ, о развитіи повсюду и съ новою силою стремленія къ просвѣщенію и о равенствѣ всѣхъ передъ лицомъ закона. «Вѣра въ эти слова,—читаемъ въ «Современномъ Обозрѣніи»,—одушевляла тѣхъ, кто находилъ въ себѣ большія или меньшія силы служить общему благу; и эта вѣра обязывала въ особенности литературу—дѣйствовать въ смыслѣ этого просвѣщенія и этой правды со всею искренностью, со всей прямотой и самоотверженіемъ, обязывала служить нравственнымъ и общественнымъ интересамъ цѣлаго, не

[1]) Рѣчь идетъ, повидимому, о послѣднемъ четверостишіи, въ которомъ сказано:

Сынъ народа! Тебя я пою!
Будешь славенъ ты много и много...
Ты великъ—какъ орудіе Бога,
Направлявшаго руку твою!

останавливаясь передъ трудными положеніями лицомъ къ лицу со страстями и интересами отдѣльныхъ частей общества. Такова была, по нашему убѣжденію, обязанность литературы, призванной къ содѣйствію въ дѣлѣ общественныхъ преобразованій. Дѣйствовать иначе «Современникъ» считалъ недостойнымъ той великой программы, которую онъ поставилъ основнымъ принципомъ и руководствомъ своей дѣятельности, хотя задача эта была не всегда легка, въ виду общественныхъ недоразумѣній и общественной непривычки къ тѣмъ широкимъ основаніямъ, на которыхъ предстояло развиваться русской жизни, выполняя путь, предназначенный ей реформами настоящаго царствованія. Съ великими предпріятіями этого царствованія, съ освобожденіемъ крестьянъ, съ общественными реформами, съ зачатками гласнаго суда, земскаго самоуправленія, свободы печати, связаны всѣ наши надежды и сочувствія; здѣсь то великое дѣло, на служеніе которому мы отдаемъ всю нашу дѣятельность».

Думается, что смыслъ этого заявленія настолько опредѣленъ, что не даетъ никакихъ основаній утверждать, что въ № 4-мъ «Современника» Некрасовъ капитулировалъ предъ надвигающейся реакціей. Если капитуляція и произошла, то отнюдь не на страницахъ журнала, а скорѣе въ стѣнахъ англійскаго клуба. Во всякомъ случаѣ, эта капитуляція была временной...

Цензированіе, а иногда непринятіе сотрудническихъ статей, напримѣръ статьи Антоновича «Объ искусствѣ», содержавшей параллель между взглядами на искусство Прудона и Чернышевскаго, разногласіе по вопросу о стихотвореніи Коммиссарову охладили и безъ того не слишкомъ горячія отношенія Некрасова и его сотоварищей по редактированію «Современника». И, вотъ, какъ разсказываетъ Антоновичъ: «въ одинъ прекрасный день», еще до своего обѣденнаго выступленія, «Некрасовъ объявилъ намъ, что онъ больше не нуждается въ нашихъ услугахъ и содѣйствіи и долженъ разстаться съ нами, что онъ только для того, чтобы не возвращать подписныхъ денегъ, доведетъ журналъ до конца года, какъ-нибудь и безъ насъ, а затѣмъ броситъ его [1]). При этомъ онъ обѣщалъ выдать каждому изъ насъ въ видѣ отступного извѣстную сумму денегъ и скоро, дѣйствительно, исполнилъ обѣщаніе въ нѣкоторой части. Такимъ образомъ, мы разстались по-хорошему, не враждебно, но и не дружелюбно, безъ сожа-

[1]) Какъ извѣстно, послѣ выхода 4-го № «Современникъ» вмѣстѣ съ «Русскимъ Словомъ» былъ запрещенъ по докладу Комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ кн. П. П. Гагарина. Объ этой Комиссіи см. ст. *П. Гуревича* «Къ характеристикѣ реакціи шестидесятыхъ годовъ» въ сборникѣ «О минувшемъ». Спб. 1909 г.

лѣнія и съ порядочнымъ осадкомъ горечи въ нашихъ чувствахъ вслѣдствіе послѣднихъ инцидентовъ. Послѣ этого вскорѣ разнесся очень достовѣрный слухъ о другомъ новомъ стихотвореніи Некрасова» (имѣется въ виду стихотвореніе къ Муравьеву) и т. д.

Г. З. Елисеевъ въ своихъ воспоминаніяхъ представляетъ дѣло совершенно иначе. По его разсказу выходитъ, что не Некрасовъ далъ отставку своимъ сотрудникамъ, а наоборотъ, сотрудники, возмущенные одой Муравьеву, покинули Некрасова. «Когда», читаемъ мы здѣсь, «вскорѣ послѣ происшествія, въ англійскомъ клубѣ, вѣроятно, въ честь высокаго довѣрія, выказаннаго государемъ графу Муравьеву въ назначеніи его слѣдователемъ, послѣднему давался обѣдъ,—Некрасову, который былъ членомъ англійскаго клуба, пришла несчастная мысль привѣтствовать графа Муравьева стихами. Графъ принялъ это привѣтствіе очень недружелюбно. На другой же день извѣстіе объ этомъ разнеслось по всему городу и потомъ появилось во враждебныхъ намъ газетахъ съ разными инсинуаціями. Насъ эта исторія повергла въ великое уныніе. Въ первый редакціонный день мы явились въ редакцію съ мрачными лицами. Напрасно Некрасовъ хотѣлъ передъ нами оправдаться, напрасно читалъ стихотвореніе, сказанное передъ Муравьевымъ, указывая, что въ немъ нѣтъ противнаго нашей честности. Весь смыслъ стихотворенія заключался, помнится, въ томъ, что поэтъ, обратясь къ Муравьеву, говорилъ: «разыщи виновниковъ и казни ихъ». Другого, конечно, и сказать было нельзя, ужъ если началъ говорить привѣтствіе слѣдователю. Но намъ претила самая инициатива и фактъ такого привѣтствія...»

Кому измѣнила въ данномъ случаѣ память—Елисееву или Антоновичу, это, на нашъ взглядъ, не такъ важно, не такъ важно потому, что мы имѣемъ фактическое основаніе утверждать, что Некрасовъ, въ дѣйствительности, не только не считалъ свои отношенія съ сотрудниками «Современника» ликвидированными, но не побоялся въ трудную минуту выразить сочувствіе одному изъ нихъ, хотя это было связано для него съ большимъ рискомъ и едва не повлекло за собой лишенія свободы и пріобщенія къ каракозовскому дѣлу. Въ концѣ апрѣля былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость Елисеевъ, которому сослужило недобрую службу его знакомство съ Худяковымъ. Самый арестъ съ сопровождавшими его и послѣдующими обстоятельствами довольно красочно описанъ въ воспоминаніяхъ жены Елисеева. Вотъ какъ, по ея словамъ, происходило дѣло: «Архангелы» пріѣхали въ три часа ночи, конечно напередъ собравши всѣ необходимыя свѣдѣнія обо мнѣ и обо всемъ, что имъ было нужно. На нашу долю

выпалъ нѣкто Теньковъ, какъ оказалось, не столь наглый, какъ прочіе; въ мою комнату, пока я не одѣлась и не вышла сама, онъ не вошелъ, постели моей не коснулся, прочую мебель осмотрѣлъ слегка и только усердно занялся моимъ письменнымъ столомъ. Точно такъ же онъ поступилъ и съ мужемъ. Во всю операцію обыска мы съ мужемъ держали себя, конечно, повидимому, спокойно; когда ему предложили взять нѣсколько денегъ, такъ какъ онъ долженъ слѣдовать, къ ихъ великому сожалѣнію, за ними,—мы только переглянулись; прощались мы, конечно, такъ же, повидимому, какъ будто онъ уходилъ на прогулку... Но когда его увезли, то мною овладѣло то отчаяніе, которое понятно только тѣмъ, кто самъ былъ въ такомъ же положеніи, а теперь, къ несчастью, понимающихъ меня очень много на Руси... Его увезли часовъ въ шесть утра; я сейчасъ же накинула платокъ и пальто и побѣжала слѣдить за каретой; скоро она отъ меня скрылась, но я по направленію только догадалась, что его провезли въ крѣпость. Не знаю, какъ прошелъ этотъ день. Я весь день проплакала, ничего не ѣла и даже никому не дала знать; однимъ словомъ, предалась вполнѣ малодушному отчаянію. На другой день часовъ въ одиннадцать, когда у меня была моя хорошая и любимая пріятельница, Евгенія Карловна Гайдебурова, мои оба брата и жена одного изъ нихъ,—является г. Теньковъ съ полиціей и понятыми, однимъ словомъ, съ достойной себя свитой. Необычайность такого событія, какъ караказовская исторія, застала общество въ самомъ, такъ сказать, младенческомъ невѣдѣніи. Такъ что появленіе Тенькова со свитою поразило насъ всѣхъ, а меня въ особенности, но также дало мнѣ хорошій толчокъ; я поняла, что не унывать, а дѣйствовать надо. Началось съ того, что онъ приказалъ впускать всѣхъ, но не выпускать никого; процедура снятія показанія со всѣхъ присутствующихъ, прислуги и даже сосѣдей продолжалась очень долго... Въ часа два во всемъ, такъ сказать, разгарѣ этой процедуры вдругъ послышался колокольчикъ. Такъ какъ въ этотъ моментъ давала показаніе я и въ своей комнатѣ, дверь которой выходила въ пріемную, то, когда Теньковъ отворилъ двери, чтобы посмотрѣть, кто вошелъ, я встала такъ же и вижу входящаго Некрасова. При видѣ его, я обратилась къ г. Тенькову и заявила, что г. Некрасова я не знаю и что это не мой знакомый. Это его, видимо, взбѣсило. «Какъ,—говоритъ онъ,—вы не знаете г. Некрасова, когда называете его Некрасовымъ, и какъ вы можете такъ храбро отрицать свое знакомство, когда живете съ г. Елисеевымъ?» Мой отвѣтъ былъ, что Некрасова нельзя не знать, живя въ Питерѣ, и что я его знаю, что онъ бывалъ

у Г. З. Елисеева, но своими личными знакомыми я считаю только тѣхъ, кого я принимаю въ своей собственной комнатѣ, а Некрасовъ никогда не переступалъ моего порога. Тогда онъ вышелъ изъ комнаты и, войдя обратно черезъ нѣсколько минутъ, съ торжествомъ сказалъ мнѣ: «Какъ же вы говорите, что Некрасовъ у васъ не бывалъ, когда ваша прислуга показываетъ противное?» Я потребовала очной ставки; позвана прислуга, которой онъ вздумалъ дать вопросъ такой: «знаю ли я Некрасова?» Тогда я попросила его поставить вопросъ категорически: видѣлъ ли кто-нибудь Некрасова въ моей комнатѣ, какъ всѣхъ прочихъ моихъ знакомыхъ? Конечно, получился отвѣтъ отрицательный. Во все продолженіе этой борьбы Некрасовъ стоялъ посрединѣ зала блѣдный, суровый. Когда былъ конченъ допросъ прислуги, то Некрасовъ, обратясь къ Тенькову, сказалъ, что онъ приходилъ къ своему сотруднику Елисееву, низко поклонился мнѣ и благополучно вышелъ. Послѣ его ухода Теньковъ, до сей поры прилично сдержанный, чуть ли не съ пѣною у рта и съ сжатыми кулаками началъ кричать на меня, что я у правосудія выхватила самую цѣнную добычу, что они много бы дали, чтобы найти какой-нибудь клочокъ или иной поводъ взять этого подлеца, что я не понимаю, какой это вредный іезуитъ, и что изъ-за него половина сидитъ, а онъ остается невредимымъ и катается въ коляскахъ, что онъ думаетъ подкупить правосудіе, написавши и читавши стихи въ честь Муравьева, но... ужъ, погоди,—не увернется онъ, не можетъ быть, чтобы нельзя было его запопасть, и пр., пр. Онъ до того взбѣсился, что мой братъ всталъ, подошелъ къ нему и сказалъ: «Г. Теньковъ, не забывайтесь, исполняйте ваше дѣло, а не впутывайте вещей, не идущихъ къ дѣлу».

«Этотъ эпизодъ я считаю необходимымъ ввести, такъ какъ онъ, кажется, единственный случай, который указываетъ de facto, что Муравьевъ имѣлъ намѣреніе арестовать Некрасова».

Едва ли кому изъ мемуаристовъ, писавшихъ о Некрасовѣ, біографъ поэта будетъ благодаренъ болѣе, чѣмъ Е. П. Елисеевой, за приведенный только что разсказъ ея. Онъ объясняетъ очень многое въ поведеніи Некрасова въ злосчастномъ 1866 году. Прежде всего становится совершенно понятной растерянность Некрасова, натолкнувшая его, какъ мы видѣли, на такого рода поступки, которые врядъ ли онъ совершилъ «въ здравомъ умѣ и твердой памяти». Растерянность эта, само собой разумѣется, проистекала отъ сознанія достаточно освѣдомленнаго благодаря своимъ обширнымъ знакомствамъ въ настроеніяхъ сферъ Некрасова, что онъ, несмотря на свои «щиты и громоотводы, — одна изъ намѣченныхъ Муравьевымъ жертвъ... Съ другой стороны,

разсказъ Елисеевой свидѣтельствуетъ о томъ, что у Некрасова не было и въ мысляхъ отрекаться отъ своихъ соратниковъ по журнальной дѣятельности, иначе не сталъ бы онъ черезъ какихъ-нибудь 3—4 дня послѣ «мадригала» посѣщать квартиру только что арестованнаго Елисеева. Въ данномъ случаѣ Некрасовымъ руководило непосредственное чувство, властно толкавшее его «въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви». Вѣдь ему, собственно говоря, было вовсе необязательно ѣхать къ Елисееву. Поступокъ Некрасова, самъ по себѣ достаточно благородный, пріобрѣтаетъ особое значеніе для характеристики его нравственныхъ свойствъ, если вспомнить, въ атмосферѣ какой общественной деморализаціи рѣшился на него Некрасовъ. Въ воспоминаніяхъ Елисеевой приводятся не безынтересные факты, характеризующіе ту растерянность, которая отразилась даже на отношеніи къ судьбѣ ея мужа тѣхъ людей, съ чьей стороны она въ правѣ была ожидать наибольшаго участія.

«Мой мужъ рекомендовалъ мнѣ,—пишетъ она,—въ случаѣ его ареста обратиться къ Антоновичу, говоря, что этотъ человѣкъ все для меня сдѣлаетъ, будетъ мнѣ дѣльнымъ совѣтникомъ и руководителемъ, что, конечно, я и исполнила послѣ посѣщенія Тенькова. Помнится, я пріѣхала къ Антоновичу подъ вечеръ; онъ и жена его, которой я до тѣхъ поръ не знала, приняли меня съ большимъ сочувствіемъ, просили бывать у нихъ, и онъ, повидимому, искренно обѣщалъ помогать мнѣ, въ чемъ можетъ, но я его у себя не видала ни разу и вообще изъ «Современника», кромѣ, какъ выше сказано, попытки Некрасова, ко мнѣ не освѣдомилась ни единая душа... Только, помню, вскорѣ послѣ ареста пріѣхалъ изъ редакціи какой-то господинъ, кажется, Розановъ, чтобы забрать газеты и статьи, и помню, какъ это меня сильно кольнуло, но послѣ Тенькова немного онъ поживился. Еще разъ изъ редакціи пріѣзжалъ, кажется, Пыпинъ и вручилъ мнѣ 300 рублей. Вотъ и все отношеніе редакціи «Современника» ко мнѣ. Къ Антоновичу я время отъ времени ѣздила. Антоновичъ такъ мало зналъ, что даже и совѣтами не могъ очень меня обогатить, онъ просилъ меня бывать у нихъ на дачѣ, куда въ скорости они переѣхали, гдѣ я и была не болѣе, кажется, трехъ разъ... Я разъ только прибѣгла къ нимъ за помощью—это тогда, какъ мнѣ сказали въ III отдѣленіи, что если бы я нашла виднаго поручителя, то моего мужа отдали бы на поруки. При такомъ извѣстіи я на крыльяхъ радости полетѣла къ нимъ съ полной увѣренностью, что поручитель ими будетъ мнѣ найденъ, тѣмъ болѣе, что передъ этимъ у нихъ же слыхала о какомъ-то родствѣ Жуковскаго съ какой-то «особой». Пріѣхала къ нимъ, у нихъ

такъ весело, празднично, и сама-то я была въ болѣе веселомъ настроеніи. Я сейчасъ же начала говорить Антоновичу о возможности освобожденія мужа и что для этого только необходимо найти «персону», онъ началъ мнѣ тутъ объяснять, что у него никакихъ личныхъ связей нѣтъ, что онъ, дескать, и радъ бы, да ничего не можетъ, а что вотъ когда придетъ Жуковскій, то, можетъ, онъ найдетъ что надо. Когда Жуковскій явился къ обѣду, то Антоновичъ передалъ ему, что для освобожднеія моего мужа требуется поручитель, и что онъ, вѣроятно, найдетъ возможнымъ обратиться къ такому-то и такому-то, на что Жуковскій отвѣчалъ, что находитъ для себя это неудобнымъ, и что вообще впутываться въ это дѣло не считаетъ безопаснымъ въ виду гоненія на «Современникъ»; и оба съ Антоновичемъ выражали сожалѣніе, что Некрасова нѣтъ, такъ какъ онъ одинъ бы могъ помочь въ этомъ горѣ. Антоновичъ, впрочемъ, посовѣтывалъ мнѣ обратиться къ бывшей Панаевой, m-me Головачевой».

Приведенныя данныя въ своей совокупности производятъ настолько опредѣленное впечатлѣніе въ пользу Некрасова, что по ихъ опубликованіи уже трудно будетъ, какъ это бывало до сихъ поръ, изрекать, «ничтоже сумняшеся», безпощаднѣйшіе приговоры Некрасову за его поведеніе весною 1866 года.

Если за это время пришлось пережить столько тяжелыхъ впечатлѣній редактору «Современника», то и положеніе его ближайшихъ сотрудниковъ нельзя признать особенно завиднымъ. Мы уже цитировали тѣ страницы изъ воспоминаній Елисеева, гдѣ онъ говоритъ о чувствѣ страха, владѣвшемъ имъ передъ арестомъ. Страхъ этотъ никоимъ образомъ нельзя признать неосновательнымъ. Еще осенью 1865 г. въ «Колоколѣ» (№ отъ 15 октября) была помѣщена статья «Казанскій заговоръ», въ которой приводились слова предсѣдателя слѣдственной комиссіи по дѣлу объ этомъ заговорѣ, Жданова, предрекавшія Елисееву и Антоновичу участь Чернышевскаго. «Мы», говорилъ Ждановъ, «слава Богу, обзавелись вѣрными людьми, теперь наша полиція не уступитъ наполеоновской, у насъ и въ вагонахъ по желѣзной дорогѣ, и за границей есть свои люди. Вотъ Чернышевскій, хотя умный каналья и язвительно смѣется, а запрятали. Мы вотъ тоже окружили глазами и ушами Антоновича съ Елисеевымъ, не увертятся...» (стр. 1688). Такимъ образомъ, еще до каракозовскаго выстрѣла названные сотрудники «Современника» были во мнѣніи властей предержащихъ людьми съ безвозвратно погибшей политической репутаціей. Само собой разумѣется, что послѣ 4-го апрѣля ихъ обреченность должна была сдѣлаться еще болѣе несомнѣнной. Въ особенно угрожаемомъ положеніи

оказался Елисеевъ. Кромѣ личныхъ отношеній съ Худяковымъ, за нимъ, какъ мы знаемъ, числились знакомства съ нѣкоторыми молодыми москвичами, оказавшимися впослѣдствіи замѣшанными въ каракозовское дѣло, и хлопоты по организаціи Мальцевскаго завода. Въ статьѣ Н. К. Михайловскаго объ Елисеевѣ (см. «Литературныя воспоминанія») приводится разсказъ самого Елисеева о мотивахъ, вызвавшихъ его арестъ, при чемъ вздорность этихъ мотивовъ обнаружена съ полною ясностью. Впослѣдствіи непричастность Елисеева была сознана самимъ Муравьевымъ, согласившимся на его освобожденіе, но пока оно состоялось, не столько Елисееву, сразу успокоившемуся послѣ того, какъ за нимъ захлопнулись ворота крѣпости, сколько его женѣ пришлось пережить не мало тяжелыхъ минутъ. Е. П. Елисеева приступала къ своимъ хлопотамъ о мужѣ, повидимому, безъ особыхъ надеждъ на успѣхъ, но ей, что называется, повезло, такъ какъ и Муравьевъ, и его помощники видѣли въ ней не гражданскую жену Елисеева, а его родственницу, каковой она, въ дѣйствительности, ему и приходилась.

«Видимость моего легальнаго положенія,—разсказываетъ Е. П. въ своихъ воспоминаніяхъ,—принесла мнѣ очень много пользы въ хлопотахъ по арестѣ моего мужа, вѣроятно, благодаря этому не только ташкентцы, которые безчинствовали въ это время въ качествѣ слѣдователей, но и самъ Муравьевъ въ отношеніи меня были относительно сдержаны. Конечно, по отношенію Муравьева скорѣе можно предположить, что я попала въ добрый часъ... Что же касается до ташкентскихъ башибузуковъ, моя легальность и присутствіе моего брата, молодого капитана сапера, имѣли внушающее вліяніе».

Тѣмъ не менѣе, на первыхъ порахъ Елисеевой пришлось очень и очень круто. Тѣ лица, на содѣйствіе которыхъ она разсчитывала, ни въ чемъ осязательномъ не проявили своего участія; денегъ у нея было мало, такъ что приходилось питаться одною смоленскою кашею... А тутъ еще слухи о томъ, что всѣмъ женщинамъ, жившимъ въ гражданскомъ бракѣ, будутъ выданы желтые билеты. Однажды къ Елисеевой приходитъ ея вѣрная и преданная прислуга Агафья, не отличавшаяся, однако, строгими нравами, «приходитъ взволнованная, въ слезахъ, и разсказываетъ, что въ лавочкѣ говорятъ, будто этотъ извергъ—Муравьевъ—хочетъ всѣмъ женщинамъ, не живущимъ съ мужьями и имѣющимъ дѣтей безъ мужей, дать желтые билеты. «Скажите, Е. П., можетъ ли это быть? правда ли это?» «Почему же,—отвѣчаю я,—все можетъ быть». «Какъ, и мнѣ и вамъ?» Я никогда не видала ее въ такомъ страшномъ раздраженіи. «Я не возьму, я имъ глаза

выцарапаю, какое имъ дѣло, я отвѣчаю передъ Богомъ», и прочее въ этомъ родѣ. На другой или третій день она опять приходитъ ко мнѣ изъ лавочки, и уже болѣе спокойная, съ извѣщеніемъ, что въ лавкѣ порѣшили, дескать, что этому не бывать, что они не допустятъ, что у этого изверга руки коротки, и пр.,—однимъ словомъ, чтобы я была покойна...»

«До меня изъ другой сферы», продолжаетъ Елисеева, «также доходили слухи о желтыхъ билетахъ, но, конечно, меня, персонально, это нисколько не безпокоило. Мнѣ даже передавали разсказъ, гдѣ одна высокопоставленная особа принимала активное участіе. Разсказъ ходилъ такого рода: Муравьевъ позвалъ къ допросу одну изъ камелій высшаго полета, и что она своимъ надменнымъ и рѣзкимъ обращеніемъ взбѣсила его, и что въ отвѣтъ на ея презрительное отношеніе онъ сказалъ ей: «Развѣ вы не понимаете, кто я и кто вы, и что я вамъ сейчасъ же могу дать желтый билетъ!» На что она, какъ говорили, преспокойно отвѣтила: «сдѣлайте одолженіе, дайте», что, конечно, взбѣсило его еще больше, и онъ велѣлъ ей тотчасъ же дать желтый билетъ. Она, говорятъ, его преспокойно взяла, мило простилась и улетѣла. Но, пріѣхавши домой, въ слезахъ представила этотъ билетъ высокопоставленной особѣ. Эта же особа, взявъ билетъ, прямо отправилась къ другой, еще болѣе высокопоставленной особѣ, которая по этому поводу сказала Муравьеву слѣдующее: «Я васъ поставилъ для разбора дѣлъ Каракозова, но ничуть не для разслѣдованія женскихъ тайнъ. И знайте, что для меня сердце женщины священно, и я требую, чтобы вы его не касались». Этотъ разсказъ ходилъ довольно открыто, но что въ немъ истина, я, разумѣется, утверждать не могу, но что это не только слухъ, а были и нѣсколько случаевъ награжденія желтыми билетами, это—фактъ, такъ что это прискорбное явленіе вызвало фиктивные браки. Не знаю лавочка ли вразумила Муравьева, дѣйствительно ли, какъ говорили, ему это было запрещено, но слухъ о желтыхъ билетахъ быстро прекратился, и моя Агафья вздохнула свободно...»

Общеніе съ тюремнымъ міромъ, въ свою очередь, было связано для Елисеевой съ цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ, а подчасъ и унизительныхъ мытарствъ. Однажды, во время посѣщенія тюрьмы, ей пришлось просидѣть цѣлый день взаперти, такъ какъ ее арестовали, принявъ не за ту, за кого слѣдовало; въ другой разъ жандармы и тюремное начальство учинили ей настоящій допросъ, желая узнать, что она писала мужу; въ третій—Елисеева должна была ограждать свое женское достоинство отъ назойливой и безцеремонной попытки вторгнуться въ область

ея интимныхъ отношеній и т. д., и т. п. Наконецъ, наступилъ рѣшающій день—день пріема у самого гр. Муравьева. «Когда,—разсказываетъ Е. П. Елисеева,—въ назначенный г. Зеленымъ часъ мы явились въ крѣпость съ приготовленной просьбой о выпускѣ намъ на поруки Елисеева, то произошла слѣдующая сцена: когда мы вошли въ пріемную, гдѣ была куча народу, но все дѣятели Муравьевской комиссіи—посторонняго никого,—то къ намъ сейчасъ же подошелъ какой-то господинъ съ вопросомъ: что намъ надо? И когда братъ заявилъ о цѣли нашего прихода, то онъ въ ужасѣ воскликнулъ, что это невозможно, что графъ здѣсь сегодня не принимаетъ никакихъ просьбъ, и когда братъ сказалъ, что мы явились по назначенію Зеленаго, то онъ отступилъ, сказавъ намъ: «Ну, какъ вамъ угодно, если хотите подвергнуться негодованію графа, то оставайтесь». Когда онъ оставилъ насъ, то мы съ братомъ осмотрѣлись и увидѣли, что отъ входной двери до противоположной двери, которая вела въ другую комнату, на разстояніи всей пріемной комнаты порядочной величины, шпалерой по обѣ стороны стояли навытяжку офицеры или, лучше сказать, эполеты, такъ, что въ промежуткѣ образовалась улица. Я предложила брату стать въ цѣпь этой свиты по срединѣ. Намъ безпрекословно, сдвинувшись, дали мѣсто, и мы стали такимъ образомъ, чтобы братъ первый подалъ просьбу. О моемъ внутреннемъ состояніи я теперь, конечно, позабыла и анализировать не могла бы; только хорошо помню, что внутри клокотало. Не знаю даже, сколько времени мы стояли, знаю только, что показалось очень долго, какъ вдругъ отдаленный шумъ, дверь быстро распахивается, и выходитъ какая-то фигура, за которой слѣдуетъ цѣлая группа эполетъ. Я поняла, что эта фигура и есть графъ Муравьевъ; конечно, мнѣ было не до наблюдательности, но все-таки эта фигура осталась въ моей памяти въ образѣ средняго роста, тучнаго, жирнаго, скорѣй кругообразнаго шара съ большой головою, съ отвисшимъ подбородкомъ чучелы. Онъ подвигался, именно не шелъ, а подвигался, медленно, опустивши голову на грудь, такъ что, казалось, въ сторону не могъ ничего видѣть. Я впилась въ него глазами, и когда онъ приближался къ брату, и мнѣ представилось, что братъ колеблется выступить, я, какъ молнія, вырываю изъ рукъ брата просьбу и выступаю со словомъ: «графъ!» Онъ остановился, головы не поднялъ, а спросилъ только: «какъ фамилія?» Я отвѣчала. Тогда онъ въ полуоборотъ немного поднялъ голову (ему, впрочемъ, высоко поднимать не нужно было, такъ какъ я маленькая) и посмотрѣлъ на меня, потомъ опустилъ голову, положилъ мнѣ на плечо руку и сказалъ тихо, такъ тихо,

что даже братъ едва слышалъ: «Я знаю вашу просьбу, успокойтесь, подождите», и съ этими словами онъ поплелся, сопровождаемый своею свитою; шпалера же оставалась неподвижно, пока онъ не скрылся за выходной дверью; только тогда шпалера смѣшалась, и многіе окружили насъ съ братомъ, поздравляя насъ съ небывалымъ успѣхомъ. Было слышно нѣсколько восклицаній: «Вотъ необычайный пріемъ!» Но мнѣ тогда это нисколько не казалось успѣхомъ, вѣдь не сказалъ же онъ: «я его выпущу завтра»,—однимъ словомъ, чего-нибудь опредѣленнаго, и пріемъ этотъ мнѣ казался чистымъ пораженіемъ, такъ что я едва удерживалась отъ слезъ. Но когда мы съ братомъ вышли во дворъ крѣпости, то, конечно, будто бы отъ усталости, сѣли на скамейку какъ разъ противъ окна камеры мужа, и тутъ-то я уже дала волю слезамъ, увидѣвъ его, вѣрнѣе сказать, его руку, кормившую голубей, которые подлетали къ его окну. Я чрезъ рѣшетку лица его ясно не видѣла; но знала, что онъ видитъ насъ, что было уже нѣкоторой радостью. Сидѣть долго намъ не дали и просили честью удалиться».

Несмотря на милостивый пріемъ Муравьева, Гр. Зах. Елисеева продержали еще нѣкоторое время въ тюрьмѣ, и лишь 22 іюля онъ былъ выпущенъ на свободу къ несказанному восторгу своей жены. «Дай Богъ,—сказалъ ей на прощаніе добродушный швейцаръ третьяго отдѣленія,—чтобы вы никогда не переступали этого проклятаго порога, гдѣ радость, какъ ваша, въ рѣдкость!..»

Чтобы полнѣе исчерпать наиболѣе интересный въ общественномъ отношеніи матеріалъ, заключающійся въ воспоминаніяхъ Е. П. Елисеевой, приведемъ изъ нихъ еще одинъ отрывокъ, въ которомъ изображаются настроенія широкихъ круговъ общества и отношеніе ихъ къ реакціоннымъ вѣяніямъ весны 1866 г., въ частности къ закрытію «Современника». «Мнѣ случилось,—пишетъ Елисеева,—какъ разъ въ тотъ день, когда было опубликовано закрытіе, ѣхать въ конкѣ, въ которой было нѣсколько моряковъ; они вели между собою разговоръ именно о закрытіи «Современника», къ нимъ пристало и еще нѣсколько лицъ мужского и женскаго пола, и, такъ сказать, вышелъ случайный диспутъ. Большинство вопило о такомъ неправильномъ дѣйствіи правительства; нѣкоторые оправдывали—въ силу необходимости. Изъ публики особенно выдавался одинъ пожилой морякъ, повидимому, отягощенный чинами, онъ такъ горячо и съ такимъ азартомъ доказывалъ, что правительство не имѣетъ права, въ виду единичнаго случая, наказывать все общество, что его дѣло наказывать свою полицію за недосмотръ и неумѣлость, а не все общество, лишая его духовной пищи, что желать, чтобы общество поглупѣло, не значитъ

желать лучшаго, и пр., и пр. И здѣсь мнѣ пришлось слышать о Некрасовѣ нелестныя вещи. Но тотъ же старикъ возразилъ, что ему нѣтъ дѣла до Некрасова, онъ знаетъ «Современникъ» и не знаетъ, какъ быть ему теперь безъ «Современника». Мое сердце радостно билось, слушая этого старика и при видѣ большинства, раздѣляющаго мою скорбь, я, конечно, и свое словечко присовокупила, не давая, само собой разумѣется, понять, что мнѣ этотъ вопросъ еще ближе, чѣмъ имъ. Я вношу и этотъ эпизодъ, такъ какъ онъ показываетъ, какъ близокъ былъ обществу литературный интересъ».

Характерно, что и въ средѣ простого народа дѣятельность гр. Муравьева и проводившаяся имъ система репрессій встрѣчала иногда нравственное осужденіе, коренившееся не столько въ сознательномъ отношеніи къ происходившимъ событіямъ, сколько въ чувствѣ извѣстной брезгливости. Уже знакомая намъ прислуга Елисеевыхъ, Агафья, при второмъ визитѣ Тенькова проявила, какъ выражается ея хозяйка, прямо-таки «рѣдкія качества». «Съ эпизодомъ по поводу Некрасова, какъ Теньковъ ни старался сбить ее, она упорно стояла на разъ данномъ показаніи. Во время ея допроса, который происходилъ за двѣ комнаты, я нѣсколько разъ слышала ея энергичныя клятвы своимъ еще непоявившимся на свѣтъ ребенкомъ, и чтобы она не разродилась, если она лжетъ, и еще эпитетъ хорошенькій.

«Послѣ окончанія Теньковскаго визита, когда мы остались однѣ, я спросила ее: «А почему вы такъ страшно клялись вашимъ будущимъ ребенкомъ и своими родами?»—Да, какъ же, К. П., онъ, живодеръ, что вздумалъ, все разспрашивалъ меня, кто бывалъ и что у насъ дѣлалось. Я все отвѣчаю, что все бывалъ хорошенькій (это Гайдебуровъ; Агафья всѣмъ вмѣсто фамиліи давала эпитеты: брюхатый, обжора, безрукій), а онъ, гадина, все допытывается: не бывалъ ли у насъ блондинъ высокаго роста, и показываетъ карточку—вотъ, дескать, въ родѣ этого?.. А я думаю себѣ: нѣтъ, живодеръ, не скажу, не назову ни одного, ни высокаго, ни блондина,—мало ли ихъ у насъ бывало, а я знаю, чего тебѣ нужно,—такъ ни одного и не назвала». Тѣмъ дѣло и кончилось, но съ той поры она стала для меня не какъ кухарка, а какъ вѣрный союзникъ, какъ другъ».

Само собой разумѣется, что изъ единичныхъ фактовъ такого рода не слѣдуетъ дѣлать общихъ выводовъ, но все же они имѣютъ значеніе, какъ иллюстрація къ настроеніямъ той эпохи...

Вернемся, однако, къ редакціи «Современника». Елисеевъ былъ, въ сущности, единственнымъ изъ тогдашнихъ руководителей некрасовскаго журнала, пострадавшимъ болѣе или менѣе

ощутительно, если брать вопросъ съ внѣшней стороны. Судебное преслѣдованіе, возбужденное противъ Жуковскаго и Пыпина за статью перваго въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Современника», окончилось пустяками. Но на внутренней духовной сторонѣ жизни нѣкоторыхъ изъ членовъ редакціоннаго кружка «Современника», главнымъ образомъ Жуковскаго и Антоновича, событіе 4-го апрѣля безспорно отразилось. Закрытіе «Современника» и разрывъ съ Некрасовымъ лишили ихъ возможности сохранить прежнее центральное положеніе въ литературѣ. Журнальная дѣятельность названныхъ писателей въ такихъ второстепенныхъ и недолговѣчныхъ изданіяхъ, какъ «Современное Обозрѣніе» Тиблена или «Космосъ», не можетъ даже итти въ сравненіе съ ихъ журнальной дѣятельностью въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, органомъ которой былъ «Современникъ». Это отчасти объясняется и тѣмъ, что въ ихъ общественномъ міросозерцаніи произошелъ нѣкоторый переломъ въ смыслѣ перехода къ болѣе умѣреннымъ взглядамъ. Объ этомъ можно судить хотя бы по программѣ «Современнаго Обозрѣнія», изъ котораго Антоновичъ и Жуковскій пытались создать заступающій мѣсто «Современника» журналъ. Въ этой программѣ было сказано, что при анализѣ вопросовъ экономической области «Современное Обозрѣніе» будетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ «задачи накопленія новыхъ богатствъ, а не перераспредѣленія старыхъ». «Эта программа,—говоритъ Елисеевъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—стояла если не въ прямой, то въ очень значительной противоположности съ программою «Современника». Главную суть своей задачи «Современникъ» поставлялъ въ томъ, чтобы кричать всѣмъ во всеуслышаніе неумолчно, что общество тогда только будетъ благоденствовать, когда научится жить по Божьему. А по Божьему жить, значитъ—тебѣ кусокъ, мнѣ кусокъ, ему кусокъ, однимъ словомъ: когда ни одинъ самый малый и незначительный членъ общества не будетъ обдѣленъ, когда всѣ будутъ имѣть по куску. Объ этомъ прямо или косвенно кричали всѣ статьи «Современника», начиная отъ первой и до послѣдней. Какъ нарочно въ послѣдніе именно два мѣсяца передъ Каракозовской исторіей г. Жуковскій явился самымъ ярымъ провозвѣстникомъ и борцомъ за эту великую идею о распредѣленіи, всецѣло занимавшую «Современникъ», въ двухъ своихъ краснѣйшаго цвѣта фельетонахъ: «о заѣданіи чужого хлѣба» и «о вопросѣ молодого поколѣнія». И затѣмъ вдругъ такой крутой поворотъ, можно сказать, salto mortale отъ проповѣдей о распредѣленіи богатствъ къ накопленію богатствъ». Это salto mortale Елисеевъ ставитъ въ связь со впе-

чатлѣніями весны 1866 г. Хотя, говоритъ онъ, «Жуковскій не сидѣлъ ни въ тюрьмѣ, ни въ крѣпости, но онъ перенесъ за все время каракозовскаго процесса, сидя у себя дома, и именно по поводу своихъ послѣднихъ двухъ фельетоновъ въ «Современникѣ», столько самыхъ томительныхъ безпокойствъ и мученій, сколько не перенесъ и даже не могъ перенести никто изъ сидѣвшихъ въ крѣпости. Очень немудрено, что въ такомъ состояніи мысль его отъ распредѣленія богатствъ повернула къ накопленію богатствъ, а потомъ впослѣдствіи въ продолженіе года вполнѣ консолидировалась на такомъ направленіи, какъ болѣе безопасномъ».

В. Евгеньевъ.

Театръ и зрители.

III. Николаевская эпоха [1]).

5.

Зрители николаевской эпохи питались иностранцами. Если бы какими-нибудь судьбами Россія была совершенно изолирована отъ вліянія Европы и цѣликомъ предоставлена самой себѣ, то литература русская, уже окрѣпшая, полная блеска и самобытности, конечно, не умерла бы, но театръ надолго прекратилъ бы свое существованіе: онъ потерялъ бы всякій интересъ для зрителей.

Чѣмъ могъ бы жить русскій театръ? Въ чемъ находилъ бы смыслъ своего существованія? Гдѣ черпалъ бы вдохновеніе? «Въ нашей исторіи,—писали «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» въ 1837 году,—столь драгоцѣнной, занимательной для всякаго русскаго, нѣтъ ничего драматическаго. Женщины, семейная жизнь не видны въ ней, а съ ними пропадаетъ и самая сильная, самая драматическая, самая разнообразная изъ страстей любовь... Честолюбіе, ненависть къ иноземцамъ и любовь къ родинѣ—вотъ главныя причины всѣхъ дѣйствій, всѣхъ преступленій, всѣхъ добродѣтелей... Современная русская жизнь содержитъ въ себѣ болѣе элементовъ драматическихъ; но эти элементы еще неспѣлы, они въ броженіи: отъ этого у насъ до сихъ поръ не было и не могло быть комедіи». Позднѣе, въ 1847 году, Ѳ. Кони писалъ въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ»: «Наша политическая жизнь слишкомъ молода, чтобы могла служить источникомъ для драмы... Наша жизнь гражданская тѣсно связана съ административною и не всѣхъ пружинъ ея можно касаться въ драмѣ... Драма изъ общественнаго современнаго быта рѣшительно невозможна; формы нашей жизни слишкомъ опредѣленны и положительны, чтобы можно было допустить мысль, что страсти у насъ могутъ иногда шагать за показанные предѣлы»...

По той или другой причинѣ, по сліянію ли нашей «граждан-

---

[1]) См. «Гол. Мин.» 1913 г. №№ 1, 2, 4, 10; 1914 г. № 3.

ской жизни съ жизнью административной», потому ли, что женщины не видны въ нашей исторіи, но иностранецъ давалъ нашему театру все: и тему, и ея разработку, и характеры, и чувства, и наблюденія, и выдумку. Даже въ патріотическихъ выступленіяхъ, въ которыхъ, казалось бы, все продиктовано именно русскими событіями и строемъ русскихъ отношеній, какъ много заимствованнаго. «Параша Сибирячка» цѣликомъ взята съ французскаго; «Ермакъ» Хомякова и всѣ добрыя лица его трагедіи, по вѣрному замѣчанію «Московскаго Телеграфа»,—«нѣмецкіе студенты, прекрасно разговаривающіе по-русски»; на другихъ пьесахъ—слѣды иноземныхъ драмъ, трагедій и мелодрамъ.

Сборная публика театровъ только отчасти знала нашу родную литературу. Большинство «бородокъ», пріѣзжихъ помѣщиковъ, мелкихъ чиновниковъ были знакомы съ ней лишь по наслышкѣ или совсѣмъ ея не знали. Какъ могли они познакомиться съ ней, когда интересъ къ печатному слову былъ до смѣшного малъ. Чтобы показать огромный успѣхъ «Московскаго телеграфа», К. Полевой указываетъ на «необыкновенно» большое число подписчиковъ новаго журнала: «Первое изданіе (кажется 700 экземпляровъ) разошлось все до выхода второй книжки; съ третьей книжки «Московскій Телеграфъ» печатался уже въ числѣ 1200 экземпляровъ: успѣхъ давно неслыханный въ тогдашнемъ журнальномъ мірѣ».

Съ новыми для себя чувствами, положеніями, событіями, съ новымъ отношеніемъ къ людямъ зрители знакомились здѣсь, въ театрѣ, и для этой публики весь громадный репертуаръ бенефисныхъ пьесъ,—мелодрамы, романтическія пьесы, чужестранныя бытовыя комедіи, незнакомыя, странныя, далекія, хотя и съ русскими именами дѣйствующихъ лицъ,—были школой, раскрывавшей невиданные до сихъ поръ горизонты. Ни Пушкинъ, ни «Мертвыя души» не дали ей, этой сборной, частью малограмотной или совсѣмъ безграмотной, публикѣ того, что получила она отъ Дюканжа, Анисе-Буржуа, Дюма, Гюго, Скриба, Делавиня и отъ ихъ русскихъ подражателей и передѣлывателей. Какъ ни парадоксально утвержденіе, будто самое ознакомленіе русскаго зрителя съ русской литературой въ значительной степени ускорено было тѣми толчками, которыя были получены любознательностью публики черезъ посредство неизвѣстныхъ или забытыхъ теперь иностранныхъ авторовъ, но принять его неизбѣжно. Иностранцы научили интересоваться тѣмъ, что безъ нихъ не обратило бы на себя вниманія. Театръ былъ отвлеченіемъ отъ обыденной жизни, обольстительнымъ разсказчикомъ о заманчивыхъ предметахъ, такихъ привлекательныхъ и неизвѣстныхъ въ обыденномъ суще-

ствованіи; онъ притягивалъ и къ себѣ, и къ тому, что сможетъ наградить аналогичными впечатлѣніями,—къ литературѣ.

Если вы просмотрите репертуаръ того времени, если вы познакомитесь съ названіями всѣхъ этихъ драмъ, «драматическихъ представленій», въ трехъ, четырехъ, пяти дѣйствіяхъ, или «отдѣленіяхъ», или «суткахъ», вы будете поражены количествомъ русскихъ пьесъ,—повидимому полнымъ опроверженіемъ того, что сейчасъ сказано. Иностранный репертуаръ слабѣе, бѣднѣе: все русскіе авторы, все наша родная драматургія. Но какъ бы ни назывались пьесы,—передѣланными, переводными или оригинальными,—это главнымъ образомъ дурные слѣпки съ хорошихъ или по большей части дурныхъ иностранныхъ образцовъ. Ихъ духовнымъ отцомъ былъ иностранецъ, ихъ первымъ воспріемникомъ—иностранный зритель.

Съ давнихъ поръ, и въ дни сатирическихъ журналовъ, и въ первые годы XIX столѣтія, и позднѣе, и въ николаевскую эпоху, не переставали раздаваться требованія «отечественнаго театра». Мнѣ уже приходилось цитировать требованіе, съ которымъ «Всякая Всячина» обращалась къ авторамъ, доказывая необходимость на сценѣ того, что насъ «ежечастно» окружаетъ. Когда Ильинъ, авторъ «Лизы» и «Рекрутскаго набора» передѣлалъ французскія пьесы, назвавъ французовъ русскими именами и кое-что поддѣлавъ подъ наше, «Русскій Вѣстникъ» (Декабрь 1808 г.) не находилъ достаточныхъ похвалъ этому дѣйствію, въ виду того, что «есть много иноземныхъ зрѣлищъ, которыя какъ будто нарочно списаны съ нашего такъ называемаго бомонда, или изящнаго свѣта» и что такимъ образомъ укрѣпляется при помощи приспособленнаго иностраннаго произведенія наша связь съ отечествомъ. Впослѣдствіи авторы добивались укрѣпленія связи съ отечествомъ при помощи русскихъ поговорокъ, вкладывавшихся въ уста передѣланныхъ иностранныхъ персонажей, и при посредствѣ переименованій французскаго «Journal des Débats» въ «Петербургскую Полицейскую Газету». Такое «укрѣпленіе связи съ отечествомъ» было неизбѣжно уже по одному тому, что театръ былъ поставленъ въ условія необыкновенно строгой цензуры. Въ 1842 году Бенкендорфъ писалъ: «Всѣ пьесы, поступающія на сцену театровъ Россійской Имперіи должны быть предварительно разсмотрѣны III отдѣленіемъ и безъ дозволенія послѣдняго представлены быть не могутъ».

Но театральная критика, «знатоки», театралы, образованные любители не унимались въ требованіяхъ «отечественнаго театра». Они, не переставая, твердили о вредѣ, глупости, пошлости и неинтересности иностраннаго репертуара. Съ тѣхъ поръ, какъ

на русской сценѣ привилась мелодрама, какъ сдѣлались обычными переводныя или передѣланныя романтическія пьесы, какъ французы залили своими романтическими произведеніями русскую сцену,—театральные рецензенты начинали и кончали свои отзывы о пьесахъ вздохами объ отсутствіи русской драмы, русской комедіи; для нихъ Дюканжъ, Пиксерекуръ—чужое, нелѣпое, безсмысленное,—дайте свое, обыденное, знакомое. Объ этомъ твердили всѣ, на этомъ сходились литературные и журнальные враги, люди различныхъ общественныхъ воззрѣній и противоположныхъ взглядовъ на цѣли искусства; относительно этого вопроса между пишущими людьми разногласія не было. Жужжала устами Булгарина и его сотрудниковъ «Сѣверная Пчела», писала «Литературная Газета», утверждали «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», настаивали сами передѣлыватели и переводчики иностранныхъ нелѣпостей. Р. Зотовъ, переводчикъ «Жизни игрока» и десятковъ другихъ иностранныхъ пьесъ романтическаго репертуара, имѣвшихъ огромный успѣхъ у публики, человѣкъ, который говорилъ въ воспоминаніяхъ: «я написалъ 117 пьесъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ(!)», такъ оцѣнивалъ свои переводы и передѣлки: «Нравственная цѣль театра уже потеряна. Авторы, какъ бы прорвавъ спасительную плотину условныхъ законовъ, пустились во всѣ преувеличенія пылкаго воображенія и наводнили литературу множествомъ чудовищныхъ драмъ, основанныхъ на однихъ эффектахъ безъ правдоподобія, а главное безъ моральной цѣли. Они, вмѣсто поученія толпы, стали раздражать ея страсти; вмѣсто изящныхъ картинъ были выставляемы безнравственныя; вмѣсто пріученія къ порядку развели идеи анархіи и разврата; вмѣсто любви къ отечеству проповѣдывали космополитизмъ; вмѣсто преслѣдованія и осмѣянія пороковъ старались дѣлать многія преступленія не только извинительными, но и интересными»... Если такъ говорилъ самъ переводчикъ заманчивыхъ пьесъ, человѣкъ, извлекавшій выгоду изъ постановки ихъ на сцену и продолжавшій, несмотря на свое негодованіе противъ разврата, вносимаго романтическимъ восхваленіемъ преступленій, переводить «безнравственное» и ставить его, то не негодовать противъ иностраннаго репертуара и не требовать русскаго репертуара человѣку, претендующему на вкусъ, очевидно, было нельзя.

Былъ моментъ, когда пожеланія отечественнаго репертуара, казалось, готовы были исполниться. Какъ въ дни войнъ, охватившихъ начало вѣка, публика своимъ настроеніемъ и молчаливымъ требованіемъ создала «Димитрія Донского» Озерова и «Князя Пожарскаго» Крюковскаго, такъ въ двадцатые годы го-

товъ былъ создаться (конечно, для части театральной публики) русскій репертуаръ, подсказанный протестующимъ настроеніемъ образованной части театральныхъ зрителей. Подъ вліяніемъ общественнаго настроенія обличалъ Шаховской, громилъ Загоскинъ,—обличали и громили по-своему, борясь лишь съ внѣшней смѣхотворностью дѣйствій; подъ вліяніемъ этого же настроенія создалась настоящая гражданская пьеса «Горе отъ ума». Но это былъ моментъ, пролетѣвшій быстро и стертый изъ памяти послѣдующими событіями. Образованная часть публики замолкла, затихла. Необразованная не хотѣла обличеній и всего болѣе не хотѣла изображенія того, что она постоянно видѣла вокругъ себя.

Какую радость могъ бы доставить среднему зрителю «отечественный» репертуаръ? Показать язвы времени? Издѣвкой править нравъ? Открыть художественность въ естественности, красоту въ обыденности? Чтобы полюбить реализмъ, рядовой зритель долженъ былъ воспитаться, и это воспитаніе дали ему тѣ часто глупыя, вздорныя, нелѣпыя иностранныя пьесы, которыя столько разъ были осмѣяны.

Каждый разъ, какъ давалась «раздирательная мелодрама», рецензентамъ предоставлялась широкая возможность проявлять свою образованность. Не было, должно быть, ни одного драматическаго жанра, который вынесъ бы столько насмѣшекъ, сколько мелодрамы, независимо отъ того, входила ли въ нихъ музыка, которая, по самому словопроизводству и первоначальной практикѣ, должна была сопровождать раздирательное зрѣлище, или не входила. Не было ничего легче, какъ показать нелѣпость большинства мелодрамъ, ихъ неестественность, чрезмѣрную сгущенность страстей и происшествій, крайности характеристикъ, черноту злодѣйствъ и снѣжную бѣлизну невинности. Не надо было обладать чрезмѣрно развитымъ художественнымъ вкусомъ, чтобы, напримѣръ, въ знаменитой «Жизни игрока» найти всѣ смертные грѣхи противъ истинной художественности. Но «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока» шла безконечное число разъ, несмотря на эти грѣхи, или вѣрнѣе благодаря имъ. Благодаря своимъ грѣхамъ противъ художественности и естественности, пьеса притягивала къ себѣ зрителей, благодаря имъ, она вмѣстѣ съ цѣлымъ сонмомъ одинаковыхъ пьесъ воспитала зрителей, познакомила ихъ съ новыми чувствами, новыми вопросами, новыми мыслями. Она измѣнила ихъ психику, подѣйствовавъ тонизирующимъ образомъ на задерживательные центры и парализовавъ импульсивность.

Среди массы презрительныхъ заключеній о негодности

чужеземныхъ пьесъ и призывовъ къ выработкѣ собственнаго репертуара,—заключеній и призывовъ, шедшихъ отъ образованной публики,—рѣдко можно было услышать голосъ рядового зрителя, его нескрываемое мнѣніе (если не считать, конечно, того безмолвнаго требованія, исполняя велѣнія котораго, театры продолжали давать мелодрамы и прочую иностранную нелѣпицу, несмотря на заявленія и протесты «знатоковъ»).

Но когда голосъ этого зрителя пробовалъ возвышаться, онъ былъ рѣшителенъ и ясенъ. Въ 1841 году Грицка Основьяненко разсказывалъ въ «Литературной Газетѣ» исторію харьковскаго театра. Былъ случай въ жизни этого театра, когда публика въ точныхъ словахъ выразила свои желанія. Купецъ съ окладистой «пушистой» бородой обратился къ управляющему театромъ съ покорнѣйшей просьбой:

— Сдѣлайте милость, батюшка, прикажите комедіантамъ «Гамлета» представить. Мы его рѣдко видимъ (надо замѣтить, что «Гамлетъ» шелъ тогда въ Харьковѣ въ ужаснѣйшей передѣлкѣ: масса герцоговъ, маркизовъ, знатныхъ рыцарей немилосердно дрались на дуэли и немилосердно убивали другъ друга).

— Помилуйте,—отвѣчалъ управляющій,—пьеса искажена въ переложеніи и какъ ужасно сыграли они еще вдобавокъ.

— Слова нѣтъ, батюшка, гадко изъ рукъ вонъ. Но изволите видѣть: все пріятнѣй видѣть на сценѣ королей, герцоговъ и другихъ героевъ, чѣмъ простыхъ дворянъ, которыхъ мы ежедневно встрѣчаемъ.

Купецъ выразилъ молчаливое желаніе безвѣстнаго рядового зрителя. Рядовой зритель не хотѣлъ обыденности, не хотѣлъ видѣть на сценѣ «дворянина», котораго и безъ того ему приходилось часто наблюдать: дайте занимательность, дайте неизвѣданное, чужое, странное и красивое,—пышные наряды королей и герцоговъ, пышныя слова, неизвѣданныя чувства, выходящія изъ всякихъ границъ страсти. Онъ смотрѣлъ на этихъ невиданныхъ и забывался, и поучался. Какъ подростокъ охотнѣе прислушивается къ мнѣніямъ посторонняго, чѣмъ къ поученіямъ морализующихъ и наставляющихъ родителей, такъ отъ герцоговъ, рыцарей и королей зритель болѣе узнавалъ, чѣмъ отъ домашнихъ резонеровъ и исправителей нравовъ. Даже тогда, когда чужое было «гадко», даже тогда, когда оно было «изъ рукъ вонъ»,—его требовала душа, къ нему стремились желанія. Слова купца—крикъ души. Всѣ приготовленныя заявленія о необходимости на сценѣ чего-то близкаго этой публикѣ, всѣ дешевыя обличенія и благоразумныя сужденія о негодности иностраннаго репертуара блекнутъ передъ откровенной просьбой. Этимъ лю-

дямъ, жившимъ прѣсной, однообразной, вялой жизнью, видѣвшимъ у сосѣда то, что ежедневно видѣли у себя, никогда не заглядывавшимъ въ чужую душу, не знавшимъ даже чужой внѣшней обстановки,—герцоги и рыцари были невиданною отрадой. Они одѣвались, ходили, говорили по-особенному, иначе обращались другъ съ другомъ, совсѣмъ по-иному поступали. Они чего-то волновались, выкрикивали грозныя рѣчи, скрещивали на груди руки, скрещивали съ противникомъ шпаги. Ихъ внѣшности отвѣчало внутреннее, непонятное, странное содержаніе. Но и недоступное для пониманія, оно все-таки было привлекательно; что-то было въ этомъ странномъ мірѣ заманчивое,—пускай противорѣчившее усвоенной морали, пускай грѣховное,—но притягивавшее какой-то непостижимой красотой. Противники чуждаго нашей жизни репертуара констатировали недолговѣчность ходячихъ пьесъ. «Что осталось отъ всѣхъ этихъ пьесъ,—спрашивалъ извѣстный въ то время критикъ и драматургъ,—годъ-два и ихъ забыли». Зачѣмъ такъ долго? Можетъ быть, не годъ, не два, а одинъ-два мѣсяца. Но развѣ одной пьесой ограничивалось вліяніе чужаго репертуара? Развѣ одна она имѣла дѣйствіе? Пьеса умирала, но возбужденное ею любопытство, воспоминанія о пережитомъ волненіи, о готовыхъ прорваться въ дѣйствіе, но своевременно сдержанныхъ чувствахъ, сохранились. За ничтожной пьесой, изображавшей невѣдомый міръ, шла другая, переносившая туда же,—и странныя чувства дѣйствующихъ лицъ становились фамильярнѣе, непонятные поступки доступнѣе, чуждыя мысли ближе. Именно «милорда глупаго» хотѣлъ рядовой зритель того времени, и этого милорда онъ не желалъ и, по справедливости, не долженъ былъ мѣнять на всѣ прелести реальнаго репертуара.

Объ его любви къ незнакомому свидѣтельствуетъ не только постоянное фигурированіе романтическихъ пьесъ въ репертуарѣ; есть и другія доказательства, которыя позволяютъ утверждать, что именно рядовой зритель,—«бородка» и бѣдный чиновникъ,—преимущественно передъ другими, шли въ театръ на представленіе приспособленныхъ пьесъ иностраннаго репертуара. Они шли;—другіе, благородные и состоятельные, ѣхали. Въ «Вѣдомостяхъ С.П.Бургской Городской полиціи» печатались одно время отчеты о числѣ театральныхъ посѣтителей и о количествѣ экипажей, ожидавшихъ выхода господъ изъ театра. Насколько точны эти цифры, сказать, конечно, трудно: можетъ быть, единицы, которыя даютъ полицейскія вѣдомости, и не вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности; можетъ быть, экипажей было на одинъ или два, или десять больше или меньше, но общая тенденція цифръ можетъ

быть легко уловлена и она указываетъ на любовь пѣшеходной публики къ извѣстнаго рода представленіямъ. Даже не зная дѣленій публики по театрамъ, можно на основаніи даваемыхъ полицейской газетой цифръ видѣть, что Михайловскій театръ былъ театръ аристократическій, что въ Александринскомъ собиралась гораздо болѣе демократическая публика, что нѣкоторыя представленія Александринскаго театра пользовались особенной любовью «простыхъ» зрителей. Вотъ напримѣръ 15 января 1842 года въ Михайловскомъ театрѣ было 460 посѣтителей (для даннаго театра эта цифра не мала), и этихъ посѣтителей ждало у выхода 87 каретъ, «прочихъ экипажей»—23, т.-е. приблизительно по одному экипажу на каждые 4 человѣка. Эта цифра съ небольшими уклоненіями остается почти для всѣхъ представленій Михайловскаго театра. Такъ въ субботу 17 января, въ бенефисъ г-жи Дюпонъ, было 560 посѣтителей, пріѣхавшихъ или уѣхавшихъ въ 130 экипажахъ, изъ которыхъ каретъ было 90, «прочихъ экипажей»—40. 15 января въ томъ же театрѣ было 360 посѣтителей, размѣстившихся при отъѣздѣ въ 71 каретѣ и въ 35 экипажахъ, которымъ, за отсутствіемъ точнаго опредѣленія, полицейская газета даетъ названіе «прочихъ». Здѣсь число посѣтителей на экипажъ едва превышаетъ цифру 3. Ясно, что большая часть публики Михайловскаго театра не знала путешествія въ театръ пѣшкомъ, что она принадлежала къ состоятельному и даже аристократическому классу, имѣвшему свои кареты.

Не то въ Александринскомъ. Здѣсь число экипажей «прочихъ» всегда почти выше числа каретъ. Но и та и другая цифра, сложенныя вмѣстѣ, всегда относительно и по большей части абсолютно ниже цифръ Михайловскаго театра. Такъ на представленіи «Гамлета», въ субботу 17 января того же 1842 года, было 525 посѣтителей. У подъѣзда ожидало каретъ—16, прочихъ экипажей—20, т.-е. на каждый экипажъ приходилось болѣе 14 человѣкъ. И это еще не самое большее. Ниже этой цифры отношеніе посѣтителей къ числу экипажей рѣдко падаетъ. Въ дни бенефисовъ, въ спектакли, позволяющіе переживать тѣ ощущенія, которыя возможны только въ далекомъ заманчивомъ и удивительномъ мірѣ герцоговъ, королей, рыцарей, игроковъ, разбойниковъ, пѣшеходы идутъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ обыкновенно; число каретъ падаетъ, несмотря на то, что общее число посѣтителей возрастаетъ. Вотъ бенефисъ Каратыгина; идетъ «Римскій боецъ». Публика наполняетъ театръ; однѣхъ каретъ ожидаетъ 47, прочихъ экипажей—32. Но для общей цифры посѣтителей число этихъ каретъ и прочихъ экипажей ничтожно.

Всѣхъ зрителей было 1450, т.-е. болѣе 18 человѣкъ на экипажъ. Приблизительно то же мы видимъ въ субботу 24 января при представленіи драмы «Отецъ и дочь»: посѣтителей 980, каретъ—28, прочихъ экипажей—30, т.-е. болѣе 17 человѣкъ на экипажъ. Въ среду 25 ноября 1842 года идетъ въ Александринскомъ театрѣ драма «Желѣзная маска» въ бенефисъ Вальберховой; посѣтителей набирается 1350, каретъ—13, прочихъ экипажей—25, т.-е. 35 человѣкъ на каждый экипажъ.

Удивительнѣе всего то, что число пѣшихъ посѣтителей по отношенію къ пріѣзжающимъ падаетъ иногда въ дни водевилей, какъ будто аристократическая, барская публика снисходительнѣе относится къ шуткѣ на русскомъ языкѣ, чѣмъ къ мелодрамамъ и другого рода драматическимъ представленіямъ, которыя она не выноситъ по-русски и охотно посѣщаетъ въ Михайловскомъ театрѣ. На представленіи 15 января въ Александринскомъ театрѣ, когда идутъ комедія «Сбритая борода», водевиль «Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины» и ком. «Мирандолина»—посѣтителей—650, каретъ—29, прочихъ экипажей—36, т.-е. по 10 человѣкъ на экипажъ.

6.

Торговцу, мирно попивавшему въ холодной лавкѣ горячій чай или сбитень изъ едва удерживаемаго въ рукахъ раскаленнаго стакана, видѣвшему вокругъ себя все тѣхъ же молодцовъ и сосѣдей, которыхъ онъ видѣлъ вчера, слышавшему однѣ и тѣ же рѣчи, знающему одни и тѣ же интересы, его молодцамъ и приказчикамъ, мелкимъ чиновникамъ, отрывавшимся въ департаментахъ отъ скрипа перьевъ для выслушиванія начальническихъ приказаній да надоѣвшихъ всѣмъ анекдотовъ, пріѣхавшему изъ захолустья на зимнее время помѣщику—новый «романтическій» и «мелодраматическій» театръ давалъ, конечно, безконечное количество всевозможной путаницы. Не все были герцоги и рыцари; были шулера, мошенники, разбойники; фигурировали,—какъ это ни странно,—въ качествѣ героевъ даже палачи, то добродѣтельные, то порочные, но всегда обуреваемые страстями, всегда далекіе и отъ обычной мелочной или оптовой торговли, и отъ суетныхъ департаментовъ, и отъ мирнаго уюта деревни. Одной изъ первыхъ пьесъ новаго жанра, прославившейся, прошедшей черезъ столичныя и провинціальныя сцены, вездѣ возбуждавшей интересъ, волненіе, страсти, была драма, въ которой соперничали лучшіе актеры того времени, въ которой заставлялъ гремѣть театръ Каратыгинъ, въ которой вызывалъ обильные слезы и

безумные аплодисменты Мочаловъ. «Тридцать лѣтъ или Жизнь игрока» долго держалась въ репертуарѣ. Ее смотрѣли всѣ,—и «хорошая публика», и публика менѣе чистая, и «бомондъ», и «знатоки», и «бородки». Ее ругали рецензенты, на ней изощряли остроуміе образованные театралы; но рядовая публика шла, проливала слезы, аплодировала, возвращалась на слѣдующее представленіе, чтобы опять плакать, восхищаться, аплодировать. Она жила смѣшанной жизнью любопытства и сочувствія.—не столько состраданіемъ къ главному лицу, не столько жалостью къ его несчастіямъ, сколько переживаніемъ его волненій. Рецензенты во множествѣ убѣждали публику, что сочувствовать некому, что герой—не жертва, а добровольный преступникъ, что онъ совершаетъ преступленія, когда этого совсѣмъ не нужно по обстоятельствамъ его же успѣха. «Можетъ ли такое лицо быть предметомъ драмы?—негодующе спрашивала въ Петербургѣ «Сѣверная Пчела».—Оно возбуждаетъ въ сердцѣ зрителя чувства ужаса и омерзѣнія, а не того интереса или участія, на которыхъ основана занимательность повѣсти или театральнаго представленія»... «Эта мелодрама,—писалъ въ Москвѣ «Московскій Вѣстникъ»,—есть живое доказательство упадка французской сцены, но не французскаго вкуса, ибо по части нельзя заключать о цѣлой публикѣ»... Удавалось ли рецензентамъ убѣдить какихъ-нибудь зрителей, трудно сказать, но большинство не убѣждалось, конечно. Какъ было не сочувствовать герою? Какъ было не сочувствовать ему въ особенности тогда, когда онъ—на сценѣ въ лицѣ любимаго петербуржцами Каратыгина или обожаемаго москвичами Мочалова? Пьеса нелѣпа,—говорили рецензенты,—не надо аплодировать, не стоитъ смотрѣть. Но публика не внимала, и сами рецензенты, глядя на ея воодушевленіе и заряжаясь имъ, удивленно пожимали плечами приговаривая: «ну, чтожъ въ добрый часъ!»

Въ добрый часъ!—привѣтствовала восторги публики слѣдовавшая за общественнымъ вкусомъ и начальственными предписаніями «Сѣверная Пчела» сейчасъ же послѣ того, какъ она доказывала ничтожество пьесы. И добрый часъ насталъ для всего этого жанра. «Отребье человѣчества».—утверждали рецензенты,—выступило на сцену. «Самая омерзительная часть человѣчества, разбойники и злодѣи, сдѣлались героями сихъ мелодрамъ и завязку пьесъ основали на порокѣ. Ядъ, ножи, кинжалы, убійство измѣны, развратъ, вѣроломство явились на сценѣ въ разныхъ видахъ—пугать зрителей и извлекать слезы зрѣлищемъ страданія и униженія невинности. Люди стали сбѣгаться въ театръ, какъ на лобное мѣсто, смотрѣть наказанія порока, полюбовав-

шись прежде нѣсколькими злодѣяніями, совершенными на сценѣ. Общій вкусъ увлекъ многихъ писателей, и театральные репертуары наполнились ужасными произведеніями, почерпнутыми изъ Архивовъ уголовныхъ судилищъ». («Сѣв. Пч.» № 6, 1828 г.).

Дѣйствительно, если бы захотѣть умышленно представить зрѣлище, абсолютно противоположное жизни, наставленіямъ, морали русскихъ зрителей того времени, трудно было бы выдумать нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ театральный репертуаръ николаевской эпохи. Мирный купецъ, боявшійся воровъ, заводившій на ночь въ своихъ лавкахъ и огороженныхъ высокими заборами дворахъ громадныхъ злыхъ собакъ и сторожей съ трещетками, долженъ былъ сочувствовать разбойнику, отрицавшему все, «законы, совѣсть, вѣру». Семьянинъ, не признававшій въ жизни возможности измѣны супружескому долгу, проникался состраданіемъ къ жертвѣ адюльтера. Блюститель нравовъ, не допускавшій въ семьѣ намековъ на какую бы то ни было незаконность отношеній между мужчиной и женщиной, присутствовалъ со своими чадами при изображеніи приключеній незаконнорожденнаго, при соблазнахъ невинныхъ дѣвицъ, при сценахъ, которыя критика съ омерзѣніемъ называла развратомъ. «Антоній, сынъ разврата,—въ негодованіи кричала «Сѣв. Пчела»,—разбирая прославившуюся пьесу Дюма,—силою совращаетъ ее (Адель) съ пути добродѣтели и, видя, что она, невзирая на послѣдній шагъ, сдѣланный ею къ разврату («чуть, чуть не на глазахъ зрителей!»—ужасается рецензентъ), не рѣшается бросить для него своей дочери и своего мужа, убиваетъ ее»... «Ядъ, кинжалъ, попойки и безпутство собираютъ обильную дань съ ребяческаго любопытства толпы»,—констатируетъ и хроникеръ «Литературныхъ Прибавленій».

Что рѣдкая изъ представленныхъ литературныхъ драмъ «романтическаго жанра» удостоивалась одобренія критики, это само собой ясно, но въ рѣдкой не отмѣчали рецензенты полнаго извращенія обычныхъ понятій о нравственности, рѣдкая не знакомила зрителя съ психологіей преступленія и паденія. Рецензентъ «Литературныхъ Прибавленій» присутствуетъ при представленіи драмы «Ричардъ Дарлингтонъ» и, дѣлясь съ читателемъ своими впечатлѣніями, начинаетъ съ обычныхъ ламентацій о паденіи театра. «Давно уже сцена потеряла свое достоинство въ отношеніи къ драматическимъ произведеніямъ; классическая трагедія исчезла, безсмертныя творенія Расина, Вольтера, Кребильона» и т. д.—слѣдуетъ обычный диѳирамбъ классикамъ, за которымъ передаются ужасы современной пьесы: герой «запираетъ дверь на ключъ и, безоружный, бросаетъ жену съ балкона въ пропасть.

Чтобъ дополнить эффектъ этой отвратительной сцены, зрителямъ были слышны стоны умерщвленной Женни»... «Мобрей,—разсказываетъ далѣе рецензентъ,—подымаетъ свой сѣдовласый парикъ и говоритъ: «я—палачъ, а это—сынъ мой»; паденіемъ на полъ Ричарда и бѣгствомъ предстоящихъ заключается драма».

Съ особенной любовью останавливаются драматурги на изображеніи постепеннаго превращенія честности въ низость, нравственности въ порокъ. Вотъ драма «Изъ тщеславія преступникъ»,—драма, происхожденіе которой не указано на афишѣ, но которая является переводомъ французской пьесы «L'Honneur dans le crime». Герой—благородный, честный человѣкъ. Его любятъ, его честность уважаютъ; онъ самъ себя уважаетъ за благородство и выше всего его чтитъ. Но обстоятельства внезапно складываются противъ него. Онъ почти невольно совершаетъ преступленіе; и тогда начинается course aux crimes,—отъ преступленія къ преступленію, отъ увлеченія къ низости, къ жестокости, къ извращенію характера. Критикъ, присутствующій при представленіи, возмущенъ: «Что это за идея?—спрашиваетъ онъ;—можетъ ли быть она терпима въ области новѣйшаго искусства? Можетъ ли она совмѣститься съ нашими религіозными и философскими понятіями?.. Такая драма—пасквиль на природу человѣческую, плодъ вкуса развращеннаго. Это—романъ Поль де Кока въ облагороженномъ видѣ, это—повѣсть Фуше. Такія драмы должны быть изгоняемы изъ нашей чистой литературы»... Варіаціи на тему «коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть» длятся во множествѣ; «пасквиль на природу человѣческую» въ разныхъ формахъ появляется на сценѣ. Страсть къ «разбойничеству» появляется и въ заголовкахъ пьесъ,—«Абелино старшій, атаманъ разбойниковъ», «Сальваторъ или Атаманъ братьевъ-невидимокъ»—и чаще въ названіяхъ дѣйствій или картинъ: «Мститель», «Убійца», «Кровавая рука». Подъ вліяніемъ общей тенденціи даже драматурги, склонные къ реализму, къ обывательщинѣ, къ мелкообличительнымъ вылазкамъ привлекаютъ на сцену цѣлые таборы разбойниковъ. Коленкоровыхъ манишекъ безпощадный Ювеналъ, кн. Шаховской, которому въ это время не везло и почти каждая пьеса котораго проваливалась, написалъ, подчиняясь общему настроенію «Двумужницу», имѣвшую большой успѣхъ, удивившій не только враждебную ему «Сѣверную Пчелу», но и его самого. Пьеса носитъ по обычаю времени второе названіе «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь». И дѣйствительно, въ ней могъ найти зритель все, что угодно. Были разбойники, похищенія, ограбленія, но были и русскія пляски, вечеринки, скопленіе бродячаго народа, обыденныя сцены, русскія поговорки, при-

баутки. Егорка Башлыкъ, крещеный татаринъ и замотавшійся купеческій приказчикъ, увезъ дочь богатаго кинешемскаго купца, женился на ней, бросилъ, присталъ къ шайкѣ разбойниковъ и сдѣлался ихъ атаманомъ. Покинутая жена, получивъ ложное извѣстіе о смерти мужа, вышла замужъ за другого; потомъ опять была похищена первымъ; отъ обоихъ имѣла дѣтей и своими приключеніями доставила много удовольствія зрителямъ. Критикъ «Сѣверной Пчелы» приписываетъ успѣхъ пьесы изображенію русскихъ нравовъ. «Ходъ сей романтической драмы... отличается круглотою и полнотою дѣйствія... Жизнь и движеніе, господствующія во всей драмѣ, весьма замѣчательны. Посему она можетъ справедливо называться первымъ образцомъ истинно-русской народной драмы, въ которой, не отступая отъ правдоподобія, представленъ бытъ и развита жизнь русскихъ людей простого званія»... Но зрителю нравился не бытъ, прельщала не жизнь русскихъ людей простого званія (по опредѣленію «Московскаго Телеграфа», это была «карикатура настоящаго народнаго разсказа»); привлекало «движеніе, господствовавшее въ драмѣ», манили необыкновенныя похожденія, запутанныя событія, разбойничья атмосфера,—все то, что тянуло его къ иностраннымъ драмамъ, что одни критики называли «пасквилемъ на природу человѣческую», что другіе опредѣляли словами: «происшествія заузливаются, отвиваются, исчезаютъ въ общемъ дѣйствіи или страшно рухаютъ безъ всякой искусственности» («Лит. Приб.», 1834 г., августъ, № 61).

Комбинировался «пасквиль», однако, съ такимъ представленіемъ о человѣческой природѣ, что трудно сказать, чего было больше — униженія или прославленія. Изображались такія страсти, такая воля, что одно знакомство съ ними должно было преисполнить зрителя удивленіемъ передъ мощью человѣческаго духа. Пятнадцать лѣтъ, напримѣръ, человѣкъ притворялся нѣмымъ и обнаруживалъ голосъ и рѣчь только для того, чтобы спасти любезныхъ ему людей. Пятнадцать лѣтъ молчать, скрывая важную тайну,—на это, конечно, способенъ не каждый зритель, да это, вѣроятно, не понадобится ни ему, ни его знакомымъ. Но именно потому-то «Нѣмой» (такъ называется пьеса) и нравится, именно потому-то онъ можетъ соперничать съ разбойниками и преступниками.

Успѣшно соперничаютъ съ ними и сумасшедшіе. Ихъ очень много. Какая-то странная форма душевныхъ болѣзней охватываетъ театральныхъ персонажей, бросаетъ ихъ въ руки психіатровъ, заставляетъ производить массу непонятныхъ и зрителю, и психіатрамъ дѣйствій. Чего-чего не дѣлаетъ помѣшанный,

въ какія глубины умственнаго потемнѣнія не погружается, какими ужасными словами и дикими жестами не обнаруживаетъ своей ненормальности! Жизнь бьетъ прекрасныя надежды, коверкаетъ разумъ, не выдерживающій муки, и передъ зрителемъ—или страшное созданіе, въ безумствѣ яростно выкрикивающее умопомрачительные монологи, или, наоборотъ, тихое существо, тоскливо и безсмысленно повторяющее одну фразу. Уже давно исчезъ поводъ, вызвавшій тяжелую болѣзнь, уже давно вернулся женихъ, хотѣвшій обмануть, но теперь раскаявшійся и мечтающій соединить судьбу свою съ несчастной больной, уже давно мужъ простилъ невиновную жену, а душевная болѣзнь продолжается, припадки слѣдуютъ одинъ за другимъ, надежды нѣтъ,—и общее горе зрителей превышаетъ скорбь дѣйствующихъ лицъ. Но удивительная форма этихъ душевныхъ болѣзней требуетъ и такого же удивительнаго лѣченія. Больные воскресаютъ при звукахъ прошлаго («Помѣшанный», «Материнское благословеніе» или «Бѣдность и честь», «Честь мужа и честь купца»); счастье возвращается. Сильныя страсти пережиты зрителемъ; ужасныя перспективы носились передъ его воображеніемъ. Гдѣ обыденная жизнь? Гдѣ однообразное существованіе лавки, департамента, канцеляріи, захолустной деревни?

Если преступники, разбойники, убійцы по недоразумѣнію, убійцы по призванію, по неожиданной случайности, по невѣрному подозрѣнію, если сумасшедшіе, тихіе и буйные, имѣвшіе поводъ для того, чтобы сойти съ ума, и неимѣвшіе его, покажутся недостаточными, если эффекты убійствъ, разбоевъ, сумасшедшихъ домовъ, «попоекъ и безпутства» представятся исчерпанными,—драматурги не затруднятся въ выборѣ новыхъ персонажей среди «отребьевъ человѣчества». Въ «Ричардѣ Дарлингтонѣ», мы видѣли, палачъ эффектно заканчиваетъ пьесу. Онъ появляется и въ другихъ твореніяхъ, иногда почти какъ герой, иногда какъ герой безъ всякаго почти. Почему въ самомъ дѣлѣ палачу не сдѣлаться героемъ? Почему не фигурировать ему въ качествѣ претендента на соисканіе монтіоновской преміи добродѣтели въ душѣ зрителей? Если В. Гюго находилъ вершины благородства въ глубочайшихъ пропастяхъ униженія, то почему не помѣститься на Монбланѣ великодушія позорнѣйшему изъ человѣческихъ отребьевъ—палачу? Амплитуда колебаній сочувствія и презрѣнія до такой степени велика, эффектъ такъ изумительно грандіозенъ. Пиксерекуръ, знаменитый авторъ невѣроятнѣйшихъ мелодрамъ, пишетъ одну изъ самыхъ невѣроятныхъ, которая подъ названіемъ «Польдеръ или Амстердамскій палачъ» представляется на Александринскомъ театрѣ. Публика является во множествѣ. «Па-

лачъ,—возмущается «Сѣв. Пчела»,—одно это имя, отвратительное въ мірѣ гражданскомъ, привлекло въ міръ театральный многочисленную публику». Что видитъ эта многочисленная публика? Ей показываютъ, какъ, затронутый въ своихъ лучшихъ чувствахъ, палачъ, поставленный въ необходимость казнить любезнаго ему человѣка, всходитъ на эшафотъ и въ отчаяніи отрубаетъ... себѣ руку.

Конечно, зритель погружался въ невообразимый сумбуръ. Онъ зналъ и чувствовалъ, что Каратыгину необходимо сострадать, что рыданія Мочалова должны вызывать его слезы. Но почему долженъ онъ былъ сочувствовать преступнику, хотя бы первоначально тотъ стоялъ на вершинѣ нравственности? Вѣдь въ обыденной жизни онъ, не колеблясь, велѣлъ бы своимъ молодцамъ скрутить ему руки покрѣпче и отправить въ полицію. Почему же здѣсь долженъ онъ былъ считать героемъ палача, отрубившаго себѣ руку, когда тотъ же палачъ проще бы сдѣлалъ, если бы навсегда отказался отъ своего позорнаго ремесла?

Конечно, въ этой путаницѣ зритель не могъ разобраться, вѣрнѣе, даже не пробовалъ. Жизнь была сама по себѣ, представленіе само по себѣ, и, послѣ слезъ въ театрѣ надъ униженіями падшихъ, можно было на слѣдующій день потѣшаться въ своей лавкѣ надъ дѣйствительными страданіями унижаемаго бѣдняка, какъ въ извѣстной картинѣ Прянишникова. Но весь этотъ «романтическій» и мелодраматическій сумбуръ наносилъ несомнѣнный ударъ представленію зрителя объ однообразіи душевнаго міра. Онъ наносилъ несомнѣнный ударъ и его ходячей морали. Вѣдь не одна только отрубленная рука палача протягивалась къ нему со сцены. Цѣлый міръ новыхъ понятій, новыхъ предписаній, новыхъ воззрѣній на человѣческія отношенія и на справедливость несся оттуда и охватывалъ зрителя совершенно неожиданными впечатлѣніями, навязывая ему прежде недоступныя заключенія. Права человѣка, сочувствіе обиженному, первыя мысли объ эмансипаціи женщины, независимость душевнаго благородства отъ той внѣшней личины, которую носитъ человѣкъ, преимущества дарованія надъ знатностью,—все то, что было запретнымъ плодомъ въ николаевскую эпоху и что несла съ собой романтическая литература вмѣстѣ съ роскошнымъ одѣяніемъ пышно выражающихъ свои мысли герцоговъ и рыцарей,—все это стало достояніемъ театральнаго зрителя гораздо раньше, чѣмъ онъ выучился усидчиво и съ интересомъ читать? Какой бы патріотической кухней ни угощали его Кукольникъ и Полевой, но тотъ же Кукольникъ, а иногда и тотъ же Полевой, подражая своимъ иностраннымъ собратіямъ, почти воспроизводя пылкія

тирады героевъ Гюго, заставляли своихъ персонажей восхвалять преимущество личныхъ заслугъ, знанія и таланта передъ правами положенія и власти. Въ «драматической фантазіи» Кукольника «Доменикино» герой произноситъ страстный монологъ въ защиту таланта противъ могущества знатнаго властелина. Цампіери, геніальный художникъ, укрывается отъ преслѣдованій и ищетъ защиты у неаполитанскаго намѣстника графа Монтерея. Графъ предлагаетъ художнику «начертить» картину по указаніямъ, которыя будутъ художнику даны, «а мы тогда разсудимъ». Цампіери отвѣчаетъ въ духѣ героевъ В. Гюго.

О, мало ли Господь вамъ даровалъ?!
У васъ въ рукахъ правленія бразды,
У васъ въ рукахъ народное богатство,
Вѣсы добра и зла, законъ, торговля;
Вы можете воздвигнуть цѣлый городъ,
Влить море на средину королевства:
Вы можете Италію обрѣзать...
. . . . . .
О, Боже мой, что можете вы сдѣлать?.
Но ни одной картины написать,
Тѣмъ больше оцѣнить у васъ нѣтъ власти.
...Что дано отъ Бога,
Того нельзя пріобрѣсти ничѣмъ,
Ни даже за испанскую корону.

Полевой, авторъ «Дѣдушки русскаго флота», «Купца Иголкина», «Параши Сибирячки»,—столькихъ патріотическихъ вещей, нравившихся Николаю и удостоившихся отъ него похвалъ и награжденій,—внѣшнюю конструкцію своихъ пьесъ, техническіе пріемы, а порою даже тему занималъ у иностранцевъ. И, производя такой заемъ, онъ не могъ не переносить и нѣкоторыхъ мыслей, встрѣчавшихся у богатыхъ иностранныхъ авторовъ, можетъ быть, не такъ, какъ Кукольникъ, не противопоставляя неосторожно талантъ и власть и не указывая на достоинства перваго и дѣйствительную бѣдность второй, но все-таки напоминая о необязательномъ сліяніи высокаго положенія и человѣческаго достоинства. Банальность патріотическихъ измышленій Полевой сопровождалъ напоминаніемъ банальной заповѣди французскихъ романтиковъ: «и въ рубищѣ почтенна добродѣтель». Въ его пьесѣ «Смерть или честь» (заимствованной изъ повѣсти Мишеля Массона) слесарь Гюгъ Бидерманъ противопоставляетъ свое достоинство чести герцога. Онъ, слесарь, обращается къ Богу съ мольбой: «Боже! Вразуми меня, какъ согласить мое праведное мщеніе съ законами совѣсти и чести», а стоя лицомъ къ лицу съ власть имущими, излагаетъ свои нравственные принципы: «И вы думаете, что если и въ самомъ дѣлѣ безславіемъ сестры моей прикрыто преступленіе другой, я передамъ вамъ тайну

несчастной женщины? Нѣтъ, Гюгъ Бидерманъ—не палачъ. Суди ее Богъ!..» И, продолжая изложеніе своихъ принциповъ, онъ говоритъ, обращаясь къ графу: «Я ставлю честь женщины за честь дѣвушки: одна герцогиня, другая мѣщанка, но честь имъ равно драгоцѣнна, какъ вамъ, графу, и мнѣ, слесарю»... Мѣщанину, третьегильдейскому купцу, молодцу чужой лавки слышать возвышенныя слова, сказанныя какъ бы отъ его имени, несмотря на все несходство съ нимъ Гюга Бидермана,—слышать эти возвышенныя слова было все-таки лестно. Казалось, что на узкомъ горизонтѣ Апраксина Двора или Ножовой Линіи появляется какое-то невѣдомое свѣтило, открывается смутно рисуемый, заманчивый и прекрасный міръ.

Вмѣстѣ съ «Абелино старшимъ, атаманомъ разбойниковъ», съ «Сальваторомъ, атаманомъ братьевъ невидимокъ», со всѣми видимыми и скрытыми разбойниками зритель видѣлъ и настоящихъ шиллеровскихъ «Разбойниковъ», видѣлъ «Донъ Карлоса». «Разбойниками» могъ наслаждаться и зритель дней Александровыхъ прекраснаго начала. Но тогда онъ мало воспринималъ ихъ; «Разбойники» не производили впечатлѣнія, и Коцебу былъ куда предпочтительнѣе. Но въ эпоху торжества мелодрамы и романтизма на русской сценѣ монологи Карла Моора имѣли гораздо большій эффектъ, чѣмъ прежде. Хотя искаженные переводомъ и цензурой, они привлекали зрителей и нравились; нравился и «Донъ Карлосъ», искаженіе котораго доходило до геркулесовыхъ столповъ. «Московскій Вѣстникъ» жаловался на изуродованіе нѣмецкаго оригинала на русской сценѣ. «Жалко было смотрѣть и на изуродованныхъ «Разбойниковъ», но искаженіе «Донъ Карлоса» несравненно прискорбнѣе для всѣхъ почитателей знаменитаго германскаго драматурга... Всѣхъ болѣе пострадалъ несчастный маркизъ Поза... Поступки его—загадка для зрителей, ибо характеръ ни мало не развернутъ; Филиппъ—сумасбродъ, а послѣдняя сцена съ Донъ Карлосомъ—безсмыслица». Журналъ не хвалитъ и Мочалова въ роли Позы (рѣчь идетъ о бенефисѣ Мочалова 3 января 1830 года): «Онъ впадалъ въ такую тривіальность, что многія выходки можно было почесть истинно комическими». Въ Петербургѣ также указываютъ на искаженія оригинала. «Необходимость заставила переводчика сократить пьесу и сдѣлать нѣкоторыя въ ней перемѣны». Но въ общемъ рецензенты довольны: роль Донъ Карлоса исполнялась Каратыгинымъ «отчетисто и превосходно»; маркиза Позу игралъ Борецкій: «высокія истины этого идеала, выражаемыя г. Борецкимъ, проникали въ душу слушателей». Опѣ «проникали» не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, гдѣ такъ «тривіаленъ»

былъ Мочаловъ и гдѣ вся пьеса въ искаженномъ переводѣ казалась рецензенту загадкой. Публика радовалась; она, говоритъ хроникеръ, «осыпала рукоплесканіями тѣ мѣста, за которыя его (Мочалова) освистали бы въ Парижѣ, и молчала тамъ, гдѣ онъ былъ превосходенъ,—ибо все-таки онъ имѣлъ минуты превосходныя»...

И «Разбойники», и «Донъ Карлосъ», и пьесы Гюго, и другія литературныя произведенія, соединяясь съ макулатурой въ монологахъ, открывали Америку полуграмотному зрителю. Конечно, онъ усвоивалъ далеко не все въ «правахъ человѣка», въ «эмансипаціи» униженныхъ, въ восторгахъ передъ добродѣтелью, которая «и въ рубищѣ почтенна». Конечно, пытаясь воспроизвести поразившій его на сценѣ монологъ, онъ декламировалъ: «изумлю міръ злодѣйства, и упокойники въ гробахъ спасибо скажутъ, что умерли». Конечно, ему случалось смѣяться въ «Отелло»: «Во многихъ сценахъ, гдѣ великій художникъ Брянскій такъ искусно и вмѣстѣ такъ натурально изображалъ глубокое коварство и сатанинскую изворотливость Шекспирова Яго, въ театрѣ слышался громкій хохотъ, какъ при представленіи какого-нибудь водевильнаго фарса». Темный и невѣжественный зритель съ трудомъ доводилъ до сознанія смутную неразбериху впечатлѣній отъ быстро слѣдовавшихъ одна за другой бенефисныхъ пьесъ. Но необычное дѣйствовало, не только возбужденіемъ жажды новыхъ необычайностей, но и нѣкоторыми выводами, нѣкоторымъ подстегиваніемъ лѣниваго и мало подвижнаго ума.

7.

Жажда необычайнаго росла съ ея удовлетвореніемъ. Отъ исполнителей такъ же, какъ отъ пьесъ, ждали новыхъ и новыхъ «захватываній». Каратыгина и Мочалова цѣнили, главнымъ образомъ, за то, что они на сценѣ живутъ тѣмъ, чѣмъ не живетъ въ обычной жизни зритель. Петербургъ любилъ Каратыгина; Москва обожала Мочалова. Въ отличіяхъ обоихъ актеровъ хотѣли видѣть различіе зрителей. Каратыгинъ былъ болѣе искусство,—слѣдовательно Петербургъ былъ просвѣщеннѣе въ требованіяхъ; Мочаловъ былъ болѣе нутро,—слѣдовательно Москва оставалась ближе къ непосредственности, къ природѣ. Такъ говорили. Быть можетъ, если бы судьба распорядилась иначе и Петербургъ былъ осчастливленъ постояннымъ пребываніемъ въ немъ Мочалова, а на Московской сценѣ выросъ Каратыгинъ,—каждый артистъ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, собиралъ бы столько же лавровъ,

сколько теперь. Во всякомъ случаѣ въ требованіяхъ, предъявлявшихся къ тому и другому артисту со стороны рядового зрителя, большой разницы не было.

Каратыгинъ игралъ по выработанному и утвержденному имъ образцу, это—правда. Мочаловъ сегодня могъ играть такъ, завтра иначе, и это—правда. Но оставляя въ сторонѣ разницу талантовъ и внѣшнихъ особенностей, мы видимъ, что публика-то цѣнила въ нихъ болѣе всего вспышку, вопль, рыданіе, безудержное выраженіе страсти. Каратыгинъ обнаруживалъ большую искусственность въ безудержности, но безудержнымъ былъ и старался быть. Мочаловъ въ моменты вдохновенія былъ натурально безудержнъ, но за это-то натуральное неумѣнье сдержать себя его особенно и любила публика. Оцѣнивая моменты игры обоихъ актеровъ, «знатоки» нерѣдко расходятся съ рядовыми зрителями; достается и Каратыгину, и Мочалову; осуждаютъ и перваго, и второго за то, чему особенно страстно аплодируетъ рядовая публика. Но массовой зритель и послѣ этихъ сужденій знатоковъ остается «неизмѣненъ и великъ». Ему нужно громкое выраженіе бушующей страсти; онъ жаждетъ того, чего не видитъ въ жизни. Въ первыя два представленія «Жизни игрока» Каратыгинъ играетъ сравнительно просто или, какъ говорили тогда, «со строгой отчетностью», но вотъ при третьемъ представленіи въ моментъ, когда игроку говорятъ: «на рукахъ твоихъ видна кровь», Каратыгинъ начинаетъ вытирать руки и,—разсказываетъ современникъ,—потихоньку «скользитъ ногою такъ, что сперва очутился онъ на колѣняхъ, а потомъ и совсѣмъ на полу». «Эта неестественная поза,—продолжаетъ наблюдатель,—произвела фуроръ въ толпѣ, и съ тѣхъ поръ это движеніе осталось традиціей, хотя оно и было противно здравому смыслу»... Ну, конечно, не «хотя», а именно потому, что противорѣчило здравому смыслу и было далеко отъ дѣйствительности, но въ то же время указывало на сильное душевное волненіе, на забывшую здравый смыслъ страсть,—оно и было оцѣнено толпой. «Съ тѣхъ поръ,—съ сокрушеніемъ констатируетъ Р. Зотовъ,—замѣтили мы несчастную страсть въ Каратыгинѣ выходить вездѣ изъ естественности и искать аплодисментовъ судорожнымъ хохотомъ, рѣзкими жестами, криками и преувеличеннымъ выраженіемъ чувствъ».

Повидимому, это замѣчаніе справедливо. Совершенно невѣрно предположеніе, будто Каратыгинъ—актеръ высокаго искусства, но сравнительно неяркаго таланта. О размѣрахъ таланта сейчасъ судить очень трудно, но о родѣ того искусства, которое онъ олицетворялъ собой, мы можемъ быть только одного мнѣнія. Изъ многочисленныхъ отзывовъ современниковъ, лежащихъ сей-

часъ передъ нашими глазами въ видѣ выдержекъ изъ журналовъ, газетъ, спеціальныхъ изданій того времени, Каратыгинъ рисуется актеромъ, понимавшимъ, что естественностью, простотой, строго обдуманной и согласной съ характеромъ изображаемаго лица игрой многаго достигнуть у публики нельзя. Онъ и не стремился къ простотѣ. Въ этомъ отношеніи Мочаловъ, у котораго въ распоряженіи находились средства поднять выраженіе необузданной страсти до верха силы, могъ итти дальше: онъ могъ допускать естественность въ слабости, чтобы потомъ сдѣлать болѣе эффектной и сильной «огнедышащую лаву» своихъ страстей. Въ противоположность тому, что обыкновенно говорятъ, можно утверждать, что у Мочалова было больше настоящаго искусства, чѣмъ у Каратыгина, что ему удавалось, если и не всю роль съ начала до конца, то часть ея исполнить внѣ расчетовъ на эффектъ.

Каратыгинъ лучше Мочалова зналъ зрителей, лучше Мочалова умѣлъ всегда, во всякій моментъ, воспользоваться этимъ знаніемъ. Мочаловъ, несмотря на свое заявленіе Аксакову, что онъ долженъ угождать рядовому зрителю, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ угождалъ ему вполнѣ. Но въ минуты вдохновенія онъ былъ художникомъ не потому только, что могъ яростно изображать огнедышащія чувства, но и потому, что оттѣнки страстей были ему доступны. Каратыгинъ не зналъ оттѣнковъ. Была одна роль, въ которой онъ былъ дѣйствительно художественно хорошъ: роль Людовика XI въ «Заколдованномъ домѣ». Хитрость, злобность, трусость, жестокость Людовика, вся сложная гамма страстей, свойственная низкому, скрытному, коварному и кровожадному характеру французскаго короля, изображалась имъ, повидимому, внѣ зависимости отъ того, какое впечатлѣніе произведетъ его игра на рядового зрителя. Даже Бѣлинскій, безъ восторга относившійся къ Каратыгину, признаетъ, что «въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ вы видите характеръ историческаго Людовика XI». Въ большинствѣ же ролей Каратыгинъ помнилъ зрителя, слушался его, ради него и по волѣ его былъ искусственнымъ на сценѣ. Въ противоположность утвержденіямъ онъ былъ гораздо болѣе героемъ толпы, чѣмъ Мочаловъ. Если въ сквернѣйшіе моменты Мочаловской игры публика неистово аплодировала и кричала, это не значило, что она довольна именно этимъ мѣстомъ: она просто любила Мочалова за другіе моменты и эту любовь ему высказывала. Во всякомъ случаѣ, это мѣсто онъ исполнялъ такъ не по ея требованію. Каратыгина же петербургская рядовая публика оцѣнивала всегда; онъ оралъ, онъ скользилъ ногой, онъ неистовствовалъ или падалъ въ обморокъ,— она знала, что именно такъ и нужно скользить, орать, падать,—

она этого требовала, и онъ это дѣлалъ. Между Каратыгинымъ и Мочаловымъ главная разница (внѣ зависимости отъ размѣровъ и, такъ сказать, тембра таланта) состояла въ умѣньѣ перваго и въ неспособности второго въ каждый моментъ исполнить требованія зрителей.

Современный Каратыгину критикъ, оцѣнивая его игру, находитъ, повидимому, въ дарованіи артиста большое разнообразіе средствъ, совершенную мимику и богатство оттѣнковъ. «Трагическія способности Каратыгина многообразны, изобрѣтающи и почти во всѣхъ драмахъ близки къ совершенству. Но главное достоинство его состоитъ въ мимикѣ, и лучшія роли его не тѣ ли, въ коихъ онъ можетъ начинать и доканчивать рѣчи лицомъ, взорами, тѣлодвиженіями? Поразившія москвитянъ формы его положеній суть только части его глубокой чувствами и многомысленной мимики» (Лит. Приб. къ «Русск. Инвал.», августъ 1833 г.). Но опредѣляя далѣе, въ чемъ и какъ всего болѣе проявляется эта мимика въ пьесѣ «Преступленіе», критикъ сознается: «Яркое же проявленіе этой мимики и выраженій г. Каратыгина есть то время, въ которое совершилось преступленіе или несчастье, когда уже ворвалась въ душу злоба, безнадежность и отчаяніе. Онъ рѣдко извлекаетъ слезы особенно голосомъ; но при видѣ его мученическаго лица, его наружности, полной страданія, сердце зрителя замираетъ, какъ въ собственномъ несчастіи. Еще сильнѣе онъ дѣйствуетъ ужасомъ, выраженіемъ отчаянія или той горькой ироніи, даже эпиграматической насмѣшки, которая однакожъ не веселитъ, а давитъ, рѣжетъ сердце... Во всемъ сіяніи онъ является тогда, когда бури души уже поднимаются». Еще болѣе раскрываетъ критикъ истинное направленіе каратыгинскаго искусства, когда говоритъ о паденіяхъ артиста на полъ. Къ нимъ искусный актеръ прибѣгаетъ часто. «Паденіе г. Каратыгина всегда сопровождается громкими рукоплесканіями зрителей, хотя бываютъ иногда слишкомъ непредвидѣнныя, иногда неумѣстныя и невольно нравятся только совершеннымъ исполненіемъ его».

Вообще,—говоритъ другой критикъ,—«можно, кажется, замѣтить, что этотъ художникъ (Каратыгинъ) всегда бываетъ отлично хорошъ въ изображеніи характеровъ рѣзкихъ, пламенныхъ и страстныхъ; характеры отвлеченные, германски-идеальные выражаются имъ слабѣе и не такъ удовлетворительно». Въ другой разъ критикъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Зачѣмъ это всегдашнее стараніе, уходя со сцены, кстати и некстати напрягать свой голосъ и выкрикивать слова рѣчи, какъ будто бы напрашиваясь на аплодисманъ? Это недостойно великаго таланта, какимъ мы привыкли считать г. Каратыгина».

Бурю, поднимающуюся въ душѣ, страсть, не могущую сдержать себя, внѣшнее выраженіе потрясенной души въ крикѣ, воплѣ, въ паденіи на полъ, въ судорогахъ отчаянія или въ изступленіи страсти,—вотъ, что хочетъ показать Каратыгинъ, вотъ, что цѣнитъ публика, вотъ для чего она смотритъ драмы. Напрасно «знатоки» говорятъ: «Не ходите смотрѣть Каратыгина въ роли Отелло, Донъ Карлоса, Чацкаго, Кина, даже Фердинанда: это роли какъ бы не его; онъ мало вникаетъ въ нихъ, ищетъ въ нихъ пустыхъ эффектовъ и часто злоупотребляетъ средствами, дарованными ему природой; но подите посмотрѣть его, напримѣръ, въ роли Вальполя или въ его лучшей роли Людовика XI въ «Заколдованномъ домѣ»,—тутъ вы постигнете всю обширность, можно сказать, необъятность его сценическихъ способностей. Вы не услышите ни разу тѣхъ криковъ, тѣхъ ненатуральныхъ возгласовъ, которые такъ нравятся толпѣ» (Лит. Приб. къ «Русск. Инвал.», 1837 г. № 23). Изъ статьи Бѣлинскаго мы знаемъ, что какъ разъ въ лучшихъ мѣстахъ «Заколдованнаго дома» «никто не хлопнулъ» Каратыгину. Толпа оцѣниваетъ въ Каратыгинѣ «крики и ненатуральные возгласы». Она любитъ его паденія, его судорожно-изступленную мимику, отражающую «бурю страстей», какъ въ Мочаловѣ ей нравится дышащая огнемъ страсть. Въ знаменитой, столько разъ уже упоминавшейся здѣсь, пьесѣ «Тридцать лѣтъ или Жизнь игрока» оба артиста играютъ различно, но оба нравятся своимъ зрителямъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ страсть не имѣетъ ничего общаго съ обыденностью, а можетъ быть, и съ дѣйствительностью. «Характеръ Жоржа (Жоржъ де Жермани—главное лицо пьесы), изображаемый Каратыгинымъ,—говоритъ критикъ,—есть чудовищное произведеніе природы. Это—человѣкъ, который съ порока, свойственнаго многимъ людямъ въ 1790 годахъ (съ карточной игры), казалось, шагнулъ рѣшительно на всѣ роды преступленій. Каратыгинъ является на сценѣ въ какомъ-то изступленіи. Его обращеніе съ престарѣлымъ отцомъ своимъ, дерзость его мимики, когда онъ выслушиваетъ наставленія родительскія, все показываетъ уже въ немъ закоренѣлаго злодѣя, вмѣсто юноши, только что предавшагося игрѣ и старающагося скрыть сіе отъ отца и невѣсты. Г. Мочаловъ характеръ Жоржа создалъ иначе и удачнѣе. Пылъ ревности и жажда мести поставили Жоржа въ лицѣ г. Мочалова на стезю злодѣйства; дотолѣ онъ былъ только молодой, неопытный игрокъ, разумѣется, всегда готовый на подтасовку и на передержку. Въ тѣхъ сценахъ, гдѣ Жоржъ является уже преступникомъ, омочившимъ руки въ крови ближняго, Каратыгинъ далеко превосходитъ московскаго артиста; но сцены перваго

и нѣкоторыя второго акта (или вторыхъ сутокъ) выполнены были г. Мочаловымъ, если не съ большимъ искусствомъ, то, по крайней мѣрѣ, съ большимъ чувствомъ». Это говоритъ петербургскій критикъ, естественно болѣе расположенный къ Каратыгину, чѣмъ къ Мочалову. Московская критика, конечно, находитъ въ игрѣ Мочалова гораздо болѣе моментовъ сильныхъ и захватывающихъ. Особенно восторгается «Московскій Телеграфъ» (1829 г.) послѣдней сценой, когда Жоржъ «мощными руками схватываетъ дьявола Вернера и, влача его въ пламенѣющую хижину, изображеніе ада, съ неистовымъ крикомъ восклицаетъ: «Теперь пойдемъ, злодѣй, я отъ тебя не отстану! клянусь въ томъ адомъ». Зритель, самый равнодушный и давно привыкшій къ театральнымъ эффектамъ, не можетъ слышать сихъ изступленныхъ криковъ безъ невольнаго трепета».

Москва и Петербургъ соперничали и спорили: первая хвалилась Мочаловымъ, второй славословилъ Каратыгина. Когда Каратыгинъ пріѣзжалъ въ Москву, то исконные москвичи, чувствуя ревность, заранѣе возставали противъ пріѣзжаго и готовили ему недружелюбную встрѣчу. Въ 1841 году Каратыгинъ уже не въ первый разъ посѣщалъ Москву; уже онъ завоевалъ публику; и тѣмъ не менѣе,—разсказываетъ московскій корреспондентъ петербургской газеты,—«едва онъ показался на сценѣ, театръ потрясся отъ аплодисментовъ и браво, и вдругъ среди этого общаго восторга и привѣта слышно было нѣсколько шичковъ. Во время игры его, восхищавшей зрителей, и въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ иные старались расхолодить этотъ общій восторгъ. Въ лучшихъ сценахъ поднимали шопотъ, при вызовахъ вызывали другихъ актеровъ, поднимали смѣхъ. Я замѣтилъ одного молодца, который постоянно при вызовѣ Каратыгина отворачивался отъ сцены»... Но ревность не препятствовала въ концѣ-концовъ найти въ игрѣ прославленнаго артиста именно то, чего искалъ и петербургскій, и московскій зритель. Московскіе корреспонденты петербургскихъ газетъ послѣ «шичковъ» и неуважительныхъ выходокъ нѣкоторыхъ зрителей констатировали необычайный успѣхъ петербургскаго артиста у московской публики. «Стеченіе зрителей необычайное,—писалъ въ «Сѣверную Пчелу» ея корреспондентъ о бенефисѣ Каратыгина въ Москвѣ,—цвѣтъ московскаго общества въ бель-этажѣ и бенуарахъ; дамы лучшаго тона даже въ ложахъ перваго яруса (чудо небывалое!), громъ рукоплесканій, неумолкавшее браво... Послѣ второй пьесы петербургскіе актеры были вызваны два раза кряду и, при этомъ нововведеніи, всѣ крики слились въ одинъ огромный, оглушающій гулъ. Когда вышелъ на сцену актеръ, чтобы объявлять

слѣдующій спектакль, раздались голоса: «Еще! еще! Коварство и любовь! Эссекса! Валерію!» Когда же объявили о вторичномъ представленіи Эссекса и Валеріи, то опять раздались: «Браво! Коварство и любовь!»

Интересно, что вызовъ актеровъ «два раза кряду» считается какой-то невиданной демонстраціей, «нововведеніемъ», которое указываетъ на особый успѣхъ. Цвѣтъ московскаго общества и дамы лучшаго тона оцѣниваютъ Каратыгина, но оцѣниваетъ его и рядовой зритель, выражающій свои восторги именно въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ «цвѣты» и «лучшій тонъ» не могли его одобрить. И оцѣниваетъ его потому, что—московскій или петербургскій, чужой или свой—Каратыгинъ все-таки артистъ толпы: для нея его искусство, для нея «изступленные возгласы» и паденія на полъ. Бѣлинскій черезчуръ строго оцѣниваетъ Каратыгина въ сравненіи съ Мочаловымъ, но онъ вполнѣ правъ, когда говоритъ: «Каратыгинъ вполнѣ разгадалъ нашу публику и глубоко понялъ ея требованія... Если же онъ иногда уже черезчуръ пересаливаетъ, такъ это оттого, что онъ испытываетъ, понравятся ли публикѣ его новыя выдумки». Вотъ это пониманіе Каратыгинымъ публики, выражающееся въ выдумкѣ новыхъ трюковъ для пріобрѣтенія ея благосклонности, заставляетъ «знатоковъ» не всегда одинаково оцѣнивать игру знаменитаго артиста. Корреспондентъ «Репертуара и Пантеона» находитъ игру Каратыгина въ «Гамлетѣ» неудовлетворительной. «Да проститъ намъ артистъ, если мы упорно держимся своихъ старыхъ мнѣній. Гамлетъ внѣ его средствъ; въ Гамлетѣ равно дурны и онъ, и Мочаловъ, несмотря на восторги Москвы и на статьи «Наблюдателя»,—къ идеалу Гамлета подходилъ немного только Эмиль Девріентъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ». Но другіе критики уже не могутъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, созданнаго согласіемъ Каратыгина съ требованіями зрителей; они не только не смѣютъ свое сужденіе имѣть, но въ похвалахъ не знаютъ границъ, для прославленія не вѣдаютъ предѣловъ. Критикъ «Литер. Приб. къ Русск. Инвал.» пишетъ 6 ноября 1837 года: «Въ нѣкоторыхъ представленіяхъ Гамлета слушатели были невольно поражены игрою Каратыгина и единодушнымъ восторгомъ изъявляли свою благодарность нашему славному художнику... По общему сознанію, теперь на европейской сценѣ никто не въ состояніи исполнить въ такомъ совершенствѣ роль Гамлета». Если вспомнить, что по опредѣленію тогдашней критики роли «германски-идеальныя» не удавались Каратыгину и онъ особенно хорошъ былъ въ сценахъ наружнаго проявленія «душевной бури» и «изступленной страсти», то можно представить себѣ, что это

былъ за Гамлетъ. Но и «знатоки» находили, что Каратыгинъ для Гамлета лучшій исполнитель въ Европѣ. Да и трудно было знатокамъ высказывать свое настоящее мнѣніе. Такъ недавно еще получила печать право сужденія объ игрѣ артистовъ. «Позволительны сужденія о театрѣ и актерахъ, когда бы оные зависѣли отъ частнаго содержателя, но сужденія объ императорскомъ театрѣ и актерахъ, находящихся на службѣ его величества, почитаются неумѣстными во всякомъ журналѣ», — говорили когда-то правила, установленныя начальствомъ.

Актеры находились въ удивительномъ положеніи: съ одной стороны ихъ третировали, какъ рабовъ, говорили «ты», сажали въ «трубную», грозили солдатчиной и даже дѣйствительно отдавали въ солдаты; съ другой,—запрещая писать рецензіи объ игрѣ, ихъ ставили въ положеніе какой-то жены Цезаря, по отношенію къ которой невозможно даже подозрѣніе. Какъ только дѣло касалось печати, вспоминали, что актеры находятся на службѣ его величества, «поэтому обсуждать ихъ дѣйствія, а тѣмъ болѣе относиться къ онымъ неодобрительно значило такъ или иначе косвеннымъ образомъ задѣвать само правительство». Это не мѣшало самому театральному начальству, въ случаѣ надобности, выставлять жену Цезаря на публичную казнь. «Двѣ молоденькія актрисы,—разсказываетъ А. И. Шубертъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—сдѣлались матерями. Долго онѣ скрывали свое положеніе, но, наконецъ, нельзя было скрывать. Начальство узнало и, оскорбленное въ своей нравственности, придумало наказаніе. Обѣихъ заставили играть въ пьесѣ «Новички въ любви», гдѣ двѣ дѣвочки въ бѣлыхъ коротенькихъ платьицахъ и панталончикахъ, какъ тогда одѣвали дѣтей, и въ локончикахъ, высказываютъ желаніе выйти поскорѣе замужъ, плачутъ, топаютъ ножками... Это было ужасное представленіе—фигуры дѣвочекъ на 7-мъ или 8-мъ мѣсяцѣ беременности»... Но когда дѣло касалось печати, презрѣнное существо, актеръ, становилось на пьедесталъ въ сравненіи съ еще болѣе презрѣннымъ журналистомъ.

И когда сужденія объ игрѣ артистовъ уже были дозволены, когда прошли многіе годы пользованія этимъ правомъ, неожиданности, выражавшія презрительное и недовѣрчивое отношеніе начальства къ журналистикѣ, продолжались. Въ 1843 году въ «Русскомъ Инвалидѣ» было напечатано, что пѣвица Віардо-Гарсіа наканунѣ привела въ восторгъ всю публику Большого театра. На самомъ дѣлѣ спектакль былъ отмѣненъ и Віардо не пѣла. За такую провинность велѣно было посадить автора замѣтки на недѣлю на гауптвахту, а «Русскому Инвалиду» запретить писать о театрѣ (Бар. Дризенъ. «Матеріалы къ исторіи русскаго театра», стр. 136). Въ 1848 году «Полицейскимъ Вѣдо-

мостямъ» было запрещено писать о театрѣ изъ-за чрезмѣрныхъ похвалъ, расточавшихся газетой по адресу игры Косицкой. Гедеоновъ ходатайствовалъ, чтобы это было сдѣлано, и его ходатайство удовлетворили. Выдержка изъ письма гр. Бенкендорфа кн. Волконскому, приводимая бар. Дризеномъ въ указанныхъ «Матеріалахъ», еще болѣе рѣзко подчеркиваетъ бдительно-недовѣрчивый и презрительный взглядъ на отзывы печати о театрѣ. «Его величество высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ доложить вашей свѣтлости, что вообще разборъ театральныхъ пьесъ долженъ относиться къ похвалѣ или умѣренному осужденію сочиненія и игры артистовъ, а не къ исторіи, которую г. критикъ безъ всякой нужды присоединилъ къ предмету, который изъ сферы чисто театральной выходить не долженъ». (Дѣло шло о рецензіи Р. Зотова, упомянувшаго о Василіи Темномъ).

Эти запреты, внушая страхъ журналистамъ, не препятствовали, впрочемъ, рецензентамъ допускать далеко не «умѣренныя» осужденія нѣкоторыхъ артистовъ; рецензенты легко выходили изъ приличнаго тона тамъ, гдѣ чувствовали себя безнаказанными. «Сѣверная Пчела», напримѣръ, не стѣсняясь, говорила, что такого-то актера не мѣшало бы высѣчь: «Видя г. Маццу въ роли Чельзо (опера «Элиза и Клавдій»), мы вѣрили, что невозможно найти актера хуже его. Но г. Рамазановъ разувѣрилъ насъ въ этомъ, превзойдя г. Маццу. Онъ даже не изволилъ порядочно выучить своей роли. Непростительно это и артисту заслуженному, пріобрѣтшему прежними трудами своими снисхожденіе слушателей; а молодой человѣкъ, который, едва вступивъ въ театръ, пренебрегаетъ своими ролями, заслуживаетъ то, что заслужилъ бы онъ въ школѣ (разумѣется, въ старину), если бы не выучилъ своего урока»... Но развязный тонъ допускался по отношенію къ незамѣтнымъ, малымъ или почему-нибудь гонимыхъ высшими. Большихъ охраняло начальство и оберегала сама публика.

Когда «Литературныя Прибавленія» осудили игру Каратыгина въ «Отелло», довольно рѣзко подчеркнувъ разницу съ «истиннымъ великимъ художникомъ» Брянскимъ, со всѣхъ сторонъ посыпались возраженія: не только «Сѣверная Пчела» горячилась, но и читатели «Литературныхъ Прибавленій» возстали противъ осужденія кумира. Посыпались письма, возраженія, статьи; газета принуждена была печатать объясненія; она долго вертѣлась, не зная, какъ ликвидировать непріятный инцидентъ, восхваляла Каратыгина въ дурныхъ роляхъ, но и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получались еще возраженія и жалобы на обиду (№№ 1, 31, 33, 34, 35).

Чтобы показать несовершенство или негодность игры артиста

въ нѣкоторыхъ сценахъ, критикъ «Литературной Газеты» прибѣгалъ къ особому пріему. Онъ дѣлилъ игру Каратыгина въ одной пьесѣ на мѣста, гдѣ артистъ былъ «вообще хорошъ», гдѣ онъ былъ «превосходенъ» и гдѣ «не дуренъ». «Не дуренъ былъ Каратыгинъ тамъ, гдѣ патетизмъ роли ошибочно увлекалъ его въ крайнюю степень драматической горячности; всѣ эти страшные, потрясающіе зданіе театра крики и сопровождавшія ихъ черезчуръ трагическія тѣлодвиженія, конечно, производятъ на массу сильное впечатлѣніе и даже заставляютъ ее неистово рукоплескать тамъ, гдѣ она, быть можетъ, оставалась бы безмолвною; но все-таки нельзя не согласиться, что это нѣсколько утрировано, лишено естественности». Рецензентъ указывалъ далѣе на «мужественную крѣпость голоса, который въ нѣкоторыхъ сценахъ необъятною силою и стальною упругостью потрясалъ своды театра, подобно грому»...

Каратыгинъ зналъ публику, и публика ясно показывала ему, что она удовлетворена. Она любила его, и любила за то же, за что другая, московская, публика любила Мочалова. Несмотря на различіе обоихъ артистовъ, несмотря на «умную», какъ утверждали одни, игру Каратыгина, на непосредственную, какъ увѣряли другіе, игру Мочалова, обоихъ любили за одно и то же: за умѣнье показать полную безудержность страстей, чуждую, непонятную зрителю, но заманчивую и по своему красивую жизнь. Перечитайте знаменитую статью Бѣлинскаго о Мочаловѣ въ «Гамлетѣ». Вспомните, какъ Мочаловъ «однимъ львинымъ прыжкомъ, подобно молніи, съ скамеечки перелетаетъ на середину сцены и, затопавши ногами и замахавши руками, оглашаетъ театръ взрывомъ адскаго хохота»... «Онъ опять захохоталъ и въ неистовомъ одушевленіи метался по широкой сценѣ»... «Адскій хохотъ», «неистовое одушевленіе» и—Гамлетъ! слабая воля передъ огромной задачей и—«громадная душа, потрясенная безконечной страстью»... Ясно, что и Мочаловъ, подобно Каратыгину, игралъ не Гамлета. Да и Бѣлинскій сознается: «Мы видѣли Гамлета, художественно созданнаго великимъ актеромъ, слѣдовательно, Гамлета живого, дѣйствительнаго, конкретнаго, но не столько шекспировскаго, сколько мочаловскаго... Актеръ самовольно отъ поэта придалъ Гамлету гораздо болѣе силы и энергіи, нежели сколько можетъ быть у человѣка, находящагося въ борьбѣ съ самимъ собой и подавленнаго тяжестью невыносимаго для него бѣдствія, и далъ ему грусти и меланхоліи гораздо менѣе, нежели сколько долженъ ее имѣть шекспировскій Гамлетъ».

Меланхолію и грусть не могъ цѣнить рядовой зритель, онъ ихъ не зналъ въ дѣйствительности, не могъ цѣнить и на

сценѣ. И это не находится въ противорѣчіи съ его любовью на сценѣ къ неиспытанному и неизвѣстному. Конечно, онъ любилъ и цѣнилъ въ театрѣ только утрированныя выраженія испытываемыхъ дѣйствующими лицами волненій; но это было лишь расширеніе знакомой сферы доступныхъ чувствъ. И въ жизни онъ любилъ, негодовалъ, отчаявался,—только онъ чувствовалъ слабѣе и выражалъ волненіе тише, чѣмъ Каратыгинъ и Мочаловъ. Преувеличенія въ доступной ему сферѣ эмоцій были ему пріятны, и онъ искалъ ихъ. Но меланхолія, грусть, мечтательность жили въ совсѣмъ иной, сейчасъ чуждой ему, сферѣ. Мечтательности научили его уже потомъ театръ и въ особенности литература. Теперь же сильныя или слабыя ея выраженія, естественныя или преувеличенныя, до него просто не доходили. Ему нуженъ былъ Гамлетъ, дѣлавшій «львиные прыжки», разражавшійся «адскимъ хохотомъ», выражавшій «бѣшенное и желчное негодованіе», обладавшій «громадной душой, потрясенной безконечной страстью»,—Гамлетъ мочаловскій и каратыгинскій, но не шекспировскій.

Можетъ быть, ни въ чемъ не обнаруживаются такъ ясно требованія русскаго рядового зрителя, какъ въ разницѣ игры актеровъ французскихъ и русскихъ. Они играютъ приблизительно тѣ же пьесы,—вѣдь все производства французскаго,—но до русскаго зрителя похожденія французскихъ разбойниковъ, шулеровъ, палачей и сумасшедшихъ доходятъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они воспринимаются французскими зрителями. Кто знаетъ, понравилась ли бы русскому рядовому зрителю французская пьеса въ своемъ неиспорченномъ видѣ? Чтобы дойти до сердца зрителей, она должна усугубить свои сильныя стороны, стереть все то, что придаетъ ей правдивость и жизненность въ глазахъ французскаго или русскаго образованнаго зрителя. Г-жа Каратыгина на Александринскомъ театрѣ и г-жа Бурбье на Михайловскомъ изображаютъ одну и ту же г-жу Мюльдорфъ въ пьесѣ «Une Rivale», переведенной на русскій языкъ подъ названіемъ «Все для дочери». Г-жа Каратыгина—одна изъ любимѣйшихъ и наиболѣе почитаемыхъ актрисъ Александринскаго театра; къ ея имени относятся съ уваженіемъ; говоря о ней, рецензенты обнаруживаютъ тотъ же піэтетъ, который неизмѣненъ въ статьяхъ объ ея мужѣ и о Мочаловѣ. Талантъ признанъ публикой; игра этой же публикой оцѣнена, хотя рецензенты сквозь хоръ похвалъ и стремятся по большей части сдѣлать слышной отрезвляющую ноту, которая показываетъ, что съ ихъ точки зрѣнія далеко не все обстоитъ благополучно въ этой оцѣненной игрѣ и въ этомъ признанномъ талантѣ. «Боже мой,—восклицаетъ

невыдержавшій, наконецъ, обѣта молчанія рецензентъ,—Боже мой! Какая безконечная разница (между Каратыгиной и Бурбье)! Въ одной все натяжно, все разложено на пустые эффекты, въ другой все—натура, все—жизнь; въ одной вы видите какое-то напряженное усиліе несвойственнымъ ей голосомъ выговаривать нѣкоторые звуки, которые оттого стучатъ и шипятъ въ ушахъ вашихъ самымъ непріятнымъ образомъ; въ другой благородство и простота на каждомъ шагу обличаютъ талантъ неподдѣльный, не нуждающійся въ вспомогательныхъ средствахъ, т.-е. трескучихъ эффектахъ, и потому производящій всегда эффектъ не ложный, достойный искусства» («Лит. Приб.» 1837 г. № 34).

И, конечно, «благородство и простота» въ мелодрамѣ не были бы оцѣнены русскимъ зрителемъ.

И. Игнатовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири[1]).

I.

Петрашевскій на каторгѣ.

Изъ числа осужденныхъ военнымъ судомъ петрашевцевъ девять человѣкъ должны были отбывать наказаніе въ Сибири. На основаніи конфирмаціи государя 19 декабря 1849 г. подлежали каторжной работѣ въ рудникахъ: Петрашевскій—безъ срока, поручики Н. А. Момбелли и Н. П. Григорьевъ—15 лѣтъ, штаб.-капитанъ Ѳ. Н. Львовъ—12 лѣтъ, Н. А. Спѣшневъ—10 лѣтъ, С. Ѳ. Дуровъ и Ѳ. М. Достоевскій—каторжной работѣ въ крѣпостяхъ 4 года, а потомъ отдачѣ въ рядовые, И. Ястржембскій и Феликсъ Г. Толль—каторжной работѣ на заводахъ, первый 6 лѣтъ, второй 2 года. Остальные петрашевцы были осуждены отбывать наказаніе въ Европейской Россіи. Въ предписаніи военнаго министра генералъ-губернатору Западной Сибири 22 декабря 1849 г. сообщалось, что Петрашевскій отправленъ закованнымъ въ сопровожденіи жандарма и фельдъегеря въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ, а остальные 8 человѣкъ будутъ препровождены туда такимъ же образомъ двумя партіями. При этомъ военный министръ сообщалъ волю государя, чтобы эти преступники «въ полномъ смыслѣ слова были арестантами соотвѣтственно приговору. Облегченіе ихъ участи въ будущемъ времени должно зависѣть отъ ихъ поведенія и Монаршаго милосердія, но отнюдь не отъ снисхожденія къ нимъ ближайшаго начальства. Для неослабнаго и строгаго за ними надзора должны быть назначены надежные чиновники подъ личною отвѣтственностью мѣстныхъ

---

[1]) О предшествующей жизни Петрашевскаго см. мою статью въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г. №№ 1—4, 6, 8, 11, 12. Настоящая статья составлена, кромѣ печатныхъ источниковъ, по многимъ неизданнымъ матеріаламъ, почерпнутымъ изъ архивовъ, а также и сообщеннымъ родными Петрашевскаго, преимущественно покойною сестрою Петрашевскаго, Александрою Васильевною (по мужу Семевскою), а также и его племянникомъ В. П. Деморомъ, которому выражаемъ искреннюю благодарность. О матеріалахъ, сообщенныхъ другими лицами, будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

гражданскихъ губернаторовъ», которые о поведеніи этихъ ссыльныхъ обязаны ежегодно доносить государю въ собственныя руки. Петрашевскій былъ отправленъ въ Сибирь въ этотъ самый день, 22 декабря, съ мѣста объявленія приговора на Семеновскомъ плацу, Спѣшневъ, Григорьевъ и Львовъ, приговоренные также къ ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ Восточной Сибири, отправлены на слѣдующій день, 23 декабря, и, наконецъ, Дуровъ, Достоевскій, Ястржембскій и Толль 24 декабря [1]), а Момбелли съ разрѣшенія государя былъ оставленъ въ петербургской крѣпости для леченія.

Въ письмѣ къ матери Петрашевскій писалъ: «Не буду говорить, что вытерпѣлъ я во время моего содержанія въ крѣпости: это превосходитъ всякое вѣроятіе [2]). Тоже не дай Богъ терпѣть лихому татарину, что потерпѣлъ я проѣздомъ, не отдыхая ни часу въ теченіе 11-дневнаго пути съ курьеромъ изъ Петербурга въ Тобольскъ. И дальнѣйшее странствіе отъ Тобольска не сладко, а просто мучительно... Но минута, въ которую раздѣлилъ со мною полуголодный, подобно мнѣ несправедливо угнетенный, кусокъ скуднаго хлѣба, донесенный злою невзгодою съ далекаго запада въ холодную Сибирь, полна сладости, которой не вкушаютъ властители милліоновъ [3])».

Подробности о путешествіи въ Сибирь Петрашевскій въ своемъ письмѣ не сообщаетъ, но это сдѣлали его товарищи по ссылкѣ [4]). Ѳ. М. Достоевскій въ письмѣ къ брату Михаилу отъ 22 февраля 1854 г.,—первый разъ когда ему представился случай написать письмо, не подлежащее перлюстраціи,—разсказываетъ, какъ ихъ троихъ—Дурова, Ястржембскаго и его (о Толлѣ Достоевскій не упоминаетъ, значитъ его везли отдѣльно) заковали въ кандалы, въ которыхъ ходить было чрезвычайно неудобно, затѣмъ «посадили въ открытыя сани, каждаго особо, съ жандармомъ, и на четырехъ саняхъ, фельдъегерь впереди», отправили изъ Петербурга. Ихъ везли, минуя Москву, по петербургской, новгородской и ярославской губерніямъ. «Городишки рѣдкіе, неважные... Мы мерзли ужасно», говоритъ Достоевскій. «Одѣты мы были тепло, но просидѣть, наприм. часовъ 10, не выходя изъ кибитки, и сдѣлать

---

[1]) По свидѣтельству же Достоевскаго первые трое 25 декабря. «Рус. Стар.», 1885 г. № 9, стр. 512.

[2]) Ср. мои статьи о Петрашевскомъ въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г. №№ 11 и 12.

[3]) «Былое» 1906 г. № 2, стр. 249. Ср. «Голосъ Минувшаго», 1913 г. № 12, стр. 82—83.

[4]) Я вообще въ этой статьѣ часто говорю и о Спѣшневѣ, и о Львовѣ, такъ какъ ихъ жизнь въ Сибири была тѣсно связана съ жизнью Петрашевскаго.

пять, шесть станковъ было почти невыносимо. Я промерзалъ до сердца и едва могъ отогрѣться потомъ въ теплыхъ комнатахъ... Въ Пермской губ. мы выдержали одну ночь въ 40°.. Довольно непріятно. Грустная была минута переѣзда черезъ Уралъ. Лошади и кибитки завязли въ сугробы. Была метель. Мы вышли изъ повозокъ,—это было ночью, и стоя ожидали, покамѣстъ вытащатъ повозки. Кругомъ снѣгъ, метель». 11 января 1850 г. они пріѣхали въ Тобольскъ, и послѣ представленія начальству и обыска, во время котораго отобрали всѣ деньги, Достоевскій, Дуровъ и Ястржембскій были отведены въ особую каморку, а Спѣшневъ и другіе, пріѣхавшіе раньше, сидѣли въ другомъ отдѣленіи, и вторая и третья партія «почти не видались другъ съ другомъ» [1]).

Львовъ такъ описываетъ свое пребываніе въ Тобольскѣ. Его подвезли къ острогу и ввели въ приказъ о ссыльныхъ. Чиновникъ спросилъ Львова, нѣтъ ли у него денегъ, и, когда тотъ отвѣтилъ, что принадлежащіе ему сто рублей находятся у сопровождавшаго его казака, взялъ ихъ, пересчиталъ и отдалъ Львову, предупредивъ, что ихъ снова отберутъ въ острогѣ, при чемъ посовѣтовалъ не оказывать сопротивленія при обыскѣ. Въ острогѣ старикъ-смотритель приказалъ позвать кузнеца. Львовъ надѣялся, что его раскуютъ, и ему удастся перемѣнить нижнее бѣлье, надѣтое уже три недѣли тому назадъ, но смотритель приказалъ заковать покрѣпче, несмотря на то, что ноги были до крови стерты кандалами. Затѣмъ Львова посадили въ маленькую каморку, въ которой «три стекла небольшого окна были разбиты и держались только примерзшимъ къ нимъ снѣгомъ и льдомъ». Одинъ уголъ былъ на аршинъ занесенъ снѣгомъ. Львову принесли чашку щей, кусокъ хлѣба и кубическій вершокъ говядины, и затѣмъ заперли. Онъ заснулъ въ промежуткѣ между снѣжною горою и окраиною окошка. На другой день его перевели въ общую камеру, гдѣ было около 60 арестантовъ, и гдѣ его научили переодѣвать бѣлье, не снимая оковъ, а также посовѣтовали подать прокурору жалобу на то, что на него надѣли кандалы, между тѣмъ какъ закованіе въ кандалы значится первымъ въ спискѣ тѣлесныхъ наказаній, отъ которыхъ дворяне освобождены, что онъ и исполнилъ при посѣщеніи тюрьмы прокуроромъ. На другой день съ Львова

---

[1]) «Рус. Старина», 1885 г. № 9, стр. 512—514. У Дурова были отморожены пальцы на рукахъ и ногахъ, и ноги сильно изранены кандалами. У Достоевскаго еще въ Алексѣевскомъ равелинѣ открылись «золотушныя язвы» на лицѣ и во рту; Ястржембскій отморозилъ себѣ кончикъ носа. (Воспоминанія Ястржембскаго). *О. Ѳ. Миллеръ*. «Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго. Полное собраніе сочиненій Достоевскаго». 1883 г. т. I, 126.

сняли оковы, но онъ приписываетъ это особой протекціи. Въ тобольской тюрьмѣ Львовъ просидѣлъ болѣе мѣсяца [1]).

Въ Тобольскѣ о заключенныхъ петрашевцахъ заботились, какъ о родныхъ, жены декабристовъ—Муравьева, Анненкова съ дочерью и Фонвизина. «Участіе и живѣйшая симпатія», говоритъ Достоевскій, «почти цѣлымъ счастьемъ наградили насъ... Что за чистыя души, испытанныя 25-лѣтнимъ горемъ и самоотверженіемъ. Мы видѣли ихъ мелькомъ, ибо насъ держали строго. Но онѣ присылали намъ пищу [2]), одежду, утѣшали и ободряли насъ. Я, поѣхавши налегкѣ, не взявши даже своего платья, раскаялся въ этомъ... Мнѣ прислали платье». Во время объявленія приговора на Семеновскомъ плацу Спѣшневъ простудился, и въ Тобольскѣ докторъ, декабристъ Вольфъ, замѣтилъ у него начало чахотки, но въ благопріятномъ для такихъ больныхъ климатѣ Восточной Сибири онъ вылечился.

Дальнѣйшую дорогу петрашевцы-каторжане, назначенные въ Восточную Сибирь (Петрашевскій, Спѣшневъ, Львовъ и Григорьевъ) прошли пѣшкомъ [3]) въ одной партіи.

Когда о прибытіи въ Иркутскъ Петрашевскаго съ товарищами доложили генералъ-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, у него сидѣлъ жандармскій генералъ Ѳ. Д. Казимірскій, гуманно относившійся къ декабристамъ и пользовавшійся ихъ расположеніемъ. Муравьевъ попросилъ его навѣстить петрашевцевъ и освѣдомиться, не нуждаются ли они въ чемъ-нибудь. Тѣ отвѣчали отрицательно, и лишь когда Казимірскій сталъ настойчиво указывать на то, что продолжительное заключеніе и путешествіе по сибирскимъ этапамъ подвергли ихъ многихъ лишеніямъ, и вновь спросилъ, не пожелаютъ ли они чего-либо, то Спѣшневъ, поблагодаривъ за вниманіе, признался, что бутылка лафита доставила бы ему большое удовольствіе. Муравьевъ немедленно приказалъ отнести узникамъ нѣсколько сохранившихся у него бутылокъ этого вина [4]).

---

[1]) *Ѳ. Львовъ* «Выдержки изъ воспоминаній ссыльно-каторжнаго». «Современникъ», 1861 г., т. 89, стр. 107—127.

[2]) Изысканный обѣдъ съ винами, по свидѣтельству Ястржембскаго.

[3]) *Ѳ. Львовъ*. «Выдержки изъ воспоминаній ссыльно-каторжнаго». «Современникъ», 1862 г. т. 91.

[4]) «Воспоминанія (декабриста) А. Ф. Фролова». «Рус. Старина» 1882 г. № 5, стр. 475. Когда гр. А. Ѳ. Орловъ въ маѣ 1850 г. запросилъ мнѣнія Муравьева объ облегченіи участи государственныхъ и политическихъ преступниковъ въ Сибири (политическими называли тамъ поляковъ), то Муравьевъ, ходатайствуя за декабристовъ и поляковъ, въ заключеніи письма къ Орлову (3 августа 1850 г.) говоритъ: «я не дерзаю сказать какого-либо мнѣнія моего объ облегченіи участи пяти лицъ» (считая и Момбелли), «прибывшихъ сюда въ каторжную работу въ нынѣшнемъ, 1850 г., по заговору, въ 1849 г. открытому, по недавности ихъ прибытія и потому, что я ни одного изъ нихъ еще не видалъ». *Ив. Барсуковъ, «Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій»*, II. 63.

Путь изъ Иркутска пришлось совершить опять пѣшкомъ, о чемъ Львовъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности. Между Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ партіи попался добрый партіонный офицеръ, старикъ-капитанъ, которому не давали роты за гуманное отношеніе къ нижнимъ чинамъ. Въ жаркій день онъ разрѣшилъ расковать арестантовъ и дозволить имъ выкупаться въ озерѣ около одного этапа. Тронутые довѣріемъ къ нимъ, арестанты обѣщали, что всѣ вернутся и не подвергнутъ его отвѣтственности, и сдержали слова.

На другой день послѣ прибытія въ Нерчинскій заводъ Львова (а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и его товарищей по ссылкѣ) потребовали въ присутствіе горнаго правленія, гдѣ находились горный начальникъ, его помощникъ, три совѣтника и доктора. Начальникъ объяснилъ ему, что отобранные у него въ Тобольскѣ сто рублей отошлютъ въ Шилкинскій заводъ (куда были назначены Львовъ и Петрашевскій), и тамъ управляющій округомъ будетъ выдавать ему изъ этихъ денегъ, сколько понадобится. Узнавъ, что Львовъ знаетъ французскій и нѣмецкій языки, горный начальникъ сообщилъ ему, что у нихъ будетъ хорошій управляющій и сказалъ, что «Шилка самое здоровое мѣсто» и потому здоровье Львова тамъ поправится.

Разстояніе до Шилкинскаго завода, около 160—180 верстъ (версты были, кажется, 700-саженныя), пришлось опять пройти пѣшкомъ. На пути дана была дневка, передъ тяжелымъ переходомъ (верстъ въ 70) чрезъ высокій хребетъ, въ селеніи Култумѣ, гдѣ Львовъ познакомился съ политическими ссыльными поляками-шляхтичами, которые вообще мало сближались съ русскими. Подъемъ на горный хребетъ, густо поросшій лѣсомъ, тянулся верстъ 30; дорога была такъ ужасна, что приходилось спотыкаться на каждомъ шагу или проваливаться въ ямы, занесенныя снѣгомъ.

Въ Шилкинскомъ заводѣ (или по просту Шилкѣ), растянувшемся версты на двѣ по берегу рѣки этого имени, было до трехъ тысячъ жителей. Нѣсколькихъ, живших тамъ и временно пріѣзжавшихъ туда, купцовъ привлекали сюда начинавшіе развиваться Карійскіе золотые промыслы и возможность очень выгодно пріобрѣтать краденое золото. Добрый управляющій объявилъ Львову, что ему придется провести сутки-другія на гауптвахтѣ, а потомъ позволилъ ему жить на квартирѣ въ увѣренности, что онъ не злоупотребитъ своею свободою. Та же льгота была распространена и на товарищей Львова—Петрашевскаго и Григорьева [1]).

Населеніе Шилкинскаго завода состояло преимущественно изъ

[1]) *Ср. Б. В. Струве.* «Воспоминанія о Сибири. 1848—1854 г.» Спб. 1889 г., стр. 110.

семействъ отставныхъ горныхъ служителей, изъ сосланныхъ безъ срока, которые были уволены отъ работъ, изъ служащихъ въ конторѣ и на заводѣ и урочниковъ, отбывавшихъ свой урокъ въ заводѣ или на золотыхъ промыслахъ.

Родные Львова были люди бѣдные, и онъ не могъ разсчитывать на ихъ помощь; мать Петрашевскаго была, напротивъ, богата, но чрезвычайно скупа; къ тому же она не любила сына. Къ счастью для Львова, государственнымъ преступникамъ не запрещали тогда заниматься преподаваніемъ, и ему предложили частные уроки, правда за ничтожное вознагражденіе (по 2—3 р. съ ученика въ мѣсяцъ), но такихъ учениковъ у него нашлось 8—10 (дѣти чиновниковъ, рабочихъ, ссыльно-каторжныхъ), и, при казенномъ провіантѣ (по 2 пуда муки) и жалованьѣ ($57^1/_2$ коп. въ мѣсяцъ), можно было перебиваться, хотя жизнь была дорога (такъ напр. сахаръ стоилъ 70 коп. фунтъ). Успѣхи маленькой школы Львова возбудили зависть къ нему въ другихъ учителяхъ, и одинъ изъ нихъ, отставной унтеръ-шихтмейстеръ, грозилъ донести, что Львовъ, который долженъ былъ содержаться въ тюрьмѣ и ходить на работы, учитъ дѣтей. Но этого учителя удержали отъ доноса прежніе его товарищи по службѣ, отцы учениковъ Львова. Другой учитель сталъ нашоптывать священнику, что Львовъ тайный іезуитъ, такъ какъ, не ограничиваясь обученіемъ дѣтей по катехизису, заставляетъ ихъ читать Евангеліе и объясняетъ его, но Львову удалось успокоить священника.

Однако все же нашелся чиновникъ, выслужившійся изъ унтеръ-шихтмейстеровъ, который донесъ, что Петрашевскаго и его товарища содержатъ не строго. Доносъ былъ вызванъ злобою на слѣдователя, пріѣхавшаго изъ Иркутска и посѣтившаго нашихъ каторжанъ; въ немъ было указано на ихъ льготное положеніе, и слѣдствіемъ его былъ строжайшій выговоръ и подтвержденіе не допускать относительно государственныхъ преступниковъ никакихъ послабленій и содержать ихъ въ строгомъ заключеніи. Одновременно съ этимъ перемѣнился и управляющій, мѣсто его занялъ старичокъ, хотя и очень добрый, но страшный трусъ. Петрашевцамъ пришлось просидѣть мѣсяцевъ восемь «чуть не подъ замкомъ, и всякій выходъ ихъ былъ оплаченъ двугривеннымъ въ пользу унтеръ-офицера, представлявшаго собою военную власть».

Въ письмѣ къ матери о своемъ путешествіи въ Сибирь, цитированномъ выше, Петрашевскій просилъ прислать ему сочиненіе Распайля «Médecin de soi même», руководствуясь которымъ онъ «вылечилъ почти разслабленную», Органическую Химію того же автора и лучшіе новѣйшіе курсы по физіологіи и анатоміи на

французскомъ языкѣ [1]). Письма этого мать Петрашевскаго не получила, такъ какъ оно застряло въ ТретьемъОтдѣленіи: ссыльнокаторжнымъ запрещено было писать письма, хотя и не запрещалось получать официальнымъ путемъ письма, посылки и деньги.

Весною 1852 г. въ Шилкинскій заводъ былъ командированъ морякъ Сгибневъ для постройки парохода на деньги, пожертвованныя золотопромышленникомъ Кузнецовымъ. Кромѣ офицеровъ расположеннаго здѣсь баталіона, онъ встрѣтилъ въ ссылкѣ нѣсколько поляковъ, сосланныхъ въ этотъ баталіонъ на службу, и «государственныхъ преступниковъ» Петрашевскаго и Львова, которыхъ народъ называлъ «секлетными» (т.-е. секретными). Петрашевскій и Львовъ, по словамъ Сгибнева, «считались только въ работахъ, но жили на свободѣ, нанимали маленькую квартиру, нуждались въ средствахъ къ жизни и жили уединенно»[2]). Мать Петрашевскаго, какъ увидимъ, мало помогала сыну, преимущественно вслѣдствіе страшной скупости, но кромѣ того она была такъ напугана его арестомъ, слѣдствіемъ и допросами, что «боялась съ кѣмъ бы то ни было разговаривать о немъ». Сгибневъ отмѣчаетъ, что Петрашевскій былъ человѣкъ энциклопедически образованный, но, вѣроятно, на основаніи отзывовъ мѣстныхъ чиновниковъ, упоминаетъ объ его «безпокойномъ характерѣ».

Въ томъ же 1852 г. Шилкинскій заводъ посѣтилъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ [3]).

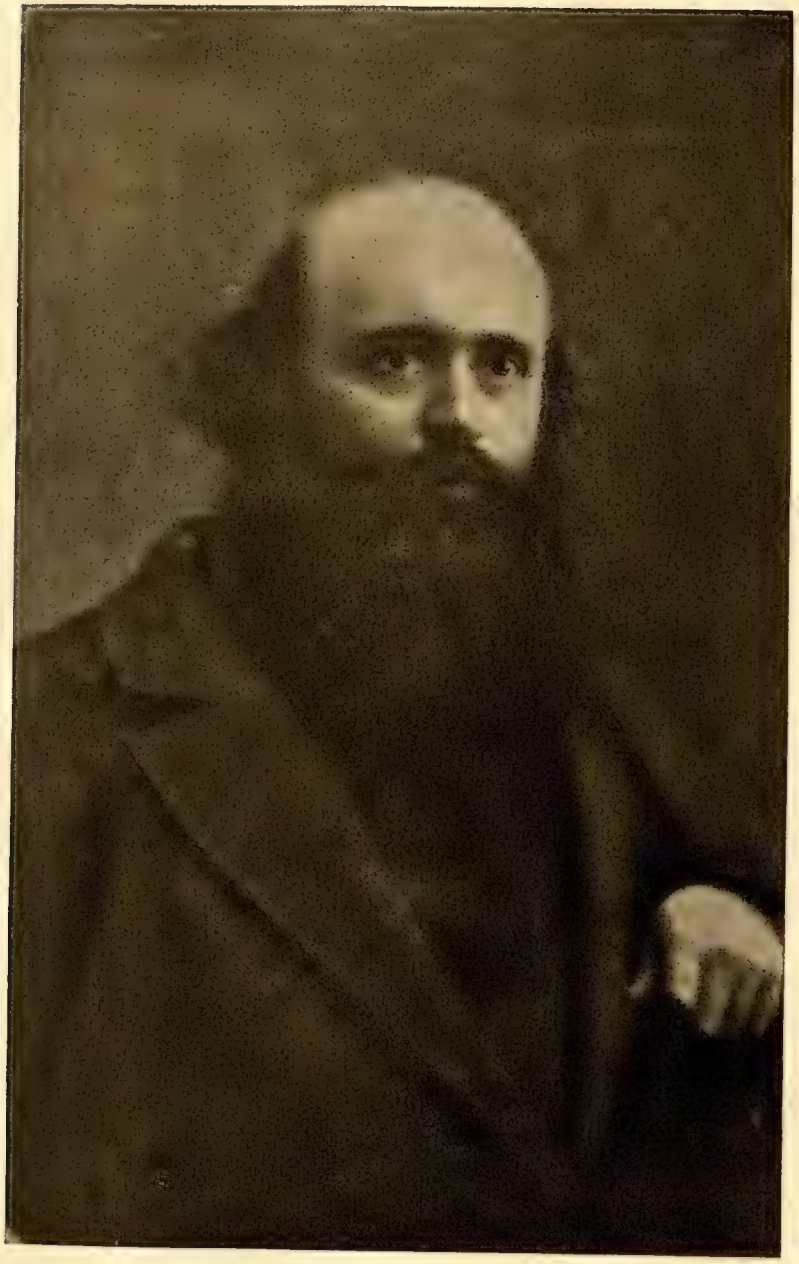
Львовъ и Петрашевскій прожили въ Шилкѣ почти три года, но подъ конецъ заводъ этотъ поступилъ въ вѣдѣніе управляющаго Карійскими промыслами, извѣстнаго Разгильдѣева, и въ шилкинскомъ лазаретѣ скоплялось множество больныхъ, особенно страдавшихъ цынгою «отъ дурной пищи и отъ тяжелыхъ, именно каторжныхъ работъ» (зимою и лѣтомъ) на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ, такихъ тяжелыхъ работъ, какія до тѣхъ поръ не были извѣстны на Нерчинскихъ заводахъ. Множество людей погибло здѣсь и отъ тифа. Все это было слѣдствіемъ попытки осуществить мечту Разгильдѣева—намывать по сту пудовъ золота

---

[1]) Онъ просилъ также прислать «что получше изъ его одежды», портреты матери и сестры Ольги, перерисовать и его портретъ.

[2]) Впрочемъ Львовъ, познакомившись съ нѣкоторыми шилкинскими купцами, нашелъ, что это люди неглупые и любознательные, и вмѣстѣ съ ними выписывалъ «Отечественныя Записки», «Библіотеку для чтенія» и «С.-Петербургскія Вѣдомости».

[3]) Увидѣвъ его въ первый разъ въ тюрьмѣ, Петрашевскій, несмотря на всю его любезность, на вопросъ Львова, что онъ думаетъ о Муравьевѣ, съ обычною своею рѣзкостью отвѣтилъ фразою изъ «Игроковъ» Гоголя: «это штабсъ-капитанъ изъ той же компаніи». Это означало, по позднѣйшему истолкованію Львова, что Муравьевъ «такой же политическій шулеръ, какъ и другіе». «Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ Щукина», X, 246.



М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

(Единственный портретъ; съ фотографіи, принадлежащей В. И. Семевскому).

въ годъ, но добиться этого удалось лишь въ 1853 и 1854 гг. [1]). Разгильдѣевъ окружалъ себя шпіонами, жестоко наказывалъ рабочихъ-мастеровыхъ и ссыльно-каторжныхъ [2]), и все это въ концѣ концовъ сдѣлало здѣсь жизнь столь невыносимою, что Петрашевскій и Львовъ попросили перевести ихъ въ Александровскій заводъ [3]). Петрашевскій продолжалъ нуждаться, какъ видно изъ того, что, по свидѣтельству ученика его, Н. С. Боголюбскаго, путь изъ Шилкинскаго завода въ Александровскій, по недостатку средствъ, онъ прошелъ пѣшкомъ.

Въ 1854 г. Ѳ. Н. Львовъ переселился въ Нерчинскій заводъ и, «по живости и общительности своего характера», заслужилъ, по словамъ Боголюбскаго, «общее расположеніе къ себѣ».

24 января 1856 г. испр. долж. горнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ подполковникъ Разгильдѣевъ донесъ управляющему Забайкальскою областью, что «находящіеся на Нерчинскихъ заводахъ государственные преступники... Николай Момбелли, Николай Спѣшневъ, Михайло Петрашевскій и Николай Григорьевъ въ теченіе минувшаго, 1855 года, вели себя хорошо и ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ не замѣчены».

Въ концѣ іюня 1856 г. Петрашевскій находился еще въ Александровскомъ заводѣ, но осенью этого года переѣхалъ въ Нерчинскій заводъ. О жизни его здѣсь я имѣю любопытныя воспоминанія его ученика Ник. Сем. Боголюбскаго, нынѣ начальника Томскаго горнаго округа.

«Въ Нерчинскомъ округѣ», говоритъ Н. С. Боголюбскій, «во второй половинѣ прошлаго столѣтія изъ учебныхъ заведеній было только окружное горное училище, находившееся въ Нерчинскомъ заводѣ, соотвѣтствовавшее по курсу уѣзднымъ училищамъ, съ присоединеніемъ къ нему черченія и рисованія. Въ этомъ училищѣ обучались безплатно дѣти горнозаводскихъ мастеровыхъ и ссыльныхъ, поступавшіе въ училище по окончаніи курса въ школахъ грамотности, находившихся въ прочихъ заводахъ и рудникахъ округа. Преподаватели въ окружномъ училищѣ были большею частью изъ окончившихъ въ немъ курсъ, и потому преподаваніе стояло на низкой степени. Ближайшія къ Нерчинскому горному округу среднія учебныя заведенія были въ Иркутскѣ,

---

[1]) Въ 1853 г. на Нерчинскихъ кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ было добыто 171 п. золота, въ 1854 г.—142 пуда.

[2]) Ср. въ моей книгѣ «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ», т. I, 296, 302—325.

[3]) Въ письмѣ Львова къ Завалишину отъ 27 окт. 1861 г. есть указаніе на неизвѣстный намъ эпизодъ въ жизни Петрашевскаго и Львова на каторгѣ, а именно, что они изъ Шилкинскаго завода были сосланы въ Акатуй, повидимому, за какія-то осужденія и обличенія различныхъ злоупотребленій. «Сбор. стар. бумагъ., хранящ. въ музеѣ Щукина», X, 257.

въ 1300 верстахъ отъ Нерчинскаго округа, мужская гимназія и институтъ для дѣвицъ, а женской гимназіи въ то время не было. Иркутская гимназія стояла также невысоко въ образовательномъ отношеніи, судя по тому, что ученики ея, поступавшіе въ петербургскія учебныя заведенія, не отличались хорошей подготовкой и даже были подготовлены слабѣе, чѣмъ ученики нерчинскихъ ссыльныхъ.

«Неудобство отправлять дѣтей въ Иркутскъ при тогдашнихъ путяхъ сообщенія заставляло мѣстное чиновничество отдавать своихъ дѣтей въ обученіе ссыльнымъ, которые были гораздо полезнѣе тогдашнихъ офиціальныхъ педагоговъ, употреблявшихъ тѣлесныя наказанія, къ которымъ ссыльные, сколько я знаю, не прибѣгали. Поэтому родители, имѣвшіе хотя какую-нибудь возможность обучать своихъ дѣтей помимо окружного горнаго училища, избѣгали его и отдавали дѣтей въ обученіе интеллигентнымъ ссыльнымъ. Прежде всего въ обученіе къ нимъ поступали дѣти горнаго начальства, которое поэтому избавляло каторжныхъ учителей отъ дѣйствительнаго исполненія работъ и показывало ихъ по рабочимъ спискамъ сторожами, разсыльными и на другихъ необременительныхъ работахъ, которыя исполняли по найму вмѣсто учителей простые рабочіе, большею частью изъ каторжныхъ, отбывшихъ срокъ работъ и оставшихся жить въ заводѣ.

«За трудъ преподаванія образованнымъ ссыльнымъ родители уплачивали по соглашенію, соотвѣтственно числу учениковъ, часовъ и предметовъ преподаванія. Всѣ учителя изъ ссыльныхъ были приняты въ обществѣ горныхъ чиновниковъ, какъ равные. Начало такому отношенію къ образованнымъ ссыльнымъ было положено еще относительно декабристовъ, за которыми слѣдовали поляки, сосланные за возстаніе 1831 г.

«Отъ Ѳ. Н. Львова, переѣхавшаго въ 1854 г. въ Нерчинскій заводъ, мы узнали, что въ Александровскомъ серебро-плавильномъ заводѣ, въ 160 верстахъ отъ Нерчинскаго завода, находятся товарищи Львова по ссылкѣ—Петрашевскій, Спѣшневъ, Момбелли и Григорьевъ. Они занимались тамъ обученіемъ дѣтей заводскихъ чиновниковъ, устроивъ школу для дѣтей обоего пола, которая въ Нерчинскомъ округѣ считалась лучшимъ подготовительнымъ пансіономъ для поступленія въ гимназіи и женскіе институты, такъ какъ тамъ преподавались иностранные языки, и ученики этой школы успѣшно продолжали курсъ въ гимназіяхъ и женскихъ институтахъ.

«Въ 1856 г. мой отецъ, протоіерей въ Нерчинскомъ заводѣ, нашелъ нужнымъ для продолженія занятій со мной и моими

двумя сестрами, замѣнить прежняго преподавателя другимъ, также знающимъ иностранные языки. Съ этой цѣлью онъ сперва написалъ Петрашевскому и просилъ его пріѣхать въ Нерчинскій заводъ для занятій съ дѣтьми, а затѣмъ лѣтомъ 1856 г. самъ поѣхалъ въ Александровскій заводъ и взялъ меня съ собой. Тогда я въ первый разъ увидѣлъ Петрашевскаго. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка серьезнаго, неласковаго, но и не суроваго въ обращеніи съ дѣтьми. Росту онъ былъ средняго, брюнетъ, съ густою черною бородой и большою лысиной. Онъ былъ очень близорукъ, почему безъ очковъ не могъ ступить.

«Осенью 1856 г. Петрашевскій переселился въ Нерчинскій заводъ и началъ съ нами заниматься, преподавая намъ языки, русскій, французскій и нѣмецкій, ариѳметику и географію. Я приготовлялся въ гимназію и потому началъ учиться у него и латинскому языку по грамматикѣ Кошанскаго, который самъ преподавалъ этотъ языкъ Петрашевскому въ Царскосельскомъ лицеѣ. Кромѣ нашей семьи, Петрашевскій занимался съ дѣтьми купца Кандинскаго. По языкамъ онъ задавалъ упражненія и переводы, мало диктовалъ, по ариѳметикѣ также объяснялъ мало, а ограничивался спрашиваніемъ правилъ и рѣшеніемъ задачъ; по географіи объяснялъ нѣсколько больше. Во время занятій постоянно курилъ трубку и большею частью читалъ «Московскія Вѣдомости», которыя получалъ мой отецъ, и лишь не надолго отрывался отъ чтенія, чтобы отвѣтить на наши вопросы; если же во время занятій съ нами не случалось газетъ, то уходилъ въ комнату къ отцу и тамъ бесѣдовалъ съ нимъ о газетныхъ новостяхъ. Онъ не былъ привѣтливъ съ дѣтьми и учениками, вообще видно было, что вовсе не имѣлъ склонности къ педагогической дѣятельности, и если занимался ею, то лишь по необходимости, чтобы имѣть средства къ жизни. Но долженъ сказать, что во время уроковъ онъ не выказывалъ нетерпѣнія и не былъ рѣзокъ въ обращеніи съ учениками, а иногда только подсмѣивался надъ ними.

«Петрашевскій очень внимательно слѣдилъ по газетамъ за современными событіями, связанными съ окончаніемъ Крымской кампаніи и воцареніемъ имп. Александра II. О перемѣнахъ, ожидавшихся въ новое царствованіе, онъ часто бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ и приносилъ ему читать прошенія о пересмотрѣ своего дѣла.

«Первое время по пріѣздѣ въ Нерчинскій заводъ онъ одѣвался очень скромно, а зимой носилъ вмѣсто шубы нагольный тулупъ. Позже, получая вознагражденіе за уроки, онъ не отличался одеждою отъ другихъ своихъ товарищей, изъ которыхъ

Спѣшневъ, Момбелли и Григорьевъ имѣли достаточныя средства, кромѣ платы за обученіе дѣтей. Петрашевскій нанималъ двѣ комнаты съ переднею, а въ кухнѣ жили хозяева, которые и прислуживали ему. Въ Нерчинскомъ заводѣ онъ жилъ отдѣльно отъ прочихъ товарищей по ссылкѣ, хотя, повидимому, не ссорился съ ними» [1]).

Изъ письма Петрашевскаго къ матери отъ 21 декабря 1855 г. видно, что въ теченіе шести предшествовавшихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ ссылкѣ, онъ получилъ отъ нея всего 929 рублей. «Неполученіе отъ Васъ въ теченіе двухъ лѣтъ денегъ», пишетъ онъ матери, «меня заставило войти въ долги и довольно бѣдствовать» и проситъ уплатить долгъ въ 100 рублей Г. Ѳ. Некрасову, который во время прежней службы совѣтникомъ Нерчинскаго горнаго правленія многое сдѣлалъ для него. Петрашевскій подписываетъ это письмо: «Вашъ покорнѣйшій сынъ» и проситъ «по примѣру всѣхъ покорнѣйшихъ дѣтей... не оставить» его «присылкою денегъ».

Доброта, незлобивость Петрашевскаго, несмотря на почти совершенную оброшенность его во время каторги, желаніе сдѣлать для другихъ все, что только возможно и вмѣстѣ съ тѣмъ наивная вѣра, что ему удастся посредствомъ своихъ прошеній добиться совершеннаго измѣненія своей участи, ясно видны изъ слѣдующаго его письма къ сестрѣ Ольгѣ, забывшей брата, хотя онъ очень ее любилъ:

«Вѣроятно это ты, Олечка, послала мнѣ кошелекъ. Хоть черезъ семь лѣтъ, но все-таки вспомнила обѣщаніе, благодарю тебя за это. Быть можетъ и я за него тебѣ что-нибудь обѣщалъ, что—не припомню. Взамѣнъ его подарю тебѣ кольцо изъ тѣхъ цѣпей, что я носилъ; для тебя, увѣренъ, оно будетъ дороже солитера». Затѣмъ онъ проситъ познакомить подателя письма Г. Ѳ. Некрасова съ сестрою министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго, попросить объ этомъ и мужа другой сестры — Елизаветы, Верховскаго. «Ну, словомъ, постарайся для Г. Ѳ. Некрасова сдѣлать все, что можешь, какъ бы ты для меня сдѣлать хотѣла.—Тебѣ, маменькѣ и всѣмъ вамъ поручаю хлопотать объ успѣхѣ моего прошенія. Совѣтую ту часть имѣнія, что вы владѣете, какъ мнѣ принадлежавшею, обратить въ деньги. Прощай, bonne noirette. Твой братъ... До свиданія, кланяйся мужу [2]), котораго считаю хорошимъ человѣкомъ, ибо онъ обо мнѣ заботился, хотя меня не знаетъ. Онъ, какъ говорятъ, будто бы сталъ генераломъ. Если бъ думалъ долго еще быть въ Сибири, а не надѣялся побывать, можетъ быть, и въ будущемъ году, если только прошеніе мое будетъ разсмотрѣно, согласно съ законами, то просилъ бы тебя, чтобъ ты посовѣтовала попасть твоему мужу въ губернаторы Забайкальской области и въ казачьи атаманы. Если надежду быть въ СПБ. утрачу, увѣренъ, что меня навѣстить пріѣдешь. Старухи-сестры [3]) сюда ѣздили, а тебѣ такую прогулку нипочемъ можно сдѣлать. Всего лучше тебѣ въ губернаторши попасть.

---

[1]) За сообщеніе этихъ воспоминаній приношу Н. С. Боголюбскому глубочайшую признательность. Ему же я обязанъ сообщеніемъ портрета Петрашевскаго, который впервые былъ помѣщенъ мною въ журналѣ «Былое». Это пока единственный извѣстный его портретъ.

[2]) Ольга Васильевна была замужемъ за ген.-майоромъ Ник. Поповымъ.

[3]) Вѣроятно сестры декабристовъ.

«Кланяйся отъ меня всѣмъ домашнимъ: Яшкѣ, Ѳедькѣ, Дунечкѣ etc., которые уже теперь Яковъ, Ѳедоръ, Авдотья. Если у тебя есть дѣти, поцѣлуй за меня. Дай, пожалуйста, извѣстіе о тебѣ, сестрахъ и матушкѣ. Скажи Лизѣ: она охотница писать, а въ семь лѣтъ отъ нея не видѣлъ ни строчки.

«Скажи Катеринѣ Алексѣевнѣ, что Момбелли ей кланяется и доѣдаетъ послѣдній остатокъ зубовъ. Отъ меня кланяйся, кому хочешь,— тѣмъ, кому мои поклоны могутъ доставить удовольствіе. Вы, г-жи сестрицы, меня вовсе забыли. Вамъ въ складчину съ матушкой не было (бы) нисколько обременительно посылать мнѣ и сотенъ пять или болѣе рублей на прожитокъ. До свиданья».[1]).

Петрашевскій, еще живя въ Петербургѣ, высказывалъ убѣжденіе, что необходимо бороться за свои права прежде всего легальными способами. Это намѣреніе онъ осуществилъ въ Сибири въ цѣломъ рядѣ прошеній, въ которыхъ старался доказать, что имѣетъ право требовать пересмотра своего дѣла.

Толчкомъ для подачи прошенія послужили слѣдующія слова манифеста 27 марта 1855 г.: «Кто за дѣянія, до обнародованія сего манифеста учиненныя, будетъ впослѣдствіи подведенъ подъ силу онаго и не пожелаетъ тѣмъ воспользоваться, тотъ можетъ въ теченіе одного мѣсяца со дня объявленія ему состоявшагося о немъ постановленія просить о разсмотрѣніи дѣла его на законномъ основаніи. Такія лица, въ случаѣ осужденія ихъ, уже не могутъ подлежать прощенію по силѣ сего манифеста» [2]). Петрашевскій, основываясь на этомъ пунктѣ манифеста, пожелалъ требовать пересмотра своего дѣла вслѣдствіе «нарушеній порядка правилъ обрядовъ и формъ для производства суда и слѣдствія, законами установленныхъ, имѣвшихъ мѣсто при производствѣ дѣла, послужившаго поводомъ къ его ссылкѣ», какъ онъ кратко формулировалъ свою основную мысль въ запискѣ, присланной нѣсколько позднѣе въ Главное Управленіе Восточной Сибири.

Въ мѣсячный срокъ со дня объявленія ему постановленія, состоявшагося о немъ на основаніи манифеста, Петрашевскій жившій тогда еще въ Александровскомъ заводѣ, подалъ 27 сентября 1855 г. помощнику управителя Константиновской дистанціи Рындину прошеніе въ департаментъ Сената. Я приведу это прошеніе въ весьма сокращенномъ видѣ, опуская всѣ ссылки на XV томъ Св. Уг. Зак., изд. 1842 г., т. IX Св. Зак. (законы о состояніяхъ) и уставъ военно-уголовный (Сводъ военныхъ постановленій, ч. V, СПБ., 1839 г.[3]).

---

[1]) Письмо это было, очевидно, послано, одновременно съ цитированнымъ выше письмомъ къ матери отъ 21 декабря 1855 г.

[2]) 2-ое Пол. Соб. Зак. т. XXX, № 29166, п. 18.

[3]) Копія съ прошенія 27 сентября 1855 г., присланная Петрашевскимъ роднымъ. Въ «Колоколѣ» (1859 г. № 49, стр. 399—401) напечатанъ текстъ прошенія, представленнаго нѣсколько позднѣе, 19 декабря 1855 г.; по словамъ Петрашевскаго, это вторичное прошеніе было совершенно тождественно съ первымъ, но нѣкоторые ничтожные варіанты все же есть.

«1) Производство дѣла, послужившаго поводомъ къ моей ссылкѣ, было совершенно несообразно съ его юридическою сущностью, почему я.., равно какъ и другія, сопричтенныя къ сему дѣлу лица, не былъ подчиненъ прямому дѣйствію закона. 2) При производствѣ по сему дѣлу слѣдствія совершено было нарушеніе порядка формъ и обрядовъ судопроизводства, на сей предметъ законами установленныхъ, а именно... а) Къ присутствованію при производствѣ слѣдствія не были приглашены г.г. слѣдователями отъ разныхъ вѣдомствъ и сословій надлежащіе депутаты, могшіе устранить пристрастность допросовъ. б) Былъ устраненъ при производствѣ сего дѣла охранительный для обвиненныхъ надзоръ стряпчихъ и прокуроровъ, установленный законами при производствѣ дѣлъ особой важности. Почему для меня и для другихъ, сопричтенныхъ къ сему дѣлу, лицъ образъ содержанія въ С.-Петербургской крѣпости могъ получить характеръ истязательный, а допросы могли носить отпечатокъ пристрастія. Сему доказательства въ актахъ самаго дѣла должны быть явныя, буде они не уничтожены... в) При слѣдствіи не было дѣлаемо надлежащаго различія между лицами, кои были сопричтены къ дѣлу, и свидѣтелями по оному... е) Не были даны мнѣ очныя ставки съ лицами, конхъ показанія въ спискахъ и извлеченіяхъ мнѣ предъявлялись... 4) Невзирая на непринадлежность мою ни къ одному изъ званій или ни къ одной изъ категорій лицъ, подлежащихъ суду военному, я былъ подвергнутъ ему... Противу сего измѣненія формы суда и подсудности, противнаго основнымъ отечественнымъ государственнымъ законамъ[1]), было мною протестовано предъ Военносудною комиссіею. 5) Военно-судною комиссіею..., судившею о дѣлѣ, подлежащемъ собственно суду гражданскому, и судившею по Военно-Полевому Уголовному Уложенію въ мирное время такъ, какъ бы судила она въ военное время за преступленія, совершенныя въ войскѣ, находящемся предъ лицомъ непріятеля, не были тоже соблюдены формы и порядокъ судопроизводства, для таковыхъ комиссій законами установленный, а именно: А) При первомъ приводѣ меня въ оную комиссію, по прочтеніи мнѣ указа объ ея назначеніи, безъ объявленія мнѣ и другимъ подсудимымъ въ формѣ выписки изъ дѣлъ или въ подлинникѣ имѣвшихся противу меня и другихъ обвиненныхъ доказанныхъ или недоказанныхъ обвиненій, приступлено было къ отобранію отъ подсудимыхъ, точнѣе обвиненныхъ, подписокъ въ томъ, что «они ничего не имѣютъ прибавить ни къ своему оправданію, ни къ обвиненію», тогда какъ еще сущность обвиненій отъ меня и отъ другихъ обвиненныхъ была скрыта и неизвѣстна намъ. И доселѣ она мнѣ еще неизвѣстна... Таковыя подписки по закону должны быть отбираемы отъ подсудимыхъ не прежде и тогда только, когда судомъ будутъ уже предложены подсудимымъ всѣ вопросы, относящіеся до всѣхъ обстоятельствъ дѣла и только по приведеніи на нихъ всѣхъ объясненій оправдательныхъ подсудимыми и ихъ защитниками... Б) Подсудимые не имѣли при себѣ въ судѣ защитниковъ, вопреки Уставу Военно-Уголовному... В) Посторонніе лица при судѣ не присутствовали вопреки тому же уставу [2]). Г)... «Приговора своего Военно-Судная комиссія ни сама, ни чрезъ кого никому изъ подсудимыхъ не объявляла... Вслѣдствіе чего я и другіе подсудимые были лишены возможности выразить свое неудовольствіе или удовольствіе

---

[1]) Въ прошеніи 19 декабря 1855 г. прибавлено: «и юридическимъ началамъ всѣхъ государствъ благоустроенныхъ».

[2]) Болѣе совершенные порядки производства военнаго суда, сравнительно съ гражданскимъ судопроизводствомъ въ царствованіе имп. Николая I, объясняются тѣмъ, что постановленія по этому предмету въ Уставѣ Военноуголовномъ 1839 г. были заимствованы изъ «Образованія военнаго суда при Большой Дѣйствующей Арміи и устава полевого судопроизводства» (опублик. 24 янв. 1812 г.), составленныхъ комиссіею, «директоромъ» которой былъ М. Л. Магницкій, подъ общимъ руководствомъ М. М. Сперанскаго, на основаніи французскаго законодательства революціонной и наполеоновской эпохъ. «Столѣтіе Военнаго Министерства», XII, кн. I, ч. II «Главное Военно-судное управленіе». Спб. 1914 г., стр. 113—120, 173, 180—184, 1-е Полн. Собр. Зак. т. XXXII, № 24975, стр. 75 и слѣд. Сводъ Военныхъ Постановленій, ч. V, Уставъ Военно-Уголовный, 1839 г., кн. II, стр. 181 и слѣд.

па рѣшеніе Военно-Судной комиссіи и предъявить свои требованія или жалобы высшимъ инстанціямъ, смотря по надобности. 6) Потомъ дѣло сіе... перешло въ Генералъ-Аудиторіатъ», который также нарушилъ порядокъ и формы, предписанные закономъ. «Генералъ-Аудиторіатъ постановилъ приговоръ о лицахъ гражданскаго вѣдомства, суду его вовсе не подлежащихъ». Затѣмъ, онъ не могъ рѣшать это дѣло окончательно, минуя сенатъ, такъ какъ дѣло это касалось дворянъ и не могло быть внесено непосредственно черезъ военнаго министра на конфирмацію государя. Дѣло это не было внесено и на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, куда должно было бы поступить на основаніи его учрежденія. Осужденные, вопреки дворянской привилегіи, были «закованными отправлены въ Сибирь и содержимы въ оковахъ», т.-е. были подвергнуты тѣлесному наказанію. Поэтому Петрашевскій просилъ повелѣть правительствующему сенату, «по удостовѣреніи въ дѣйствительности всѣхъ вышеозначенныхъ нарушеній законовъ, порядка, формы и обрядовъ, для судопроизводства, т.-е. для слѣдствія и суда установленныхъ», приговоръ, состоявшійся въ 1849 г., объявить недѣйствительнымъ на основаніи закона, что «приговоры и мнѣнія признаются недѣйствительными, когда формы и обряды, для судопроизводства предписанные, были нарушены».

Управитель дистанціи представилъ управляющему округомъ Янчуковскому это прошеніе, тотъ препроводилъ его въ Александровскую горную контору, оттуда оно было отправлено въ Нерчинское горное правленіе, которое не отослало его въ сенатъ, а вошло въ обсужденіе по существу и возвратило его Петрашевскому съ надписью, что оно подано имъ «не по принадлежности» и потому не можетъ быть принято. Тогда 19 декабря того же 1855 г. Петрашевскій представилъ прошеніе, почти тождественное съ прежнимъ, въ Нерчинское горное правленіе и просилъ препроводить его по назначенію. Въ мартѣ 1856 г. онъ узналъ, что и второе прошеніе его «остается безъ движенія» и, желая побудить Нерчинское горное правленіе отправить его въ сенатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду придать ему «большую опредѣлительность и полноту», подалъ 20 февраля 1856 г. [1]) дополнительное прошеніе, адресованное въ правительствующій сенатъ, и въ немъ просилъ, чтобы сенату было повелѣно допустить его на основаніи указаннаго имъ закона къ чтенію записки по его прошенію, или дать ему къ тому возможность. Въ дополненіе къ этому прошенію онъ приложилъ пояснительную выписку изъ законовъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ по этому дѣлу, а именно, ссылаясь на законы, прежде всего доказывалъ, что двумъ его прошеніямъ въ сенатъ долженъ быть данъ дальнѣйшій ходъ.

«Если бъ съ кѣмъ бы то ни было въ семъ случаѣ», писалъ Петрашевскій, «поступлено было иначе, тогда бы благое желаніе нынѣ царствующаго Императора... въ... словахъ манифеста 1855 г.

---

[1]) Имѣющаяся у меня копія этого прошенія, доставленная Петрашевскимъ роднымъ.

27 марта[1]), какъ и прочее, было бы прекрасною фразою, лишенною существеннаго значенія, фразою, минутно льстиво пощекотавшею слухъ народный, и стало ею не по волѣ Императора, не намѣревающагося обманывать народы, ему подвластные, въ ихъ справедливыхъ надеждахъ, но простымъ обманчиво пріятнымъ колебаніемъ воздуха безъ эха и отзвука соотвѣтственнаго, и стало симъ по личному произволу или прихоти того, кто въ угоду одному себѣ задумалъ бы рѣшить этотъ вопросъ наперекоръ началамъ общечеловѣческой справедливости, буквѣ и духу законодательства отечественнаго и желанія настоящаго Императора, «чтобы отечественные законы всегда и вездѣ были свято исполняемы».

Далѣе Петрашевскій доказывалъ, что «предметъ» его прошеній подсуденъ правительствующему сенату, при чемъ особенно подчеркивалъ, что его прошеніе «заключается не въ жалобѣ на несогласное съ истиною изложеніе фактовъ дѣла и на несправедливость рѣшенія, что собственно должно принадлежать къ пересмотру дѣла заново порядкомъ судебнымъ, а на несоблюденіе формъ, правилъ, обрядовъ для судопроизводства, законами положительными установленныхъ..., которыхъ соблюденіе вполнѣ считается необходимымъ для охраны слабаго отъ сильнаго и защиты или хотя нѣкотораго огражденія обвиняемаго или подсудимаго отъ личной прихоти и произвола производителей всякаго дѣла». Петрашевскій доказывалъ, что при производствѣ дѣла его были до такой степени нарушены законы, что аудиторъ, читавшій приговоръ (на Семеновскомъ плацу), прочтя его, долженъ былъ остановить исполненіе обрядовъ смертной казни и лицу, при этомъ распоряжавшемуся, указать на «коллизію съ законами» и донести о томъ, кому слѣдуетъ. «Но для совершенія сего», продолжаетъ Петрашевскій, «кромѣ знаній юридическихъ, нужно хорошо сознавать смыслъ присяги, обладать сознаніемъ того, что предписываютъ честь и доблесть гражданская, достоинство человѣческое и имѣть благоговѣйное уваженіе къ истинѣ и началамъ общечеловѣческой справедливости. Но сего не даетъ одно знаніе мертвой буквы закона, знаніе сухое, не оживленное высшей идеей. Неисполненіе аудиторомъ въ семъ случаѣ того, что было существенною его обязанностью, можетъ быть приписано или неполнотѣ его юридическихъ знаній, или внушеніямъ страха».

---

[1]) «Мы признали за благо... ознаменовать начало Нашего царствованія... прощеніемъ и облегченіемъ участи тѣхъ изъ подданныхъ Нашихъ, кои хотя и омрачили себя противузаконными дѣяніями, но могутъ еще *чрезъ совокупное дѣйствіе правосудія и милосердія* быть нравственно исправлены и загладить прошедшее новою жизнію» и ст. XVIII манифеста, приведенная выше.

Н. А. Спѣшневъ.

Приложеніе къ своимъ прошеніямъ Петрашевскій заканчивалъ разборомъ мнѣній, которыя ему приходилось слышать по поводу этихъ прошеній. «Одно изъ этихъ мнѣній», говоритъ онъ, «замѣчательное по своей оригинальности», состояло въ слѣдующемъ: «Такъ какъ дѣло, послужившее поводомъ къ вашей и другихъ ссылкѣ, получило конфирмацію Е. И. В., то я, въ силу сего рѣшенія, равно какъ и всѣ другіе, находящіеся въ подобномъ положеніи, поставленъ внѣ всякаго закона, и ни одинъ изъ законовъ отечества не можетъ ни ко мнѣ, ни къ нимъ быть примѣненъ»; общіе законы могутъ примѣняться «къ лицамъ, лишеннымъ правъ состоянія за воровство, грабежъ, мошенничество, конокрадство, но не къ лицамъ, осужденнымъ по обвиненіямъ противъ двухъ первыхъ пунктовъ».

«Желалъ бы я знать, на какую статью въ положительномъ отечественномъ законодательствѣ», продолжаетъ Петрашевскій, можно было бы сослаться для подтвержденія такого мнѣнія. «Не знаю законодательнаго кодекса ни одного народа, даже самаго варварскаго, въ которомъ бы предписывалось... верховной власти быть сознательно несправедливой, пристрастной и для кого бы то ни было исключительно и особенно жестокой. Не знаю, какимъ эпитетомъ обозначить... ихъ... филантропію, которая, признавая благодатную силу законовъ для тѣхъ лицъ, которыя были бы признаны преступниками во всѣхъ обществахъ человѣческихъ, заставляетъ ихъ отвергать значеніе коренныхъ законовъ относительно лицъ, которыхъ «преступленія заключались, или могли заключаться, въ мысли, мнѣніяхъ, или формѣ выраженія мыслей или мнѣній», въ такомъ выраженіи ихъ, «которое при другихъ условіяхъ общественнаго развитія или въ другомъ государствѣ не могло бы быть отнесено не только къ разряду преступленій, но даже ни къ какому-либо виду проступковъ полицейскихъ».

Другіе находили, что время для пересмотра дѣла теперь совершенно неудобное, такъ какъ всѣ мысли заняты войною, а третьи полагали, что отмѣна высочайшаго повелѣнія по этому дѣлу невозможна, такъ какъ «всѣ рѣшенія Верховной власти, какія бы они ни были, должны быть неизмѣняемы». Петрашевскій опровергалъ эти мнѣнія ссылками на Наказъ Екатерины II, на поступокъ Якова Долгорукова, разорвавшаго указъ Петра Великаго, и на публичное покаяніе Екатерины II при торжественномъ собраніи двора въ одномъ ея несправедливомъ рѣшеніи [1]).

[1]) «Имѣющаяся у меня копія «Необходимаго приложенія» (поданнаго 7 Марта 1856 г.), присланная Петрашевскимъ его роднымъ. Прошеніе его и приложеніе къ нему напечатаны, съ нѣкоторыми неисправностями, въ «Колоколѣ» 1859 г., №№ 49—52.

Нужно было имѣть много гражданскаго мужества, чтобы писать такимъ тономъ въ бумагѣ, направленной въ официальныя учрежденія и притомъ въ положеніи лишеннаго всѣхъ правъ состоянія, «сосланнаго въ каторжную работу», какъ подписался Петрашевскій.

Изъ письма его къ сестрѣ мы видѣли, что онъ возлагалъ большія надежды на это прошеніе и мечталъ даже, что можетъ быть скоро возвратится въ Петербургъ [1]).

«Мѣстныя препятствія», замедлившія движеніе прошенія Петрашевскаго, состояли въ слѣдующемъ. Нерчинское горное правленіе видимо было чрезвычайно озадачено вторичною подачею Петрашевскимъ прошенія (19 декабря 1855 г.) и долго думало, какъ съ нимъ поступить. При этомъ произошло разногласіе между членами правленія. Только 19 марта 1856 г. это учрежденіе окончательно оформило свое постановленіе: сославшись въ немъ на 421-ую ст. книги II, II разряда, гл. VIII устава военно-уголовнаго, по которой генералъ-аудиторіатъ есть высшее учрежденіе для ревизіи дѣлъ военно-судныхъ по военно-сухопутному вѣдомству, оно признало, что Петрашевскій подалъ свое прошеніе «не по принадлежности». Совѣтники горнаго правленія полагали, что на этомъ основаніи слѣдовало бы возвратить Петрашевскому его прошеніе съ надписью, но такъ какъ онъ проситъ вторично о томъ же, то считали необходимымъ представить его прошеніе предсѣдательствующему въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири. Напротивъ, начальникъ горнаго управленія, инженеръ-полковникъ Разгильдѣевъ, полагалъ, что прошеніе Петрашевскаго слѣдуетъ оставить «безъ производства». Въ такомъ видѣ постановленіе это было отправлено въ Иркутскъ съ приложеніемъ прошенія Петрашевскаго отъ 19 декабря. Получивъ новое дополнительное его прошеніе, горное правленіе нашло невозможнымъ разсматривать его до полученія резолюціи предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири. Немедленно узнавъ объ этомъ, еще до официальнаго объявленія ему этого послѣдняго рѣшенія, Петрашевскій обратился съ письмомъ къ генералу Венцелю, предсѣдательствующему въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, «какъ верховному блюстителю законовъ въ Восточной Сибири въ настоящее

[1]) Въ письмѣ къ матери отъ 21 декабря 1855 г. онъ также писалъ: «При семъ прилагаю копіи съ прошенія моего въ правительствующій сенатъ, отъ котораго, буде оно будетъ разсмотрѣно какъ слѣдуетъ, я жду хорошихъ для себя послѣдствій. Вѣроятно дошло до васъ мое о немъ предвареніе, но борьба съ мѣстными препятствіями замедлила его теченіе». Въ концѣ письма онъ прибавляетъ: «Имѣете вы еще получить копіи съ прошенія, поданнаго въ сенатъ; когда оно туда прійдетъ, употребить васъ прошу» (всѣ старанія), «чтобы оно имѣло успѣхъ».

время», утверждалъ въ немъ, что неотправленіе въ Иркутскъ его дополнительнаго прошенія и приложенія къ нему «есть явный отказъ въ справедливости» и просилъ Венцеля вытребовать изъ Нерчинскаго Горнаго Правленія скрытые такимъ образомъ документы и до полученія ихъ не дѣлать никакого окончательнаго распоряженія. Когда Нерчинская горная полиція объявила ему постановленіе Горнаго Правленія, онъ выразилъ неудовольствіе на мнѣніе предсѣдателя правленія и просилъ разрѣшенія изложить, чѣмъ онъ недоволенъ, но полиція нашла просьбу его неумѣстною. Тогда онъ подалъ въ полицію прошеніе о выдачѣ ему копіи съ указа Горнаго Правленія, въ которомъ было изложено его постановленіе, но полиція и въ этомъ ему отказала и донесла о неудовольствіи Петрашевскаго Горному Правленію, которое предписало, не выдавая ему копіи съ указа, «отобрать отъ него подписку въ неудовольствіи, какое онъ имѣетъ на заключающееся въ указѣ мнѣніе». Петрашевскій исполнилъ это требованіе даже ранѣе, чѣмъ оно было ему предъявлено, и заявилъ неудовольствіе на оставленіе безъ движенія его дополнительнаго прошенія. Особенно важнымъ онъ считалъ непредставленіе въ Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири пояснительной выписки изъ законовъ, которая содержала въ себѣ доказательства, что слѣдуетъ дать ходъ его прошенію и что предметъ его иска подсуденъ сенату [1]).

Лишь послѣ того, 28 апрѣля, Нерчинское Горное Правленіе отправило Венцелю второе прошеніе Петрашевскаго съ приложеніями и заявленіе его о неудовольствіи на задержаніе его прошенія.

По приказанію Венцеля былъ запрошенъ начальникъ штаба по морскому и сухопутному вѣдомствамъ Восточной Сибири о томъ, «могутъ ли быть приносимы по военнымъ законамъ жалобы сосланныхъ въ каторжную работу по Высочайшимъ конфирмаціямъ, послѣдовавшимъ на докладахъ генералъ-аудиторіата; если могутъ, то какимъ именно порядкомъ и на основаніи какихъ законовъ». Когда выяснилось, что дѣло идетъ о жалобѣ сосланныхъ по высочайшимъ конфирмаціямъ «на существо и неправильность рѣшеній, изложенныхъ въ высочайшихъ конфирмаціяхъ», то данъ былъ отвѣтъ, что дежурство войскъ: 1) «не имѣетъ въ виду такого закона, которымъ бы дозволялось приносить жалобы сосланнымъ въ каторжную работу по высочайшимъ конфирма-

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ 3 апрѣля изъ Нерчинскаго завода записку съ подробнымъ изложеніемъ предшествующаго хода дѣла въ Читу военному губернатору Забайкальской области М. С. Корсакову, который препроводилъ ее Венцелю.

ціямъ на существо и несправедливость рѣшеній, изложенныхъ» въ такихъ конфирмаціяхъ и 2) «что подобнаго закона въ дежурствѣ войскъ не имѣется, а также и примѣра не было, да и не должно быть, чтобы кто-либо осмѣлился приносить жалобу на высочайшую конфирмацію». Но Петрашевскій жаловался не на рѣшеніе по существу, а на несоблюденіе установленныхъ закономъ формъ судопроизводства, что, по его мнѣнію, должно было лишить законной силы то рѣшеніе, которое было представлено государю на его утвержденіе.

Получивъ этотъ отвѣтъ, II отдѣленіе Глав. Управ. В. С. обратилось въ его I отдѣленіе съ запросомъ: 1) Не имѣется ли въ немъ какихъ либо распоряженій начальства или особыхъ правилъ относительно принятія мѣръ въ случаѣ незаконныхъ поступковъ государственныхъ преступниковъ и порядка принятія и принесенія ими жалобы и 2) гдѣ находится, куда сосланъ и за что государственный преступникъ Буташевичъ-Петрашевскій, какого онъ поведенія и въ какомъ положеніи находится въ настоящее время. Первое Отдѣленіе сообщило, что по поводу незаконныхъ поступковъ государственнаго преступника ссыльнопоселенца Ипполита Завалишина [1]) предсѣдательствующій въ Совѣтѣ Глав. Управ. В. С. входилъ въ 1847 г. въ сношенія съ бывшимъ тогда шефомъ корпуса жандармовъ гр. Орловымъ, и тотъ, доложивъ государю, получилъ повелѣніе, чтобы съ такими поселенцами, въ случаѣ совершенія ими преступленій въ Сибири, поступали «по общимъ законамъ о поселенцахъ». Въ декабрѣ того же года гр. Орловъ получилъ донесеніе, что верхнеудинскій земскій судъ постановилъ государственнаго преступника Ипполита Завалишина за дерзкіе поступки противъ городничаго наказать 45 ударами розогъ и что исполненіе этого рѣшенія пріостановлено вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія Завалишина. Орловъ доложилъ объ этомъ государю, который повелѣлъ отмѣнить на этотъ разъ тѣлесное наказаніе и замѣнить его заключеніемъ Завалишина на двѣ недѣли, не отмѣняя однако же прежняго повелѣнія о поступленіи съ поселенцами изъ государственныхъ преступниковъ, въ случаѣ новыхъ ихъ преступленій, по общимъ законамъ о поселенцахъ». Орловъ просилъ поспѣшить исполненіемъ воли государя, чтобы Завалишинъ не подвергся тѣлесному наказанію, однако въ Сибири не дождались отвѣта III Отдѣленія, и Ипп. Завалишинъ былъ высѣченъ. Получивъ объ этомъ донесеніе, гр. Орловъ въ письмѣ отъ 13 апрѣля 1848 г. просилъ

[1]) Извѣстный провокаторъ, донесшій даже на своего родного брата, декабриста Дм. Ирин. Завалишина. См. «Записки декабриста Д. И. Завалишина». Мюнх. 1904, II, 61—68; *Базилевскій* (Богучарскій) «Государств. преступленія въ Россіи» I, 98.

новаго генералъ-губернатора Вост. Сиб. Н. Н. Муравьева приказать, «въ случаѣ подобнаго судебнаго приговора надъ кѣмъ либо изъ государственныхъ приступниковъ.., не приступая къ исполненію» сообщать, «впрочемъ негласнымъ образомъ», ему, Орлову, о содержаніи приговора на тотъ случай, что быть можетъ послѣдуетъ въ означенномъ приговорѣ какое либо измѣненіе». Изъ этого видно, что тогда даже шефъ жандармовъ гр. Орловъ старался о томъ, чтобы тѣлесныя наказанія не примѣнялись къ государственнымъ преступникамъ въ Сибири. Какая разница съ нынѣшнимъ временемъ, когда политическіе преступники подвергаются въ тюрьмахъ самымъ жестокимъ истязаніямъ!

8 іюня 1856 г. Венцель послалъ Разгильдѣеву запросъ, доносили ли ежегодно государю о поведеніи Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ онъ теперь находится, какъ ведетъ себя и на какомъ основаніи Нерчинское горное начальство дозволило себѣ принимать жалобы Петрашевскаго на высочайше утвержденную конфирмацію о немъ генералъ-аудиторіата. Одновременно съ этимъ (8—9 іюня) было получено Венцелемъ отправленное 19 мая Нерчинскимъ горнымъ правленіемъ новое прошеніе Петрашевскаго [1]). Венцель опять послалъ запросъ, почему принято это прошеніе, а также, «въ какомъ положеніи здоровья находится Буташевичъ-Петрашевскій по умственнымъ своимъ способностямъ». Очевидно съ бюрократической точки зрѣнія казалось, что прошенія, поданныя Петрашевскимъ, могъ написать только человѣкъ, не вполнѣ нормальный. Нерчинское Горное Правленіе отвѣчало, что свѣдѣнія о поведеніи государственныхъ преступниковъ, находящихся на нерчинскихъ заводахъ, ежегодно представляются военному губернатору Забайкальской области, что Буташевичъ-Петрашевскій ведетъ себя хорошо и что вслѣдствіе разногласія въ мнѣніяхъ относительно его прошенія былъ представленъ въ Глав. Управ. В. С. только проектъ постановленія Горнаго Правленія, прошеній же Петрашевскаго оно не могло не принять на основаніи 1345 статьи XV т. Св. Зак., дозволяющей, хотя и «съ самою строгою осмотрительностью», принимать прошенія преступниковъ о помилованіи. Горная контора Александровскаго завода, гдѣ жилъ тогда Петрашевскій, подвергла его 23 августа 1856 г. медицинскому освидѣтельствованію, при чемъ оказалось,

[1]) Текстъ этого прошенія пока не извѣстенъ, но въ донесеніи Венцеля шефу жандармовъ отъ 6 ноября 1856 г. сказано, что Буташевичъ-Петрашевскій просилъ предписать горному правленію принять у него и отправить по принадлежности въ запечатанныхъ пакетахъ просьбу предсѣдателю правительствующаго сената, прошеніе въ собственныя руки государя и письмо къ первому дворянину Петербургской губерніи «насчетъ нѣкоторыхъ сторонъ или вопросовъ государственной или общественной политики».

что Петрашевскій, «имѣющій 35 лѣтъ отъ роду» (точнѣе 35-ый годъ) «тѣлосложенія здороваго, не имѣетъ никакого общаго разстройства своихъ умственныхъ способностей». Корсаковъ также донесъ: «положеніе здоровья» Петрашевскаго «по умственнымъ способностямъ въ хорошемъ состояніи, и въ образѣ жизни сего преступника ничего особеннаго не замѣчается, какъ это оказалось по мѣстнымъ удостовѣреніямъ и по личному моему убѣжденію въ бытность нынѣ въ Нерчинскихъ заводахъ».

Между тѣмъ въ Иркутскѣ было получено отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ губернатору Вост. Сиб. отъ 2 сентября 1856 г. о томъ, что Буташевичъ-Петрашевскій по высочайшему повелѣнію освобожденъ отъ каторжной работы съ переводомъ на поселеніе.

6 ноября 1856 г. Венцель сжато изложилъ все относящееся къ прошеніямъ Петрашевскаго въ донесеніи III Отдѣленію, въ которомъ сообщалъ, что не далъ ходу бумагамъ Петрашевскаго, «какъ неподлежащимъ принятію», такъ какъ нѣтъ правила, дозволяющаго приносить жалобы на утвержденныя государемъ рѣшенія генералъ-аудиторіата, а также и нѣтъ закона, дозволяющаго осужденнымъ въ каторжныя работы «отправлять по почтѣ кому бы то ни было бумаги запечатанными, безъ просмотра» ихъ начальствомъ. Венцель спрашивалъ гр. Орлова, какъ поступать съ бумагами, подобными поданной Петрашевскимъ, и «какими мѣрами удерживать отъ неосновательной подачи» и писанія бумагъ, на что кн. В. А. Долгоруковъ, тогдашній шефъ жандармовъ, отвѣчалъ 8 января 1857 г., что переписка Петрашевскаго должна быть подчинена всѣмъ тѣмъ правиламъ, которыя установлены для переписки государственныхъ и политическихъ преступниковъ.

18 декабря 1856 г. Петрашевскій писалъ матери: «Пишу къ Вамъ изъ Нерчинскаго Большаго завода, гдѣ снова временно обрѣтаюсь съ начала декабря въ ожиданіи пріисканія удобнаго случая далѣе странствовать на западъ. Особенно мнѣ желательно быть въ Иркутскѣ, гдѣ могло очень остановиться въ своемъ движеніи мое прошеніе о томъ, чтобы дѣло, послужившее поводомъ къ моей ссылкѣ, было разсмотрѣно по закону.—Надѣюсь что достовѣрныя о семъ свѣдѣнія могли Вы уже получить, изъ которыхъ Вы, если они дошли до Васъ въ надлежащемъ видѣ, можете заключить, что я взялся въ немъ за тотъ конецъ, который скорѣе можетъ обѣщать успѣхъ... Я всегда, даже и при Николаѣ, болѣе разсчитывалъ на справедливость, нежели на милость... Надѣюсь въ генварѣ быть въ Иркутскѣ... Остаюсь не безъ надежды на лучшее будущее. Вашъ покорнѣйшій сынъ».

Дѣйствительно, въ январѣ Петрашевскій былъ уже въ Иркутскѣ, откуда писалъ матери: «Пишу къ Вамъ изъ Иркутска, куда прибылъ, какъ поселенецъ по праву. Всѣ средства мои для жизни заключаются въ 5 руб. с., которые могутъ быть достаточны, чтобы я могъ просуществовать двѣ недѣли,—въ теченіе этого времени надѣюсь пріискать средства, чтобы лучше было мнѣ жить и быть въ будущемъ. Останусь ли жить въ Иркутскѣ, или отправлюсь куда либо въ другое мѣсто, гдѣ трудъ мнѣ будетъ приносить способы существованія, еще самъ не знаю. Иркутскъ есть нынѣ мой point d'arrêt, откуда путь избрать могу во всѣ стороны. Это можетъ и скоро рѣшиться, и протянуться нѣсколько мѣсяцевъ. Я, какъ пролетарій, стою и жду работы и прислушиваюсь, откуда кличъ на нее пойдетъ».

Вручитель сего письма есть г. Ledentue[1]), съ которымъ за нѣсколько часовъ познакомился... Черезъ нѣсколько дней мое положеніе можетъ опредѣлиться. Я даже еще не успѣлъ официально представиться мѣстнымъ предержащимъ властямъ, а безъ этого все, что ни написалъ, были бы des hypothèzes très vagues».

11 іюня 1857 г. Петрашевскій очевидно раздраженный почти совершеннымъ невниманіемъ къ нему послалъ матери сухую записку. «Спѣшу воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы дать Вамъ о себѣ вѣсточку. Я здоровъ. Живу въ Иркутскѣ теперь, кой-какія занятія имѣю для пропитанія. Отъ Васъ вѣстей уже давнымъ давно нѣтъ, такъ же, какъ и внѣшняго выраженія Вашего ко мнѣ участія, т. е. посылки денегъ. А безъ нихъ всякъ худосоченъ. Желаю Вамъ всего хорошаго. Цѣлую Васъ. Вашъ покорнѣйшій etc. М. Буташевичъ-Петрашевскій»[2]).

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Вѣроятно родственникъ жены декабриста Ивашева—Камиллы, урожденной Ледантю. Срав. «Былое» 1906 № 4, стр. 190—193; *М. Веневитиновъ* «Романъ декабриста В. П. Ивашева» («Рус. Мысль» 1885 г. № 10).

[2]) 29 Ноября нынѣшняго года въ Калугѣ скончался послѣдній петрашевецъ, Николай Сергѣевичъ Кашкинъ, 85 лѣтъ. О роли его въ дѣлѣ петрашевцевъ будетъ сказано въ моей статьѣ, посвященной характеристикѣ кружка Кашкина, общія же свѣдѣнія объ его жизни можно найти въ очеркѣ *Б. Л. Модзалевскаго* въ книгѣ *Н. Н. Кашкина* «Родословныя развѣдки», т. II, Спб. 1913 г. и въ моей статейкѣ въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Бр. Гранатъ. т. XXIV.

Гете и воинственная Пруссія.

I.

Будь проклятъ тотъ, кого, какъ валъ,
Гордыни буйство одолѣетъ,
Кто, нѣмцемъ будучи, затѣетъ,
Что корсиканецъ затѣвалъ!
И вспомнитъ онъ, позднѣй иль ранѣ,
Мои слова—повѣритъ имъ:
Онъ обратитъ весь трудъ страданій
Во зло себѣ и всѣмъ своимъ.

Гете.

Культъ Гете, установившійся, между прочимъ, въ Берлинѣ, представляетъ собою сложное явленіе, имѣющее подъ собою не столько историческую, сколько политическую почву. При жизни великаго поэта его связи съ Берлиномъ были болѣе чѣмъ слабы. Фридрихъ Великій, поклонникъ французскаго классицизма, рѣзко осудилъ первую драму Гете «Гецъ фонъ Берлихингенъ», назвавъ ее «imitation détestable de ces mauvaises pièces Anglaises» и, повидимому, сохранилъ свое равнодушіе къ Гете въ пору наивысшаго расцвѣта его дѣятельности. Когда вышелъ «Вертеръ», Берлинъ реагировалъ на это безвкусной пародіей «Радости молодого Вертера», принадлежавшей перу извѣстнаго Николаи. Въ Берлинѣ началась настоящая травля Гете, которую вели Коцебу и Меркель. Прусскій дворъ, поддерживавшій связи съ веймарскимъ, игнорировалъ совершенно Гете: при посѣщеніи Веймара прусской королевской четой, Гете демонстративно не было удѣлено никакого вниманія, хотя Гете могъ ждать его и не какъ поэтъ, а какъ другъ и приближенный веймарскаго герцога. Въ Берлинъ старались залучить Шиллера, но не Гете.

Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ культурной и эстетической тупостью берлинцевъ. Если бы дѣло было только въ этомъ, то ореолъ міровой славы, осѣнившій Гете, подѣйствовалъ бы и на нихъ, и брань хулителей скоро бы умолкла. Но демонстративное игнорированіе величайшей умственной и художественной силы Германіи со стороны офиціальныхъ круговъ прусской столицы говоритъ о психологическомъ антагонизмѣ,

который долженъ былъ возникнуть между явленіями, совершенно противоположными по духу. Тогдашняя Пруссія простодушно и откровенно заявила о Гете: онъ не нашъ. Теперь она громко заявляетъ: онъ нашъ.

Теперь культъ Гете въ Берлинѣ дошелъ до апогея, однако нѣкоторые писатели, далекіе отъ офиціальности, находятъ этотъ культъ «безобразнымъ» (Фуксъ, Баумгартнеръ). Личность Гете стараются идеализировать, въ чемъ великій поэтъ нисколько не нуждается, при чемъ стараются идеализировать тѣ стороны Гете, которыя особенно угодны прусскому юнкеру. Но и прусскіе біографы Гете не могутъ скрыть того убійственнаго факта, что Гете ко всему прусскому питалъ глубокое отвращеніе, хотя объясняютъ этотъ фактъ очень своеобразно.

Одинъ изъ лучшихъ біографовъ Гете, извѣстный и у насъ, Бельшовскій мотивируетъ антипатію поэта къ Пруссіи слѣдующимъ образомъ:

«Въ Берлинѣ до 1810 года не было университета, ни одной картинной галлереи, ни одного значительнаго естественно-историческаго музея. Фридрихъ Великій покровительствовалъ только французамъ... Въ царствованіе Фридриха Вильгельма II развитіе свободной науки, по возможности, подавлялось. Кантъ еле избѣжалъ отставки. Въ царствованіе Фридриха Вильгельма III Пруссія старалась наверстать потерянное, но Гете чувствовалъ, что она дѣлаетъ это не такъ какъ слѣдуетъ: денежными средствами насильно пересаживается культура, любовно взлелѣянная въ другихъ мѣстахъ... *Однимъ словомъ, въ Гете накоплялось вообще сильнѣйшее отвращеніе къ Пруссіи*» [1])

Прусскій біографъ признаетъ такимъ образомъ фактъ. Тѣ оговорки, которыя онъ дѣлаетъ, ничего не мѣняютъ. Для Гете Берлинъ не представлялъ ничего привлекательнаго въ самомъ важномъ для него отношеніи—въ культурномъ. Но этого мало. Если бы дѣло было только въ этомъ, Гете могъ пренебречь Берлиномъ, вступая съ нимъ только въ литературную полемику, что онъ и дѣлалъ, высмѣивая неоднократно Николаи и такъ невѣжливо обойдясь съ Коцебу въ Веймарѣ. Но Гете видѣлъ «прусскую опасность». Уже въ «Птицахъ», написанныхъ въ 1780 г., онъ заговорилъ о «распростертыхъ наготовѣ когтяхъ чернаго орла». Въ октябрѣ 1809 г. онъ пишетъ Цельтеру: «Веймаръ и Іена—вотъ два мѣстечка, которые Богъ хранитъ, хотя благородные пруссаки давно уже рады были бы ихъ *всячески* уничтожить».

Игнорируя эту политическую подкладку отношеній Гете къ Пруссіи, нѣмецкій біографъ старается объяснить антипатію

[1]) Bielschowsky. Goethe. München. 1910. II Band. Стр. 330.

Гете чисто личными мотивами: Берлинъ его просто не оцѣнилъ, и это задѣло самолюбіе поэта. Но такое объясненіе не выдерживаетъ критики. Отъ него ничего не остается, когда примемъ во вниманіе отношеніе Гете къ Фридриху Великому. Несмотря на то, что послѣднему и обязана Пруссія своимъ европейскимъ политическимъ значеніемъ, Гете сумѣлъ оцѣнить въ немъ великаго человѣка. А вѣдь Фридрихъ В. также не цѣнилъ Гете, и съ его легкой руки началась травля Гете въ Берлинѣ. Это не помѣшало Гете чтить Фридриха. Такъ что личные мотивы не играли никакой роли въ отношеніяхъ Гете къ Пруссіи, и ими ровно ничего не объясняется. Въ своихъ сужденіяхъ Гете умѣлъ подниматься надъ всѣмъ личнымъ.

Самый фактъ уваженія Гете къ личности Фридриха В. не стоитъ въ противорѣчіи съ его общимъ отношеніемъ къ Пруссіи. Онъ ясенъ психологически. Фигура Фридриха В. съ ранняго дѣтства волновала воображеніе поэта. Гете-мальчикъ былъ современникомъ семилѣтней войны; слухи о побѣдахъ энергичнаго прусскаго короля-воителя, украшенные легендами, вторгались въ мирный отцовскій домъ поэта во Франкфуртѣ; о Фридрихѣ велись безконечные споры, въ которыхъ принималъ участіе и мальчикъ; Фридрихъ былъ поводомъ раздѣленія мирной бюргерской семьи на партіи. Фридриха, наконецъ, довелось мальчику увидѣть въ родномъ городѣ, на вершинѣ славы, во время коронаціонныхъ торжествъ, которыя будущій поэтъ наблюдалъ въ обществѣ милой Гретхенъ, обмѣниваясь съ нею въ то же время первыми поцѣлуями. Пробужденіе національнаго чувства въ Германіи, связанное съ эпохой романтизма, заставляло всѣхъ видѣть въ Фридрихѣ В. національнаго героя. Въ такомъ видѣ онъ представалъ Гете-отроку.

Изъ другихъ отзывовъ Гете, разсѣянныхъ преимущественно въ «Wahrheit und Dichtung», видно, что впослѣдствіи Фридрихъ, какъ національный герой, пересталъ существовать для поэта, но сохранилъ свое обаяніе, какъ великій человѣкъ, сильная, своеобразная личность. Во Фридрихѣ онъ видѣлъ, прежде всего, культурную силу, покровителя просвѣщенія и поэзіи. Этому не мѣшало расхожденіе въ литературныхъ вкусахъ, такъ рѣзко проявившееся въ отзывѣ короля о «Гецѣ». Самая симпатія Фридриха къ французской литературѣ могла вызвать только одобреніе Гете, который самъ испыталъ на себѣ мощное вліяніе французской литературы. Гете не смущало даже презрѣніе короля ко всему нѣмецкому; напротивъ, онъ призналъ, что Фридрихъ оказалъ благотворное вліяніе на нѣмецкую литературу: прославленный король своимъ презрѣніемъ ко всему нѣмецкому вызы-

валъ въ нѣмцахъ благотворное соревнованіе. («Фридрихъ В. не хотѣлъ ихъ знать, это сердило нѣмцевъ, и они дѣлали все возможное, чтобы казаться ему чѣмъ-то» [1]).

И все-таки прусскій милитаризмъ, «распростертые наготовѣ когти чернаго орла» составляли нѣчто, съ чѣмъ Гете никакъ мириться не могъ, что было совершенно противно его генію. Будучи связанъ, однако, тѣснѣйшими узами съ герцогомъ Веймарскимъ, который въ свою очередь во многомъ зависѣлъ отъ Берлина, Гете не могъ ясно высказывать свои чувства, пряталъ ихъ, какъ могъ, но въ его литературномъ наслѣдіи они сквозятъ такъ ясно, что затушевать ихъ не въ силахъ и прусскіе біографы. Бельшовскій, между прочимъ, объясняетъ антипатію Гете тѣмъ, что подъ Пруссіей онъ разумѣетъ... Польшу! «Мы, въ особенности мы, пруссаки, удивляемся, что Гете даже на прусское господство смотрѣлъ, какъ на чужеземное иго»,—говоритъ этотъ біографъ: «Но мы забываемъ, что Пруссія, благодаря раздѣламъ Польши, стала наполовину польскимъ государствомъ, что центръ тяжести ея былъ у Вислы, что Варшава и Бѣлостокъ были прусскими городами. Все, что лежало западнѣе Эльбы въ прусскихъ владѣніяхъ—даже до Тильзитскаго мира,—представляло ничтожную часть королевства. И не забудемъ, что даже нынче край, лежащій восточнѣе Эльбы, хотя онъ уже большею частью очищенъ отъ польскихъ владѣній, западнымъ и южнымъ нѣмцамъ кажется областью со славянской окраской» [2]).

Такъ нынѣшніе пруссаки оправдываютъ антипатію Гете и прощаютъ ему то, чего не могутъ простить Гейне. И это понятно. Для прусскаго нѣмца: Гете—предшественникъ Бисмарка. То, что сдѣлалъ желѣзомъ и кровью знаменитый канцлеръ, до него дѣлалъ Гете своей поэзіей: онъ объединялъ Германію. Національные корни его поэзіи заставляли нѣмцевъ сознавать и чувствовать свое единство. Но Гете оказалъ эту патріотическую услугу нѣмцамъ помимо своей воли: чуждый націонализма, онъ сознавалъ себя міровымъ поэтомъ.

Но ему пришлось быть участникомъ національныхъ нѣмецкихъ войнъ сначала съ Французской республикой, потомъ — съ Наполеономъ.

По просьбѣ Карла Августа, герцога веймарскаго, Гете присоединился къ походу на Францію 1792 г., котораго идеѣ едва ли могъ сочувствовать. Онъ явился въ немъ только наблюдателемъ, во всемъ вѣрнымъ себѣ. Его вниманіе останавливаютъ по пути произведенія искусства и обелискъ времени Антониновъ наполъ-

[1]) Sprüche in Prosa. Sechste Abtheilung.
[2]) Bielschowski. T. II, стр. 329—330.

няетъ его гордымъ восторгомъ. И въ походѣ онъ занимается оптикой: игра солнца—въ струяхъ воды, блескъ оружія, переливы красокъ въ чешуѣ рыбъ, которыхъ убили солдаты,—вотъ для него самыя цѣнныя впечатлѣнія похода.

Но одинъ эпизодъ лучше всего охарактеризуетъ Гете среди «военной непогоды».

II.

«Ich zieh'in's Feld!
Die macht's der Held?»
Vor der Schlacht grossherzig,
Ist sie gewonnen barmherzig;
Mit hübschen Kindern liebherzig,
War'ich Soldat,
Das wär'mein Rat.

Goethe.

5 октября 1792 г. отступающая прусско-австрійская армія сдѣлала привалъ въ городкѣ Сиври около Дёна. Отступали съ большими потерями, изнурены были ненастьемъ и, кромѣ того, голодали.

Городокъ Сиври оказался почти нетронутымъ войною. Прекрасные сады и огороды съ овощами окружали благоустроенные домики, очаги патріархальной жизни. Но жители находились въ тревогѣ и боялись. Въ одной усадьбѣ задѣлали дверь въ огородъ и такъ ее замазали, что ее не было видно, чтобы въ случаѣ набѣга на огородъ солдаты не проникли въ домъ.

Въ этомъ домѣ у очага сидѣла семья—родители съ дѣтьми. Надъ очагомъ висѣлъ котелъ; въ немъ варился супъ съ говядиной и овощами. Сидѣньемъ у огня служилъ ящикъ съ запасенной солью, оберегаемой отъ сырости. Кругомъ—порядокъ и домовитость. Дѣвушка обслуживала сидящихъ у очага; у огня сидѣла хозяйка, держа на колѣняхъ мальчика; къ ней тѣснились двѣ дѣвочки.

Въ дверь раздался стукъ. Тревожные взгляды обратились на дверь, въ которую вошло нѣсколько военныхъ и одинъ, одѣтый не по военному. Это былъ Гете. Вошедшіе привѣтствовали хозяевъ, усѣлись и стали разспрашивать о дѣлахъ. Хозяева стали жаловаться на пережитыя испытанія и всячески выражали свое безпокойство. Гости стали ихъ успокаивать, указали, что бояться больше нечего: придетъ еще только арьергардъ. Дѣвочки пожелали доброй ночи и удалились на покой. Было уютно, тѣмъ болѣе что за окнами выла осенняя буря и шелъ дождь.

Вошелъ молодой человѣкъ, въ народномъ французскомъ костюмѣ, присѣлъ у очага, недружелюбно взглядывая на при-

шельцевъ. Это былъ братъ хозяина. Отозвавъ его въ сторону, онъ о чемъ-то тревожно заговорилъ.

Тутъ послышались на дворѣ вопли и крики. Оказалось, — нѣмецкіе солдаты, подъ предлогомъ фуражировки, начали грабить и отняли у ткача совсѣмъ ненужный имъ станокъ. Гете со своими спутниками вышелъ и убѣдилъ солдатъ прекратить грабежъ. Но «голодъ не признаетъ никакихъ законовъ». Веймарскій мясникъ, бывшій въ походѣ, жаловался, что одинъ хозяинъ не хочетъ разставаться со своей свиньей, нужной имъ для дальнѣйшаго пути. Гете, выслушавъ его, призналъ, что запасы необходимы, и нужно убѣдить упрямаго хозяина продать свинью. «Было довольно странно»,—говоритъ Гете,—«что мы, только что сдержавшіе грабежъ, должны были участвовать въ подобномъ предпріятіи». Пришлось итти къ хозяину свиньи и почти насильно купить у него свинью.

Но пока покупалась свинья, и Гете сидѣлъ у новаго очага, раздался настойчивый стукъ въ дверь. Не хотѣли отворять, но пришлось. Вбѣжала старая маркитантка, держа что-то въ рукахъ, завернутое въ платокъ; за нею молодая женщина, блѣдная и обезсиленная бѣглянка, разрѣшившаяся младенцемъ въ дорогѣ. Нѣмка—маркитантка приняла участіе въ бѣглянкѣ и привела ее сюда. У роженицы пропало молоко, ребенокъ былъ голоденъ и нагъ, молодая мать падала отъ изнеможенія. Не зная по-французски, маркитантка съ помощью Гете потребовала у хозяевъ муки, молока, бѣлья, и стала хлопотать. Младенца выкупали, сварили кашу, накормили ребенка и мать. Тогда маркитантка потребовала бѣлья и платья для роженицы, и стала сушить ея промокшія одежды. «Мы смотрѣли на нее съ удивленіемъ».— прибавляетъ Гете,—«производить реквизицію она умѣла».

Уладивъ дѣло со свиньей, Гете пошелъ на прежнюю квартиру, и засталъ тамъ висящую справленную тушу свиньи. «У большой двуспальной кровати, убранная зеленью, висѣла свинья, такъ что занавѣски составляли живописный фонъ для ея освѣщенной туши. Несравненный ночной мотивъ! (Nachtstück)»,—прибавляетъ Гете-художникъ. Отъ человѣческаго взгляда Гете не укрылось и то, что здѣшнихъ хозяевъ это не только не возмутило, но вызвало нѣкоторое злорадство: съ владѣльцемъ свиньи они были не въ ладахъ.

Въ этомъ эпизодѣ весь Гете въ его отношеніяхъ къ войнѣ. Война для него—неизбѣжное зло, и все специфически военное ему чуждо. Но онъ весь оживляется, когда на войнѣ обнаруживается человѣческое. Для него нѣтъ своихъ, нѣтъ враговъ— все люди. Нѣмецъ, французъ, якобинецъ, эмигрантъ, солдатъ,

женщина, ребенокъ—равноправны въ его глазахъ. Глубокое сочувствіе вызвала въ немъ картина культурной «гомерической» жизни, которую онъ засталъ въ Сиври, и, собирая овощи на чужомъ огородѣ, онъ тамъ старался брать только необходимое, и такъ тяжело было ему пользоваться насильственнымъ гостепріимствомъ жителей. Трогательно описана имъ несчастная бѣглянка-роженица, и маркитанткѣ, за участіе къ ней и ребенку, онъ прощаетъ реквизицію. Онъ прославляетъ французскаго офицера въ Вердёнѣ, который стрѣлялъ въ нѣмцевъ, уже вступившихъ въ городъ, и чтобы избавиться отъ ихъ суда, бросился въ рѣку. Но тамъ, гдѣ въ человѣкѣ пробуждается звѣрь, Гете содрогается. Мимоходомъ онъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что «пруссаки, при наступленія, грабили мирныя и невинныя деревни», что они, грабя, выдавали боны на имя Людовика XVI и, наконецъ подводя итоги этимъ впечатлѣніямъ, пишетъ 3 сентября:

«Такъ жили мы между порядкомъ и безпорядкомъ, то охраняя, то разоряя, то грабя, то платя. И вотъ въ чемъ безнравственность войны. Человѣкъ разыгрываетъ то храбраго разрушителя, то добраго возстановителя, привыкаетъ къ фразамъ, возбуждающимъ надежду въ самомъ отчаянномъ положеніи и бодрящимъ; и возникаетъ особаго рода изувѣрство, своеобразно отличающееся отъ поповскаго или придворнаго».

Описавъ очень детально впечатлѣнія боя, Гете обрисовалъ специфическое состояніе, когда «кажется, что стоишь на очень жаркомъ мѣстѣ, но весь проникнутъ этимъ жаромъ, такъ что совершенно сливаешься съ окружающей стихіей». Эта лихорадка сейчасъ же проходитъ, какъ только удалишься отъ боя, но «вообще это состояніе не принадлежитъ къ числу желательныхъ; среди своихъ милыхъ и благородныхъ товарищей похода я едва ли нашелъ одного, который бы обнаружилъ какое-либо страстное влеченіе къ нему».

Болѣе рѣзкія и сильныя впечатлѣнія Гете пережилъ при обратномъ взятіи нѣмцами Майнца. Пришлось бомбардировать городъ, пока онъ не сдался 23 іюня 1793 года. Нѣмцы не щадили собственнаго города, и когда Гете бродилъ по взятому городу, его страшно поразило разрушеніе его художественныхъ сокровищъ. 28 іюня Гете былъ свидѣтелемъ бамбардировки майнцскаго собора; мѣсяцъ спустя онъ съ горестью осматривалъ его. Кромѣ собора, разрушенъ былъ замокъ и дворецъ Остгеймъ, пострадала академія, сгорѣла лабораторія. Гете заглянулъ въ одно уютное зданіе: «здѣсь долгіе годы было собраніе достопримѣчательностей, фарфоровыя и мраморныя фигуры, китайская посуда...» Въ другомъ мѣстѣ—уничтоженные парки и сады. «Въ груду развалинъ

обращено то, что воздвигали столѣтія, тамъ, куда стекались въ прекрасномъ мѣстоположеніи богатства провинцій, и гдѣ религія старалась укрѣпить и умножить ихъ тѣмъ, что имѣли ея служители. Смущеніе, охватившее душу, было въ высшей степени больно, еще грустнѣе, чѣмъ если бы попасть въ городъ, испепеленный случайно».

Когда городъ былъ сданъ, началась поспѣшная эвакуація французовъ, выдержавшихъ въ немъ осаду, а коренные жители Майнца, эмигрировавшіе изъ него при приближеніи французовъ, хлынули въ городъ въ свои оставленныя на произволъ врага жилища. Настроеніе ихъ было въ высшей степени озлобленное. Гете встрѣтилъ одного эмигранта, который велъ за руку 8-лѣтняго сынка и просилъ Гете посадить его къ себѣ. При этомъ онъ выразилъ враждебныя чувства по адресу «клуббистовъ», т.-е. якобинцевъ и грозилъ имъ смертью и расправой. «Я постарался смягчить его»,—говоритъ Гете,—«и сказалъ ему, что возвращеніе въ мирное домашнее состояніе не слѣдуетъ осквернять новой гражданской войной, ненавистью и мщеніемъ, чтобы не длить несчастія». Гете указалъ ему, что виновныхъ наказывать—дѣло властей, взялъ ребенка, накормилъ и напоилъ, и ссадилъ въ условленномъ мѣстѣ. Но настроеніе эмигранта не было единичнымъ. На слѣдующій день Гете съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что властями не предпринято никакихъ мѣръ для предупрежденія безпорядковъ. Французы, выѣзжавшіе изъ города, на шоссе встрѣчали возвращавшихся жителей Майнца и подвергались съ ихъ стороны враждебнымъ выступленіямъ и насиліямъ. Не успѣвали «клуббисты» ускользнуть отъ преслѣдованія въ городѣ, какъ ихъ подстерегали враждебныя банды на дорогѣ, съ миромъ отпускавшія французскихъ эмигрантовъ, но «клуббистовъ» подвергавшія побоямъ. Одного изъ нихъ, ѣхавшаго съ дамой-эмигранткой, замѣтили въ каретѣ, выволокли за ноги, а дамѣ пожелали счастливаго пути. Его поволокли на поле, подвергли страшному избіенію и истязанію; конецъ расправѣ положила стража, которая, оградивъ несчастнаго отъ побоевъ въ крестьянской избѣ, не могла оградить его отъ оскорбленій.

Эвакуація продолжалась. Съ французской инфантеріей уходили и нѣкоторыя нѣмецкія дѣвушки, смѣшиваясь съ отрядами. Насмѣшливо кивали имъ головой встрѣчные знакомые, приговаривая:

— Эй, Лизочка, захотѣла посмотрѣть на свѣтъ Божій?

— Подошвы-то теперь новыя; но онѣ сотрутся!

— Научилась уже по-французски? Счастливый путь!

Но дѣвушки глядѣли весело; однѣ желали сосѣдкамъ счастливо оставаться, другія молча смотрѣли на своихъ милыхъ.

Но толпа, подстрекаемая женщинами, держалась угрожающе. Когда показалась повозка съ какими-то людьми, наступило зловѣщее молчаніе. Потомъ раздался ропотъ и крикъ:

— Держите его! Убейте! Этотъ негодяй первый разграбилъ соборъ и потомъ поджегъ!

Дѣло происходило передъ квартирой герцога, и Гете, долго не раздумывая, закричалъ, когда въ толпѣ началось движеніе:

— Стой!

Опять тишина, и раздается убѣждающая рѣчь Гете, который грозитъ и требуетъ, чтобы не смѣли производить безпорядковъ передъ квартирой герцога, и не задерживали людей, которымъ герцогъ позволилъ выѣхать.

Однако нѣсколько человѣкъ рванулось къ повозкѣ, и среди нихъ Гете узналъ вчерашняго знакомца съ сынкомъ. Гете опять къ нему обратился, образумляя его. Настроеніе толпы прошло, а спасенный французъ подошелъ съ своимъ ребенкомъ къ Гете, желая узнать имя того, кому обязанъ жизнью. Гете скромно отвѣтилъ, что только исполнилъ свою обязанность.

Несмотря на то, что изъ этого похода Гете сумѣлъ извлечь многое для себя, съ чувствомъ глубокаго облегченія разстался съ походной жизнью, чтобы отдаться своимъ любимымъ занятіямъ и уже по пути, заѣхавъ къ своему зятю Шлоссеру въ Гейдельбергъ, ведетъ съ нимъ оживленную бесѣду о Farbenlehre, о которой онъ не переставалъ думать все время похода.

Однако, ему суждено было еще разъ пережить военныя впечатлѣнія. Но тогда яснѣе обрисовались его политическія симпатіи.

III.

Олимпійское безстрастное отношеніе Гете къ политикѣ надо понимать условно. Сообщенный Эккерманомъ анекдотъ о томъ, какъ поэтъ принялъ извѣстіе о іюльской революціи 1830 г., мало для него характеренъ. Великія событія, которыхъ онъ былъ современникомъ, дѣйствовали на него опредѣленнымъ образомъ, ни въ какомъ случаѣ не игнорировались имъ, только не выводили его изъ равновѣсія, не выводили его изъ круга обычныхъ интересовъ.

«Что касается меня»,—писалъ онъ въ 1797 году,—«то я все болѣе убѣждаюсь, что каждый долженъ только заниматься своимъ дѣломъ, а все остальное принимать легко. Нѣсколько стиховъ, которые я собираюсь написать, интересуютъ меня больше, чѣмъ много важнѣйшихъ вещей, на которыя мнѣ не дано вліянія, и если всякій будетъ поступать такъ же, все будетъ ладно и дома, и въ государствѣ».

Объективно для Гете есть болѣе важныя вещи, чѣмъ его поэзія; но на нихъ ему не дано вліять,—и онъ занимается поэзіей. Однако, когда представилась ему возможность вліять, онъ ее использовалъ.

24 сентября 1806 года у Гете былъ разговоръ съ министромъ Фойхтомъ, а затѣмъсъ Карломъ Августомъ по поводу начинавшейся войны Пруссіи съ Наполеономъ, въ которой долженъ былъ принять участіе веймарскій герцогъ. Отъ этого-то участія отговаривалъ Гете своего друга. Гете не вѣрилъ въ успѣхъ войны, съ недовѣріемъ относился къ Пруссіи и съ довѣріемъ къ Франціи. Между тѣмъ, несмотря на общую тревогу, среди нѣмцевъ господствовалъ военный подъемъ, и организовалось народное движеніе.

«Мнѣ казалось удивительнымъ, что при вѣрѣ въ прусское могущество и военныя способности раздавались предостереженія всюду, что нужно прятать лучшія вещи и важнѣйшія бумаги»,—писалъ Гете.

Дѣйствительно, началось поспѣшное бѣгство изъ Іены и эмиграція изъ Веймара. Уѣхалъ весь дворъ за исключеніемъ герцогини Луизы, этой необыкновенной женщины, сумѣвшей вскорѣ отстоять передъ Наполеономъ своего супруга. Остался въ Веймарѣ и Гете въ своемъ домѣ, наполненномъ художественными сокровищами.

А 14 октября, рано утромъ, послышалась канонада изъ-подъ Іены. Вскорѣ бѣжавшія черезъ Веймаръ прусскія войска оповѣстили жителей о положеніи дѣлъ, а за ними въ городъ вступили французы.

Часть гетевскаго дома была занята подъ постой нѣсколькими эльзасскими гусарами.

Ночью Гете пришлось пережить тревожныя минуты; перепившіеся гусары ворвались въ его спальню и угрожали его жизни; тутъ показала огромное присутствіе духа гражданская жена Гете, Христина Вульпіусъ, союзъ съ которою онъ поспѣшилъ узаконить послѣ этого случая. Но этимъ все и кончилось. На слѣдующее утро Гете увидѣлъ, что былъ правъ, разсчитывая на культурное отношеніе къ нему французовъ. Явился маршалъ Ней и поставилъ стражу. Явились вслѣдъ затѣмъ генералъ Викторъ и маршалъ Ланнъ и Ожеро. Послѣдній опредѣлилъ Гете, какъ «un homme recommandable dans toutes les acceptions du mot». Отъ новаго коменданта Веймара Гете получилъ слѣдующее заявленіе: «генералъ-адъютантъ императорскаго штаба проситъ господина тайнаго совѣтника Гете быть совершенно спокойнымъ. Нижеподписавшійся комендантъ города Веймара, по представленію г. маршала Ланна и изъ вниманія къ великому Гете,

приметъ всѣ мѣры, чтобы обезпечитъ безопасность господина Гете и Вашего дома». Комендантъ поселилъ въ домѣ Гете очень пріятнаго для него жильца—Денона, главнаго инспектора искусства и музеевъ въ Парижѣ.

Но конечно не всѣ пользовались такими привилегіями. Населеніе Веймара пострадало отъ грабежей, но и о другихъ сумѣлъ позаботиться Гете.

Высоко-культурное отношеніе Наполеона къ Гете, выражавшееся въ извѣстномъ свиданіи въ Эрфуртѣ, могло только усилить симпатіи Гете къ Франціи. Передъ поэтомъ стоялъ не полководецъ, не политикъ, не завоеватель, а человѣкъ, интересующійся наукой и искусствомъ, его покровитель и критикъ. Какъ выигрывалъ въ глазахъ Гете Наполеонъ въ сравненіи съ чуждымъ всякихъ художественныхъ интересовъ прусскимъ королемъ или грубоватымъ герцогомъ Веймарскимъ, не постѣснившимся, несмотря на протесты Гете, пустить ученыхъ собакъ на ту сцену, гдѣ давались драмы Шиллера и Гете! «Величайшій умъ, какой видѣлъ міръ!»—воскликнулъ Гете о Наполеонѣ. Въ свою очередь и Наполеонъ, помимо его извѣстныхъ отзывовъ о Гете, не позабылъ послать ему поклонъ, возвращаясь изъ Россіи послѣ рокового похода 1812 года. Эти впечатлѣнія подготовили ту позицію, которую Гете занялъ по отношенію къ «освободительнымъ войнамъ» въ 1813 году.

Гете не сочувствовалъ освободительной войнѣ потому, что, во-первыхъ, онъ предпочиталъ французское правленіе нѣмецкому. Нѣмецкая культура и народность ничего бы не потеряли отъ французскаго владычества, а политическая свобода была бы не меньше, если не больше. Во-вторыхъ, Гете не вѣрилъ въ успѣхъ войны, и, въ-третьихъ, опасался другой власти, менѣе культурной, чѣмъ наполеоновская. «Что мы выиграли?»—писалъ онъ осенью 1813 года: «Вы говорите—свободу; можетъ быть это и можно было бы назвать освобожденіемъ, но не отъ ига чужеземцевъ вообще, а отъ одного чужеземнаго ига. Правда, французовъ я больше не вижу, но зато вижу казаковъ, башкировъ, кроатовъ, мадьяровъ, кашубовъ, коричневыхъ и иныхъ гусаровъ».

Опять вокругъ Веймара загрохотали пушки, опять этотъ городъ пережилъ всѣ тревоги войны, и изъ окна своего дома Гете видѣлъ пестрыя войска союзниковъ. Въ толпѣ казаковъ Гете замѣтилъ верблюда и задумчиво наблюдалъ этотъ «символъ Азіи»...

Наконецъ, съ Наполеономъ было покончено. И въ оцѣнкѣ положенія сошлись два противоположныхъ генія: одинъ, весь занятый политикой и дерзко бросавшій въ лицо всей реакціонной

Европѣ свои громы, и другой, создавшій себѣ репутацію политически индифферетнаго мыслителя, скромно прятавшій въ своихъ дневникахъ свои политическія сужденія. Это были Байронъ и Гете.

Байронъ, какъ извѣстно, не раздѣлялъ общаго торжества по поводу паденія Наполеона, чувствуя, что «воскресъ въ лохмотьяхъ прежнихъ дней бездушный идолъ рабства и гоненій». Съ негодованіемъ онъ спрашивалъ:

Сразивши льва, волковъ ли за вождей
Признаемъ мы?..

Тѣ же мысли скромно выразилъ Гете въ стихотвореніи, еще не привлекшемъ вниманія русскихъ переводчиковъ:

«Слава Богу! Дѣло удалось: тиранъ на св. Еленѣ. Но едва удалось изгнать одного тирана, какъ мы имѣемъ сто тирановъ, кующихъ очень неудобную для насъ, новую континентальную систему...».

Очевидно, благообразный тайный совѣтникъ фонъ-Гете, котораго очень обязывало его положеніе, умѣлъ съ совершенно либеральной точки зрѣнія оцѣнить положеніе.

Однако, орлиный взоръ его предусматривалъ очень далекое будущее. Онъ предвидѣлъ наше время и послалъ проклятіе тому, кто явился теперь причиной мірового кошмара.

На это стихотвореніе Гете нѣмцы какъ-то не обратили вниманія.

«*Будь проклятъ тотъ, кто, увлеченный ложнымъ совѣтомъ, въ порывѣ буйной гордыни, затѣетъ, будучи нѣмцемъ, то, что затѣвалъ корсиканскій французъ! Онъ почувствуетъ, рано или поздно, что это постоянный законъ: несмотря на силу и тяжкія усилія, это обратится въ зло ему и его народу!*» [1])

Влад. Фишеръ.

---

[1]) Verflucht sei, wer nach falschem Rat,
Mit überfrechem Mut,
Das, was der Corse-Franke tat,
Nun als ein Deutscher tut.
Er fühle spät, er fühle früh,
Es sein ein dauernd Recht;
Ihm geh'es trotz Gewalt und Müh,
Ihm und den Seinen schlecht.

Національный вопросъ въ русскомъ общественномъ движеніи.

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда впервые въ русскомъ общественномъ движеніи былъ поставленъ національный вопросъ. Русской общественной мысли суждено было продѣлать въ этомъ вопросѣ значительную эволюцію, но тѣмъ не менѣе національная проблема и сейчасъ стоитъ предъ нами во всей своей остротѣ. Послѣднія 10—15 лѣтъ ознаменовались мощнымъ развитіемъ національныхъ движеній разныхъ народностей Россіи. Отвѣтомъ на всѣ эти «національныя вожделѣнія» былъ ярко націоналистическій курсъ нашей внутренней политики, казалось, надолго отбросившей мысль о какомъ-либо удовлетворительномъ разрѣшеніи національнаго вопроса.....

И только теперь, совершенно неожиданно, подъ напоромъ грозныхъ внѣшнихъ событій русскому націонализму приходится дѣлать уступку въ одной изъ самыхъ острыхъ національныхъ проблемъ: въ польскомъ вопросѣ. Можно сколько угодно спорить о размѣрахъ и прочности уступки со стороны русскаго націонализма, но нельзя отрицать ея принципіальнаго значенія. *Получаетъ формальное признаніе то, что передовой русской общественной мыслью проводилось и защищалось цѣною тяжелыхъ жертвъ въ теченіе ста лѣтъ.*

Въ исторіи русскаго общественнаго движенія польскій вопросъ занимаетъ крупное мѣсто, но не единственное. Одновременно съ польской проблемой русская общественная мысль занята и другими національными вопросами: украинскимъ и еврейскимъ, часто переплетающимися съ польскимъ вопросомъ. Она разсматриваетъ и разрѣшаетъ національный вопросъ въ тѣсной связи съ другими волнующими ее общественными проблемами.

Мы, конечно, не сможемъ установить единство въ постановкѣ національнаго вопроса въ русскомъ общественномъ движеніи. Различныя эпохи, различныя условія, различные общественные интересы даютъ неодинаковое разрѣшеніе національной проблемы.

Но тѣмъ не менѣе можно отмѣтить во всемъ русскомъ общественномъ движеніи одну общую черту. Это—глубокое сознаніе, что національный вопросъ не стоитъ особнякомъ отъ другихъ вопросовъ русской жизни и что его разрѣшеніе возможно только въ связи съ общими успѣхами русскаго общественнаго движенія.

I.

Тѣсная связь національнаго вопроса съ другими вопросами русской жизни сказалась еще на зарѣ русскаго общественнаго движенія въ первой четверти прошлаго вѣка. Мысль передовыхъ людей того времени—декабристовъ была занята разрѣшеніемъ сложныхъ проблемъ политическаго и соціальнаго преобразованія Россіи. Казалось, всѣ эти вопросы были далеки отъ національнаго вопроса. А между тѣмъ, очень скоро условія русской дѣйствительности связали разрѣшеніе этихъ проблемъ съ той или иной постановкой національнаго вопроса. Особенно ярко обнаружилась эта связь въ польскомъ вопросѣ.

Въ составъ русскаго государства, управляемаго автократически, вошла въ 1815 г. автономная Польша, конституція которой была гарантирована вѣнскимъ конгрессомъ и присягой имп. Александра I. Конституція Царства Польскаго устанавливала неприкосновенность личности, свободу печати, официальный польскій языкъ, польскую администрацію въ Царствѣ, мѣстное самоуправленіе (уѣздные сеймики и коммунальныя собранія), народное представительство—сеймъ. Намѣстникомъ Царства Польскаго былъ назначенъ полякъ—одинъ изъ участниковъ возстанія Костюшки—Заіончекъ. Во главѣ особаго польскаго войска стоялъ великій князь Константинъ Павловичъ [1]).

Противорѣчіе между конституціонно управляемой Польшей и остальной Россіей не могло не вызвать особаго интереса къ польскому вопросу у декабристовъ. Декабристамъ не было дѣла до тѣхъ международныхъ условій, въ силу которыхъ конструировалось конституціонное Царство Польское. Имъ важенъ былъ самый фактъ существованія въ предѣлахъ Россіи конституціонной Польши. Первое впечатлѣніе, какое произвела конституціонная Польша на декабристовъ,—это чувство глубокой національной обиды, что только одна Польша удостоена конституціоннаго строя. «Россіяне имѣли право надѣяться,—пишетъ кн. С. Трубецкой,—что не однимъ завоеваннымъ ими народамъ суждено пользо-

[1]) О польской конституціи см. *В. И. Семевскій.* «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», 1909 г., стр. 51—55, а также стат. *З. Ленскаго*: Польша въ первой половинѣ XIX вѣка въ «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ», изд. Гранатъ, томъ I.

ваться правами свободы, недоступной для однихъ русскихъ»[1]). То же оскорбленное національное чувство сквозитъ въ словахъ другихъ декабристовъ: Лунина, фонъ-Визина, Поджіо, Завалишина и друг., которые почти буквально повторяютъ мысль Трубецкого.

Мы не слышимъ среди декабристовъ голосовъ противъ польской автономіи, за исключеніемъ, развѣ только одного М. Ѳ. Орлова, который по словамъ декабриста Н. И. Тургенева, готовилъ даже протестъ противъ свободныхъ учрежденій Польши. Но Орловъ, когда Тургеневъ попрекнулъ его за «патріотизмъ раба», призналъ своего собесѣдника «не совсѣмъ неправымъ» [2]).

Почти для всѣхъ декабристовъ въ то же время польская конституція была весьма выгоднымъ конституціоннымъ прецедентомъ. Польская конституція становится опорнымъ пунктомъ конституціонныхъ вожделѣній декабристовъ. Особенно большое вліяніе на декабристовъ оказала рѣчь Александра I при открытіи польскаго сейма, содержавшая намекъ на распространеніе конституціонныхъ учрежденій на всю Россію. Даже генералъ Орловъ, несмотря на свое отрицательное отношеніе къ польской конституціи, одобрялъ рѣчь Александра. Очень мѣтко характеризуетъ впечатлѣніе отъ рѣчи, произнесенной Александромъ I, на передовое русское общество кн. П. Вяземскій, въ то время стоявшій близко къ декабристамъ. Вяземскій не знаетъ, говорилъ ли Александръ «отъ души» или «съ умысломъ дурачилъ свѣтъ», но тѣмъ не менѣе онъ придаетъ большое значеніе рѣчи: (эту рѣчь) «можно будетъ и припомнить ему—Александру, если онъ забудетъ... Государева рѣчь обдала законоположительнымъ паромъ православный народъ, все заговорило языкомъ законосвободнымъ». Николай Тургеневъ спрашиваетъ въ своемъ дневникѣ: «что если свобода придетъ въ Россію черезъ Польшу». Тургеневъ желаетъ, поэтому, полякамъ всякаго благополучія въ *ихъ теперешнихъ предѣлахъ*» [3]). Эта оговорка очень характерна. Декабристы не хотѣли признать правъ исторической Польши. Они горячо протестовали противъ присоединенія къ Польшѣ Литвы, Украйны и Бѣлоруссіи. Въ этомъ вопросѣ они расходились не только съ польскими патріотами, но и съ Александромъ I, который склонялся къ присоединенію къ Царству Польскому литовско-русскихъ областей [4]). Правда, на прямой вопросъ Чарторыскаго о

---

[1]) Записки кн. Трубецкого, изд. его дочерей, 1907 г. Прибавленіе къ запискамъ, стр. 80. Трубецкой имѣлъ въ виду, кромѣ поляковъ, финляндцевъ и нѣмцевъ Прибалтійскаго края.

[2]) *Семевскій*. «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», стр. 396.

[3]) *Семевскій*, стр. 268.

[4]) См. *Н. Коробка*: Польскія общества 20 гг. и деакбристы. (Сборникъ

присоединеніи областей Александръ отвѣчалъ уклончиво. Онъ даже проситъ Чарторыскаго «не забывать, что Литва, Подолія и Волынь до сихъ поръ считаютъ себя русскими провинціями» [1])... Но тѣмъ не менѣе въ рѣчи на сеймѣ уже заключался намекъ на возможность присоединенія областей. Былъ созданъ особый литовскій корпусъ, которымъ начальствовалъ вождь польской арміи—великій князь Константинъ. Въ этомъ соединеніи командованія надъ польской и литовской арміей многіе декабристы видѣли признакъ будущаго соединенія Литвы съ Польшей. Стали распространяться слухи о возможности въ ближайшемъ будущемъ подобнаго соединенія. Во всѣхъ этихъ слухахъ о присоединеніи литовско-русскихъ областей, а также въ частыхъ поѣздкахъ государя въ Варшаву и въ нежеланіи Александра распространить конституціонный строй на Россію декабристы стали видѣть предпочтеніе Польши Россіи. Письмо кн. Трубецкого, которое сообщаетъ обо всѣхъ этихъ слухахъ и также о возможности перенесенія столицы въ Варшаву производитъ такое сильное впечатлѣніе на пылкаго декабриста Якушкина, что онъ рѣшаетъ убить Александра [2]). Очень многіе декабристы особенно сѣверяне: кн. Трубецкой, Тургеневъ, Якушкинъ, Завалишинъ считали отторженіе литовско-русскихъ областей и возстановленіе исторической Польши оскорбительнымъ для русскихъ. Генералъ Орловъ одинъ изъ первыхъ декабристовъ заявляетъ, что «сіе возстановленіе будетъ несчастьемъ для Россіи» [3]). По этому поводу онъ пишетъ, почтительное, но, по его словамъ, довольно сильное письмо Государю. Орловъ считаетъ, что одной изъ главныхъ задачъ русскаго тайнаго общества должно быть противодѣйствіе тайнымъ польскимъ обществамъ пріобрѣсти вліяніе на государя [4]).

Какъ извѣстно, медовый мѣсяцъ польской конституціи былъ

«О минувшемъ», 1909 г.). Въ польскомъ тайномъ обществѣ «національное масонство» бюстъ Александра служилъ обрядовой декораціей на собраніяхъ масоновъ не только въ Польшѣ и Литвѣ, но и въ Познани. (Аскенази. Цитирую по Коробкѣ). Любопытно, что политика Пруссіи въ 20 гг. прошлаго вѣка очень походила на политику Александра I. Прусское правительство хотѣло сдѣлать Познань центромъ польскаго движенія, дало Познани автономію съ сеймомъ, назначило намѣстникомъ Познани поляка кн. Радзивилла, создало польское войско подъ начальствомъ поляка Косинскаго. Въ Пруссіи только раньше, чѣмъ въ Россіи, началась реакція противъ поляковъ, германизація и т. п. (См. *Коробка*, стр. 199).

[1]) *В. Семевскій*, стр. 72.

[2]) Записки Якушкина, изд. 1905 г., стр. 14—15. По поводу этого рѣшенія Якушкина Пыпинъ говоритъ: «этотъ примѣръ показываетъ, до какой сильной степени господствовало въ тайномъ обществѣ то чувство русской народности, какое въ данномъ случаѣ хотятъ присвоить одному Карамзину, и которое вообще хотѣли отвергать у тогдашняго либеральнаго кружка». (*Пыпинъ*. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, стр. 403).

[3]) и [4]) Записка о тайномъ обществѣ Орлова. *Довнаръ-Запольскій*. Мемуары декабристовъ, стр. 3.

весьма непродолжителенъ, немногимъ больше, чѣмъ въ Пруссіи. Очень скоро стали нарушаться конституціонныя гарантіи неприкосновенности личности и свободы печати, стали урѣзываться права сейма (гласность, бюджетное право, свобода слова депутата). Судьба Польши очутилась въ рукахъ императорскаго комиссара при польскомъ правительствѣ, Новосильцева, и главнокомандующаго польской арміей, великаго князя Константина Павловича, преслѣдовавшихъ польскія патріотическія общества и организовавшихъ полицейскій режимъ въ краѣ

Удивительно мѣтко опредѣляетъ создавшееся положеніе въ Польшѣ тотъ же князь П. Вяземскій, о которомъ мы уже упоминали: «конституціонныя сѣни въ деспотическихъ казармахъ—уродство въ искусствѣ зодческомъ, и поляки это очень чувствуютъ. Намъ отъ ихъ сѣней не тепло, но имъ отъ нашихъ казармъ очень холодно»...

Въ письмѣ къ декабристу М. Ѳ. Орлову князь П. Вяземскій пишетъ о полякахъ: «не быть имъ свободными, пока мы будемъ въ цѣпяхъ, не царствовать у нихъ законамъ, пока у насъ Божьею милостью будетъ царствовать самовластіе... Какъ не морщись, а подай искреннюю руку братства народу, съ коемъ сродство наше уже непреложно, сродство благоденствія или бѣдствій,—одну чашу пить намъ; не станемъ мутить ее другъ другу и подкидывать ядъ» [1]).

Поляки, дѣйствительно, приходятъ къ мысли о необходимости сближенія съ русскими посредствомъ тайныхъ обществъ. Въ юго-западномъ краѣ перекрещивалась дѣятельность польскаго тайнаго общества и русскаго южнаго общества. Этотъ районъ сталъ центромъ переговоровъ русскихъ съ поляками. Н. Коробка въ своей статьѣ о польскихъ тайныхъ обществахъ склоняется къ тому, что иниціатива переговоровъ принадлежала полякамъ. Декабристы на слѣдствіи подтверждаютъ также, что иниціатива въ сближеніи исходила отъ поляковъ. Но, несомнѣнно, что для русскихъ обществъ присоединеніе поляковъ имѣло весьма большое значеніе и что русскіе охотно шли навстрѣчу полякамъ.

Правда, нѣкоторые декабристы отвергаютъ всякую мысль о возможности соглашенія съ поляками. М. Орловъ заявляетъ Бестужеву, сообщившему ему о переговорахъ съ поляками: «вы не русскій—прощайте» [2]). Еще рѣшительнѣе протестуетъ противъ союза съ поляками М. И. Муравьевъ-Апостолъ: «я первый буду

---

[1]) Цитирую по Семевскому, стр. 280. Д. И. Завалишинъ, подобно кн. Вяземскому, указываетъ, что при русскомъ абсолютизмѣ «права Польши мнимыя».

[2]) Записка Орлова, *Довнаръ-Запольскій*, стр. II.

противиться тому, чтобы Польша разыграла въ кости судьбу моей родины» [1]).

Но кромѣ этихъ рѣшительныхъ противниковъ какихъ-либо соглашеній съ поляками была группа, которая въ переговорахъ стремилась убѣдить поляковъ въ необходимости и выгодѣ для нихъ союза съ Россіей. Таково было мнѣніе Трубецкого, который надѣялся, что при помощи русскихъ поляковъ удастся присоединить къ Россіи и польскія области Австріи и Пруссіи [2]).

Наконецъ, послѣдняя группа декабристовъ наиболѣе активная, во главѣ съ Пестелемъ, учитывая выгоды революціоннаго союза съ поляками, соглашалась на независимость Польши подъ условіемъ союза съ Россіей. Бестужевъ-Рюминъ, С. Муравьевъ, князь С. Волконскій и Пестель отъ имени Южнаго общества вступили въ пероговоры съ представителями польскаго тайнаго общества. Пестель подробно разсказываетъ Верховному Уголовному Суду о своихъ сношеніяхъ съ поляками. «Цѣль сношеній съ польскимъ обществомъ, заявляетъ Пестель, состояла въ томъ, чтобы знать, что у поляковъ дѣлается, и дружескими сношеніями предупредить вредъ, который они Россіи сдѣлать могли бы въ роковое время» [3])

Это заявленіе, несмотря на общій искренній и правдивый характеръ показаній Пестеля, грѣшитъ нѣкоторой искусственностью. Вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, опредѣляетъ истинныя цѣли переговоровъ другой участникъ сношеній съ поляками—кн. Волконскій. Въ лицѣ польскаго тайнаго общества декабристы искали себѣ необходимаго союзника въ революціонной борьбѣ. «Главное дѣло, говоритъ кн. Волконскій, это на обоюдныхъ правилахъ устроить возстаніе, не въ отвлеченныхъ мысляхъ, а на дѣлѣ».

Декабристы принуждены говорить съ поляками объ условіяхъ, на которыхъ возможно объединенное революціонное выступленіе.

Поляки настаиваютъ не только на полной самостоятельности Царства Польскаго, но хотятъ полнаго возстановленія исторической Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ [4]). Большинство представителей Сѣвернаго общества рѣзко высказывались противъ какихъ-либо присоединеній русско-литовскихъ областей. Никита Му-

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій,* стр. 275.

[2]) Записки кн. Трубецкого, стр. 24. Полякъ Гродецкій въ своемъ второмъ показаніи утверждаетъ, что русскіе обѣщали полякамъ помочь возвратить польскія области Австріи и Пруссіи. *(Коробка,* 225 стр.).

[3]) *Павелъ Сильванскій.* Пестель передъ Верховн. Уголовн. Судомъ. «Былое», V, стр. 249, 1906 г.

[4]) Польское патріотическое общество дѣлилось на семь провинцій: 1) Царство Польское, 2) Литва, 3) Волынь и Подолія, 4) Галиція, 5) Краковъ и его округъ, 6) Познань и 7) польская армія, разсматриваемая, какъ отдѣльная провинція. (*Н. Коробка,* стр. 202).

равьевъ въ своемъ показаніи передъ слѣдственной комиссіей говоритъ: «члены Сѣверной думы доказали Давыдову, а потомъ и Пестелю, сколь мѣра сія (уступка областей) противна духу и самолюбію народа, привыкшаго въ продолженіе вѣковъ пріобрѣтать, а не отдавать области» [1]). Изъ словъ Бестужева-Рюмина мы узнаемъ, что представители Южнаго общества соглашались на уступку слѣдующихъ областей, «не довольно обрусѣвшихъ»: всю Гродненскую губ., часть Виленской, Минской и Волынской [2]). Пестель въ «Русской Правдѣ» къ этимъ областямъ прибавляетъ еще Бѣлостокскую область. Поляки настаивали на границахъ исторической Польши. Въ противовѣсъ этимъ притязаніямъ русскіе делегаты выдвинули новый принципъ, совершенно противорѣчившій сложившимся историческимъ традиціямъ. Они предложили для спорныхъ областей плебисцитъ, т.-е. апелляцію къ населенію: «если возникнутъ сомнѣнія, то жителямъ дадутъ на выборъ присоединиться къ тому или другому государству по своей волѣ» [3]). Эта апелляція къ населенію не была встрѣчена сочувственно поляками, отстаивавшими историческія границы Польши.

Пестель на судѣ неоднократно подчеркивалъ, что о независимости Польши во время переговоровъ было только «глухо» сказано; объ уступкѣ же областей не было и рѣчи. Пестель не забываетъ сообщить суду, что «не мы просили содѣйствія у поляковъ, но они просили нашего» [4]). Эти заявленія могли бы ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительной позиціи Пестеля въ польскомъ вопросѣ и истиннаго характера переговоровъ. Но у насъ имѣется другой документъ, дающій полное представленіе объ истинныхъ взглядахъ Пестеля на національный вопросъ вообще и польскій въ частности. Этотъ документъ—знаменитая «Русская Правда»: Наказъ временному правительству. Національная проблема состоитъ, по мнѣнію Пестеля, въ столкновеніи права народности, предъявляемаго подвластной національностью, съ правомъ благоудобства, отстаиваемаго государствомъ. Первое состоитъ въ стремленіи подчиненнаго народа къ государственной независимости. Второе—въ интересахъ большого государства ассимилировать всѣ инородныя части въ одно цѣлое.

«Право народности вовсе необязательно для государственнаго

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій.* Мемуары декабристовъ.

[2]) *В. Семевскій,* стр. 641.

[3]) *Семевскій,* стр. 641, а также Записки *бар. Розена,* изд. 1907 г.

[4]) *Павловъ-Сильванскій,* тамъ же, стр. 252. Отвергая возможность уступки областей подъ давленіемъ поляковъ, Пестель въ то же время говорилъ: «Но въ собственныхъ нашихъ предложеніяхъ уступались имъ тѣ части, которыя на моей картѣ означены». (*Павловъ-Сильванскій,* стр. 256).

дѣятеля, который долженъ руководствоваться «правомъ благоудобства». По этому праву можно не считаться съ сосѣдними маленькими государствами, если интересы государства требуютъ установленія крѣпкихъ границъ». Но «въ то же время необходимо помнить, что могущество дано государству отъ Провидѣнія не для утѣсненія сосѣдей, но для дѣйствій правильныхъ и согласныхъ съ чистой справедливостью» [1]). Пестель рекомендуетъ только государству «не противиться враждебными чувствами и дѣйствіями правильному отдѣльному существованію народовъ, могущихъ пользоваться полной политической независимостью» [2])

Такимъ народомъ, обладающимъ «правомъ народности», является, по мнѣнію Пестеля, народъ польскій. Пестель весьма опредѣленно высказывается за независимость Польши. Здѣсь, какъ мы видѣли, имѣется нѣкоторое противорѣчіе съ тѣмъ, что говорилъ онъ о Польшѣ передъ слѣдственной комиссіей. «Да и подлинно, говоритъ Пестель, великодушію славнаго россійскаго народа прилично и свойственно даровать самостоятельность низверженному народу въ то самое время, когда Россія и для себя стяжаетъ новую жизнь». Въ этихъ словахъ отразилась дѣйствительная позиція Пестеля въ переговорахъ съ поляками. Онъ считается съ фактическимъ соотношеніемъ силъ, ему нужна революціонная помощь поляковъ. Поэтому Пестель признаетъ, что польскій народъ имѣетъ «право народности», т.-е. можетъ пользоваться полной политической свободой. Въ другомъ мѣстѣ Пестель опредѣленно говоритъ, что Польша должна заслужить свою самостоятельность «поступками и образомъ дѣйствія въ роковое время россійскаго возрожденія» [3]).

Но Пестель, конечно, и въ «Русской Правдѣ» не покидаетъ русской національной точки зрѣнія. Окончательное опредѣленіе границъ, по его мнѣнію, должно быть предоставлено «правилу благоудобства для Россіи» [4]). Представители польскаго и русскаго тайныхъ обществъ не пришли къ опредѣленному соглашенію. Русскіе делегаты твердо стояли на своей позиціи. Даже такой недоброжелатель Пестеля, какъ кн. Трубецкой признается, что русскіе делегаты не пошли на возстановленіе Польши въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ требовали поляки. Быть можетъ, этотъ неудачный исходъ переговоровъ давалъ поводъ Пестелю говорить во время

[1]) *Пестель.* Русская Правда.—Наказъ Временному Правительству. Подъ редакц. Щеголева, стр. 14.

[2]) *Пестель,* стр. 14—15.

[3]) *Пестель,* стр. 18, 20.

[4]) Предоставляя рѣшить вопросъ о границахъ «правилу благоудобства» для Россіи, самъ Пестель склоняется къ уступкѣ части литовско-русскихъ областей.

слѣдствія, что вообще о независимости Польши во время переговорахъ упоминалось «глухо».

Въ той же «Русской Правдѣ» мы находимъ условія, на которыхъ Пестель соглашается признать независимость Польши. Эти условія слѣдующія: 1) Границы опредѣляются по правилу благоудобства для Россіи. 2) Возстановленіе Польши происходитъ не путемъ отторженія, а правильной сдачей Верховнымъ Правленіемъ польскихъ губерній польскому правительству. 3) Тѣсный союзъ съ Россіей въ мирное и военное время и покровительство Россіей Польши. 4) *Одинаковое съ Россіей государственное устройство.* При этомъ *обязательна отмѣна аристократическихъ привилегій, основанныхъ на богатствахъ и правахъ родовыхъ* [1]). Послѣднее условіе весьма любопытно. Демократъ-якобинецъ Пестель не хочетъ быть безучастнымъ наблюдателемъ самостоятельнаго устроенія независимой Польши. Она должна конструироваться согласно его уравнительнымъ гражданскимъ идеямъ. Для Польши того времени это было настоящимъ вызовомъ [2]). Пестель, поэтому, не исключаетъ возможности, что поляки не пойдутъ на подобныя условія. Въ такомъ случаѣ—Польша будетъ областью Россійскаго государства, съ которой будетъ поступлено по «правилу благоудобства» для Россіи.

Такъ послѣдовательно демократически разрѣшаетъ Пестель польскій вопросъ: либо независимая польская демократія, либо Польша—неотдѣлимая часть общей русской демократіи. Во всякомъ случаѣ аристократической Польши не должно быть.

Нѣсколько иначе разрѣшаютъ польскій вопросъ представители Сѣвернаго общества. Рѣзко высказываясь противъ какихъ-либо отчужденій русско-литовскихъ областей, сѣверяне, повидимому, оставляютъ открытымъ вопросъ о самостоятельности Польши. Такъ, напримѣръ, мы не встрѣчаемъ Польшу въ числѣ державъ, составляющихъ федеративную Россійскую Имперію Муравьева.

Князь С. Трубецкой, повидимому, склоняясь къ широкой

---

[1]) *Пестель*, стр. 20.

[2]) Представители польск. тайн. обществ., вошедшіе въ сношеніе съ декабристами, были всѣ крупными магнатами: Кн. Яблонскій, Гродецкій, гр. Хоткевичъ, гр. Олизаръ. Польская конституція 1815 г. строго аристократична. Большинство палаты пословъ должно состоять исключительно изъ дворянъ.

Рѣзко отрицательное отношеніе къ аристократическому строю Польши характерно не для одного Пестеля. Сравнительно «умѣренный» декабристъ Н. Тургеневъ въ своей нелюбви къ польской аристократіи готовъ одобрить раздѣлы Польши, какъ средство борьбы съ этой аристократіей: «Польша въ независимомъ ея существованіи была бы всегда и стѣною, отдѣляющей насъ отъ Европы съ сей стороны, и грязнымъ источникомъ, изъ котораго текла бы въ Россію безнравственность и подлость дворянства польскаго, и ненависть или презрѣніе къ конституціоннымъ порядкамъ». (Цитирую по Семевскому, стр. 397).

автономіи Царства Польскаго, считалъ необходимымъ неразрывную связь Польши съ Россіей. На слѣдствіи онъ заявилъ, что полагалъ необходимымъ пригласить одного или нѣсколько представителей Царства Польскаго во временное правительство «съ цѣлью сохраненія единства державы» [1]).

Тѣсную связь Польши съ Россіей предполагаетъ конституціонный проектъ, найденный въ бумагахъ Дмитріева-Мамонова. В. И. Семевскій устанавливаетъ принадлежность этого проекта къ Дмитріеву-Мамонову, а также близость его идеологіи ко взглядамъ декабриста М. Ѳ. Орлова. Дмитріевъ-Мамоновъ и Орловъ, учреждая общество «русскихъ рыцарей», составили «пункты, преподаваемые во внутреннемъ ученіи ордена». Эти пункты проникнуты крайнимъ націонализмомъ и шовинизмомъ. Составители ихъ желали «истребить имя Польши и польскаго королевства», а также присоединить къ Россіи прусскую и австрійскую Польшу, а вмѣстѣ съ ними Венгрію, Сербію и всѣ славянскіе народы [2]). Это довольно своеобразный панславизмъ, насильственно предъявляющій права Россіи на всѣ славянскіе народы, а попутно съ ними и на венгровъ, которыхъ многіе декабристы считали славянскимъ народомъ.

Нѣсколько смягчено отношеніе къ полякамъ въ аристократическомъ проектѣ конституціи Дмитріева-Мамонова. Въ первой палатѣ вельможъ, по проекту Мамонова, засѣдаютъ представители Царства Польскаго, но только подъ патронатомъ кіевскихъ и волынскихъ вельможъ [3]). Въ чемъ заключается этотъ «патронатъ» и каково внутреннее устройство упоминаемаго въ конституціи Царства Польскаго, автономно ли оно вообще, конституція не указываетъ. Дмитріевъ-Мамоновъ, повидимому, считалъ возможнымъ соединить панславизмъ съ враждой къ самостоятельному и автономному существованію польскаго народа.

Мы видѣли, что противъ польской автономіи и конституціи не встрѣчалось серьезныхъ возраженій среди подавляющаго большинства декабристовъ. Напротивъ, на югѣ среди декабристовъ замѣчалось стремленіе не только къ организаціонному, но и къ идейному сближенію съ поляками. Кн. С. Волконскій пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ его время въ Кіевѣ не было рѣзкой черты непріязненности и вражды между русскими и поляками. Въ Кіевѣ существовала масонская ложа «Соединенныхъ славянъ», въ которую входили какъ русскіе, такъ и поляки (Членами ложи были видные русскіе и польскіе общественные дѣятели: кн.

[1]) *Семевскій*, стр. 493.
[2]) *Семевскій*, стр. 394.
[3]) *Семевскій*, стр. 411.

С. Волконскій, Густавъ Олизаръ). Знакомъ ложи былъ крестъ съ польской надписью „*Jedność Słowiańska*“, аналогичный со знакомъ польской варшавской ложи [1]). Сближеніе съ поляками на почвѣ панславизма было популярно не только среди южанъ. Несомнѣнно, панславистомъ былъ князь С. Трубецкой, мечтавшій, какъ мы уже видѣли, о присоединеніи, при содѣйствіи поляковъ, австрійской и прусской Польши. Но тѣмъ не менѣе панславизмъ былъ далеко не общимъ увлеченіемъ декабристовъ. Такая крупная фигура въ движеніи декабристовъ, какъ Пестель, былъ, повидимому, сознательнымъ противникомъ панславизма, который не вязался съ его раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ. Вопросу о національностяхъ онъ посвятилъ много страницъ «Русской Правды», но о панславизмѣ у него нѣтъ ни слова. Это особенно бросается въ глаза, такъ какъ на югѣ, какъ мы видѣли, панславизмъ былъ особенно популяренъ. На его почвѣ развилось такое интересное развѣтвленіе декабризма, какъ общество Соединенныхъ славянъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Изъ сѣверянъ убѣжденнымъ противникомъ панславизма былъ Д. Завалишинъ. Изъ его разсужденій о панславизмѣ можно заключить, что панславизмъ служилъ боевой темой споровъ русскихъ съ поляками. Съ видимымъ сочувствіемъ Завалишинъ приводитъ доводы поляковъ противъ славянской миссіи Россіи. По его мнѣнію, нельзя не согласиться съ поляками, когда они говорятъ русскимъ: «вы столько захватили въ вашъ составъ финскихъ и татарскихъ племенъ, что мы имѣемъ право почитать васъ скорѣе Азіатскою, чѣмъ Европейскою державою, и весь вашъ внутренній бытъ, ваши обычаи легко могутъ быть приведены въ подтвержденіе этого» [2]). Еще убійственнѣе доводы польскихъ противниковъ панславизма, когда они указываютъ, что захватъ Польши—не славянское, а антиславянское дѣло: «вы овладѣли (ею) въ союзѣ съ нѣмцами и предавъ нѣмцамъ и еще значительную часть славянъ»... Соглашаясь съ этими польскими доводами противъ панславизма, Завалишинъ говоритъ, что «если русскій народъ совершилъ такіе подвиги, какими имѣетъ право хвалиться, то совершилъ ихъ, какъ русскій народъ, какъ результатъ соединенія условій, образовавшихъ его, а не какъ славянское племя исключительно»... Шаткость славянофильской аргументаціи, пытавшейся оправдать завоевательную политику Россіи панславизмомъ, была ясна, какъ мы видимъ, не только однимъ полякамъ.

---

[1]) *Семевскій*, стр. 303. *Н. Коробка*. Декабристы бр. Борисовы, «Современникъ». 1911 г. 5 кн.

[2]) Записки декабриста, *Д. И. Завалишина*, 2-е изд.

Но кромѣ этого завоевательнаго панславизма какъ среди русскихъ, такъ и среди поляковъ было стремленіе къ сближенію на почвѣ взаимнаго уваженія и равноправія двухъ славянскихъ народовъ. Эти попытки къ сближенію не ограничивались однѣми ложами «Соединенныхъ славянъ», которыя, повидимому, дальше благихъ пожеланій о необходимости сближенія не шли. Среди русскаго армейскаго офицерства на югѣ и польскихъ шляхтичей возникло общество «Соединенныхъ славянъ».

Въ противоположность гвардейскому и аристократическому составу другихъ русскихъ и польскихъ тайныхъ обществъ «Соединенные славяне» состояли изъ неродовитыхъ армейскихъ офицеровъ и незнатныхъ польскихъ шляхтичей. Въ этой демократической польско-русской дворянской средѣ возникло серьезное стремленіе къ объединенію двухъ народовъ не на началахъ односторонняго славянскаго мессіанизма Россіи, а на принципахъ полнаго равенства всѣхъ славянскихъ народовъ. Этотъ новый панславизмъ возникаетъ на почвѣ широкаго гуманизма и демократизма. Въ своей статьѣ объ основателяхъ общества «Соединенныхъ славянъ», бр. Борисовыхъ, Н. Коробка отмѣчаетъ польское происхожденіе панславистскихъ идей общества: «гуманный энтузіазмъ Борисовыхъ, ихъ мечты о всеобщемъ счастьѣ представляли прекрасную почву для идеи братства родственныхъ славянскихъ народовъ [1]). «Соединенные славяне» поставили своей задачей «искоренить ненависть, каковою пылаемъ къ другъ другу» (Русскіе и поляки). Катехизисъ «Соединенныхъ славянъ» предписывалъ относиться съ терпимостью «ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и обычаямъ другихъ народовъ» [2]).

По словамъ одного изъ видныхъ участниковъ общества, Горбачевскаго, «Соединенные славяне» стремились къ «освобожденію всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія»... и къ «соединенію всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ». «Предполагалось съ точностью, говоритъ Горбачевскій, опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ *форму демократическаго представительнаго правленія*, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставивъ каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній» [3]).

При содѣйствіи Бестужева-Рюмина общество «Соединенныхъ

---

[1]) *Н. Коробка.* «Современникъ» 5 кн. 1911 г.

[2]) *В. Семевскій.* Кирилло-Меѳодіевское о-во. «Русское Богатство» 5 кн. 1911 г.

[3]) Записки *Горбачевскаго.* «Русскій Архивъ» за 1882 г., стр. 443.

славянъ» было присоединено къ Южному обществу. По мнѣнію Н. Коробки, «сближеніе «Соединенныхъ славянъ» съ южанами произошло только въ силу «родственнаго настроенія»—свободолюбиваго чувства; «славяне» легко отказываются отъ идеи «панславизма» во имя родственнаго чувства» [1]). Южное общество, въ лицѣ Бестужева-Рюмина, обѣщало «Соединеннымъ славянамъ», что «Россія, освобожденная отъ тиранства, будетъ открыто споспѣшествовать цѣли славянскаго союза: освободить Польшу, Богемію, Моравію, и другія славянскія земли, учредивъ въ нихъ свободныя правленія и соединивъ всѣхъ федеральнымъ союзомъ» [2]). Горбачевскій сообщаетъ, что слова Бестужева-Рюмина были подтверждены многими членами Южнаго общества и «особливо С. Муравьевымъ».

Эта идея демократической славянской федераціи не заглохла и послѣ соединенія обществъ. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, демократическая славянская федерація долго будетъ господствовать въ идеологіи передовой русской интеллигенціи.

II.

Отношеніе къ другимъ національностямъ Россіи не занимаетъ въ литературѣ и конституціонныхъ планахъ декабристовъ такого большого мѣста, какъ польская проблема. Любопытно отмѣтить, что проектъ Муравьева и «Русская Правда» одинаково игнорируютъ права Финляндіи. Пестель считаетъ, что у финляндцевъ нѣтъ «права народности», такъ какъ у нихъ не было государственнаго прошлаго. Поэтому они вмѣстѣ со всѣми остальными народами, кромѣ поляковъ, подлежатъ правилу благоудобства государства, т.-е. полной ассимиляція. [3]) Финляндія входитъ въ составъ Чудской области съ главнымъ городомъ Петроградомъ [4]). При этомъ Пестель ссылается на удачный опытъ обрусѣнія близкой къ Петербургу части Финляндіи.

Даже Никита Муравьевъ въ своемъ первомъ проектѣ, откры-

---

[1]) *Коробка*, стр. 22.

[2]) Записки *Горбачевскаго*, стр. 441. «Славяне» почему-то и венгровъ считали славянскимъ народомъ.

[3]) Эта ассимиляція состоитъ въ господствѣ только одного русскаго языка, уничтоженіи мѣстныхъ наименованій народовъ, общемъ для всѣхъ управленіи и общихъ законахъ и въ уничтоженіи всѣхъ бытовыхъ особенностей національности. Пестель отрицаетъ существованіе особаго украинскаго народа, ибо языкъ вездѣ одинъ и тотъ же: «различны только нарѣчія» («Русская Правда», стр. 39).

[4]) Это переименованіе Пестелемъ Петербурга въ Петроградъ характерно для его отрицательнаго отношенія къ нѣмецкому вліянію въ Россіи. Прибалтійскій край онъ подчиняетъ въ административномъ отношеніи древнему русскому городу—Новгороду.

вая широкій просторъ мѣстной автономіи, для Финляндіи дѣлаетъ исключеніе. Она только составная часть другой державы—автономной единицы федеративной имперіи. Только во второмъ проектѣ Финляндія—особая Ботническая держава.

Послѣ польскаго вопроса наибольшее вниманіе декабристовъ привлекаетъ еврейскій вопросъ.

Евреи въ началѣ XIX вѣка представляли замкнутую религіозно-національную группу. Не занимая опредѣленной территоріи, они сосредоточивались въ городахъ Польши и Западнаго края и въ мѣстечкахъ, принадлежавшихъ польскимъ и западнорусскимъ землевладѣльцамъ. Въ центральной Россіи евреевъ въ числѣ постоянныхъ жителей ночти не было [1]). Зато очень часто наѣзжали изъ черты осѣдлости еврейскіе купцы, принимавшіе участіе въ торговыхъ сношеніяхъ Западнаго края и Польши съ центральной Россіей. Мѣстное русское купечество очень ревниво относилось къ конкуренціи этихъ купцовъ-евреевъ. Идя навстрѣчу русскимъ купцамъ, правительство ставило препятствія къ пребыванію евреевъ за «чертой» [2]). Первый проектъ конституціи Н. Муравьева также идетъ навстрѣчу русскимъ купцамъ и санкціонируетъ ограниченія евреевъ въ передвиженіи. Въ томъ же § 79, въ которомъ торжественно провозглашается, что «пользующійся званіемъ гражданина въ одной державѣ, долженъ быть признанъ гражданиномъ и во всѣхъ прочихъ», содержится ограниченіе правъ евреевъ: «евреи могутъ пользоваться правами гражданъ въ мѣстахъ, нынѣ ими заселенныхъ, но свобода селиться въ другихъ мѣстахъ—будетъ зависѣть отъ особыхъ постановленій верховнаго народнаго вѣча». Но, несмотря на свою ограничительную по отношенію къ евреямъ тенденцію, конституція Ник. Муравьева все-таки шагъ впередъ въ сравненіи съ Уставной грамотой Новосильцева и польской конституціей 1815 г., совершенно лишавшихъ евреевъ гражданскихъ и политическихъ правъ [3]).

Особую позицію по отношенію къ евреямъ занимаетъ Пестель. Ему приходилось жить среди еврейскаго населенія въ мѣстечкѣ Тульчинѣ, Подольской губ. Онъ могъ присмотрѣться къ евреямъ. Дѣйствительно, Пестель обнаруживаетъ нѣкоторое знакомство

---

[1]) Закономъ 23 декабря 1791 г. евреямъ было предоставлено право «гражданства», т.-е. право записываться въ купеческое и мѣщанское общества только въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, составлявшихъ черту еврейской осѣдлости.

[2]) *Гессенъ*. Исторія евреевъ въ Россіи, стр. 41.

[3]) *Семевскій*, стр. 469. «Пункты Дмитріева-Мамонова и Орлова, стремившіеся «истребить» имя Польши, очень свирѣпы и къ евреямъ. Они предлагаютъ насильственное обращеніе евреевъ въ христіанство и переселеніе ихъ въ пустынныя земли». (*Семевскій*, Политическія и общественныя идеи декабристовъ, стр. 394).

съ еврейскимъ бытомъ. Но и это знакомство въ достаточной мѣрѣ поверхностное: «ожидая Мессію, считаютъ себя евреи временными обывателями края, гдѣ находятся, и потому никакъ не хотятъ земледѣліемъ заниматься, ремесленниковъ даже отчасти презираютъ и большею частью торговлею занимаются» [1]).

Купцы и торговцы особенно антипатичны Пестелю. Это—та новая «аристократія богатствъ», съ которой онъ считаетъ необходимымъ особенно бороться. Они разоряютъ крестьянское населеніе, опутывая его долгами. Пестель очень рѣзко критикуетъ эксплоатацію еврейскими торговцами крестьянъ.

Еще одну группу замѣчаетъ Пестель на поверхности еврейской жизни—раввиновъ, заправилъ еврейской общины—кагала. «Еврейскія духовныя лица, пишетъ Пестель, называемыя раввинами, содержатъ свой народъ въ неимовѣрной отъ себя зависимости, запрещая именемъ вѣры всякое чтеніе какихъ бы ни было книгъ». «Народъ, не ищущій просвѣтиться, добавляетъ Пестель, останется всегда подъ властью предразсудковъ» [2]).

Въ отрицательномъ отношеніи Пестеля къ современному ему еврейству нельзя, по нашему мнѣнію, видѣть антисемитизмъ, свойственный нѣкоторымъ декабристамъ. Онъ ополчается не на рассовыя и религіозныя черты еврейства, а на глубоко противорѣчащія общему его міровоззрѣнію экономическія и бытовыя черты извѣстной ему части еврейства.

Онъ хочетъ уничтожить эти «особенности» евреевъ. Его, какъ послѣдовательнаго якобинца-государственника, возмущаетъ самое существованіе еврейской общины: «евреи составляютъ въ государствѣ, такъ сказать, свое особенное отдѣльное государство. И при томъ нынѣ въ Россіи пользуются большими правами, нежели сами христіане» [3]). Пестель имѣетъ въ виду кагальное право

---

[1]) *Пестель*, стр. 51.

[2]) Интересно, что не менѣе рѣзкую характеристику раввинизму далъ въ 1792 году еврей Соломонъ Маймонъ, одинъ изъ крупныхъ учениковъ Канта. Порвавши съ еврействомъ, этотъ еврейскій Котошихинъ. бѣжавшій отъ своихъ одноплеменниковъ въ Германію, съ большой злобой говоритъ о раввинахъ. Но его наблюденія не такъ поверхностны, какъ Пестеля. Самъ вышедшій изъ гущи еврейской жизни, Маймонъ знаетъ, что кромѣ евреевъ торговцевъ, эксплоатирующихъ крестьянъ, и раввиновъ имѣется еврейская трудовая масса ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, которая живетъ впроголодь. Маймонъ былъ свидѣтелемъ того широкаго народнаго протеста противъ раввинской власти и религіозной монополіи раввиновъ, который извѣстенъ подъ именемъ хасидизма. Это религіозное движеніе было направлено въ одинаковой степени какъ противъ религіозной власти раввиновъ, такъ и общинной. Для Маймона первые хасиды имѣли такое же благотворное значеніе, какъ и орденъ иллюминатовъ. Этой стороны еврейской жизни Пестель не зналъ. (Изъ автобіографіи Соломона Маймона «Еврейская библіотека». Т. I и II, 1881 г.).

[3]) *Пестель*, стр. 51.

суда не только религіознаго, но и гражданскаго, право самообложенія, право религіознаго отлученія, и свободу отъ рекрутчины. Эти привилегіи еврейской общины, имѣя средневѣковое происхожденіе на основаніи привилегій польскихъ королей и магнатовъ, были подтверждены Императрицей Екатериной II.

«Русская Правда», какъ извѣстно, не допускаетъ существованія въ демократическомъ государствѣ никакихъ частныхъ союзовъ, кооперацій, обществъ. Вполнѣ понятно рѣзко отрицательное отношеніе Пестеля къ еврейскому кагалу.

Считаясь съ своеобразіемъ положенія евреевъ среди другихъ народовъ, ихъ замкнутостью и сплоченностью, вѣрою въ возстановленіе еврейскаго государства, Пестель какъ будто склоняется признать за евреями «право народности», но только на мѣстѣ старой родины. Онъ предлагаетъ даже: «назначить сборный пунктъ для еврейскаго народа и дать нѣсколько войскъ имъ въ подкрѣпленіе». «Ежели всѣ русскіе и польскіе евреи соберутся въ одно мѣсто, говоритъ Пестель, то ихъ будетъ свыше 2.000.000. Таковому числу людей, ищущихъ отечество, не трудно будетъ преодолѣть всѣ препоны, какіе турки имъ противоставятъ, и пройдя всю Европейскую Турцію, перейдя въ Азіатскую и тамъ занявъ достаточныя мѣста и земли, устроить особенное еврейское государство» [1]). Но все-таки планъ созданія подобнымъ путемъ еврейскаго государства кажется, повидимому, самому Пестелю довольно фантастическимъ. Поэтому онъ останавливается на другомъ способѣ рѣшенія еврейскаго вопроса: по праву государственнаго благоудобства. Это означаетъ, какъ мы видѣли, полную ассимиляцію евреевъ. Надо отдать справедливость Пестелю, что онъ и въ этомъ случаѣ считаетъ необходимымъ спросить мнѣніе «умнѣйшихъ раввиновъ и умнѣйшихъ евреевъ», «выслушать ихъ представленія и потомъ мѣропріятія распорядить, дабы вышеизложенное зло (особое положеніе евреевъ) прекращено было и такимъ порядкомъ замѣнено, который соотвѣтствовалъ бы правиламъ, имѣющихъ служить основаніемъ политическому зданію россійскаго государства».

Позиція Пестеля въ еврейскомъ вопросѣ вполнѣ послѣдовательна и соотвѣтствуетъ его общему взгляду на національную проблему. Евреи у него—не граждане второго разряда, какъ у Ник. Муравьева. Они раздѣляютъ общую судьбу съ финляндцами, татарами и другими инородцами, подлежащими полной ассимиляціи съ коренной народностью.

---

[1]) *Пестель*, стр. 52. О еврейскомъ государствѣ также мечталъ близкій къ декабристамъ еврей Григорій Перетцъ. Онъ, по словамъ Глинки, проектировалъ для этой цѣли особое общество. *(Гессенъ*, Исторія евреевъ въ Россіи, стр. 176).

III.

Въ 40-хъ годахъ возникаетъ еще одинъ національный вопросъ—украинскій.

Декабристы не считали украинцевъ за самостоятельную народность. Когда у русскихъ и польскихъ участниковъ переговоровъ возникъ споръ о границахъ возстановляемой Польши, въ числѣ спорныхъ территорій оказалась Украйна. Поляки считали югозападную Украйну своею исконною землею, декабристы оспаривали ихъ притязанія, но ни у тѣхъ, ни у другихъ не возникалъ вопросъ, составляютъ ли жители Украйны особую народность? Каждая спорящая сторона считала украинцевъ частью своей народности. Даже «Соединенные славяне» не включали украинцевъ въ число восьми славянскихъ колѣнъ [1]).

У представителей русскаго и польскаго дворянства имѣлось основаніе игнорировать украинскій народъ. Они не видѣли у этого народа аналогичныхъ себѣ классовъ. Малороссійское дворянство того времени почти совершенно слилось съ польской и русской аристократіей. Украинская дворянская интеллигенція шла по стопамъ дворянства.

Только въ 40-хъ годахъ изъ народа начинаетъ выдѣляться интеллигенція, которая проявляетъ интересъ къ своему народу, говоритъ на его родномъ языкѣ. Поэтъ-крестьянинъ Шевченко знакомитъ русское общество съ украинской поэзіей. Это выступленіе украинской интеллигенціи было встрѣчено довольно сочувственно первыми славянофилами, которые своей симпатіей и покровительствомъ желали подчеркнуть близость своей идеи «народности» съ «народностью», провѣдуемой украинской интеллигенціей [2]).

Другое отношеніе встрѣтило это литературное выступленіе украинской интеллигенціи со стороны Бѣлинскаго. Для великаго русскаго просвѣтителя сомнительно самое существованіе украинскаго языка: «предстоитъ важный вопросъ; есть ли на свѣтѣ малороссійскій языкъ, или это только областное нарѣчіе» [3]). По

---

[1]) *Семевскій,* стр. 553. Нѣкоторые декабристы на слѣдствіи утверждали о существованіи особаго малороссійскаго общества. Всѣ свѣдѣнія относительно этого общества были такъ разнорѣчивы, что даже слѣдственная комиссія отказалась отъ обвиненія Лукашевича въ участіи и организаціи общества. Одни утверждали о тяготѣніи общества къ Россіи, другіе къ Польшѣ. (*Семевскій,* 299).

[2]) Позднѣйшіе славянофилы, въ лицѣ А. Григорьева, настаивали на превосходствѣ великорусскаго начала и съ подозрительностью стали относиться къ началу «ляхитскому и хохлацкому» (*Ч. Вѣтринскій.* 40-е годы. Исторія Русской литературы въ XIX вѣкѣ, подъ редакц. Овсянико-Куликовскаго, стр. 116).

[3]) *Бѣлинскій,* т. 5, изд. 1866 г., стр. 303.

мнѣнію Бѣлинскаго, малороссійскій языкъ существовалъ только въ прошломъ, но съ процессомъ ассимиляціи малороссійскаго дворянства онъ постепенно сталъ исчезать. Оставшаяся народная поэзія «еще не составляетъ литературы». Считаясь съ тѣмъ, что носителемъ культуры въ данный моментъ является только образованная часть дворянства, Бѣлинскій не хочетъ признать за языкъ то нарѣчіе, на которомъ говоритъ простой народъ. Языкъ «голушекъ»—не языкъ. «Мужицкая жизнь сама по себѣ, говоритъ Бѣлинскій, мало интересна для образованнаго человѣка, слѣдственно, нужно много таланта, чтобы идеализировать ее до поэзіи». Даже Шевченко, по мнѣнію Бѣлинскаго, не смогъ «идеализировать мужицкую жизнь до поэзіи»[1]). Правда, Бѣлинскій писалъ про первые шаги Шевченко, но, тѣмъ не менѣе, остается несомнѣннымъ его игнорированіе украинской литературы. Слишкомъ ново было литературное выступленіе украинскаго крестьянина.

Это выступленіе украинской интеллигенціи не ограничилось только одной литературной областью. Составился кружокъ извѣстный подъ названіемъ «Общества св. Кирилла и Меѳодія», выдвинувшій знакомую уже намъ идею славянской федераціи. Кирилло-Меѳодіевцы дополняютъ федерацію «Соединенныхъ славянъ» новымъ славянскимъ племенемъ—украинцами. Уставъ общества устанавливаетъ строгую, демократически организованную автономію каждаго славянскаго племени: «принимаемъ, что каждое племя должно имѣть правленіе народное и соблюдать совершенное равенство согражданъ по ихъ рожденію, христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и состоянію» (§ 3) [2]).

Прокламація къ украинцамъ говоритъ о томъ, что каждый изъ 8-ми народовъ: великороссіянъ, украинцевъ, поляковъ, чеховъ, словаковъ, хорутанъ, иллиро-сербовъ и болгаръ будетъ составлять особенную Рѣчь Посполитую. Во главѣ союза славянскихъ республикъ, долженъ стоять, по мнѣнію автора прокламаціи, Костомарова, славянскій сеймъ съ избираемымъ правителемъ. По плану Костомарова, Россія разбивалась на 14-ть шта-

---

[1]) Быть можетъ, тотъ сочувственный пріемъ, который встрѣтили украинцы у славянофиловъ, настроилъ противъ нихъ Бѣлинскаго, боровшагося въ то время съ славянофильской національной исключительностью. Ап. Григорьевъ приводитъ въ укоръ Бѣлинскому его сочувствіе словамъ Петра Великаго, что «лучше чужой (языкъ), да хорошій, чѣмъ свой да негодный». (*Бѣлинскій*, т. IV, стр. 261).

[2]) «Былое» февраль 1906 г., стр. 66. В. И. Семевскій полагаетъ, что одинъ изъ основателей общества, Н. Костомаровъ, находилъ идейную связь между собою и обществомъ «Соединенныхъ славянъ». У Костомарова при арестѣ былъ найденъ № газеты «со свѣдѣніями о дѣлѣ декабристовъ». (*В. Семевскій*, Кирилло-Меѳодіевское О-во, «Русское Богатство», № 5, 1911 г.).

товъ: сѣверный, сѣверо-восточный, юго-восточный, верхне-поволжскій, нижне-поволожскій, два малороссійскихъ, средній, два южныхъ, два сибирскихъ, одинъ кавказскій, одинъ бѣлорусскій. Эти штаты у Костомарова сообразуются съ этнографическимъ принципомъ, исключая, конечно, Кавказа, относительно котораго Костомаровъ не принялъ въ расчетъ его этнографическое разнообразіе.

Польша отдѣльный штатъ—такъ же, какъ чехи съ Моравіей, Сербія и Болгарія. Галиція раздѣляется между двумя штатами. Западная Галиція отходитъ къ польскому штату, а восточная Галиція къ западно-малороссійскому штату. Столицей славянской федераціи долженъ быть Кіевъ. Въ этой славянской демократической федераціи уничтожается крѣпостное право и всѣ сословныя привилегіи. Особенно подчеркивается религіозно-христіанскій характеръ федераціи [1]). Члены общества должны заботиться объ уничтоженіи племенной и религіозной вражды между славянами. Прокламація «къ братьямъ великороссіянамъ и полякамъ» призываетъ «истребить въ сердцахъ своихъ безразсудную ненависть другъ къ другу, возженную царями и господами»... «Украйна, нищая сестра ваша, которую вы распяли и истерзали» зоветъ къ общеславянскому объединенію. Нѣсколько инымъ языкомъ говоритъ прокламація, неизвѣстно кѣмъ выпущенная, тою же весною 1847 года, когда были арестованы члены общества: Костомаровъ, Шевченко и другіе. Она говоритъ о враждѣ «вѣрныхъ сыновъ Украйны» къ «врагамъ-кацапамъ» [2]). Но эта прокламація не характерна для настроенія украинской интеллигенціи. Въ противоположность полякамъ украинцы постоянно говорятъ о связи Украйны съ Россіей.

Въ 1860 г. въ письмѣ къ издателю «Колокола» украинецъ говоритъ: «никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи южной Руси отъ связи съ остальной Россіей» [3]). Авторъ письма (Костомаровъ), какъ и «общество св. Кирилла и Меѳодія», стоитъ на почвѣ славянской федераціи, которая возможна, по его мнѣнію, и подъ скипетромъ русскаго царя. Касаясь спора Россіи и Польши изъ-за Украйны, авторъ возстаетъ противъ государственной точки зрѣнія, защищаемой русскими и польскими патріотами. Онъ выдвигаетъ право національнаго самоопредѣленія, независимо отъ того, имѣла ли данная нація государственное прошлое или нѣтъ.

Герценъ всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія своего корреспон-

[1]) Кирилло-Меѳодіевцы несвободны отъ той славянской исключительности и религіозной нетерпимости, отъ которой были далеки ихъ предшественники «Соединенные славяне».

[2]) «Былое», IV, 1906 г., стр. 36.

[3]) «Колоколъ» № 61.

дента. Еще въ 34 номерѣ «Колокола» въ 1859 году въ статьѣ: «Россія и Польша» онъ обращается къ полякамъ со слѣдующими словами: «развяжемъ имъ (украинцамъ) руки, развяжемъ имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнуть ли черезъ кнутъ къ намъ, черезъ папежъ къ вамъ, или, если они умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и независимость отъ обоихъ» [1])...

Какъ далеко ушелъ Герценъ въ этомъ вопросѣ не только отъ декабристовъ, но и отъ Пестеля. Онъ не хочетъ, подобно Пестелю, во славу государственнаго благоудобства играть судьбой даже самой маленькой народности. Подобно «Соединеннымъ славянамъ» и «Кирилло-Меѳодіевцамъ», Герценъ мечтаетъ о славянской демократической федераціи.

Въ этой федераціи онъ хотѣлъ бы видѣть выходъ и для успѣвшаго за сорокъ лѣтъ стать такимъ трагическимъ польскаго вопроса.

IV.

Пять лѣтъ спустя послѣ бунта декабристовъ, въ Польшѣ и Литвѣ поднялось возстаніе. Въ этомъ польскомъ движеніи главную роль играла та аристократія, которая пыталась вступить въ переговоры съ декабристами.

Руководители движенія возлагали главную свою надежду на вмѣшательство Европы, на созывъ второго вѣнскаго конгресса для возстановленія Польши. Глава польскаго національнаго правительства Адамъ Чарторыскій, апеллируя къ Европѣ, заявлялъ, что польская революція отнюдь не имѣетъ въ виду измѣненія общественныхъ основъ въ Польшѣ, подъ которыми онъ подразумѣвалъ освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землею [2]). При такомъ отношеніи къ интересамъ главной массы польскаго населенія—крестьянъ, Чарторыскій, конечно, не могъ разсчитывать на поддержку крестьянъ, которые остались совершенно безучастными къ національному движенію.

Послѣ пораженія возстанія была уничтожена конституція 1815 года. Введенный для Польши новый основной законъ, такъ называемый «органическій статутъ», предполагалъ для Польши: отдѣльное законодательство, администрацію, свободу вѣроиспо-

---

[1]). На такой же позиціи стоитъ Бакунинъ: мнѣ кажется, что Украйна вмѣстѣ съ руссинами галиційскими, вмѣстѣ съ нашей Малороссіей,—страна въ 15 милліон., говорящихъ однимъ языкомъ, исповѣдующихъ одну вѣру, будетъ не съ Польшей и не съ Россіей, а сама собой. («Колоколъ» № 122—123).

[2]) *З. Ленскій.* Польское возстаніе 1863 г. «Исторія Россіи въ XIX в.», изд. Гранатъ, томъ III.

вѣдованія, печати, равенство всѣхъ передъ закономъ, неприкосновенность имущества и личности, мѣстное самоуправленіе, а также законосовѣщательное народное представительство [1]).

Всѣ эти обѣщанія, сдѣланныя подъ давленіемъ Англіи и Франціи, не были приведены въ исполненіе, и въ Польшѣ установился полицейскій режимъ. Подобно прусской германизаціи Познани, русская Польша стала подвергаться усиленной руссификаціи. Въ 1832 г. количество конфискованной земли въ Царствѣ Польскомъ, розданной русскимъ землевладѣльцамъ, доходило до 142.204 дес. Большія конфискаціи польскаго землевладѣнія были произведены въ Западномъ краѣ.

Послѣ неудачи возстанія въ польскомъ движеніи вырастаетъ демократическая оппозиція радикальныхъ слоевъ шляхты противъ аристократическихъ вождей движенія.

Представители польской эмиграціи, такъ называемой демократической централизаціи, сближаются съ Герценомъ, видя въ немъ представителя той нарождающейся демократіи Россіи, которая готова итти вмѣстѣ съ польскими демократами противъ общаго врага. По словамъ Герцена, одинъ изъ вождей этой централизаціи, Ворцель, «твердо и открыто поставилъ революціонное знамя Польши противъ партіи Чарторыскихъ. Онъ былъ увѣренъ, что аристократія погубила возстаніе, онъ въ старыхъ панахъ видѣлъ враговъ своему дѣлу и собиралъ новую Польшу, чисто демократическую» [2]).

Герценъ горячо привѣтствуетъ эту польскую демократію. Онъ признаетъ право поляковъ на самостоятельность, но все-таки желалъ бы видѣть Польшу въ федераціи съ Россіей. «Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣетъ неотъемлемое полное право на государственное существованіе, независимое отъ Россіи. Желаемъ ли мы, чтобъ свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, мы этого не желаемъ и можно ли *этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое свободное развитіе* [3]).

Въ послѣднихъ словахъ Герцена очень знаменателенъ протестъ противъ примата націонализма надъ общечеловѣческими идеалами. Этотъ протестъ впервые былъ высказанъ Бѣлинскимъ: «любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человѣ-

[1]) *З. Ленскій.* Польское возстаніе 1863 г.
[2]) *Герценъ.* Былое и Думы, т. III, стр. 277.
[3]) «Колоколъ» № 34 1859 г. «Насильственный союзъ съ Польшей, говоритъ Огаревъ въ 89 № «Колокола», по крайней мѣрѣ столь же вреденъ для Россіи, сколько для Польши».

честву, какъ частное изъ общаго... Любовь къ отечеству должна быть и любовью къ человѣчеству» [1]). Отрицаніе національной исключительности, которая, по мнѣнію Бѣлинскаго, родная сестра «ограниченности», соединялось у Герцена съ признаніемъ національнаго самоопредѣленія. Онъ понимаетъ, что противъ желанія поляковъ нельзя имъ навязывать союзъ Россіи. Двѣ идеи всплыли, по мнѣнію Герцена, на мѣсто потонувшаго корабля февральской революціи. Это—признаніе народностей, какъ самоуправныхъ личностей, и «стремленіе одноплеменныхъ народовъ къ политическому единству».

Подобно Пестелю для Герцена не безразлично, на какихъ началахъ возродится будущая свободная Польша. Въ статьѣ «Vivat Polonia» (въ № 94 «Колокола») Герценъ привѣтствуетъ постановленіе Польскаго Земледѣльческаго Общества дать крестьянамъ полный надѣлъ земли. Въ польскомъ вопросѣ Герценъ стоитъ на одной и той же позиціи съ Огаревымъ и Бакунинымъ.

«Воззваніе къ русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ» Бакунина, отстаивая самоопредѣленіе всѣхъ славянскихъ племенъ, входящихъ въ составъ Польши и Россіи, обращается къ полякамъ со слѣдующими словами: «обернитесь спиной къ прошедшей исторіи, *объявите хлопскую Польшу*, тогда многія изъ *этихъ* племенъ, а если отъ васъ Россія отстанетъ, пожалуй и всѣ пойдутъ за вами» [2]).

Но такая широкая постановка польской проблемы не особенно улыбается самимъ полякамъ, даже, казалось, демократически настроеннымъ. Въ № 146 «Колокола» Центральный Народный Польскій Комитетъ заявляетъ о разницѣ, существующей относительно крестьянскаго дѣла въ Россіи и Польши и происходящей «отъ различія общественныхъ началъ и обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимся». «Русское движеніе—земское; наше національное. Въ Россіи соціальное движеніе разовьетъ политическую свободу, у насъ реорганизація общества можетъ быть только послѣдствіемъ освобожденія и возстановленія нашего края».

Вмѣстѣ съ Бакунинымъ и Огаревымъ Герценъ убѣжденъ, что успѣхъ польскаго дѣла всецѣло зависитъ отъ радикальной постановки соціальнаго вопроса: «панскими программами, по мнѣнію Бакунина, ни одного хлопа не расшевелишь».

V.

Глубокимъ гуманизмомъ проникнута позиція Герцена и «Колокола» въ еврейскомъ вопросѣ. Касаясь положенія евреевъ въ

---

[1]) *Бѣлинскій*, т. IV, стр. 261.
[2]) «Колоколъ» № 122—123.

Польшѣ и антисемитской выходки одного польскаго журналиста, «Колоколъ» пишетъ: «вся московская и петербургская литература, безъ различія партій, протянула дружескую руку евреямъ и возстала противъ плоской выходки какого-то журналиста. Того католическаго чувства ненависти къ евреямъ, которое если не осталось въ законодательствѣ, то осталось въ нравахъ именно въ Польшѣ, въ Россіи нѣтъ. Гоненіе евреевъ было дѣломъ правительства. Общество не говорило, потому что рука квартальнаго лежала на его губахъ. Какъ только онъ приподнялъ одинъ палецъ, оно и высказалось» [1]).

За сорокъ лѣтъ послѣ Пестеля сильно измѣнилась въ Россіи и Польшѣ еврейская жизнь. Евреи все болѣе и болѣе приходятъ въ культурное соприкосновеніе съ окружающимъ населеніемъ. Государство начинаетъ притягивать евреевъ къ натуральной повинности—рекрутчинѣ. Когда Пестель говорилъ о необходимости уничтожить привилегію евреевъ въ отбываніи воинской повинности, онъ, конечно, не могъ предположить тѣхъ ужасныхъ формъ рекрутчины, которыя примѣняло къ евреямъ правительство Николая I. У Герцена имѣется яркій и потрясающій разсказъ о встрѣчѣ его въ Перми съ еврейскими мальчиками-солдатами кантонистами [2]). Еврейскій кагалъ, руководимый богатѣями, перенесъ рекрутчину исключительно на еврейскую бѣдноту. Внутри его все болѣе и болѣе разросталась оппозиція низовъ и культурныхъ элементовъ еврейства [3]). Изъ еврейской среды выдѣляется своя интеллигенція, прошедшая русскую высшую школу и особенно тяготившаяся безправнымъ положеніемъ еврейскаго народа.

Герценъ имѣлъ евреевъ-интеллигентовъ въ числѣ сотрудниковъ «Колокола», которые информировали его о еврейской жизни. Корреспондентъ изъ Царства Польскаго ярко списываетъ бѣдственное положеніе евреевъ въ Польшѣ наканунѣ возстанія 63 года, даже худшее, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Имперіи. «Колоколъ» отмѣчаетъ случаи административныхъ насилій надъ евреями. По поводу сообщенія объ избіеніи однимъ виленскимъ графомъ евреевъ, редакція «Колокола» спрашиваетъ: «что подлѣе: эта звѣрская палочная аристократія или мірволящее ей правительство съ своими кондотьерами?» [4]).

---

[1]) «Колоколъ» № 174.

[2]) ...Привели малютокъ и построили въ правильный фронтъ; это было одно изъ самыхъ ужасныхъ зрѣлищъ, которыя я видалъ—бѣдные, бѣдные дѣти. Мальчики 13-ти лѣтъ еще кой какъ держались на ногахъ, но малютки 8—9 лѣтъ... (Герценъ. «Колоколъ» № 85).

[3]) Въ 1844 г. кагалъ былъ формально уничтоженъ.

[4]) «Колоколъ» № 118.

«Колоколъ» постоянно защищаетъ идею еврейскаго равноправія. Но «равноправіе» «Колокола» не «равноправіе» Пестеля. Это не насильственная ассимиляція, а внимательное отношеніе къ культурѣ и быту народностей, связанныхъ общей судьбой съ русскимъ народомъ.

Вниманіе «Колокола» привлекаетъ на ряду съ другими народностями Россіи отдаленная грузинская національность. Идя навстрѣчу корреспонденту, по всей вѣроятности, представителю грузинскаго дворянства, мечтающему о возстановленіи исторической Грузіи, «Колоколъ» склоняется къ признанію общероссійской федераціи всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ Россіи. Такъ отъ общеславянской федераціи русская передовая интеллигенція приходитъ къ мысли объ общероссійской демократической федераціи.

Но уже въ тотъ моментъ, когда, казалось, интеллигентская русская мысль въ національномъ вопросѣ дошла до своего крайняго предѣла, ярко выступилъ на сцену новый факторъ русской жизни—соціализмъ. Національная проблема уже не могла рѣшаться такъ просто, какъ раньше. Она неизбѣжно должна была притти въ зависимость отъ того или иного отношенія интеллигенціи къ *соціальному вопросу*.

Р. Выдринъ.

Остзейскій Комитетъ въ Петербургѣ въ 1856—57 гг.

Изъ воспоминаній Павла Антоновича Шульца.

Департаментъ Полиціи Исполнительной. — Остзейскій Комитетъ. Гр. Толстой (Дм. Ник.).—Рѣчь гр. Блудова.—Перемѣна службы.—Пребываніе въ Москвѣ на коронаціи. — С. С. Ланской. — Остзейскія дѣла. Директоры Деп. Общихъ Дѣлъ: Гвоздевъ, графъ Петръ Ан. Шуваловъ, графъ Пав. А. Шуваловъ, Винбергъ. — Остзейскій Комитетъ: графъ Петръ Петр. Паленъ, Гринвальдъ, Киселевъ, Муравьевъ.—Генералъ-губернаторы: Суворовъ, бар. Ливенъ.—Прав. канц. Тидебель. — Графъ П. А. Шуваловъ.

Павелъ Антоновичъ Шульцъ, составляя свои записки, не предназначалъ ихъ для печати, но предоставилъ намъ, своимъ дѣтямъ, право извлечь впослѣдствіи изъ нихъ то, что можетъ представить въ нихъ историческій или общественный интересъ. Въ виду этого, когда редакція журнала «Голосъ Минувшаго» обратилась ко мнѣ съ просьбой разрѣшить опубликовать ту часть записокъ, гдѣ говорится о дѣятельности Остзейскаго Комитета въ Петербургѣ, я согласился помѣстить въ журналѣ то, что въ данной части записокъ удовлетворяло указаннымъ выше условіямъ. Что же касается другого указанія моего отца на то, что слогъ и редакція его записокъ не отдѣланы имъ для печати, что нѣкоторыя выраженія его недостаточно взвѣшаны, чтобы быть произнесенными во всеуслышаніе, то я, все-таки, не рѣшился взять на себя какія бы то ни было ихъ измѣненія или исправленія: я боялся, что, измѣняя слогъ и выраженія записокъ, я могу невольно измѣнить до извѣстной степени ихъ характеръ

и внутреннюю силу. Поэтому, хотя въ запискахъ пришлось сдѣлать кое-какіе выпуски строкъ, имѣющихъ чисто личный или семейный интересъ, но редакція того, что помѣщено ниже, осталась въ полной неприкосновенности.

Я позволяю себѣ предварительно привести самыя краткія біографическія данныя о моемъ отцѣ.

Павелъ Антоновичъ Шульцъ родился въ 1831 году въ Костромской губерніи. Лишившись рано, на двѣнадцатомъ году жизни, отца, онъ былъ помѣщенъ матерью своей, Надеждой Павловной Шульцъ, урожденной Шиповой, бывшей тогда и остававшейся до самой своей смерти начальницей Царскосельскаго Женскаго Духовнаго Училища, въ Императорскій Александровскій Лицей. Окончивъ курсъ лицея въ 1850 г., П. А. поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при ярославскомъ губернаторѣ, а затѣмъ въ 1854 г. перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ скоро былъ привлеченъ къ участію въ дѣлопроизводствѣ Остзейскаго Комитета, и съ этого времени вся почти его жизнь была посвящена крестьянскому дѣлу: П. А. принималъ ближайшее участіе въ подготовкѣ и проведеніи реформы освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, а какъ только при Первомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената было учреждено отдѣленіе по крестьянскимъ дѣламъ, преобразованное потомъ во второй департаментъ, П. А. былъ назначенъ туда сенаторомъ и работалъ тамъ болѣе двадцати лѣтъ, до самой своей кончины въ 1905 г. Принимая большее или меньшее участіе во всѣхъ реформахъ царствованія императора Александра II, П. А. входилъ въ соприкосновеніе со всѣми выдающимися государственными людьми этой эпохи и въ запискахъ его мы находимъ характеристики этихъ лицъ, основанныя на личныхъ впечатлѣніяхъ П. А.

Воспоминанія объ Остзейскомъ Комитетѣ относятся къ самому началу дѣятельности П. А. по крестьянскому дѣлу. Записаны они имъ въ 1875 году и, слѣдовательно, всѣ ссылки на «настоящее время» и на «современныхъ дѣятелей» слѣдуетъ относить къ этому приблизительно времени. Эти воспоминанія захватываютъ, кромѣ участія П. А. въ Остзейскомъ Комитетѣ, характеристики лицъ, руководившихъ имъ и работавшихъ въ немъ, и взглядовъ самого П. А., вынесенныхъ имъ послѣ десятилѣтней работы по остзейскимъ дѣламъ, воспоминанія П. А. объ его пребываніи въ Москвѣ на коронаціи Александра II и его поѣздкѣ-командировкѣ въ Костромскую губ. для устройства своихъ дѣлъ въ имѣніи и для ревизіи продовольственныхъ магазиновъ.

Н. Ш.

Въ концѣ 1855 года послѣдовало въ моей службѣ событіе, послужившее основаніемъ всей моей дальнѣйшей карьеры и выдвинувшее меня изъ общаго ряда департаментскихъ столоначальниковъ. Вице-директоромъ у насъ былъ графъ Дмитр. Николаевичъ Толстой, который зналъ меня лично, встрѣтившись со мною у Екатер. Алек. Леонтьевой и иногда поручалъ мнѣ составить ему какія-нибудь справки или записки. Онъ, сверхъ своей должности, давно былъ дѣлопроизводителемъ Остзейскаго Комитета, въ которомъ разсматривались предположенія, касавшіяся устройства крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и нѣкоторые другіе мѣстные вопросы. Предсѣдателемъ былъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ (генералъ 12-го года, бывшій посломъ при Карлѣ X въ Парижѣ), а членами министры внутрен. дѣл и госуд. имущ., мѣстный генералъ-губернаторъ, временно были и другіе члены и представители дворянства. Хотя Комитетъ имѣлъ значеніе высшаго учрежденія, ибо журналы его утверждались государемъ, но онъ не имѣлъ особой офиціальной канцеляріи; журналы докладывались государю министромъ внутр. дѣлъ, дѣла вносились въ Комитетъ имъ же, и исполнительныя распоряженія дѣлались по министерству внутр. дѣлъ. Графъ Толстой нѣсколько лѣтъ состоялъ дѣлопроизводителемъ, подготовлялъ дѣла къ слушанію, докладывалъ ихъ, писалъ журналы и, по подписаніи и утвержденіи ихъ, наблюдалъ за исполнительными распоряженіями по деп. общихъ дѣлъ. Все это онъ дѣлалъ, не получая за этотъ трудъ никакого добавочнаго жалованья. Но былъ уже возбужденъ вопросъ о добровольномъ пожертвованіи остзейскимъ дворянствомъ ежегодной суммы на жалованье дѣлопроизводителю и на канцелярскіе расходы по Остзейскому Комитету. Гр. Толстой избралъ себѣ помощникомъ по Ост. Ком. моего лицейскаго товарища Поливанова, который осенью 1855 г. заболѣлъ горячкой и умеръ. Тогда графъ предложилъ мнѣ эти занятія, т.-е. работать подъ его руководствомъ по подготовкѣ дѣлъ къ слушанію въ Комитетѣ, по составленію журналовъ и по исполнительной перепискѣ,— не получая, на первое время, никакого содержанія.

Принявъ предложеніе гр. Толстого, я сталъ работать по разсмотрѣнію представленнаго тогда эстляндскимъ дворянствомъ проекта положенія объ устройствѣ мѣстныхъ крестьянъ. Не стану касаться здѣсь сущности этого проекта, такъ какъ мои взгляды на остзейское крестьянское дѣло достаточно развиты въ статьяхъ, напечатанныхъ мною по этому предмету въ журналахъ министерства внутр. дѣлъ [1]) и госуд. имущ. [2]) подъ буквами

[1]) 1857 г. №№ 10 и 12. *Ред.*
[2]) 1863 г. №№ 4, 5, 8 и 9. Кромѣ того, подъ тѣми же иниціалами,

П. Ш. Скажу только, что эти занятія открыли мнѣ новую сферу дѣятельности, познакомили меня съ крестьянскимъ вопросомъ и сдѣлали меня лично извѣстнымъ, не только своему министру, но и другимъ членамъ и предсѣдателю Остзейскаго Комитета. Въ первый разъ я былъ, въ качествѣ помощника гр. Толстого, въ засѣданіи Остзейскаго Комитета при разсмотрѣніи проекта положенія объ эстляндскихъ крестьянахъ. Предсѣдательствовалъ, за болѣзнью гр. Палена, по Высочайшему назначенію, графъ Дмитр. Никол. *Блудовъ*. Онъ открылъ засѣданіе небольшою рѣчью, гдѣ, сравнивая положеніе освобожденныхъ еще въ 1816 году эстляндскихъ крестьянъ съ положеніемъ русскихъ крестьянъ, сказалъ, между прочимъ: «*крѣпостное состояніе есть зло, которое, къ сожалѣнію, вдругъ устранено быть не можетъ*». Эта фраза глубоко меня поразила. Я понялъ, что со вступленіемъ на престолъ Александра II, дни крѣпостного права сочтены, коль скоро одинъ изъ высшихъ сановниковъ государства, въ официальномъ засѣданіи, въ присутствіи министровъ и депутатовъ дворянства, считаетъ возможнымъ явно признать крѣпостное право за *зло*, тогда какъ до того времени всякое громкое осужденіе крѣпостного права въ принципѣ признавалось официально неблагонамѣреннымъ. Еще въ Ярославлѣ я слышалъ, въ средѣ такъ называемой *братіи* (т.-е. въ кружкѣ Унковскаго, Оболенскаго и проч.), фразы о противоестественности крѣпостного права. Но онѣ звучали какъ-то въ пустотѣ, ибо люди, ихъ произносившіе, частью сами помѣщики, какъ Оболенскій, не только сами пользовались плодами осуждаемаго ими права, но и не дѣлали вовсе того, что могли бы для смягченія крѣпостного права въ своихъ имѣніяхъ, оставленныхъ на произволъ управляющихъ. Съ другой стороны хорошіе помѣщики, какъ, напр., дядя Дм. Пав. Шиповъ, хотя не злоупотребляли крѣпостнымъ правомъ, а заботились о своихъ крестьянахъ, но считали себя въ правѣ распоряжаться ими, какъ они думали, для ихъ же блага, вопреки ихъ собственному желанію. Напримѣръ, они считали хорошимъ дѣломъ взять изъ семьи мальчика, противъ воли родителей, для отдачи его въ обученіе мастерству. Тутъ была добрая воля и часто, пожалуй, практическая матеріальная польза, но полное затменіе понятія объ уваженіи къ естественнымъ правамъ семейственнымъ въ средѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, до самаго этого времени въ обществѣ являлись развѣ одиночные, платоническіе, идущіе въ разрѣзъ съ дѣйствительностью и съ поступками

П. А. Шульцъ напечаталъ въ журналѣ «Русская Рѣчь» 1879 г. №№ 6, 7, 8 и 10 статью «Государственные крестьяне», гдѣ говоритъ, между прочимъ, и о крестьянахъ въ Остзейскомъ краѣ. *Ред.*

самихъ говорившихъ голоса въ пользу освобожденія крестьянъ; а рядомъ съ ними болѣе умѣренное и гуманное пользованіе крѣпостнымъ правомъ со стороны людей, вовсе не возмущавшихся этимъ правомъ въ принципѣ. Правительство же, повидимому, ставило задачей охраненіе этого права, въ видахъ поддержанія порядка, преслѣдованіе его нарушителей и даже порицателей (запрещеніе записокъ охотника Тургенева, гдѣ выставлялись въ дурномъ видѣ послѣдствія крѣпостного права) и вмѣшательство въ дѣйствія помѣщиковъ только въ случаѣ грубаго и возмутительнаго злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ. При такомъ положеніи дѣла, слова гр. Блудова составили въ глазахъ моихъ важное знаменіе времени, знакъ перемѣны во взглядахъ и направленіи высшаго правительства, залогъ начала великаго дѣла, которому я тогда уже всей душой сочувствовалъ и которому суждено было, менѣе шести лѣтъ спустя, привести къ полному освобожденію крестьянъ и притомъ къ освобожденію *съ землей*, а не такому, какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Потому-то слова гр. Блудова такъ глубоко врѣзались въ мою память, открывши мнѣ des horizons nouveaux.

Далѣе П. А. говоритъ о своихъ личныхъ дѣлахъ на службѣ и поѣздкѣ въ отпускъ въ Костромскую губ. На обратномъ пути онъ попалъ въ Москву во время коронаціи Александра II, гдѣ по этому случаю находился тогда и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской со своей канцеляріей.

Оттуда я пріѣхалъ, въ началѣ августа, въ Москву проѣздомъ въ Петербургъ и былъ удержанъ тамъ министромъ Ланскимъ, чтобы дежурить у него по утрамъ и докладывать ему ежедневно присылавшіяся ему изъ Петербурга бумаги по департаментамъ полиціи исполнительной и медицинскому, такъ какъ при суетѣ, сопровождавшей празднества коронаціи, министру некогда было читать все самому; и Гвоздевъ, одинъ бывшій при немъ изъ директоровъ, не могъ докладывать бумаги по всѣмъ департаментамъ.

Утромъ къ 10 или 11 часамъ я являлся къ Ланскому, который, вмѣстѣ съ своей походной импровизированной канцеляріей, помѣстился на Тверской, въ домѣ губернатора (Синельникова— очень пріятнаго господина), не очень далеко отъ дяди, жившаго на Дмитровкѣ, въ домѣ Глѣбова-Стрѣшнева. Я тотчасъ разбиралъ привезенныя съ желѣзной дороги бумаги, докладывалъ ихъ министру, какъ скоро выдавалось свободное время между разными посѣтителями, и потомъ приводилъ бумаги въ порядокъ для отсылки ихъ обратно въ Петербургъ; все это иногда кончалось часа въ два, въ три, а бывало и раньше. Тогда я былъ свободенъ на весь день, если не былъ дежурный, — что приходилось разъ

въ три дня, ибо кромѣ меня дежурили Родзевичъ и Брадке. Когда же я былъ дежурный, я оставался въ залѣ до 4-хъ часовъ и позже, докладывалъ о посѣтителяхъ и просителяхъ и иногда исполнялъ нѣкоторыя порученія министра. Этого рода обязанности скрашивались благодушіемъ и истинно добрымъ, сердечнымъ обращеніемъ Сергѣя Степановича Ланского, о которомъ я навсегда сохраню самое теплое, благодарное воспоминаніе. Онъ рѣдко говорилъ подчиненнымъ любезныя фразы, не имѣлъ привычки подавать имъ каждый разъ руку при здорованьи и прощаньи, какъ болѣе современные и либеральные государственные дѣятели; держалъ себя сообразно привычкамъ прежняго времени, но смотрѣлъ на васъ такъ привѣтливо и добродушно; въ отношеніи ко мнѣ, въ частности, высказывалъ, въ тонѣ разговора, столько довѣрія, прямоты и bienveillance, — что казалось, будто вся манера его говорила мнѣ: вы человѣкъ честный и способный, я ожидаю отъ васъ многого и довѣряю вамъ; но вы еще очень молоды, а я старъ и опытенъ. Въ добросовѣстномъ изученіи дѣла я на васъ полагаюсь; а если въ заключеніяхъ въ чемъ не согласенъ, то вы потомъ поймете, что я правъ. Поживите съ мое — сами въ томъ убѣдитесь. Словомъ, онъ разницу между нашимъ положеніемъ обусловливалъ какъ бы преимущественно разницею въ годахъ и опытности и à part cela говорилъ съ вами просто, какъ бы съ равнымъ. Это не высказывалось словами; но чувствовалось во всемъ его обращеніи съ подчиненными ему молодыми людьми, которыхъ онъ къ себѣ приближалъ. Въ другихъ, новыхъ государственныхъ людяхъ, мнѣ случалось, также безъ словъ, получать такое впечатлѣніе, будто они мнѣ говорили: вы видите, какъ я съ вами вѣжливъ, говорю съ вами будто съ равнымъ, тогда какъ я великій государственный дѣятель, а вы только орудіе въ моихъ рукахъ, которымъ я дорожу, пока оно мнѣ пригодно. Я съ вами такъ обращаюсь не изъ уваженія къ вамъ, а къ самому себѣ, потому что либеральному человѣку неприлично важничать съ подчиненными, но вы должны это чувствовать и внутренно благоговѣть предо мною, тѣмъ болѣе, что я васъ увольняю отъ внѣшнихъ признаковъ чиновничьяго почитанія передъ начальствомъ. Ланской, говоря съ вами, видимо думалъ только о томъ дѣлѣ, о коемъ говорилъ, и о томъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, а отнюдь не о себѣ самомъ. Никогда онъ не рисовался передъ слушателемъ, не щеголялъ фразами, глубокими взглядами и высокими чувствами. Да Серг. Степ. и не былъ краснорѣчивъ. Въ Госуд. Совѣтѣ онъ не держалъ спичей; въ комитетѣ министровъ онъ не всегда успѣвалъ поддержать свои представленія, отмалчивался и отшучивался на возраженія даже по наградамъ. Поэтому его многіе считали безличнымъ мини-

стромъ, и тѣ рѣшительныя мѣры, которыя онъ предлагалъ и проводилъ, приписывали вліянію его окружающихъ. которымъ, будто бы, принадлежала не только разработка проектовъ въ подробностяхъ и подготовительная и исполнительная канцелярская работа, но и самая иниціатива въ дѣлѣ и основная мысль задуманной мѣры. Въ особенности, когда мѣра была кому-либо непріятна, недовольные не сѣтовали на благодушнаго, всѣми любимаго министра, а искали около него ближайшаго его совѣтника и исполнителя по этому дѣлу и этому лицу приписывали цѣликомъ все дѣло, сваливая на него всю отвѣтственность, весь odium, вызванный мѣрою, въ сущности справедливою и полезною, но нѣкоторымъ личностямъ или партіямъ непріятною и безсознательно, будто бы, проведенною Ланскимъ по наущенію того или другого изъ его подчиненныхъ. Потому-то въ дѣлахъ Остзейскихъ нѣмцы, чѣмъ-либо недовольные, сваливали всю вину на меня и это послужило началомъ нерасположенія ко мнѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, сочувствующихъ тенденціямъ феодальныхъ остзейскихъ бароновъ и вообще враждебныхъ духу реформъ нынѣшняго царствованія. Это придало мнѣ репутацію крайняго либерала и впослѣдствіи затормозило мою карьеру; а, зато, вначалѣ выдвинуло меня впередъ, когда при началѣ реформъ искали людей передовыхъ, — выдвинуло потому, что, преувеличивая мое значеніе и вліяніе, сдѣлало мое имя извѣстнымъ въ сферахъ, гдѣ безъ того обо мнѣ вовсе не услышали бы. Это мнѣ, въ позднѣйшее время, подтвердилъ лично Валуевъ; а гораздо раньше нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ князь Суворовъ, въ глаза мнѣ говорили, что Ланской тутъ (въ какомъ-либо не нравящемся ему дѣлѣ) не при чемъ, что все дѣлаю одинъ я — Deutschenfresser. Au fond je ne méritais ni cet excès d'honneur, ni cette indignité. Да и вообще мнѣніе о безличности Ланского и подчиненіи его чужому вліянію было весьма ошибочно. Подъ добродушной своей улыбкой и полнымъ отсутствіемъ трескучихъ фразъ Ланской скрывалъ самыя твердыя убѣжденія, самое непреклонное слѣдованіе по избранному пути. Благодаря его замѣчательному здравому смыслу, неизмѣнному честному стремленію къ добру и правдѣ и развитому въ немъ многолѣтнимъ опытомъ навыку къ дѣламъ и какому-то нюху, который въ каждомъ дѣлѣ наводилъ его прямо на самую суть, въ каждой бумагѣ указывалъ ему сразу промахъ или уклоненіе отъ закона, отъ справедливости или отъ принятаго имъ общаго направленія, — Ланской положительно направлялъ самъ разрѣшеніе дѣлъ и не подписывалъ ни одной бумаги, которая была бы несогласна съ его взглядомъ. Я помню, какъ, бывши столоначальникомъ, я бывалъ удивленъ тому, что если изъ сорока

посланныхъ бумагъ Ланской одну не подпишетъ и сдѣлаетъ замѣтку или вопросъ, — то онъ всегда попадалъ въ самую суть дѣла, такъ что я, изучившій дѣло подробно, долженъ былъ сознаться, что не доглядѣлъ или не сообразилъ того, что остановило на себѣ вниманіе министра и что въ самомъ дѣлѣ было существенно важно. Не могу сказать того же о другихъ моихъ начальникахъ. Не говоря о Бутурлинѣ, который не былъ вовсе дѣловымъ человѣкомъ, Валуевъ, при всѣхъ его блестящихъ способностяхъ, при умѣньи быстро схватывать сущность докладываемыхъ ему дѣлъ и пробѣгаемыхъ бумагъ, нерѣдко подписывалъ бумаги, идущія, по существу, въ разрѣзъ съ основнымъ его направленіемъ, лишь бы форма ихъ была подходящая. Замѣчанія же его часто касались формы и общихъ мѣстъ, пропуская самую существенную сторону рѣшаемаго въ частности дѣла или вопроса. Потому-то я полагаю, что фактическое вліяніе директоровъ на ходъ дѣла было больше; а исключительное, рѣшающее вліяніе министра было меньше — при Валуевѣ, чѣмъ при Ланскомъ, хотя Ланской болѣе выслушивалъ докладчиковъ, болѣе взвѣшивалъ и принималъ въ соображеніе ихъ доводы, совѣтовался съ ними и не отвергалъ съ ихъ стороны той доли законнаго и естественнаго вліянія, какое обусловливается ближайшимъ знакомствомъ съ дѣломъ; а Валуевъ, сосредоточенный въ созерцаніи собственной государственной мудрости, относился свысока и слегка къ чужимъ мнѣніямъ, считалъ текущее дѣлопроизводство дѣломъ второстепеннымъ и заботился только о проявленіи передъ подчиненными, въ весьма красивыхъ, но иногда не менѣе туманныхъ фразахъ, своихъ высоко просвѣщенныхъ и глубокомудрыхъ общихъ взглядовъ на государственное управленіе. Но дѣло въ томъ, что общее направленіе администраціи создается не изъ общихъ фразъ о принципахъ, а изъ совокупности разрѣшенія множества частныхъ дѣлъ и вопросовъ. Если каждая мѣра, каждый проектъ и каждая бумага изложены такъ, чтобы ничто въ нихъ не противорѣчило принятому министромъ направленію, если министръ за этимъ самъ наблюдаетъ, а исполнители знаютъ напередъ, что онъ не подпишетъ ничего, что шло бы въ разрѣзъ съ его взглядомъ,— тогда только удерживается въ управленіи твердое и незыблемое направленіе, основой котораго должна быть, разумѣется, прежде всего строгая законность и справедливость. Что касается обвиненія Ланского въ недостаткѣ энергіи, иниціативы и самодѣятельности въ дѣлахъ особенно важныхъ, то достаточно вспомнить, что Ланской первый поставилъ вопросъ о крестьянской реформѣ, первый вывелъ его на настоящую дорогу, поддержалъ въ этомъ великомъ дѣлѣ благія намѣренія государя, несмотря на всѣ

интриги противной партіи, которой не удались таки эти интриги до историческаго незабвеннаго дня 19 февраля 1861 года, но которая вслѣдъ затѣмъ добилась таки удаленія добраго старика Ланского, какъ будто черезчуръ передового человѣка (?!!) или *краснаго*, какъ люди этой партіи выражаются. Если же потомъ душою дѣла въ редакціонныхъ комиссіяхъ сталъ Милютинъ, имя котораго выдвинется на первый планъ въ исторіи крестьянской реформы, то кто же, какъ не Ланской, выдвинулъ Милютина и далъ ему возможность принести дѣлу громадную пользу? Не побоялся Ланской взять себѣ въ товарищи и ближайшіе совѣтники и сотрудники по крестьянскому дѣлу такого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, который могъ и самого его заслонить собою. Развѣ и это не заслуга? Другіе министры нарочно выбираютъ въ товарищи чучелъ, чтобы они ихъ не заслоняли. Но, увлекшись воспоминаніями о личности Ланского, какъ министра, я забѣжалъ впередъ, говоря о его позднѣйшей дѣятельности. Возвращусь къ описываемому времени, когда я въ теченіе двухъ мѣсяцевъ видѣлъ его ежедневно и проводилъ по нѣсколько часовъ въ его пріемной залѣ. Нельзя найти болѣе добраго, внимательнаго къ подчиненнымъ начальника. Какъ все было предусмотрѣно для матеріальныхъ удобствъ прибывшихъ съ нимъ чиновниковъ. Всѣ они (кромѣ имѣвшихъ, какъ я, родныхъ въ Москвѣ) помѣщались тутъ же, въ домѣ губернатора, наверху и пользовались казеннымъ столомъ. Чиновникъ особ. поруч. Морозъ, принявшій на себя хозяйство, распоряжался прекрасно. Кромѣ чаю, подавали въ первомъ часу завтракъ изъ одного или двухъ блюдъ, кромѣ сыру и другихъ закусокъ, и въ пятомъ часу обѣдъ изъ 4-хъ блюдъ; къ этому водка, хересъ и очень изрядное красное и бѣлое вино. Все безъ затѣй, но сытно и вкусно приготовлено. Такъ удобно было имѣть все это подъ рукою, а не бѣгать домой или въ гостиницу. Даже не въ обычное время можно было, при случаѣ, потребовать закуску, — что со мной случилось въ день народнаго праздника, когда я пріѣхалъ промокшій и продрогшій и рюмка водки спасла меня отъ простуды. Во всей атмосферѣ, окружавшей Ланского, царило благодушіе, прямота и искренность отношеній между его приближенными, вмѣсто мелкихъ интригъ, сплетенъ и наушничества, какія я замѣчалъ впослѣдствіи въ средѣ приближенныхъ другихъ министровъ; Ланской не потерпѣлъ бы сплетенъ и темныхъ подходовъ изъ соперничества за его расположеніе и за служебное вліяніе. Одинъ директоръ, Гвоздевъ, старался придать себѣ значеніе лица, пользующагося исключительнымъ вліяніемъ на министра, и успѣлъ, вначалѣ, убѣдить постороннихъ въ этомъ вліяніи, которое

на самомъ дѣлѣ никогда не было такъ сильно, какъ въ публикѣ воображали. Но вскорѣ онъ былъ устраненъ, какъ увидимъ ниже. Чтобы охарактеризовать отношенія Ланского къ подчиненнымъ, приведу слѣдующую черту, которая живо осталась въ моей памяти. Изъ числа присылаемыхъ бумагъ, рапорты въ сенатъ, до представленія ихъ министру, прочитывались товарищемъ министра. Разъ случилось, что тов. мин. Алек. Иракліевичъ Левшинъ (человѣкъ добрый, неглупый, образованный и развитой, но какъ-то неподвижный и медленный, напоминавшій мнѣ и по наружности дремлющаго слона), заболтавшись съ посѣщавшими его знакомыми, задержалъ рапорты въ сенатъ гораздо долѣе обыкновеннаго, такъ что, окончивъ докладъ прочихъ бумагъ еще въ первомъ часу, я долженъ былъ ожидать этихъ рапортовъ почти до 4-хъ часовъ. Получивъ ихъ, я поспѣшилъ ихъ прочитать и пошелъ въ кабинетъ министра, чтобы доложить ихъ до обѣда и не возвращаться на службу вечеромъ, такъ какъ нельзя было откладывать бумаги до другого дня. Но въ кабинетѣ я никого не нашелъ и затѣмъ узналъ, что министръ вышелъ черезъ коридоръ и уходитъ обѣдать къ роднымъ. Я успѣлъ, однако, захватить его на подъѣздѣ, уже въ пальто и шляпѣ, и спросилъ его: въ которомъ часу мнѣ вернуться послѣ обѣда, чтобы доложить эти бумаги.—«Зачѣмъ же вамъ еще разъ нарочно приходить ко мнѣ; лучше покончите это теперь же», сказалъ добрый Сергѣй Степановичъ и 75-лѣтній старикъ снялъ пальто, поднялся на лѣстницу, прошелъ въ кабинетъ, подписалъ рапорты и заставилъ своихъ родныхъ подождать себя къ обѣду, — и все это для того, чтобы не причинить маленькаго неудобства своему подчиненному, и притомъ не заслуженному директору, а столоначальнику, молодому человѣку 25 лѣтъ!! Не знаю, кто бы это сдѣлалъ изъ современныхъ гуманныхъ и развитыхъ государственныхъ дѣятелей!..

Въ концѣ 1856 года мнѣ удалось, наконецъ, добиться причисленія меня къ министерству, съ увольненіемъ меня отъ должности столоначальника и отъ отношеній къ Страховскому, который, впрочемъ, сталъ сноснѣе послѣ того, какъ во время пребыванія министра въ Москвѣ мнѣ пришлось быть докладчикомъ и посредникомъ между департаментомъ и министромъ. Я сталъ заниматься исключительно остзейскими дѣлами, не ограничиваясь, однако, докладомъ дѣлъ въ Комитетѣ, составленіемъ журналовъ и развозкою ихъ членамъ для подписи, но завѣдуя всѣмъ дѣлопроизводствомъ по крестьянскимъ дѣламъ Прибалтійскихъ губерній. Дѣла эти производились во 2-мъ столѣ 2-го отдѣленія департамента общихъ дѣлъ. Я туда заходилъ раза три-четыре въ недѣлю; бралъ всѣ входящія бумаги, писалъ по нимъ исполне-

нія, предварительно докладывая лично министру то, что требовало особыхъ его указаній. Директоръ скрѣплялъ эти бумаги, мало вмѣшиваясь, вообще, въ сущность дѣла. Впрочемъ, степень участія директора была различна въ разное время, смотря по его личности. Для сопоставленія отношеній ко мнѣ и къ Остзейскимъ дѣламъ разныхъ директоровъ я забѣгу впередъ и переберу здѣсь же всѣхъ бывшихъ при мнѣ директоровъ. *Гвоздевъ*, по своему чиновничьему самолюбію, мало интересуясь сущностью остзейскихъ дѣлъ, заботился только о сохраненіи внѣшней формы моей ему подчиненности. Онъ требовалъ, чтобы я испрашивалъ его приказаній до доклада дѣлъ министру, присутствовалъ иногда при моихъ докладахъ, но въ сущности въ дѣлахъ участія не принималъ. Его замѣнилъ *графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ*, человѣкъ тогда еще очень молодой, всего нѣсколькими годами старше меня; умный, практическій, энергическій, честолюбивый и дѣятельный. Онъ не захотѣлъ довольствоваться придворною и военною карьерой, а захотѣлъ дѣловой дѣятельности, которая подготовила бы его къ занятію высшихъ государственныхъ должностей. При его обстановкѣ и связяхъ, ему нетрудно было выдвинуться впередъ; но онъ, очевидно, хотѣлъ помочь своей карьерѣ личнымъ своимъ трудомъ и пройти съ честью трудовыя должности, которыя рѣдко принимаютъ люди его полета. Онъ былъ сперва петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ и сдѣлалъ, что могъ, къ улучшенію полиціи. Сдѣлавшись директоромъ, онъ принялся за работу серьезно и съ толкомъ. Дѣло было для него новое, и онъ прежде всего старался съ нимъ по существу ознакомиться, не входя въ мелочи, но оставляя за собой общее направленіе и ближайшее разсмотрѣніе болѣе важныхъ дѣлъ. Меня онъ попросилъ ознакомить его съ сущностью и настоящимъ положеніемъ ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ, не желая быть чуждымъ предметамъ, по которымъ ему приходилось скрѣплять бумаги и нести, слѣдовательно, долю нравственной отвѣтственности. Я составилъ ему объ этомъ записку, которую онъ прочелъ съ большимъ вниманіемъ, потомъ подробно переговорилъ со мною, доказавъ мнѣ, что онъ превосходно вникъ въ дѣло, а затѣмъ, вполнѣ полагаясь на меня въ частностяхъ и второстепенныхъ подробностяхъ, не пропускалъ ни одного болѣе серьезнаго вопроса, не ознакомившись съ нимъ въ главныхъ основаніяхъ и не согласившись со мною, до доклада дѣла министру, насчетъ его направленія. Такимъ образомъ, участіе его въ дѣлахъ этихъ было не номинальное, а дѣйствительное и, при его замѣчательномъ практическомъ умѣ, весьма полезное, ибо мнѣ при докладѣ дѣла и при составленіи исполнительныхъ бумагъ нерѣдко приходилось руководствоваться весьма дѣльными

его указаніями. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ человѣкъ самый пріятный и не только я, но и всѣ въ департаментѣ его любили и уважали, но вмѣстѣ и понимали, что при немъ нельзя сидѣть сложа руки и что хотя онъ не придирается къ мелочамъ, не слѣдитъ за своевременнымъ хожденіемъ чиновниковъ въ департаментъ, но умѣетъ отличить трудящихся отъ лѣнивыхъ и безполезныхъ и запустить дѣла не позволитъ. Дѣла и шли при немъ прекрасно. Словомъ лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ директора я не видалъ и вообразить себѣ не могу. Проработавши съ нимъ непрерывно въ теченіе слишкомъ двухъ лѣтъ и имѣвъ возможность его изучить за это время, — я не былъ удивленъ впослѣдствіи быстрымъ его возвышеніемъ и достиженіемъ имъ преобладающаго вліянія на дѣла. Кто же могъ бы съ нимъ бороться? Кто соединялъ въ себѣ въ той же степени замѣчательно свѣтлый практическій умъ съ достаточнымъ образованіемъ, съ способностью и охотою къ серьезному труду, съ навыкомъ къ дѣламъ, пріобрѣтеннымъ имъ при прохожденіи разнообразныхъ второстепенныхъ должностей. Соперниками его были: съ одной стороны люди чисто придворные или военные, менѣе его развитые и мало знакомые практически съ гражданскимъ управленіемъ, а съ другой — люди хотя талантливые и многосторонніе, но не обладавшіе его практическимъ умомъ, ловкостью и связями. Во время его силы и величія были люди, его порицавшіе, какъ честолюбца, запугивавшаго государя призраками покушеній на него и на общественный порядокъ и тѣмъ поддерживавшаго свое исключительное вліяніе, какъ лучшаго охранителя порядка и царской особы, а вмѣстѣ положившаго начала реакціонному направленію. Въ этомъ есть, быть можетъ, доля правды; быть можетъ, что Петръ Ан. Шуваловъ, изъ практическихъ честолюбивыхъ расчетовъ, вліялъ на государя такъ, какъ было ему нужно, а не такъ, какъ было бы полезнѣе для благосостоянія и успѣшнаго развитія Россіи. Но я убѣжденъ въ томъ, что въ душѣ Шуваловъ не обскурантъ, не фанатическій реакціонеръ; скорѣе можно сказать, что политическія убѣжденія въ немъ не стоятъ на первомъ планѣ и уступаютъ, при случаѣ, мѣсто расчетамъ его личнаго честолюбія. Но если бы Шувалову было выгодно, по его личнымъ расчетамъ, создать себѣ славу не временщика, а истинно государственнаго человѣка, вести Россію твердо и неуклонно впередъ по пути, указанному первыми реформами нынѣшняго царствованія, устранять , . . . попытки нигилистовъ не реакціонными мѣрами, не удаленіемъ изъ управленія лучшихъ людей, выдвинутыхъ во время реформъ, а послѣдовательными дальнѣйшими реформами, преимущественно отмѣной подушной подати, расширеніемъ свободы печати и земскаго само-

управленія, чтобы уничтожить въ народѣ поводы къ глухому недовольству и тѣмъ лишить происки нигилистовъ всякой почвы и окончательно сдѣлать ихъ безвредными; если бы Шуваловъ надѣялся все это сдѣлать, не подвергаясь опасности пасть жертвою въ борьбѣ съ реакціонной партіей и камарильей, которая успѣла бы пріобрѣсти вліяніе на государя тѣмъ же путемъ, какимъ воспользовался Шуваловъ, т.-е. запугивая государя и выставляя *своихъ* противниковъ — *его* противниками и *красными*, — тогда Шуваловъ исполнилъ бы эту программу, пожалуй, лучше другого, и исторія высоко поставила бы его имя. Но стремленіе къ этой цѣли рисковано. Даже великіе люди, какъ Штейнъ въ Пруссіи, достигнувъ своей цѣли, все-таки падали жертвами интригъ юнкерской партіи и кончали жизнь въ опалѣ. Для честолюбца же опала хуже смерти, и ее не вознаградитъ для нихъ даже безсмертіе въ исторіи. А тутъ можно было рискнуть попасть въ опалу, не успѣвъ ничего еще сдѣлать, и пожертвовать собою даромъ. Не знаю, думалъ ли объ этомъ графъ Петръ Андреевичъ, или онъ пошелъ по избранному имъ пути инстинктивно, подъ вліяніемъ окружавшей его среды. Но одно мнѣ кажется ясно: напрасно иные радуются его удаленію. Услужливый дуракъ опаснѣе врага. Шуваловъ зналъ, что дѣлалъ, служа реакціи; зналъ и границы возможныя въ этомъ направленіи; умѣлъ остановиться и по временамъ подпустить мѣру разумную и даже прямо прогрессивную. Нынѣшніе же господа этого не понимаютъ, и реакція, нисколько не ослабѣвшая, усложняется путаницей и ерундой, выдвигая впередъ все болѣе и болѣе пустыя, бездарныя и вредныя для дѣла личности.

Преемники графа Петра Андреевича мало на него походили. Первый изъ нихъ, братъ его *гр. Павелъ Андреевичъ Шуваловъ*, былъ противъ воли, по желанію родныхъ, взятъ въ директоры изъ Парижа, гдѣ онъ былъ военнымъ агентомъ и только что устроился съ молодою женою. Онъ былъ добрѣйшій малый, мой ровесникъ, но казался моложе; неглупый и, можетъ быть, не безъ способностей и свѣдѣній по военной части (о чемъ я ничего не знаю), но безъ всякой подготовки и склонности къ должности директора. Онъ ровно ничего не дѣлалъ; скрѣплялъ бумаги машинально; даже къ докладу министру не всегда прочитывалъ бумаги и не умѣлъ сказать: что онъ принесъ къ подписи. Въ мои остзейскія дѣла онъ вовсе не мѣшался; да и вообще въ департаментѣ все пошло кое-какъ, черезъ пень колоду. За нимъ вступилъ *Винбергъ*, мой лицейскій товарищъ; добрѣйшій, честнѣйшій и аккуратнѣйшій человѣкъ, но безъ всякихъ административныхъ способностей, мелочной и вовсе не умѣвшій работать, какъ директоръ, просидѣвъ

десять лѣтъ въ комитетѣ министровъ въ отдѣленіи канцеляріи по наградамъ и пенсіямъ и выучившись тамъ только наводить справки и слѣдить въ бумагахъ за согласованіемъ словъ, за буквой ѣ и за запятыми. Я было пробовалъ ознакомить его съ остзейскими дѣлами, далъ ему такую же записку, какъ гр. Шувалову, но онъ никогда не могъ собраться ее прочесть, и въ моихъ бумагахъ смотрѣлъ только запятыя. Онъ и вообще не сумѣлъ привести въ порядокъ запущенный гр. Павломъ Андреевичемъ департаментъ и, запутавши дѣла окончательно, съ досады почти сошелъ съ ума, поѣхалъ за границу, и, по выздоровленіи, сдѣланъ былъ членомъ совѣта министра внутр. дѣлъ и попалъ, чрезъ брата, предсѣдателемъ правленія Смоленской дороги, служа безсознательно орудіемъ Варшавскаго и не умѣя устранить безпорядковъ въ управленіи дорогою.

Директоры деп. общ. дѣлъ могли, однако, касаться переписки по Остзейскимъ дѣламъ, лишь пока дѣло велось по департаменту, т.-е. когда велась предварительная, до вписанія дѣла въ Остзейскій Комитетъ, переписка или исполнялись журналы Комитета, или обсуждались вопросы, разрѣшаемые по соглашенію министра съ генералъ-губернаторомъ и не требовавшіе законодательныхъ мѣръ. Законодательные же вопросы вносились большею частью прямо въ Остзейскій Комитетъ и поступали для доклада Комитету въ мое непосредственное вѣдѣніе; при чемъ я испрашивалъ у предсѣдателя и членовъ назначенія времени засѣданія, или по мелкимъ и безспорнымъ вопросамъ писалъ и развозилъ къ подписи журналы. По болѣе же сложнымъ проектамъ составлялись предварительныя комиссіи изъ меня и чиновниковъ отъ министерства внутр. дѣлъ, госуд. имущ. и отъ генералъ-губернатора и изъ вызванныхъ ad hoc депутатовъ дворянства и затѣмъ дѣло вносилось въ Комитетъ съ заключеніемъ комиссіи или съ исправленнымъ комиссіею проектомъ. Такъ какъ редакція трудовъ комиссій лежала почти всецѣло на мнѣ, то во время засѣданій комиссій (собиравшихся почти ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль) мнѣ было много работы; но это случалось не болѣе одного раза въ годъ. Депутаты дворянства присутствовали потомъ въ Комитетѣ.

Я оставался дѣлопроизводителемъ Комитета почти десять лѣтъ, съ конца 1855 до лѣта 1865 года, когда я уже былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, директоромъ 2-го депар. министр. государств. имущ. Предсѣдателемъ Остз. Комитета при мнѣ были сперва графъ Петръ Петровичъ Паленъ, еще довольно бодрый для своихъ преклонныхъ лѣтъ старикъ, бывшій славнымъ кавалерійскимъ генераломъ въ 1812 году, посломъ въ Парижѣ при дворѣ Людовика

Филиппа и вспоминавшій разъ при мнѣ, какъ онъ ѣзжалъ на перекладной въ прошломъ столѣтіи, когда, бывши уже офицеромъ и адъютантомъ рижскаго губернатора, онъ везъ императрицѣ Екатеринѣ II актъ о присоединеніи Курляндіи къ Россіи. Несмотря на старость, нельзя сказать, чтобы гр. Паленъ былъ безучастенъ къ дѣламъ. Я помню, напримѣръ, какъ онъ хорошо ознакомился съ вопросомъ о шведскихъ крестьянахъ, самъ резюмировалъ его вѣрно и отчетливо въ засѣданіи и направилъ дѣло къ справедливому разрѣшенію. Онъ былъ благородный нѣмецъ и хотя, конечно, сочувствовалъ дворянскимъ остзейскимъ понятіямъ, но не уступалъ и дворянскимъ притязаніямъ, когда считалъ ихъ несправедливыми, какъ, напр., насчетъ обремененія крестьянъ барщиною. Преемникомъ его былъ Родіонъ Егоровичъ *Гринвальдъ*, управляющій коннозаводствомъ, тоже старикъ добрый, прямой и честный, но гораздо менѣе Палена оказывавшій вліяніе на дѣло, хотя былъ гораздо моложе и добрѣе его. Со мной онъ былъ хорошъ, вообразивъ меня знатокомъ въ лошадяхъ потому, что я разъ, услышавъ техническій терминъ, что лошадь бумислака вышла хороша, — только удивился, считая лишнимъ заявлять, что я этого термина не понимаю.

Постояннымъ членомъ Комитета, по должности, былъ, кромѣ министра внутр. дѣлъ, министръ госуд. имущ., и мнѣ пришлось сперва раза два имѣть дѣло съ графомъ Пав. Дмитр. *Киселевымъ*, котораго личность оставила во мнѣ очень пріятное впечатлѣніе. Какъ теперь помню его открытое, прямодушное, благородное лицо, какъ онъ разъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ въ кабинетѣ, занимаемомъ нынѣ Валуевымъ, и, объясняя причину своего разногласія въ Остзейскомъ Комитетѣ, гдѣ онъ защищалъ крестьянъ, говорилъ мнѣ: «Вы не думайте, чтобы я вообще любилъ спорить, но тутъ я могу уступить лишь съ величайшей осторожностью: вѣдь остзейскіе крестьяне — это овцы; если я не заступлюсь за нихъ, то кто же за нихъ заступится!» Бывшаго недолго министромъ Шереметева и управлявшаго министерствомъ госуд. им. Хрущова я видалъ разъ или два по пустымъ дѣламъ и не могъ составить себѣ о нихъ опредѣленнаго понятія.

Когда я явился къ новому министру госуд. им. Мих. Ник. *Муравьеву* доложить ему о назначеніи его, подобно предмѣстникамъ его, членомъ Остзейскаго Комитета, онъ меня принялъ очень непривѣтливо, выражая крайнюю неохоту взвалить на себя новую обузу сверхъ лежащихъ на немъ обязанностей по тремъ должностямъ: министра госуд. имущ., предсѣдателя департамента удѣловъ и управляющаго межевымъ корпусомъ. Я старался успокоить его, доказывая, что матеріальной работы тутъ немного,

а дѣло связано съ задачами министерства госуд. имущ., ибо постановленія объ общественномъ и административномъ устройствѣ крестьянъ прибалтійскихъ губерній распространяются на крестьянъ казенныхъ имѣній; наконецъ, что до сихъ поръ огражденіе интересовъ крестьянъ принималъ на себя въ комитетѣ преимущественно министръ госуд. имущ. Мало-по-малу Муравьевъ обошелся; сталъ относиться ко мнѣ любезно и съ видимымъ довѣріемъ; сталъ вникать серьезно въ Остзейскія дѣла и отстаивать свое мнѣніе и вошелъ окончательно въ свою преемственную роль защитника крестьянъ (или какъ выразился Ю. Ѳ. Самаринъ—депутата отъ Россіи) въ средѣ Остзейскаго Комитета,— хотя Муравьевъ въ то же время, при пособіи потомъ своего директора Валуева, служилъ въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу представителемъ партіи враждебной освобожденію крестьянъ съ землей на началахъ, выработанныхъ Редакціонными Комиссіями. Не стану здѣсь говорить о личности и общей дѣятельности Муравьева. Онъ представлялъ собою, въ различныя эпохи своей дѣятельности (когда, бывши трехъ-прогоннымъ и непопулярнымъ министромъ, онъ заботился только объ увеличеніи оброка съ государственныхъ крестьянъ, посредствомъ кадастра и люстраціи, обрѣзывалъ въ западномъ краѣ земли у крестьянъ и образованныя изъ нихъ фермы раздавалъ въ долгосрочную аренду полякамъ, благодаря ловкимъ подходамъ окружавшихъ его поляковъ-чиновниковъ,— и потомъ, когда бывши генералъ-губернаторомъ, онъ мощною рукою подавилъ мятежъ, пригнулъ польскую шляхту, поднялъ крестьянъ и при этомъ тѣ же фермы отбиралъ у поляковъ и раздавалъ русскимъ, если земли ихъ не нужно было распредѣлить между госуд. крестьянами) двѣ столь различныя личности, что надо бы ближе меня его знать и постояннѣе слѣдить за его дѣятельностью, чтобы вѣрно опредѣлить и объяснить это превращеніе. Одно меня въ немъ поразило, что было въ немъ неизмѣнно до конца его жизни — это усидчивость въ работѣ. Онъ не вставалъ съ своего кресла, — развѣ для обѣда, на короткое время, или чтобы ѣхать въ Госуд. Совѣтъ и проч., или чтобы пройтись съ трудомъ, и сутуловато держась, до пріемной, принять просителей или проводить почетнаго гостя. Когда къ нему ни пріѣдешь: съ утра съ 10 часовъ и до перваго часу ночи — его все застаешь въ томъ же креслѣ, а въ пріемной нѣсколько человѣкъ, ожидающихъ съ докладами. Я удивлялся, какъ человѣческій организмъ можетъ выносить такое непрерывное умственное напряженіе и такое отсутствіе моціона. Въ его пріемной, дожидаясь тамъ вмѣстѣ съ Валуевымъ, бывшимъ еще курляндскимъ губернаторомъ, я съ нимъ впервые познакомился. Услышавъ, какъ я говорилъ свою фамилію дежур-

ному чиновнику, онъ подошелъ ко мнѣ, красиво выставляя свою статную и представительную фигуру, и сказалъ: «Я радъ случаю съ вами познакомиться, слышалъ много о васъ и вашей дѣятельности по Остзейскому Комитету. Вы вѣрно тоже не мало обо мнѣ слышали». О послѣднемъ, бывшемъ до 1872 года членомъ Остз. Комитета, министрѣ госуд. имущ. *Зеленомъ*, можно сказать, что въ Комитетѣ онъ былъ всегда горячимъ защитникомъ крестьянъ и депутатомъ отъ Россіи, хотя не всегда умѣлъ отстоять свои мнѣнія.

Генералъ-губернаторы Прибалтійскихъ губерній пріѣзжали присутствовать въ Остзейскомъ Комитетѣ, когда разсмотрѣнію подлежало сколько-нибудь серьезное дѣло. Первый изъ бывшихъ при мнѣ генералъ-губернаторовъ князь Александръ Аркадьевичъ *Суворовъ* — гуманный внукъ воинственнаго дѣда, какъ назвалъ его Тютчевъ, — былъ человѣкъ красивый и представительной наружности, съ открытымъ лицомъ и неудержимымъ языкомъ, болтавшимъ все, что приходило въ голову, и не щадившимъ бранныхъ эпитетовъ даже министрамъ, когда что̀ было ему не понутру. Онъ отличался прямымъ и благороднымъ характеромъ, съ полнѣйшимъ непониманіемъ дѣла и своей задачи, какъ представителя русской власти на окраинѣ государства, въ средѣ интеллигенціи, имѣвшей свои, чуждыя Россіи, стремленія и интересы и угнетавшей безгласныхъ, инстинктивно преданныхъ Россіи крестьянъ. Еще тамъ въ Ригѣ, на словахъ, онъ иногда, говорятъ, выставлялъ себя охранителемъ правительственныхъ интересовъ и даже заступался за крестьянъ, въ случаѣ явной къ нимъ несправедливости; но тамъ, въ Петербургѣ, въ Остзейскомъ Комитетѣ, онъ явно уже считалъ и выставлялъ себя представителемъ интересовъ *края*, т.-е. на самомъ дѣлѣ не всего населенія и не большинства его, а исключительно *дворянства* и при случаѣ — бюргерства, когда дѣло касалось городовъ. Затѣмъ онъ ораторствовалъ и горячился на тему, заданную дворянствомъ; подписывалъ и представлялъ то, что писалось у него въ канцеляріи подъ вліяніемъ того же дворянства, руководствовался личнымъ впечатлѣніемъ, а не серьезнымъ изученіемъ дѣла; такъ что здѣсь при благопріятномъ настроеніи случайно удавалось убѣдить его согласиться иногда и на то, противъ чего онъ прежде кричалъ, удавалось преданному русскому дѣлу чиновнику дать ему подписать бумагу, не совсѣмъ угодную дворянству. Вообще онъ готовъ былъ часто подписать, что угодно, не вникая въ дѣло, лишь бы его погладили по шерсткѣ подходящею фразою. Не знаю, каковъ онъ былъ бы въ смутныхъ обстоятельствахъ, лицомъ къ лицу съ явными врагами Россіи, когда приходилось бы не писать, а дѣйство-

вать, не предусматривать будущее, а принимать моментально рѣшительныя мѣры. Думаю, что въ немъ тогда проснулась бы искра дѣдовскаго генія. Да и вообще тамъ, гдѣ нужна была не спокойная, выдержанная, систематическая, основная на серьезномъ пониманіи дальнѣйшихъ цѣлей правительства, дѣятельность, а просто прямое, честное отношеніе къ настоящему, — онъ былъ пригоднѣе и полезнѣе, чѣмъ въ Остзейскомъ краѣ. Въ бытность его въ Петербургѣ генералъ-губернаторомъ, во время студенческихъ исторій, — его доступность, готовность сдѣлать добро каждому, его безхитростная, прямодушая рѣчь и симпатичная фигура стяжали ему положительную популярность и общее уваженіе. При другомъ генералъ-губернаторѣ студенческія исторіи, можетъ быть, болѣе разрослись бы и, хотя, конечно, все-таки не были бы опасны для государства, но вовлекли бы бо̀льшее число молодыхъ людей, которые потомъ подверглись бы взысканіямъ, убивающимъ ихъ свѣжія силы и мѣшающимъ имъ обратить въ свое время эти силы на пользу государству. Но въ Ригѣ онъ былъ положительно не на мѣстѣ, служа орудіемъ въ рукахъ коноводовъ мѣстныхъ партій. До какой степени онъ могъ поддаваться настояніямъ даже тѣхъ людей, противъ коихъ онъ былъ предубѣжденъ, до какой степени онъ могъ быть непослѣдователенъ и какъ его впечатлѣнія мѣнялись съ минуты на минуту и заставляли его противорѣчить самому себѣ, — покажетъ слѣдующій случай. Разъ какъ-то министръ Ланской поручилъ мнѣ къ нему съѣздить, чтобы лично убѣдить его сдѣлать какое-то распоряженіе. Какъ только я ему доложилъ въ чемъ дѣло, онъ прервалъ меня словами: «что вы мнѣ говорите о Ланскомъ, онъ тутъ ни при чемъ: это все ваши затѣи; вы, происходя изъ нѣмецкой фамиліи, отреклись отъ своего происхожденія и сдѣлались Deutschenfresser. Вы все затѣваете вещи, противныя Остзейскому дворянству» и т. д. въ этомъ духѣ. Я далъ ему выговориться и потомъ сталъ доказывать ему необходимость требуемой мѣры и безобидность ея для дворянства. Онъ слушалъ вполовину, не возражалъ ни слова по существу дѣла, а возобновлялъ лишь, но уже мягче, личныя на меня нападки. Наконецъ, спросилъ: «чего же вы отъ меня хотите?»— Я отвѣчалъ: «чтобы ваша свѣтлость написали губернатору то-то и то-то». «Хорошо,—сказалъ онъ,—я напишу самъ и сейчасъ же; диктуйте». Я продиктовалъ ему письмо. Онъ далъ мнѣ его прочесть и тутъ же запечаталъ при мнѣ, позвалъ жандарма и велѣлъ везти сейчасъ на почту, чтобы убѣдить меня, — какъ онъ самъ объяснилъ, — что письмо дѣйствительно отправлено и что онъ въ немъ ничего не измѣнилъ и не прибавилъ противъ продиктованнаго. Потомъ онъ спросилъ меня—«ну теперь вы довольны?»

Точно такъ же онъ и по желанію другихъ, постороннихъ лицъ, дѣлалъ распоряженія частными письмами, о коихъ не зналъ его правитель канцеляріи и о коихъ слѣда въ его дѣлахъ не оставалось. Могло ли тутъ быть единство въ дѣйствіяхъ? За его время, если и было сдѣлано кое-что для облегченія крестьянъ-хозяевъ, посредствомъ установленія выдачи имъ вознагражденія ихъ помѣщикомъ при удаленіи изъ арендуемыхъ участковъ и для облегченія батракамъ возможности получать паспорты для отлучекъ на заработки, — то это было сдѣлано частью по иниціативѣ самого дворянства, частью по настоянію министерства, подъ вліяніемъ духа готовившихся внутри имперіи реформъ, не допускавшаго полной инерціи даже и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Преемникомъ Суворова былъ баронъ Вильгельмъ Карловичъ *Ливенъ*, добрѣйшій и честнѣйшій, лично, человѣкъ, но еще болѣе безличный и безполезный генералъ-губернаторъ. На немъ ѣздили верхомъ и вели куда хотѣли всѣ, кому это было желательно. Это было до того легко, что сами предводители дворянства, пользуясь имъ, какъ своимъ орудіемъ, отзывались о немъ съ пренебреженіемъ. Суворовъ, по крайней мѣрѣ, возмущался слишкомъ несправедливымъ поступкомъ съ крестьяниномъ, слишкомъ наглымъ неисполненіемъ закона или пренебреженіемъ къ его власти и достоинству. Тогда онъ хорохорился и настаивалъ на своемъ. Въ виду этихъ вспышекъ, — il fallait garder avec lui certains ménagements. При Ливенѣ перестали церемониться съ нимъ и его управленіе служило только флагомъ для прикрытія контрабанды мѣстныхъ партій. Для примѣра приведу, хотя относящуюся къ позднѣйшему времени, исторію съ судебной реформой. При составленіи новыхъ судебныхъ уставовъ спросили заключенія генералъ-губернатора, барона Ливена, о способѣ примѣненія общихъ началъ сихъ уставовъ къ Прибалтійскимъ губерніямъ. Въ Ригѣ его надоумили составить для обсужденія этого вопроса особую комиссію изъ юристовъ и *представителей дворянства и городовъ*. Такимъ образомъ, присутствіе этихъ *представителей* измѣняло и расширяло значеніе комиссіи, какую генералъ-губернаторъ могъ бы образовать своею властью при своей канцеляріи, для обстоятельнаго изученія вопроса, по коему правительство спрашивало только его личнаго заключенія. Добро бы Ливенъ отъ себя пригласилъ лично, въ видѣ экспертовъ, предводителей дворянства и бургомистровъ помочь ему въ изученіи сложнаго вопроса, а то нѣтъ: дѣло поведено было гласно и торжественно. Представители дворянства были выбраны на экстренныхъ собраніяхъ, на коихъ вопросъ обсуждался по существу, и делегатамъ даны отъ дворянства инструкціи. То же было

и съ городскими депутатами. Вышла не простая административная комиссія изъ чиновниковъ съ экспертами, а какое-то законодательное, если не всесословное (крестьяне были, какъ всегда, обойдены), то двусословное собраніе для всѣхъ трехъ губерній, объединяющее между собою и выдѣляющее изъ общаго состава имперіи *мѣстное представительство*, тогда какъ дотолѣ представительство дворянства каждой губерніи и бюргерства каждаго города были сами по себѣ, не имѣли между собою ничего общаго и не было ни рѣчи, ни мысли о какомъ-либо общемъ *представительствѣ Остзейскаго края*. Добро бы гг. остзейцы, совершивъ втихомолку такую попытку соорудить, подъ видомъ комиссіи, образецъ мѣстнаго двусословнаго парламента ad hoc, молчали бы до времени, приберегая указаніе на этотъ прецедентъ впослѣдствіи, когда бы эта попытка удалась бы и сошла бы съ рукъ благополучно. Но нѣтъ: въ Rigasche Zeitung тутъ же явилась статья, ничинавшаяся чѣмъ-то въ родѣ того, что: «Итакъ, наконецъ, въ первый разъ собирается у насъ сеймъ, общій для всѣхъ Прибалтійскихъ губерній». Эта статья была, говорятъ, написана *въ канцеляріи генералъ-губернатора*!! Это было уже черезчуръ сильно. Въ Россіи общественное мнѣніе всполошилось; «Московскія Вѣдомости» подняли трезвонъ о сепаратизмѣ; судебное вѣдомство (не бывши еще подъ опекой нѣмцевъ въ лицѣ гр. Палена) настояло на назначеніи генералъ-губернатору краткаго срока на доставленіе заключенія, чтобы не дать расходиться комиссіи. Нѣмцы потомъ добились отмѣны этого срока и, не надѣясь тогда повернуть дѣло по-своему и навязать правительству свой особый, нѣмецкій, судебный уставъ, выработанный мѣстнымъ законодательнымъ сеймомъ, — рѣшились затянуть дѣло. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ,— и неизвѣстно еще когда судебная реформа коснется Остзейскаго края и въ какомъ видѣ тамъ переродится; а между тѣмъ въ Гапсалѣ производятся пытки, въ силу древнихъ нѣмецкихъ феодальныхъ порядковъ. Можно ли вообразить себѣ что-либо нелѣпѣе, безтолковѣе и противнѣе интересамъ и видамъ правительства и, наконецъ, прямымъ обязанностямъ, опредѣленнымъ закономъ,— той роли, какую разыграло въ этомъ дѣлѣ управленіе остзейскаго генералъ-губернатора, которое, очевидно, плясало по дудкѣ даже не большинства дворянства, а той партіи, которая возмечтала тогда о созданіи особаго Остзейскаго герцогства, съ особою конституціею наподобіе Финляндіи, — тогда какъ большинство самихъ нѣмцевъ сознавало неудобоисполнимость этой затѣи и неосторожность раздражить общественное мнѣніе въ Россіи неудачной попыткой.

Правителемъ канцеляріи остзейскаго генералъ-губернатора

и представителемъ его управленія во всѣхъ подготовительныхъ, при Остзейскомъ Комитетѣ, комиссіяхъ былъ Арнольдъ Андреевичъ *Тидебель*, человѣкъ добрый и неглупый, хотя и не замѣчательно способный, не пользовавшійся, однако, дѣйствительнымъ вліяніемъ на дѣла, которыя, чрезъ него и помимо его, всегда направлялись рукою коноводовъ дворянства и бюргерства. Лично мы съ нимъ всегда были въ хорошихъ отношеніяхъ.

Послѣднимъ генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ, пока я былъ въ Остзейскомъ Комитетѣ, былъ графъ Петръ Андр. *Шуваловъ*, о коемъ я много говорилъ выше, какъ о директорѣ деп. общ. дѣлъ. Разъ я вечеромъ сидѣлъ дома съ женою, какъ за мной прислалъ Валуевъ и объявилъ, что гр. Шуваловъ назначается генералъ-губернаторомъ въ Ригу, что объ этомъ на-дняхъ будетъ объявлено офиціально, а между тѣмъ онъ желаетъ меня видѣть, чтобы ознакомиться съ положеніемъ остзейскихъ дѣлъ и вопросовъ, стоящихъ на очереди въ Остзейскомъ Комитетѣ. Вернувшись домой (такъ какъ къ Шувалову я долженъ былъ ѣхать на другой день), я сообщилъ женѣ новость и прибавилъ, что убѣжденъ, что Шуваловъ будетъ посамостоятельнѣе своихъ предмѣстниковъ, кое-что сдѣлаетъ для крестьянъ и для поддержанія въ краѣ значенія русской власти, но не очень много и не потому, чтобы не съумѣлъ, а потому, что своей иниціативой въ нѣкоторыхъ полезныхъ реформахъ въ краѣ онъ рѣшится раззадорить ластящихся къ нему нѣмцевъ лишь ровно настолько, чтобы они сперва изъ угожденія поддались нѣсколько его требованіямъ и тѣмъ немножко удовлетворили ожиданія нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ и общественнаго мнѣнія въ Россіи и выставили бы гр. Шувалова въ лучшемъ свѣтѣ въ глазахъ русскихъ людей, противъ его предмѣстниковъ, а потомъ пожелали бы спустить его съ почетомъ — to kick him upstairs, — какъ человѣка, который, сблизившись съ ними въ Ригѣ, можетъ быть имъ полезенъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, но который, если бы еще засидѣлся въ Ригѣ, повелъ бы ихъ, пожалуй, дальше, чѣмъ они того желали и не далъ бы себя водить за носъ. Сколько я могу судить по всему, что мнѣ извѣстно, предсказаніе, сдѣланное мною въ тотъ самый день, когда я узналъ о назначеніи гр. Шувалова въ Ригу, сбылось вполнѣ. Да ничего другого и ожидать было нельзя. Пріѣзжаетъ генералъ-губернаторъ въ Ригу, какъ въ нѣмецкое царство, — кругомъ порядки, законы, обычаи и люди все новые, особые. Окружаютъ его представители мѣстной интеллигенціи и со всякою любезностью и лестью, но внушительно даютъ понять, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, что надо сообразоваться съ писаными и неписаными ихъ привилегіями и обы-

чаями, спрашивая ихъ же, въ чемъ они заключаются, что если генералъ-губернаторъ будетъ жить съ ними ладно, то все пойдетъ какъ по маслу, его будутъ превозносить и въ Ригѣ и въ Петербургѣ, благодаря ихъ благопріятелямъ, что въ противномъ случаѣ, если генералъ-губернаторъ станетъ мудрить и пойдетъ имъ наперекоръ, — онъ на каждомъ шагу будетъ путаться, попадетъ въ просакъ, подвергнется сплетнямъ, газетной клеветѣ здѣсь и за границей, интригамъ въ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ, пока не сломятъ ему шеи. Не говорится это en toutes lettres; но генералъ-губернаторъ чувствуетъ это изъ разныхъ намековъ и изъ сотни мелкихъ обстоятельствъ въ текущихъ дѣлахъ, въ ежедневной жизни и сознаетъ, что это правда, тѣмъ болѣе, что при отправленіи изъ Петербурга ему было внушено свыше — «дѣлай, какъ хочешь, но, чтобы тамъ были довольны» (эту фразу мнѣ разъ повторилъ Альбединскій, получившій, въ свою очередь, такую инструкцію). Что же остается дѣлать новому генералъ-губернатору? Видитъ онъ, что многое не совсѣмъ ладно, за многое надо бы приняться серьезно, но къ кому обратиться? Кругомъ его, отъ правителя его канцеляріи до послѣдняго чиновника,— все одни нѣмцы, между коими затесался развѣ кое-гдѣ вполнѣ угодный мѣстной интеллигенціи русскій, ибо чистаго русскаго туда не допустятъ, а если явится,—ославятъ мошенникомъ или краснымъ и тотчасъ спровадятъ. Что же дѣлать генералъ-губернатору одному, безъ помощниковъ, безъ вѣрныхъ исполнителей, безъ поддержки сверху, безъ твердой правительственной программы и инструкцій, кромѣ обязанности уконтентовать во чтобы то ни стало дворянство? Будь онъ о семи пядей во лбу, будь онъ готовъ жертвовать собою на благо отечества, — все-таки многаго не подѣлаешь, а охотниковъ даромъ ломать себѣ шею немного. Гораздо удобнѣе сдѣлать кое-что, — *выманивъ*, а не вытребовавъ это кое-что у нѣмцевъ, которые знаютъ, когда нужно имъ чуть-чуть уступить, чтобы начальство не раздразнить, — и за это кое-что получить спасибо отовсюду и потомъ поддержку, во всякомъ нужномъ случаѣ, со стороны сильной въ Петербургѣ нѣмецкой партіи.

П. Шульцъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Во второй половинѣ XIX вѣка[1]).

Студенческіе годы.

I.

Въ домѣ у дѣда.

Отецъ мой А. В. Пеликанъ.—Встрѣчи въ домѣ отца: О. М. Гупманъ.—Братъ отца, Викторъ.—Его исторія съ оберъ-полицеймейстеромъ Паткулемъ.—Младшій братъ отца, Евгеній.—Публичныя лекціи въ Пассажѣ.—Зять дѣда, П. Е. Волкенштейнъ.—Боковые родственники дѣда.—Паціенты дѣда: В. Ф. Адлербергъ и Мина Ивановна Буркова, князь В. А. Долгоруковъ.—Частые посѣтители дѣда.

У дѣда была три сына: старшій—мой отецъ, средній—Викторъ и младшій—Евгеній. Другихъ родственниковъ съ фамиліей Пеликанъ у него не было.

Разставшись съ Вильной навсегда, дѣдъ почему-то не далъ отцу окончить высшее образованіе и на 16-мъ году опредѣлилъ его на службу, сперва въ министерство финансовъ, а потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ. Такой путь былъ вѣрнымъ путемъ къ быстрой и блестящей карьерѣ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ 1844 г. отецъ женился. Родители жениха и невѣсты были очень довольны предстоявшимъ бракомъ. Дѣда въ Москвѣ считали чуть не милліонеромъ, вѣрили слухамъ, будто онъ вывезъ изъ Вильны несмѣтныя сокровища, обобралъ тамошнія свѣтскія и духовныя хранилища. Съ своей стороны дѣдъ не подозрѣвалъ, что Карновичи переживали въ то время финансовый кризисъ и должны были, чтобъ выгодно поженить сыновей и повыдать замужъ дочерей (первыхъ у нихъ было четверо, а вторыхъ семь), вести, не имѣя свободной наличности, показной образъ жизни. Что же касается отца съ матерью, то они никакихъ наклонностей къ заботамъ о завтрашнемъ днѣ не обнаружили. Между тѣмъ матеріальныя затрудненія не замедлили обнаружиться. Жалованья по должности чиновника особыхъ порученій, даже при

[1]) См. «Гол. Мин.» 1914 г. №№ 2 и 3.

регулярныхъ пособіяхъ со стороны дѣда, которыя щедростью не отличались и отличаться по состоянію дѣда не могли, едва хватало на оплату расходовъ первой необходимости, не говоря уже о расходахъ, связанныхъ съ обязанностью вести образъ жизни, соотвѣтствующій общественному положенію. Поневолѣ пришлось искать службы, которая лучше бы оплачивалась, хотя въ карьерномъ отношеніи и была невыгодна. Около этого времени дѣдъ былъ переведенъ изъ Москвы въ Петербургъ директоромъ военно-медицинскаго департамента и ему легко было устроить сына въ военномъ вѣдомствѣ. Отецъ всегда считался способнымъ и дѣльнымъ чиновникомъ, но отличался непереваривaемой въ бюрократическихъ сферахъ независимостью. Со службой, которую онъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души, онъ поспѣшилъ разстаться при первой возможности. Въ 1861 г. онъ вышелъ въ отставку и занялся адвокатурой.

Какъ человѣкъ, отецъ пользовался въ Петербургѣ большой популярностью. Въ немъ цѣнили большую доброту и отзывчивость, живой, оригинальный, хотя нѣсколько парадоксальный умъ. Онъ умеръ скоропостижно, отъ удара, въ 1878 г. въ петербургскомъ англійскомъ клубѣ, въ коемъ былъ усерднѣйшимъ членомъ. О его смерти много говорили въ обществѣ, при чемъ всѣ склонны были вѣрить, что извѣстному въ то время доктору Барчу удалось бы привести его къ жизни, если бы въ клубѣ имѣлись подъ рукой необходимыя медицинскія пособія. Теперь пособія эти тамъ имѣются.

Одной изъ слабостей отца была игра въ пикетъ. Самъ онъ въ карты почти не игралъ, но о пикетѣ писалъ и издалъ подъ псевдонимомъ Александра Червоннаго цѣлую книгу, подъ заглавіемъ «Теорія пикета». Въ клубѣ его въ шутку называли профессоромъ пикетной игры. Такимъ профессоромъ онъ выведенъ въ фельетонномъ романѣ Чубинскаго, заглавія не помню. Не былъ отецъ чуждъ и литературы. Въ газетахъ 60-хъ и 70-хъ гг. разбросано не мало статей его по самымъ разнообразнымъ вопросамъ.

Въ домѣ отца мнѣ приходилось встрѣчать много лицъ, которыхъ стоило бы отмѣтить въ настоящихъ воспоминаніяхъ, но я остановлюсь лишь на Осипѣ Михайловичѣ Гупманѣ, основателѣ табачной фабрики «Лафермъ». Личность его, какъ мнѣ кажется, не лишена своеобразнаго интереса.

Гупманъ явился въ Россію въ 40-хъ гг. въ качествѣ спеціалиста-гидропата. Съ отцомъ онъ свелъ, надо полагать, знакомство съ цѣлью получить черезъ него доступъ къ дѣду. У дѣда онъ, однако, успѣха не имѣлъ, дѣдъ считалъ его невѣжественнымъ шарлатаномъ, да къ тому же ни въ какія медицинскія панацеи

не вѣрилъ. Онъ не далъ Гупману закаливать нашъ организмъ холодной водой, къ чему Гупманъ усиленно стремился, и не предоставилъ ему возможности производить свои эксперименты въ широкихъ размѣрахъ надъ нижними чинами и кадетами. Успѣхъ Гупманъ имѣлъ лишь въ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ почва была куда благопріятнѣе. Главнымъ докторомъ петербургскаго порта былъ въ то время нѣкій Милліусъ, фанатическій приверженецъ гидропатіи. Благодаря вліянію Милліуса, къ ужасамъ воспитанія въ морскомъ корпусѣ прибавилось еще закаливаніе кадетъ холодной водой, практиковавшееся тамъ въ послѣдніе годы царствованія Николая I.

Какъ человѣку, неимѣющему медицинскаго званія, Гупману не удалось построить свое благополучіе на гидропатической практикѣ, да и сама система, благодаря прямолинейности ея послѣдователей, не замедлила надолго утратить свой кредитъ въ обществѣ. Въ концѣ концовъ Гупману съ женой, падчерицей и многочисленнымъ потомствомъ пришлось искать средствъ въ заработкѣ, ничего общаго съ его профессіей не имѣющемъ. Съ этою цѣлью онъ открылъ въ Пассажѣ небольшую табачную лавочку и занялся въ ней изготовленіемъ на продажу папиросъ. Рабочими у него въ этой лавочкѣ были жена и падчерица.

Свобода куренія—первая свобода, которой сподобился русскій народъ. Гупманъ снялъ пѣнки съ этой свободы. Вопреки распространенному мнѣнію, табакъ искони былъ извѣстенъ въ Россіи. Къ намъ онъ проникъ изъ Китая, задолго до открытія Америки. Въ XVII вѣкѣ куренье въ Россіи было весьма распространено, но при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ по причинамъ, совершенно непостижимымъ, было строжайше запрещено какъ куренье, такъ и сѣянье табаку. Курильщиковъ и курильщицъ нещадно били кнутомъ, рвали у нихъ ноздри. Просто не вѣрится, чтобъ даже и въ тѣ времена могли примѣняться такіе безсмысленные звѣрскіе законы. При Петрѣ снова было разрѣшено курить. Петръ курилъ самъ и любилъ, чтобъ курили и другіе. Николай I самъ не курилъ и курильщиковъ недолюбливалъ. При немъ куренье было строго запрещено на улицахъ, въ театрахъ и др. общественныхъ мѣстахъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ за куренье драли безъ всякаго милосердія. Тѣмъ не менѣе, куренье было сильно распространено. Курили преимущественно трубки и въ нихъ табакъ Жукова. Дымъ этого табаку, приторно-душистый, прокисая, превращался въ смрадъ. Въ каждомъ домѣ имѣлась коллекція трубокъ, чубуковъ и мундштуковъ. Лучшими считались: чубуки—черешневые, длиною не менѣе двухъ аршинъ, трубки пенковыя, мундштуки янтарные. Посѣтителей угощали чаемъ и трубкой. При

трубкахъ въ зажиточныхъ домахъ состояли отдѣльные казачки, на обязанности которыхъ лежало чистить трубки, запаливать ихъ и раскуривать. Хозяинъ дома, развалясь на диванѣ или въ волтеровскомъ креслѣ, отъ времени до времени оралъ на всю квартиру: «Ей, Сенька, трубку», и Сенька мчался по анфиладѣ комнатъ, изъ одного конца дома въ другой, съ горящей лучиной въ рукахъ, раскуривая на ходу уже запаленную трубку. Если Сенька былъ обученъ хорошему тону, то онъ, прежде чѣмъ передать трубку гостю или господину, считалъ своей священной обязанностью обтереть мундштукъ отъ собственной слюны полой казакина. Впрочемъ, никому не возбранялось вытирать мундштукъ носовымъ платкомъ или салфеткой. Возмездіе за малыя провинности Сенька получалъ чубукомъ изъ барскихъ ручекъ. Въ этомъ отношеніи онъ находился на одномъ положеніи съ семейными господина.

Благодаря запрету курить въ публичныхъ мѣстахъ, была распространена привычка нюхать табакъ. Носили табакъ въ самыхъ разнообразныхъ помѣщеніяхъ, начиная съ грошевыхъ тавлинокъ, дѣлавшихся изъ березовыхъ лубковъ, и кончая изящными и причудливыми табакерками изъ папье-маше, серебра, золота, нефритовъ, украшенныхъ брильянтами, разрисованною первоклассными художниками эмалью и пр. Генеральскимъ чинамъ, когда у нихъ уже имѣлись всѣ полагавшіеся по классу должности ордена, вмѣсто высшихъ орденовъ жаловались табакерки, украшенныя драгоцѣнными камнями и портретами ихъ величествъ. Портреты помѣщались на наружной сторонѣ табакерочной крышки. Нынѣ вмѣсто табакерокъ даются, такъ называемые, подарки по чину. Когда рѣчь заходила о табакеркахъ любили разсказывать истинно-русскій анекдотъ о смышленномъ солдатикѣ, которому гдѣ-то Богъ послалъ цѣнную табакерку съ портретомъ Наполеона I. Опасаясь попасть въ бѣду за ношеніе портрета чужеземнаго государя, солдатикъ наклеилъ на внутреннюю сторону табакерочной крышки лубочное изображеніе царствовавшаго императора. Начальство въ этомъ усмотрѣло было оскорбленіе величества и солдатику грозило строгое возмездіе. «Какъ смѣлъ ты такой сякой, на первомъ мѣстѣ оставить портретъ француза, а на второе помѣстить портретъ своего государя?» Солдатикъ выкрутился: «Такъ и слѣдуетъ, ваше высокоблагородіе», объяснилъ онъ, «прежде чѣмъ открыть табакерку, я долженъ щелкнуть по крышкѣ, прямо по носу француза, потомъ, поднявъ крышку и взявъ понюшку табаку, запустить ее въ носъ, чихнуть и засимъ, смотря съ благоговѣніемъ на изображеніе его императорскаго величества, воскликнуть: здравія желаю ваше императорское

величество». Анекдотъ этотъ всегда приводилъ въ умиленіе слушателей, даже тѣхъ, которымъ приходилось его уже не разъ слышать. Щелканіе и постукиваніе по табакеркѣ производилось обязательно всѣми нюхальщиками и имѣло цѣлью выравнять лежавшій въ табакеркѣ табакъ, чтобы онъ, когда табакерка открывалась, не высыпался. Въ рукахъ дамъ и кавалеровъ табакерка имѣла большое значеніе. «Манера и фасонъ» съ нею управляться могли быть или изящными или «мовэтонными». Когда они были плавны, нешумливы, исполнены своеобразной граціи, ихъ считали изящными, если же они были разухабисты, шумны, неопрятны, то почитались «мовэтонными». Нюхальщики и нюхальщицы носились съ табакеркой весь день, выпуская ее изъ рукъ только тогда, когда приходилось приниматься за ѣду или садиться за работу. Въ первомъ случаѣ она пряталась въ карманъ, во второмъ клалась тутъ же по близости на рабочемъ столѣ. При встрѣчѣ съ высшими табакерка стремительно пряталась въ карманъ, а въ дружеской бесѣдѣ, или на виду у подчиненныхъ, обязательно держалась въ лѣвой рукѣ, вмѣстѣ съ большимъ фуляровымъ платкомъ, которымъ нюхальщикамъ ежеминутно приходилось утирать носъ. Прятался этотъ фуляръ въ задній карманъ сюртука или фрака (пиджаковъ тогда еще не носили, а у визитокъ имѣлись задніе карманы), табакерка же пряталась въ правый жилетный карманъ. У «мовэтоновъ» фуляръ всегда торчалъ изъ задняго кармана. Постукавъ по бокамъ и крышкѣ табакерки, нюхальщикъ запускалъ въ табакерку два пальца—большой и указательный, забиралъ въ нихъ щепоткой возможно большую порцію табаку и, подставляя съ особымъ вывертомъ большой палецъ то къ одной, то къ другой ноздрѣ, откинувъ нѣсколько голову назадъ, втягивалъ въ носъ, съ закрытыми въ знакъ наслажденія глазами, раздражающій слизистую оболочку порошокъ, затѣмъ спѣшилъ утереть носъ и ударами пальцевъ стряхнуть неизбѣжно просыпавшійся на жилетъ табакъ. Надо сказать правду, нюханье табаку было отвратительной, возмутительно неопрятной привычкой. У большинства нюхальщиковъ табакъ, въ особенности, когда они приходили съ мороза, капалъ изъ носа въ видѣ густо окрашенной влаги, что, при тогдашней привычкѣ лобызаться при встрѣчѣ, было зѣло противно. Дамы, достигая почтеннаго возраста, переставали нюхать цвѣточки, а принимались нюхать табакъ. Отъ рукъ нюхальщицъ невыносимо разило смѣсью духовъ съ табачищемъ, что при тогдашнемъ требованіи цѣловать у всѣхъ дамъ руки, не особенно было пріятно.

Кромѣ трубокъ, курились еще и сигары. Если сигары не относились къ сорту, называвшемуся въ шутку «стинкадоресъ»,

то стоили очень дорого и курить ихъ подъ силу было лишь людямъ очень богатымъ. Куренье «стинкадоресъ» не допускалось въ мало-мальски приличныхъ домахъ, ихъ вонь была нестерпима даже на открытомъ воздухѣ. Среди курильщиковъ «стинкадоресъ» преобладали иностранцы, главнымъ образомъ нѣмцы.

Когда, по восшествіи на престолъ Александра II, было разрѣшено курить на улицахъ, въ театрахъ, вагонахъ и пр., трубки и нюхательный табакъ быстро были вытѣснены папиросами.

Папироса—изобрѣтеніе чисто русское, хотя названіе ея и происходитъ отъ испанскаго «пахитоса». Въ пахитосѣ табакъ завертывается не въ бумагу, а въ солому или насыпается въ гильзы изъ табаку. На Западѣ папиросы вошли въ употребленіе сравнительно недавно. Додумался завертывать табакъ въ бумагу, надо полагать, русскій солдатикъ. Брался откуда ни попало клочокъ бумаги, по большей части оберточной, газетной тогда въ обращеніи было мало, свертывался въ конусообразную трубку, перегибался пополамъ и въ болѣе широкое отверстіе всыпалась махорка, испускавшая специфическое зловоніе.

Папиросы въ бумажныхъ гильзахъ появились въ продажѣ въ 40-хъ гг. Выпускала ихъ тогда единственная фабрика Миллера въ С.-Петербургѣ. Заготовляла она ихъ всего двухъ сортовъ: турецкія крѣпкія, дѣлавшіяся изъ турецкаго табаку, и слабыя, дѣлавшіяся изъ мариландскаго табаку. И тѣ и другія были одного вида и величины, длиной около пяти дюймовъ. Стоили онѣ 10 коп. десятокъ. Гимназисты и кадеты курили ихъ въ нѣсколько пріемовъ, тщательно сохраняя окурки. Большого распространенія эти папиросы, благодаря плохому качеству и относительно высокой цѣнѣ, не имѣли. Большинство курильщиковъ сами дѣлали папиросы, набивая гильзы, производившіяся кустарнымъ способомъ, развѣснымъ табакомъ, стоившимъ тогда дешево.

Папиросъ въ томъ разнообразіи видовъ, въ какомъ онѣ встрѣчаются нынѣ, до Гупмана не было. Онъ первый сталъ выпускать папиросы малой величины и изъ табаку лучшаго, чѣмъ Миллеръ. Его папиросы носили различныя названія и отличались другъ отъ друга формой и величиной. Тонкія и длинныя назывались «Ферезли», короткія толстыя—«пажескими», очень короткія, всего на двѣ или на три затяжки,—«Антрактъ». Въ гимназическомъ и кадетскомъ быту, гдѣ куренье преслѣдовалось, курили исключительно въ трубу, преимущественно въ клозетахъ. Около курильщиковъ стояло всегда масса жаждавшихъ покурить на даровщинку и молившихъ: «Дай разокъ затянуться».

Успѣхъ папиросъ, выпускавшихся Гупманомъ, въ особенности тѣхъ, которыя назывались «Ферезли», былъ исключительный.

Его папиросы стали курить лица всѣхъ возрастовъ и положеній. Въ водевилѣ «Нѣтъ дѣйствія безъ причины» Самойлова приводила въ неописуемый восторгъ зрителей исполненіемъ, на избитый мотивъ какой-то польки, куплетовъ, начинавшихся такъ: «Папироска, другъ мой тайный, какъ тебя мнѣ не любить, не по прихоти жъ случайной стали всѣ тебя курить...».

Благодаря своимъ папиросамъ, Гупманъ въ нѣсколько мѣсяцевъ нажилъ состояніе и изъ мелкаго кустаря превратился въ крупнаго фабриканта, владѣльца основанной имъ фабрики «Лафермъ». Свою падчерицу, Катеньку Фридбергъ, онъ первымъ дѣломъ отправилъ за границу учиться хореографическому искусству. Въ 1857 г. онъ привезъ ее обратно въ качествѣ уже примабалерины. Сезонъ 1857 и 1858 г. она служила на императорской сценѣ и была первой исполнительницей главной роли въ только что поставленномъ тогда балетѣ «Корсаръ». Это была красивая и изящная дѣвушка, но ростъ ея былъ слишкомъ высокъ для балерины, находили, что ей слѣдовало исполнять въ балетѣ не женскія, а мужскія роли. Кромѣ того у нея ножка была размѣра больше, чѣмъ средняго. Это дало поводъ Добролюбову такъ выразиться о ней въ «Свисткѣ»:

«Я видѣлъ Фридбергъ въ Катаринѣ,
«Дивился я ея ногамъ,
«И вспомнилъ я о господинѣ,
«Что съ бѣдныхъ взятки собиралъ...»

Въ обществѣ тогда циркулировали слухи, что Фридбергъ попала на императорскую сцену лишь благодаря взяткѣ, данной тароватымъ отчимомъ. Успѣха она не имѣла и разочарованная уѣхала навсегда въ Германію, гдѣ не замедлила сочетаться законнымъ бракомъ съ какимъ-то мелкимъ нѣмецкимъ владѣтельнымъ князькомъ. Она была лѣтъ на 10 старше меня и относилась ко мнѣ дружески. Благодаря ей, я въ сезонъ 1857—1858 гг. имѣлъ свободный доступъ за кулисы балетныхъ спектаклей въ Большомъ театрѣ и перевидалъ всѣ дававшіеся тогда балеты. Вслѣдъ за нею уѣхалъ за границу и О. М. Гупманъ и поселился тамъ навсегда въ Дрезденѣ. Табачная фабрика въ Петербургѣ не замедлила дать ему многомилліонное состояніе, и онъ превратился изъ О. М. Гупмана въ барона де-Вальбелля, купивъ этотъ титулъ въ Италіи. Послѣ этого онъ сталъ наѣзжать въ Петербургъ лишь изрѣдка, такъ какъ превращеніе его въ бароны вызывало неудержимый смѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ его еще недавно знали какъ непризнаннаго гидропата и кустаря-лавочника. Послѣдній разъ я его видѣлъ въ Петербургѣ въ 1870 г. архимилліонеромъ. Онъ пріѣзжалъ, чтобъ передать всѣ свои табачныя предпріятія вновь

возникшему американскому товариществу «Лафермъ», слѣдствіемъ чего было распространеніе произведеній многочисленныхъ фабрикъ «Лафермъ» во всему старому и новому свѣту.

Второй сынъ дѣда — Викторъ воспитывался въ 1-й Спб. гимназіи, а послѣ того окончилъ московскій университетъ по естественному факультету въ 1845 г., служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ и умеръ въ 1876 г. управляющимъ петербургской контрольной палатой. Попалъ онъ въ контроль, благодаря нѣкоторой прикосновенности къ литературѣ. Тертій Ивановичъ Филипповъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ былъ уже до нѣкоторой степени персоной въ государственномъ контролѣ и служилъ тамъ подъ начальствомъ восходившей звѣзды М. Н. Островскаго, который тогда болѣе всего гордился тѣмъ, что у него братъ знаменитый драматургъ. Желая угодить своему начальнику, Филипповъ выдумалъ требовать отъ желающихъ поступить на службу въ контроль доказательствъ, что они обладаютъ литературными способностями и даже заставлялъ ихъ писать сочиненія на задававшіяся имъ литературныя темы. Женатъ дядя Викторъ былъ на дочери орловскаго помѣщика, полковника Нордштейна, Ольгѣ Сергѣевнѣ, умершей три года тому назадъ и до конца жизни пользовавшейся любовью и уваженіемъ всѣхъ, кому только приходилось сталкиваться съ нею въ жизни. Даже въ глубокой старости она была неисправимой либералкой и все, что только носило въ ея глазахъ прогрессивный характеръ, было близко ея сердцу. Въ числѣ ея ближайшихъ друзей были и П. А. Бибиковъ, первый изъ русскихъ литераторовъ сподобившійся попасть подъ судъ при новыхъ законахъ о печати за изданную имъ книгу «Критическіе этюды», и возвратившійся изъ ссылки петрашевецъ Д. Д. Ахшарумовъ, вскорѣ поступившій въ студенты медицинской академіи [1]) (дядя Викторъ, между прочимъ,издалъ его брошюрку объ «Устрицѣ»), и осужденный по дѣлу объ убійствѣ Мезенцева докторъ Веймаръ. Въ разгарѣ реакціи 80-хъ гг. тетушка была твердой и рѣшительной ходатайницей за заключенныхъ по дѣламъ политическимъ, всячески старалась облегчить ихъ положеніе, что подчасъ ей и удавалось.

Одно время дядѣ Виктору пришлось пострадать за женинъ либерализмъ. Это было въ 1861 г., въ разгаръ перваго большого студенческаго движенія. Ольга Сергѣевна сочувствовала студенчеству съ тою страстностью, съ какою могли сочувствовать только

---

[1]) Въ 1857 г. Д. Д. Ахшарумовъ, 34 лѣтъ, поступилъ на медицинскій факультетъ дерптскаго университета, а въ 1858 г. ему дозволили перейти въ петерб. медико-хирургическую академію. *Д. Д. Ахшарумовъ.* «Изъ моихъ воспоминаній». Спб. 1905 г., стр. XVIII. *Ред.*

шестидесятницы. Хотя волосъ она себѣ и не стригла, но, подобно многимъ тогдашнимъ дамамъ и дѣвицамъ, носила въ честь студентовъ голубые бантики и галстучки, «цвѣтъ небесъ, цвѣтъ студентовъ повѣсъ», какъ любили тогда выражаться, и приходила въ умиленіе, когда декламировали:

«Милая барышня, знаешь ты Овена,
«Бюхнеромъ ты проникаешься,
«Знаешь на память сонаты Бетховена,
«Съ буквою Ѣ ты справляешься...»

Въ 1861 г., во время студенческихъ безпорядковъ, она встрѣтилась у вице-директора инспекторскаго департамента военнаго министерства, гр. Е. Е. Сиверса, подъ начальствомъ котораго служилъ тогда ея мужъ, съ тогдашнимъ петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Паткулемъ, вступила съ нимъ въ споръ изъ-за студентовъ и кончила тѣмъ, что продекламировала ходившіе тогда по рукамъ стихи, озаглавленные «Бить ли подъ лопатку ль?», и съ припѣвомъ: «Подъ куль подлезъ, и гнать и гнать его» (тогдашнимъ петербургскимъ губернаторомъ былъ П. Н. Игнатьевъ, впослѣдствіи графъ и предсѣдатель комитета министровъ). За такую дерзкую выходку дядѣ Виктору предложили было подать въ отставку. Ему поставили въ вину неумѣнье держать жену въ строгости.

Третій сынъ дѣда, Евгеній, также получилъ образованіе въ первой петербургской гимназіи, которую окончилъ годомъ ранѣе брата Виктора, хотя былъ младше его на годъ. Въ 1845 г. онъ окончилъ московскій университетъ по медицинскому факультету, а въ 1851 г. былъ избранъ адъюнктомъ по каѳедрѣ акушерства и дѣтскихъ болѣзней. Въ декабрѣ 1853 г. онъ призванъ былъ занять каѳедру судебной медицины и занималъ ее до 1859 г., когда былъ назначенъ сперва вице-директоромъ, а вскорѣ затѣмъ и директоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Дѣятельность его, какъ профессора судебной медицины, была весьма плодотворна. «Въ 50-хъ г.г.», говоритъ составитель исторіи Академіи (стр. 393), «въ академіи начало торжествовать реальное направленіе надъ натурфилософіей. Лучшимъ выразителемъ новаго направленія явился Пироговъ и въ особенности его анатомическая дѣятельность. Что же касается эксперимента вообще, то, кромѣ изслѣдованій Пирогова надъ дѣйствіемъ эѳирныхъ паровъ на животныхъ и повторенія имъ опытовъ Крювелье и др. о гнойномъ зараженіи крови, производились еще многочисленные токсикологическіе опыты Пеликаномъ. Въ одномъ 1853—1854 году такихъ опытовъ произведено было свыше 200. Въ 1856 году имъ были введены практическія

занятія со студентами по судебной медицинѣ и судебно-химическимъ изслѣдованіямъ». Литографированныя его записки по судебной медицинѣ были настольною книгою нашихъ судебныхъ врачей лучшаго періода дѣйствія уставовъ 20 ноября 1864 г. Его изслѣдованіе о скопцахъ до сихъ поръ считается классическимъ. Его заслуги въ судебной медицинѣ, и въ особенности въ области токсикологіи, признаны въ Зап. Европѣ, что и нашло себѣ наглядное выраженіе въ избраніи его въ члены французской медицинской академіи на мѣсто умершаго Орфилы. Въ 1873 г., когда умеръ дѣдъ, Евгеній былъ назначенъ на его мѣсто предсѣдателемъ медицинскаго совѣта. Въ 1884 г. онъ долженъ былъ, по причинѣ тяжкой болѣзни, сведшей его въ могилу, выйти въ отставку.

Въ 1859 г., когда освободительная эпоха достигла своего кульминаціоннаго пункта, и русская общественность впервые получила возможность самоопредѣленія, господствующее настроеніе выразилось въ стремленіи къ изученію естествознанія. Предпріимчивые москвичи Пахитоновъ и Водовъ организовали въ Пассажѣ, въ томъ самомъ залѣ, гдѣ теперь театръ, публичныя лекціи по разнымъ предметамъ и публичные диспуты по волновавшимъ тогда общество вопросамъ, впрочемъ самымъ невиннымъ и никакого отношенія къ политикѣ не имѣвшимъ. Диспуты на первыхъ же порахъ потерпѣли крушеніе. Предсѣдательствовавшій на одномъ изъ диспутовъ Е. И. Ламанскій вынужденъ былъ прекратить диспутъ и закрыть собраніе. При этомъ у него вырвалось крылатое словечко «Господа, мы еще не созрѣли». Зато успѣхъ лекцій превзошелъ всѣ ожиданія. Въ числѣ лекторовъ былъ и Евгеній. Успѣхъ его лекцій былъ выдающійся. Онъ только что вернулся изъ поѣздки за-границу, гдѣ работалъ у такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Клодъ Бернаръ, Вирховъ, Келикеръ и др. Онъ знакомилъ слушателей съ той физіологіей, которая была уже признана на западѣ, а нашимъ виталистамъ не только не была извѣстна, но даже и непонятна. Лекціи сопровождались блестящими опытами, впервые производившимися въ Россіи, и привлекали массу слушателей, начиная съ іерарховъ медицинскаго сословія и профессоровъ академіи, съ президентомъ Дубовицкимъ во главѣ, и кончая казеннокоштными студентами, настоятельно потребовавшими, чтобъ начальство дало имъ возможность посѣщать эти лекціи.

Кромѣ сыновей, у дѣда была еще дочь Елизавета Венцеславовна. Она была въ замужествѣ за Петромъ Ермолаевичемъ Волкенштейномъ. Во время восточной войны онъ занималъ должность правителя дѣлъ главнаго правленія Краснаго Креста,

а ранѣе, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, былъ начальникомъ раскольничьяго отдѣленія въ департаментѣ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, постъ въ то время весьма важный. Кромѣ того онъ былъ большой любитель садоводства, состоялъ въ теченіе многихъ лѣтъ секретаремъ общества садоводства и редакторомъ издававшагося обществомъ журнала. Одинъ изъ его племянниковъ, сынъ сапернаго генерала Александра Ермолаевича Волкенштейнъ, женатъ, какъ мнѣ говорили, на Волкенштейнъ, отбывшей заключеніе въ Шлиссельбургской крѣпости и убитой во Владивостокѣ.

Въ домѣ Волкенштейна мнѣ приходилось, между прочимъ, встрѣчаться съ Мельниковымъ-Печерскимъ. Онъ относился ко всѣмъ моимъ родичамъ съ особеннымъ расположеніемъ, что и выразилъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Своимъ знаніемъ раскольничьяго быта Мельниковъ во многомъ обязанъ былъ Волкенштейну, который, благодаря знанію раскольничьихъ дѣлъ и богатой памяти, замѣнялъ Мельникову справочный словарь.

Изъ боковыхъ родственниковъ дѣда я зналъ только двухъ: Ивана Адамовича Повстанскаго и ксендза Вивульскаго. Первый долго служилъ въ Вильнѣ врачебнымъ инспекторомъ, а по выходѣ въ отставку поселился въ своемъ богатомъ имѣніи Поюрже, у самой прусской границы, близъ Таурогена. Дѣду онъ приходился роднымъ племянникомъ. Другой родственникъ, ксендзъ Вивульскій, приходился дѣду внучатнымъ племянникомъ. Оба они (Повстанскій и Вивульскій) пострадали во время польскаго возстанія 1863 г. и дѣду стоило большихъ усилій вызволить ихъ изъ лапъ Муравьева. Несмотря на свой почтенный возрастъ, генеральскій чинъ и полнѣйшую индиферентность въ политическомъ отношеніи, Повстанскій въ одну прекрасную ночь былъ схваченъ жандармами, заключенъ въ Виленскую тюрьму и просидѣлъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока близорукіе слѣдователи провѣряли явно нелѣпый доносъ одного кузнеца, заявившаго будто въ Поюрже была тайная фабрика огнестрѣльнаго оружія. Въ результатѣ Повстанскаго хотя и освободили изъ тюрьмы, но отдали подъ негласный надзоръ полиціи, отъ котораго ему только много лѣтъ спустя удалось освободиться съ большимъ трудомъ. Ксендзъ Вивульскій былъ высланъ во внутреннія губерніи. Въ чемъ была его провинность, я не знаю.

Авторъ «Исторіи академіи», сообщая біографическія свѣдѣнія о дѣдѣ, говоритъ между прочимъ: «Пеликанъ В. В. долгое время былъ практикующимъ врачемъ и въ Москвѣ пріобрѣлъ обширную практику. Намъ неизвѣстно, продолжалъ ли онъ

практику въ Петербургѣ, когда былъ назначенъ на постъ директора военно-медицинскаго департамента».

Могу съ точностью отвѣтить на этотъ вопросъ: не занимался. Только въ исключительныхъ случаяхъ, когда не было возможно уклониться, онъ принималъ участіе въ консультаціяхъ, или, какъ выражался, «ѣздилъ прописывать паспортъ на тотъ свѣтъ». Тѣмъ не менѣе къ нему отъ времени до времени обращались за совѣтами, по старой памяти, и такіе вельможи, какъ тогдашній министръ двора В. Ф. Адлербергъ и В. А. Долгоруковъ, извѣстный московскій генералъ губернаторъ, а равно и старики артисты: П. А. Каратыгинъ, О. А. Петровъ и Н. О. Гольцъ, а также кой-какіе старинные друзья и знакомые. О послѣднихъ трехъ я буду говорить въ той части моихъ воспоминаній, которая будетъ касаться театра, а объ Адлербергѣ и Долгоруковѣ скажу пару словъ теперь.

В. Ф. Адлербергъ отличался крѣпкимъ здоровьемъ, умеръ въ глубокой старости и самъ лично во врачѣ не нуждался. Но при немъ состояла знаменитая въ петербургской лѣтописи Мина Ивановна Буркова, сильно прихварывавшая болѣзнью, сведшею ее въ могилу во цвѣтѣ лѣтъ. Эта Мина Ивановна въ 50-хъ г.г. имѣла не только въ придворномъ вѣдомствѣ, но во всѣхъ бюрократическихъ сферахъ Петербурга огромное значеніе. Благодаря ея неотразимому вліянію на высокаго покровителя, черезъ нее можно было получить хлѣбное мѣстечко и удостоиться званія не только камеръ-юнкера, но и камергера. Немудрено, что у ея ногъ пресмыкалось не мало искателей служебныхъ благъ. Для прикрытія ея связи съ Адлербергомъ, она была обвѣнчана съ чиновникомъ Бурковымъ. Ей сильно хотѣлось стать «генеральшей», но супругъ ея умеръ раньше, чѣмъ его успѣли произвести въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Смерть мужа не помѣшала, однако, Минѣ Ивановнѣ стать «ея превосходительствомъ». По ходатайству Адлерберга, Бурковъ былъ пожалованъ генеральскимъ чиномъ уже послѣ своей смерти. Еще задолго до знакомства съ Адлербергомъ она о дѣдѣ, какъ о необыкновенно искусномъ врачѣ, много слыхала отъ своей товарки по «пансіону», Амаліи Ивановны Кукольникъ, жены поэта, съ которымъ дѣдъ былъ связанъ узами старой дружбы. Какъ-то ночью съ Миной Ивановной случился припадокъ, и она потребовала отъ своего высокаго покровителя, чтобы онъ, во что бы то ни стало, пригласилъ къ ней немедленно дѣда. В. Ф. Адлербергъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобъ не понять всю невозможность посылки въ данномъ случаѣ «за докторомъ». Поэтому онъ не замедлилъ лично отправиться къ дѣду, просить не отказать

въ своей помощи нѣжно любимой имъ женщинѣ. Въ квартирѣ дѣда Адлербергъ былъ встрѣченъ недружелюбно камердинеромъ дѣда, считавшимъ дѣда превыше всего на свѣтѣ и ни за какія блага въ мірѣ не соглашавшагося разбудить его, чтобъ доложить о прибытіи высокаго посѣтителя. Адлербергу волей-неволей пришлось просидѣть нѣсколько часовъ въ передней, на ларѣ, въ обществѣ упрямаго слуги, такъ какъ въ пріемныя комнаты онъ послѣднимъ допущенъ не былъ. Проснувшись, дѣдъ немедленно принялъ Адлерберга, извинился за своего камердинера и поспѣшилъ исполнить просьбу. За такую практику дѣдъ никакихъ вознагражденій не принималъ. Желая тѣмъ не менѣе отблагодарить его, Мина Ивановна устроила у себя елку, на которую пригласила брата и меня. Дѣдъ насъ на эту елку, несмотря на наше сильное огорченіе, не повезъ.

Чаще другихъ навѣщалъ дѣда, какъ врача, князь Вл. Андр. Долгоруковъ. Насколько помню, рѣдкій его пріѣздъ въ Петербургъ обходился безъ визита къ дѣду. Они запирались въ кабинетѣ и долго о чемъ-то тамъ шептались. По выходѣ изъ кабинета, дѣдъ выговаривалъ князю его непозволительную мнительность, при чемъ разсказывалъ какой-либо по поводу мнительности медицинскій анекдотъ. Такихъ анекдотовъ дѣдъ зналъ множество. Къ сожалѣнію, они почти всѣ къ печати непригодны. Князь Долгоруковъ, какъ извѣстно, до глубокой старости славился своими любовными похожденіями. Такъ, въ 1871 г. онъ, какъ тогда разсказывали, будучи застигнутъ въ Москвѣ ревнивымъ супругомъ на мѣстѣ преступленія, вынужденъ былъ, безъ сапогъ и шапки, въ одномъ бѣльѣ искать спасенія въ бѣгствѣ и въ такомъ видѣ былъ задержанъ полиціей.

Вообще по количеству и разнообразію появлявшихся въ домѣ дѣда и исчезавшихъ изъ него лицъ домъ походилъ на проходной дворъ. Тутъ можно было встрѣтить, не говоря уже о безчисленныхъ представителяхъ медицинскаго сословія всѣхъ возрастовъ и ранговъ, и такихъ антиковъ, какъ девяностодевятилѣтній генералъ Захаръ Анисимовичъ Іосельяни, родомъ грузинъ, говорившій всѣмъ ты, называвшій всѣ вещи ихъ именами, или какъ генералъ Фроловъ, съ котораго, говорили, Грибоѣдовъ писалъ Скалозуба, такихъ болѣзненно самолюбивыхъ артистовъ, какъ знаменитый піанистъ Антонъ Григорьевичъ Контскій, приходившій въ неистовство, когда при немъ упоминали имя Рубинштейна, и съ азартомъ кричавшій при этомъ: «все мое несчастье въ томъ, что Рубинштейна также зовутъ Антонъ Григорьевичъ», такихъ первоклассныхъ артистовъ, какъ покойный Павелъ Васильевъ, и на ряду съ нимъ статистовъ, фигурантовъ и даже

«артистовъ» изъ балагана Берга, антиспирита фокусника Казенова, вездѣсущаго устроителя любительскихъ спектаклей В. И. Аристова и такихъ талантливыхъ любителей, какъ Обнобишинъ, кн. Мещерскій, Шукаревъ, такихъ убѣжденныхъ шарлатановъ, какъ отставной фельдшеръ Истоминъ, изобрѣтатель вѣрнаго средства отъ запоя, какъ бывшій портной Корженевскій, изобрѣтатель сапоговъ и корсетовъ, предупреждающихъ и излѣчивающихъ всѣ болѣзни, такихъ адвокатовъ, какъ профессоръ А. Вл. Лохвицкій, и на ряду съ нимъ бывшій студентъ-медикъ Банцлебенъ, родоначальникъ современныхъ «аблакатовъ», и въ заключеніе цѣлый легіонъ подбитыхъ вѣтеркомъ французовъ и одурѣвшихъ отъ непомѣрно потребленнаго количества пива нѣмцевъ...

Все это, кромѣ Іосельяни и Фролова, были «пріятели» брата Венцеслава, отличавшагося въ дружбѣ крайней неустойчивостью, часто мѣнявшаго одну пріятельскую группу на другую. Самъ дѣдъ ничего съ ними общаго не имѣлъ и имѣть не могъ. Своихъ знакомыхъ и друзей дѣдъ почти всѣхъ пережилъ, а новыхъ знакомствъ не заводилъ и въ гости никуда не ѣздилъ. Изъ числа старинныхъ его друзей нахожу нелишнимъ упомянуть здѣсь только о Павлѣ и Несторѣ Кукольникахъ.

Павелъ Васильевичъ Кукольникъ жилъ постоянно въ Вильнѣ и только изрѣдка наѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ большую часть времени проводилъ у дѣда, забавляя насъ, молодежь, своимъ чудачествомъ. Въ бытность дѣда ректоромъ виленскаго университета Павелъ Кукольникъ былъ тамъ профессоромъ всеобщей исторіи и статистики. Надо полагать, что это о немъ идетъ рѣчь въ письмѣ дѣда къ Твардовскому. Въ 1829 г. онъ былъ назначенъ отдѣльнымъ виленскимъ цензоромъ и оставался въ этой должности до 1841 г., въ 1851 г. былъ вновь назначенъ цензоромъ, въ 1863—65 г.г. былъ предсѣдателемъ виленскаго цензурнаго комитета. Умеръ въ 1884 г. (*А. И. Шверубовичъ*, «Братья Кукольники». 1885 г., Вильна).

Павелъ Кукольникъ прежде всего былъ непризнанный поэтъ. Обскурантъ по направленію и ханжа по чувствамъ, онъ писалъ преимущественно на сюжеты изъ священнаго писанія. Всюду за собой онъ возилъ цѣлый чемоданъ рукописей и читалъ ихъ всѣмъ, кого только могъ заручить въ слушатели. Упиваясь чтеніемъ собственныхъ стиховъ, онъ не обращалъ вниманія на насмѣшки и шутки, которыя на него сыпались со всѣхъ сторонъ. Особенно носился онъ съ своей драматической поэмой «Іуда, братъ Господень». Онъ искренно вѣрилъ, что поэма эта написана имъ по наитію свыше, что она новое божественное откровеніе.

У меня въ памяти изъ этой поэмы сохранились слѣдующія двѣ строфы: «Я вижу берегъ предъ очами, разсѣянъ тлѣнія туманъ». Поэма эта, кажется, не напечатана, она въ тѣ времена никакъ не могла пролѣзть чрезъ духовную цензуру. Образцомъ остальныхъ стихотвореній Павла Кукольника можетъ считаться напечатанное стихотвореніе: «За индѣйками уныло шла сиротка со двора, сердце юное грустило, много въ свѣтѣ есть добра...»

Ничего общаго съ братомъ не имѣлъ Несторъ Кукольникъ, этотъ поистинѣ пасынокъ русской критики. Я помню его съ тѣхъ же поръ, какъ помню самого себя. Онъ былъ первый русскій писатель, съ собраніемъ сочиненій котораго я ознакомился въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Его первыя и притомъ лучшія произведенія, вошедшія въ знаменитое изданіе Смирдина «Сто русскихъ литераторовъ», занимали видное мѣсто въ нашей домашней библіотекѣ. Думаю, что въ настоящее время никто лучше меня произведеній Нестора Кукольника не знаетъ. Я до сихъ поръ могу на память цитировать изъ нихъ цѣлыя страницы. Я съ убѣжденіемъ говорю, что въ нихъ найдется немало образовъ, способныхъ и понынѣ вызывать самыя высокія съ общечеловѣческой точки зрѣнія настроенія. За настроенія, которыми я обязанъ былъ Кукольнику въ разные годы моей жизни, я могу быть только признателенъ.

Какъ писатель, Кукольникъ былъ замѣченъ и отличенъ Николаемъ I уже въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, но наивысшаго предѣла расположеніе къ нему государя достигло въ 1834 г., когда впервые на сценѣ Александринскаго театра была поставлена драма Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла», едва ли не самое слабое изъ всѣхъ его драматическихъ произведеній. Благодаря превосходному исполненію и роскошной обстановкѣ, на которую было затрачено 40 тыс. рублей, пьеса имѣла выдающійся успѣхъ, и присутствовавшій на представленіи императоръ пришелъ въ восторгъ. Между тѣмъ Николай Полевой далъ въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ» о пьесѣ весьма неблагопріятный отзывъ. Оказалось, что отзывъ этотъ былъ написанъ еще до постановки драмы на сценѣ и только напечатанъ послѣ перваго представленія. Полевой, въ самый праздникъ Благовѣщенія, былъ отправленъ изъ Москвы въ Петербургъ и на перекладныхъ доставленъ съ жандармомъ въ квартиру Дубельта, гдѣ его продержали нѣсколько сутокъ; для дачи объясненій онъ ходилъ въ квартиру гр. Бенкендорфа, шефа жандармовъ; при этомъ присутствовалъ и министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, игравшій роль обвинителя. Съ тѣмъ же

жандармомъ онъ отправленъ былъ обратно въ Москву [1]). Полевой личной отвѣтственности не понесъ, но «Московскій Телеграфъ» былъ запрещенъ. Послѣ этого Полевой смирился и сталъ соперничать съ Кукольникомъ въ писаніи драматическихъ произведеній, исполненныхъ такъ-называемымъ квасным патріотизмомъ.

Общественное мнѣніе вполнѣ выразилось въ слѣдующемъ, весьма популярномъ тогда четверостишіи:

«Рука Отечества три чуда совершила:
«Отечество спасла,
«Поэта отличила [2])
«И Полевого утопила».

Болѣе всего нападаютъ на Кукольника за Щедрина. Въ 1848 г. оба они служили въ военномъ министерствѣ. Салтыковъ въ скромной должности помощника столоначальника, а Кукольникъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ. Въ это время Салтыковъ подалъ прошеніе объ отпускѣ. Въ отвѣтъ отъ Салтыкова потребовали, чтобы онъ предварительно представилъ свои сочиненія [3]). Салтыковъ представилъ напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» повѣсти: «Противорѣчія» [4]) и «Запутанное дѣло» [5]). Чернышевъ приказалъ Кукольнику разсмотрѣть эти повѣсти и представить свои по содержанію ихъ заключенія [6]). Чернышевъ, ознакомившись съ докладомъ Кукольника, пришелъ въ ужасъ, что такой опасный человѣкъ, какъ Салтыковъ, служитъ у него въ министерствѣ [7]).

---

[1]) Ср. «Ник. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ» въ «Изслѣдованіяхъ и статьяхъ» *М. И. Сухомлинова*. Спб. 1889. т. II; «Записки Ксенофонта Алексѣев. Полевого». Спб. 1888, стр. 331—345. *Ред.*

[2]) Варіантъ: «Поэту ходъ дала». *Ред.*

[3]) Предъ этимъ Бутурлинъ при встрѣчѣ съ военнымъ министромъ, кн. Чернышевымъ, обратилъ его вниманіе на то, что въ его канцеляріи находится чиновникъ вольнаго образа мыслей, Салтыковъ. См. *В. Семевскій* «Крѣп. право и крест. реформа въ произвед. Салтыкова», стр. 14—15. *Ред.*

[4]) 1847 г. т. 55 № 11 подъ псевдонимомъ: *М. Непановъ*. *Ред.*

[5]) 1848 г. т. 57 № 3 съ подписью: *М. С.* *Ред.*

[6]) Въ рапортѣ было сказано, что «какъ самое содержаніе, такъ и все изложеніе сихъ повѣстей обнаруживаютъ вредный образъ мыслей и пагубное стремленіе къ распространенію идей, потрясшихъ уже всю Западную Европу и ниспровергшихъ власти и общественное спокойствіе». «Столѣтіе военнаго министерства» III, ч. I. Приложенія къ историч. очерку дѣятельности канцеляріи военнаго министерства и военн. совѣта, сост. *Н. Ж. Затворницкимъ*. Спб. 1909 г., стр. 168. *Ред.*

[7]) Онъ доложилъ государю, при чемъ Салтыкову было поставлено въ вину и то, что «въ противность существующихъ узаконеній» онъ позволилъ себѣ помѣщать въ періодическихъ изданіяхъ литературныя свои произведенія «безъ дозволенія и вѣдома начальства». Императоръ Николай, «снисходя къ молодости Салтыкова», приказалъ уволить его отъ службы въ канцеляріи военнаго министерства и «немедленно отправить на служеніе тѣмъ же чиномъ въ Вятку, передавъ особому надзору тамошняго начальника губерніи, съ тѣмъ, чтобы губернаторъ о направленіи его образа мыслей и поведеніи постоянно доносилъ государю». Чернышевъ 27 Апрѣля 1848 г. сообщилъ объ этомъ III Отдѣленію, при чемъ еще на-

Кара, постигшая Салтыкова, не воспрепятствовала ему сдѣлать быструю карьеру. Онъ былъ, какъ извѣстно, сосланъ въ Вятку 28 апрѣля 1848 г. Въ ноябрѣ того же года мы видимъ его уже чиновникомъ особыхъ порученій при мѣстномъ губернаторѣ, въ 1850 г. совѣтникомъ вятскаго губернскаго правленія и въ 1856 г. чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Съ 1858 по 1862 г. онъ послѣдовательно занимаетъ должности вице-губернаторовъ, сперва Рязанскаго, а потомъ Тверского.

Кукольникъ не разъ попадалъ на замѣчаніе. Я уже описывалъ, какъ онъ былъ высочайше пожалованъ дуракомъ за экспромтъ о «старыхъ пантофеляхъ». Другой разъ онъ получилъ жестокій разносъ за повѣсть изъ временъ Петра В. «Сержантъ Ивановъ». Ему было поставлено на видъ желаніе «выказать добродѣтель податного сословія и пороки высшаго класса, что не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій». По поводу этой повѣсти Бенкендорфъ, предлагая Кукольнику «воздерживаться на будущее время отъ печатанія статей, противныхъ духу времени и правительства», присовокуплялъ: «дабы избѣжать взысканія, которому вы, при меньшей снисходительности, подвергнуться можете». Наконецъ, одна изъ лучшихъ драмъ Кукольника «Генералъ-поручикъ Паткуль» находится, если не ошибаюсь, и до сихъ поръ подъ запретомъ драматической цензуры.

Въ концѣ 50-хъ г.г. Кукольникъ вышелъ въ отставку и поселился въ Таганрогѣ. Ежегодно онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и привозилъ съ собою новое произведеніе, которое читалъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу. Вмѣстѣ съ дѣдомъ попадалъ на эти чтенія и я. Чтецъ Кукольникъ былъ плохой, и новыя его произведенія даже въ пріятельскомъ кругу успѣха не имѣли. Только одну изъ новѣйшихъ пьесъ Кукольнику съ большимъ трудомъ удалось провести черезъ драматическую цензуру [1]) и поставить на Александринской сценѣ. Пьеса эта называется «Гофъ-юнкеръ». Несмотря на прекрасное исполненіе Самойловымъ главной роли, успѣха она не имѣла и скоро была снята съ репертуара.

Въ 1868 г. Кукольникъ привезъ другую пьесу,—заглавія теперь не помню. Она навѣяла на всѣхъ грусть, ибо въ ней отра-

---

канунѣ Салтыковъ былъ уже отправленъ на гауптвахту. *М. К. Лемке.* «Къ біографіи Салтыкова (По неизданнымъ матеріаламъ)». «Рус. Мысль» 1906 г. № 1, стр. 31. *Ред.*

[1]) См. письмо Н. Кукольника имп. Александру II въ 1864 г. (о запрещеніи этой пьесы послѣ того какъ она была уже пропущена театральнымъ комитетомъ и одобрена театральной цензурой) въ «Рус. Стар.» 1897 г. № 8, стр. 255—256. Очевидно, письмо имѣло благопріятныя послѣдствія. *Ред.*

зились событія послѣднихъ лѣтъ личной жизни автора. Главное дѣйствующее лицо въ этой пьесѣ, ликвидировавъ все, что связывало его съ жизнью, уступаетъ нѣжно любимую жену изъ благодарности за доставленное въ прошломъ счастье человѣку, который ей полюбился, и самъ выражаетъ непреклонную волю покончить естественною смертью свое существованіе въ избранный для того день и часъ. Воля его исполняется...

Вскорѣ послѣ того, какъ была написана эта драма, Кукольникъ умеръ. Самый полный и сердечный некрологъ о немъ былъ напечатанъ отцомъ моимъ. Отецъ мой былъ человѣкъ взглядовъ просвѣщенныхъ и вполнѣ искренній. Я не допускаю мысли, чтобы онъ, зная хорошо исторію высылки Салтыкова, могъ относиться къ Кукольнику съ уваженіемъ, если бы вѣрилъ, что Салтыковъ дѣйствительно пострадалъ отъ навѣтовъ Кукольника. Кукольника отецъ хорошо зналъ съ дѣтства. Кукольникъ былъ его учителемъ въ виленской гимназіи.

А. А. Пеликанъ.

Изъ недавняго прошлаго.

I.

Въ 1887 г., въ февралѣ былъ арестованъ мой сынъ, Василій Васильевичъ Водовозовъ, въ то время студентъ 3-го курса юридическаго факультета петербургскаго университета. За часъ или полчаса до обыска горничная подала мнѣ визитную карточку, на которой значилось: «Дѣйствительный статскій совѣтникъ П. К. З-скій».

Ко мнѣ вошелъ господинъ небольшого роста, по наружности далеко за 50 лѣтъ. По его словамъ, онъ только что пріѣхалъ изъ Москвы, чтобы просить меня и еще двухъ-трехъ издателей перевести наши изданія въ Москву и передать ему всѣ хлопоты по этимъ дѣламъ. Желаніе посвятить свою жизнь книжному дѣлу и заставило его явиться ко мнѣ. Я не стала разспрашивать его объ условіяхъ и заявила ему, что для меня это совершенно немыслимо: помѣщенія, какъ для книжнаго склада, такъ и для моей квартиры, наняты по долгосрочному контракту, и я совершенно не могу воспользоваться его предложеніемъ. Но онъ продолжалъ настаивать и развивать свой проектъ, а въ концѣ-концовъ просилъ меня давать ему мои книги хотя на комиссію. Тутъ я предложила ему чаю, и на столъ, у котораго мы сидѣли, намъ поставили чайный приборъ.

Въ то время, когда мы вели нашу бесѣду, вдругъ дверь отворилась, и въ комнату, безъ доклада горничной, вошелъ господинъ очень высокаго роста въ военной формѣ. Будучи крайне близорукою и имѣя одного близкаго знакомаго изъ военныхъ, жившаго въ то время далеко отъ Петербурга, я подумала, что это онъ, и съ радостью пошла ему на встрѣчу. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла передъ собой полицейскаго пристава.

— Мнѣ поручено сдѣлать обыскъ въ вашей квартирѣ,—произнесъ онъ и, видимо, хотѣлъ еще что то прибавить, но въ ту же минуту къ нему подлетѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ

и, суетливо-нервно впихивая ему въ руки свою визитную карточку, торопливо заговорилъ:

— Я знать не знаю госпожу Водовозову... Заходилъ къ ней только на одну минутку навести справку. А теперь крайне тороплюсь на поѣздъ Николаевской желѣзной дороги. Изъ моей карточки вы узнаете мой адресъ.

Полицейскій приставъ загородилъ ему дорогу и, указывая на чайный приборъ, сказалъ:

— Какъ же это такъ, ваше превосходительство! Вы, видимо, только что благодушествовали за чайнымъ столикомъ, и вдругъ «знать не знаю»! Долженъ предупредить, васъ, ваше прев., что я имѣю право задерживать всѣхъ, кто находится или входитъ въ квартиру въ моментъ обыска. Да мнѣ кажется, что и вы сами не пожелаете оставить даму одну въ столь непріятную для нея минуту. А я знаю, что госпожа Водовозова одна въ домѣ: въ третьемъ этажѣ у нея идетъ обыскъ, а сейчасъ онъ начнется и здѣсь. Вѣдь вы же можете быть ей полезны вашимъ присутствіемъ при обыскѣ и при составленіи протокола, наблюдая за правильнымъ дѣйствіемъ полиціи.

— Ничѣмъ я не могу быть полезенъ человѣку, котораго я совершенно не знаю и никогда въ жизни не видалъ. Къ тому же я долженъ моментально ѣхать на поѣздъ...

— Вотъ какъ! Пользоваться радушнымъ пріемомъ (онъ опять указалъ на чайный приборъ) незнакомой дамы возможно, а оказать ей услугу въ затруднительную минуту вы, ваше прев., считаете невозможнымъ? Къ тому же поѣздъ I и II класс. въ Москву (онъ вынулъ свои часы) уже отошелъ,—теперь $3^1/_2$ часа.

— Но я рѣшительно не могу здѣсь оставаться ни минуты. Я навелъ маленькую справочку, а затѣмъ у меня нѣтъ съ г-жею Водовозовою рѣшительно никакихъ дѣлъ. Я же ясно сказалъ вамъ, что я не знакомъ съ ней... Вы вѣдь видите, что я не прячусь: я далъ вамъ свой московскій адресъ. Можете вызывать меня, когда угодно: я не отлыниваю, но теперь ухожу...—И онъ двинулся къ двери, въ двухъ шагахъ отъ которой стоялъ приставъ,

— Позвольте, позвольте, ваше превосходительство... не извольте торопиться. Оставаться вамъ или нѣтъ во время обыска я отдаю всецѣло на рѣшеніе г-жи Водовозовой: если она находитъ безполезнымъ ваше присутствіе,—можете уйти, если же она пожелаетъ, вы должны будете остаться.

— Пожалуйста, отпустите г-на З., — обратилась я къ пол. приставу. — Онъ, дѣйствительно, пріѣзжалъ ко мнѣ только по дѣлу и видѣлъ меня сегодня въ первый разъ въ жизни. Я вовсе не желаю задерживать его при обыскѣ.

— Можете, можете уходить, ваше прев... Да-съ: его прев. настоящій рыцарь!—произнесъ приставъ, усаживаясь на стулъ. Не знаю, слышалъ-ли послѣднія слова дѣйств. стат. совѣтникъ, такъ какъ онъ на ходу, крайне торопливо надѣвалъ пальто и, не застегиваясь, буквально выскочилъ изъ двери, какъ ошпаренный. Только что захлопнулась за нимъ дверь, какъ до насъ донесся отчаянный крикъ съ лѣстницы. «Ха-ха-ха... да вѣдь это молодцы задержали его прев.!»—хохоталъ приставъ и, вскочивъ, побѣжалъ въ переднюю, раскрылъ дверь и закричалъ полицейскимъ, чтобы они пропустили г-на З-го.

Каждое слово, каждая фраза, обращенная приставомъ къ дѣйствительн. статск. совѣтнику, дышала ироніей. Но я не осуждала этого на смерть перетрусившаго человѣка. Въ тѣ, сравнительно недавнія времена, обыски и аресты не были еще въ такой степени бытовымъ явленіемъ, какими они сдѣлались позже, и тогда не мало было людей весьма интеллигентныхъ, которые смотрѣли на нихъ съ превеликимъ страхомъ, остерегались входить въ сношенія съ людьми, близко стоявшими къ потерпѣвшимъ такую аварію; громадное же большинство русскаго общества смотрѣло въ такихъ случаяхъ на всѣхъ членовъ семьи арестованнаго, какъ на отмѣченныхъ печатью Каина.

Приставъ, прежде чѣмъ приступить къ обыску, задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ: «Почему моя квартира, состоящая лишь изъ немногихъ комнатъ, находится въ двухъ этажахъ? Почему моя другая квартира, во дворѣ, замкнута? Если въ ней всего одна комната и сложены мои изданія, то почему же онѣ не находятся въ одномъ помѣщеніи?» Просилъ меня назвать всѣхъ членовъ моей семьи и всѣхъ служащихъ у меня.

Всѣ мои отвѣты, видимо, казались ему удовлетворительными, если объ этомъ судить по тому, что онъ не возвращался къ нимъ снова. Но и у него, и у всѣхъ другихъ, когда меня подвергали формальнымъ допросамъ, возбуждало крайнее подозрѣніе моя квартира, расположенная въ двухъ этажахъ. Между тѣмъ это было простою случайностью и не носило и тѣни чего-нибудь конспиративнаго или подозрительнаго.

— Согласитесь, что квартиръ въ Петербургѣ въ 5—6 комнатъ сколько угодно. Почему же вамъ пришлось устроиться въ двухъ этажахъ? Наконецъ, если вы рѣшили помѣститься въ двухъ этажахъ, зачѣмъ же вамъ было пробивать полъ и проводить внутреннюю лѣстницу? Все это, вѣроятно, было хлопотно и дорого?

— И даже весьма неудобно для меня по нѣскольку разъ въ день спускаться и подниматься по лѣстницѣ,—добавила я.—Но

еще неудобнѣе было бы для меня нанять квартиру далеко отъ моего книжнаго склада. Къ тому же я нигдѣ въ этой мѣстности не находила такой хорошей и сравнительно дешевой квартиры, какъ эта.

— Думаю, что такіе доводы не будутъ сочтены достаточно мотивированными,—сказалъ приставъ, пожимая плечами, какъ будто желая заставить меня серьезно подумать объ этомъ.

Когда увозили моего сына, и жандармъ, дѣлавшій у него обыскъ въ третьемъ этажѣ, понятые и дворники выходили изъ квартиры, я подошла къ приставу, который стоялъ въ сторонкѣ, и спросила его, по какой причинѣ былъ сдѣланъ этотъ обыскъ, почему арестованъ мой сынъ, и куда везутъ его теперь.

— Насъ извѣстили, что въ мастерскую г-жи Кармалиной отданъ въ брошюровку переводъ Туна «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи», книги у насъ недозволенной. Затѣмъ мы узнали, что литографированные листы этого перевода были доставлены въ брошюровочную вашимъ сыномъ [1]). Теперь его везутъ для дачи первыхъ показаній, а куда посадятъ, не знаю, но вы можете объ этомъ справиться завтра въ жандармскомъ управленіи.

Я не сумѣла оцѣнить тогда этотъ, хотя и осторожный, но неуклончивый отвѣтъ пристава, но скоро убѣдилась, что, прежде чѣмъ добиться самой законной справки объ арестованномъ, приходится терять много времени, бѣгая то туда, то сюда, и нерѣдко испытать множество кривляній и издѣвательствъ лицъ, завѣдующихъ подобными дѣлами.

На другой день обыска, рано утромъ, мнѣ сказали, что меня желаетъ видѣть Клеопатра Ѳедоровна Кармалина, съ которой я уже давно была знакома. Въ продолженіе многихъ лѣтъ она исполняла секретарскія обязанности въ журналѣ «Русская Старина», получала по тогдашнему времени большое вознагражденіе, а затѣмъ открыла свою собственную маленькую брошюровочную. Это была женщина уже немолодая, съ очень некрасивымъ лицомъ красно-кирпичнаго цвѣта, весьма неглупая и остроумная, но съ превеликими странностями. Иногда она приходила къ намъ одѣтая буквально какъ рыночная торговка, въ заплатанномъ пальто и въ истрепанномъ платьѣ, нескладно висѣвшемъ на ней, а однажды въ морозный день утромъ пришла въ легкомъ платьѣ

---

[1]) Книга нѣмецкаго проф. Туна, существующая теперь на русскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ переводахъ, считалась въ то время недозволенною. Въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими лицами мой сынъ перевелъ эту книгу, снабдилъ ее примѣчаніями и приложеніями. Этотъ переводъ не былъ имъ напечатанъ, а лишь литографированъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

канареечнаго цвѣта, съ глубокимъ вырѣзомъ на груди. При этомъ объяснила, что она такъ разодѣлась потому, что въ редакціи грозятъ ее прогнать, если она не будетъ прилично одѣваться. Когда ей замѣтили у насъ, что едва-ли удобно носить свѣтлое и легкое платье зимою, да еще въ конторѣ, гдѣ ей постоянно приходится возиться съ пыльными книгами и тетрадями, ей только тутъ пришло въ голову, что это, дѣйствительно, не совсѣмъ удобно. «Но откуда же взять денегъ на новое платье?—говорила она, объясняя намъ, что у нея страсть, отъ которой она никакъ не можетъ избавиться. Эта страсть зачастую заставляетъ ее тратить всѣ заработанныя деньги на бездѣлушки, которыя такъ привлекаютъ ее въ окнахъ магазиновъ, а затѣмъ оказываются для нея вовсе ненужными. Дорого ей обходится и содержаніе огромной собаки, которая ночью всегда лежитъ на постели у ея ногъ, такъ какъ занятія въ редакціи не дозволяютъ ей проводить съ «любимымъ существомъ» достаточно времени. Она не имѣетъ ни одного друга, ни одного близкаго человѣка ни среди своихъ знакомыхъ, ни среди родныхъ,—собака ея единственный другъ, и она любитъ ее больше всего на свѣтѣ».

И вотъ эта-то женщина, которая, какъ не трудно было догадаться, и выдала моего сына, теперь подымалась ко мнѣ по внутренней лѣстницѣ изъ третьяго этажа. Она еще не успѣла взобраться наверхъ, какъ я, стоя на площадкѣ четвертаго этажа, просила ее не подыматься выше, а только сказать мнѣ, какъ она можетъ объяснить то, что сынъ мой арестованъ, а она на свободѣ.

Смущаясь и путаясь, она не прямо отвѣчала на мой вопросъ, но изъ сказаннаго ею ясно было, что она, съ недѣлю тому назадъ, поссорилась съ однимъ изъ рабочихъ своей мастерской и разсчитала его. Обозленный отказомъ рабочій поклялся отомстить ей, вотъ онъ и донесъ, что въ ея брошюровочной находится недозволенная книга. У нея вчера утромъ сдѣлали обыскъ и отобрали всѣ листы, отданные моимъ сыномъ въ брошюровку.

— Но вѣдь рабочій, вѣроятно, не зналъ моего сына? У васъ отобрали листы или книги, на которыхъ не было выставлено ни фамиліи переводчика, ни издателя, вы остались цѣлы и невредимы, а мой сынъ арестованъ... Кто же выдалъ его?

Она опять начала что-то плести, безпрестанно повторяя одну и ту же фразу: «Вѣдь я же ничего не понимаю въ политикѣ!» Меня это, наконецъ, вывело изъ терпѣнія, и я прервала ея разглагольствованія словами: «Меня не интересуютъ ваши политическія воззрѣнія. Мнѣ необходимо знать, и вы нравственно обязаны сказать мнѣ: вы-ли выдали моего сына и предупреждалъ

ли онъ васъ о томъ, какія книги онъ отдавалъ вамъ брошюровать, а также, закрыта-ли въ данную минуту ваша брошюровочная».

— Бога ради, не сердитесь! Вы сами увидите, что я не виновата... Я вамъ разскажу все по порядку. Утромъ вчера ко мнѣ нагрянула полиція и сейчасъ же нашла книги,—рабочій все имъ указалъ. А приставъ нашего участка началъ на меня кричать, топать ногами и все тыкался: «ты», да «ты», точно я простая баба: «Ну, ты, собирайся!» оретъ онъ во все горло. Я ужъ и пальтишко накинула, къ двери прижалась, да въ эту минуту мой пёсикъ выскочилъ изъ-за перегородки и бросился на пристава, такъ тотъ даже оторопѣлъ, а затѣмъ сталъ орать на меня еще пуще прежняго: «Уйми», говоритъ, «старая дура, свою собаку!» Я пёсика унимаю, а приставъ меня, ей-богу не вру, самыми непечатными словами, какъ горохомъ, осыпаетъ. И вдругъ свой кулачище въ мое лицо, какъ сунетъ, ногами топаетъ, а самъ кричитъ: «Сейчасъ говори, сволочь, кто эти листы тебѣ приносилъ?» Какъ же было не сказать? Я и сказала. Что же тутъ такого? Не могла же я дать ему избить меня до полусмерти? И сколько я непріятностей изъ-за всего этого вынесла: вхожу въ мастерскую, а рабочіе меня на чемъ свѣтъ бранятъ, въ голосъ кричатъ: «Такое обхожденіе вы по заслугамъ получили: выдали студента, да и одѣваетесь хуже послѣдней судомойки!... Васъ и за хозяйку-то никто не почитаетъ!»

— Скажите же мнѣ, наконецъ, говорилъ ли вамъ мой сынъ, какого сорта книги онъ вамъ отдавалъ въ брошюровку?

— Да, говорилъ что-то про цензуру и про политику, а я вѣдь ни въ цензурѣ, ни въ политикѣ ничего не смыслю...

— Вы работали нѣсколько лѣтъ въ редакціи журнала, теперь имѣете свою брошюровочную и ничего не понимаете въ этихъ дѣлахъ! Какой вы вздоръ несете! Все это вы прекрасно знаете и даже сумѣли сообразить, что за доносъ вы можете остаться на свободѣ.

— Да развѣ я боюсь тюрьмы? Меня уже вызывали къ допросу, грозили закрыть мастерскую, и я вынуждена была и тамъ подтвердить, что показала и при обыскѣ. Мастерская хотя и не закрыта еще, но я каждую минуту жду, что ее закроютъ.

Но мастерская не была закрыта, а очень скоро умерла собственною смертью вслѣдствіе недостатка работы.

Сейчасъ послѣ свиданія съ Кармалиной я должна была ѣхать въ жандармское управленіе. До тѣхъ поръ мнѣ лично никогда не приходилось хлопотать объ арестованныхъ. Я не знала, что въ каждомъ учрежденіи, вѣдающемъ подобныя дѣла, нужно, по крайней мѣрѣ, знать по фамиліи лицо, отъ котораго можно

было бы добиться необходимыхъ свѣдѣній. При первомъ же шагѣ я потерпѣла полное фіаско, причиною чего отчасти было и то, что я не умѣла по формѣ военнаго и полицейскаго различить его чинъ и званіе. Когда я вошла въ жандармское управленіе, я спросила служителя, гдѣ я могу узнать, въ какую тюрьму посаженъ мой сынъ. Служитель довелъ меня до одного изъ отдѣленій этого учрежденія и распахнулъ дверь въ большую комнату. За столомъ сидѣли три жандарма, и къ одному изъ нихъ я обратилась за необходимыми для меня справками. Передъ нимъ лежали какія-то бумаги, и онъ, вмѣсто отвѣта, перелистывая ихъ, началъ разспрашивать меня о моей квартирѣ, о томъ, что заставило меня устроить ее такъ, какъ никто не устраивается въ Петербургѣ, однимъ словомъ сталъ задавать мнѣ тѣ же вопросы, какіе задавалъ и полицейскій приставъ, но еще съ бо́льшими подробностями. При этомъ онъ все время наклонялся къ бумагѣ, которая лежала передъ нимъ: видимо это былъ рапортъ объ обыскѣ. «Понимаете, квартира всего въ 7 комнатъ» (говоритъ онъ сосѣду съ ироническою улыбкою), «а между тѣмъ она устроена въ двухъ этажахъ, пробита внутренняя лѣстница... Члены вашей семьи обѣдаютъ вмѣстѣ?» обращается онъ ко мнѣ, «и если это такъ, значитъ каждый разъ они должна подыматься наверхъ. Слыхалъ я, что такъ устраиваются англичане, живутъ въ трехъ и четырехъ этажахъ, но чтобы обыватели Петербурга размѣщались такимъ образомъ,—не имѣлъ понятія».

Я отвѣтила на эти вопросы такъ же, какъ и приставу, но по выраженію его физіономіи видѣла, что онъ не вѣритъ моимъ объясненіямъ.

— Можетъ быть вы будете любезны объяснить намъ также, почему у васъ происходятъ такія многолюдныя собранія по вторникамъ? Почему вы не даете предварительно знать объ этомъ полиціи?

— Будьте добры, скажите мнѣ, если это формальный допросъ, то почему же я не получила повѣстки для явки? Вѣдь я пришла сюда только затѣмъ, чтобы узнать, въ какой тюрьмѣ сидитъ мой сынъ.

— Вы, дѣйствительно, имѣете право не отвѣчать на эти вопросы, такъ какъ вы не вызваны формальной повѣсткой. Но я хотѣлъ оказать вамъ только любезность, чтобы лишній разъ не безпокоить васъ приходомъ сюда. Въ такомъ случаѣ вы на дняхъ же будете вызваны для дачи показаній. Имѣю честь кланяться...

— Позвольте же спросить васъ, въ какой тюрьмѣ сидитъ мой сынъ?

— Можете тамъ справиться,—отвѣчалъ онъ крайне сухо, кивнувъ головой направо.

Я рѣшила, что это означаетъ—въ комнатѣ направо отъ той, въ которой я находилась. И когда вышла въ коридоръ, я остановилась у полуоткрытой двери маленькой комнаты, у стола которой стоялъ рыжеволосый жандармъ и курилъ папиросу. Я задала ему тотъ же вопросъ. Вдругъ онъ быстро подскочилъ ко мнѣ, такъ что я даже попятилась назадъ, и, смотря мнѣ въ упоръ злыми глазами, съ раздраженіемъ закричалъ: «Какъ вы смѣете входить въ комнату безъ доклада служителя? Какъ вы осмѣлились вторгаться ко мнѣ безъ предупрежденія?»

Я отвѣчала, что не переступала порога его комнаты, что дверь его была полуоткрыта, что наконецъ я не знала, что безъ малѣйшаго повода съ моей стороны я нарвусь на дерзость. И быстро пошла къ выходу. Сердце горѣло отъ стыда и негодованія, и я спускалась по лѣстницѣ съ мучительнымъ сознаніемъ, что ничего не добилась. Когда вышла на улицу, я съ тревогой спрашивала себя: «Что же теперь дѣлать?» и рѣшила отправиться въ департаментъ полиціи. Но въ пріемной этого учрежденія никого не было, кромѣ чиновника, который что-то писалъ за столомъ, а передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ съ симпатичнымъ лицомъ. Когда чиновникъ кончилъ писать, онъ подалъ ему для подписи какую-то бумагу, а самъ обратился ко мнѣ.

— Я не имѣю ни малѣйшаго представленія о дѣлѣ вашего сына,—отвѣчалъ онъ мнѣ и назвалъ пріемные дни и часы директора, добавивъ, что тогда я могу все узнать, что мнѣ надо.

— Но вѣдь въ такомъ случаѣ мнѣ придется ожидать еще два дня!—невольно вырвалось у меня.

— Почему же вы не спросили объ этомъ въ жандармскомъ управленіи?

— Я только что оттуда, но встрѣтила тамъ ничѣмъ не вызванную съ моей стороны дерзость и явное нежеланіе дать мнѣ это свѣдѣніе.

Я направилась къ двери, а сзади меня шелъ молодой человѣкъ, который мнѣ показался нѣсколько знакомымъ. Когда мы молча одѣлись въ передней и вышли на улицу, онъ сказалъ мнѣ, что встрѣчалъ меня у такихъ-то общихъ знакомыхъ и назвалъ свою фамилію. Я чрезвычайно обрадовалась, что встрѣтила человѣка своего круга, разсказала ему свое дѣло и спросила его, какъ узнать сегодня же все то, что мнѣ такъ необходимо. Онъ посовѣтовалъ мнѣ сейчасъ же снова отправиться въ жандармское управленіе, подать служителю визитную карточку и попросить отнести ее товарищу прокурора по политическимъ дѣламъ Котлярев-

скому. «Про него идутъ не очень-то хорошіе слухи», говорилъ онъ. «Однажды при обыскѣ, какъ разсказываютъ, онъ осмѣлился раздѣть до гола одну политическую, и въ него политики даже стрѣляли. Но мои знакомые, обращавшіеся къ нему въ послѣднее время за различными справками, остались довольны его пріемомъ. Отправляйтесь къ нему, только торопитесь: онъ остается въ жандармскомъ управленіи кажется до 4-хъ ч. Что же касается нахала-жандарма, который наговорилъ вамъ всяческія дерзости, то скажите, какой онъ на видъ? Не рыжій ли, съ рыжими торчащими усами, средняго роста и съ крайне антипатичнымъ лицомъ? Если это такъ, то это жандармскій ротмистръ П. Онъ еще можетъ, если представится случай, отомстить вамъ за вашъ отвѣтъ!» Его описаніе вполнѣ соотвѣтствовало наружности наглаго жандарма.

Опять лечу въ жандармское управленіе. Надежда такъ окрылила меня, что я не чувствую никакой усталости. Я сдѣлала все такъ, какъ мнѣ совѣтовалъ молодой человѣкъ. И служитель, относившій мою карточку, немедленно заявилъ, что г-нъ Котляревскій ждетъ меня, и проводилъ до его комнаты. Когда я открыла дверь, на встрѣчу ко мнѣ поднялся господинъ высокаго роста, плотный, въ очкахъ, съ интеллигентнымъ лицомъ. Онъ попросилъ меня сѣсть и вполнѣ вѣжливо отвѣчалъ мнѣ, что мой сынъ находится въ домѣ предварительнаго заключенія, сказалъ, что я могу посылать туда пищу и бѣлье нѣсколько разъ въ недѣлю, и объяснилъ, какія правила существуютъ для отправки книгъ заключенному. «Если вашему сыну нѣсколько дней придется подождать необходимыхъ для него книгъ, вы не безпокойтесь,—тамъ существуетъ весьма порядочная библіотека».

На мой вопросъ, могу ли я теперь же просить о свиданіи, и какъ слѣдуетъ объ этомъ хлопотать, Котляревскій отвѣчалъ, что это обыкновенно разрѣшается черезъ недѣли полторы-двѣ, что для этого мнѣ слѣдуетъ подать прошеніе директору департамента полиціи. Но когда я спросила его, какая участь ждетъ моего сына, онъ отвѣчалъ, что не могъ еще ознакомиться съ дѣломъ, но что если я черезъ недѣлю зайду къ нему, онъ выскажетъ мнѣ свое мнѣніе по этому поводу, но вовсе не ручается, что это такъ именно и будетъ.

Изъ жандармскаго управленія я рѣшила немедленно отправиться въ семейство Карла Юліевича Давыдова, знаменитаго віолончелиста, автора музыки множества романсовъ и музыкальныхъ произведеній. Его жена Александра Аркадьевна (издательница журнала «Міръ Божій» съ 1892 г.), въ молодости отли-

чавшаяся замѣчательною красотою, получила самое поверхностное образованіе, но была одарена выдающимся природнымъ умомъ, оригинальностью и находчивостью. Она вела знакомство среди артистическаго міра и свѣтскихъ людей высшихъ классовъ общества. Въ 1885 или въ 86 г., познакомившись съ Анною Михайловною Евреиновой (редакторомъ журнала «Сѣверный Вѣстникъ»), она начала быстро сближаться съ интеллигентными людьми вообще, но особенно съ писателями, и въ то же время съ однимъ изъ выдающихся изъ нихъ, Н. К. Михайловскимъ. Сближенію ея съ инымъ кругомъ людей и идей содѣйствовала и ея дочь Лидія Карловна (впослѣдствіи Туганъ-Барановская). Въ ту пору это была совсѣмъ молоденькая дѣвушка, получившая однако болѣе солидное образованіе, чѣмъ ея мать. Она преимущественно вращалась въ кругу прогрессивной молодежи и умственно развитыхъ студентовъ, устраивала у себя собранія и сама посѣщала кружки, въ которыхъ читали рефераты по научнымъ предметамъ, обсуждали различныя жизненныя проблемы, вели споры.

Я торопилась къ Давыдовымъ, съ которыми познакомилась года за полтора передъ этимъ, чтобы предупредить ихъ о возможности у нихъ обыска, такъ какъ Лидія Карловна принимала участіе въ переводѣ Туна. Мнѣ необходимо было также узнать отъ нея, не посылала ли она моему сыну какихъ-нибудь бумагъ и писемъ, такъ какъ они могли попасться въ отобранныхъ жандармомъ бумагахъ моего сына. Обо всемъ этомъ я считала своею обязанностью лично переговорить съ молодою дѣвушкою и дать ей кое-какіе совѣты по этому поводу. До моего прихода, утромъ того же дня, Давыдовы были извѣщены однимъ изъ своихъ знакомыхъ объ обыскѣ у насъ. Когда я позвонила, я услыхала за дверью, что къ ней кто-то приближается. Затѣмъ послышались шаги нѣсколькихъ лицъ, шопотъ и, какъ мнѣ показалось, всѣ сразу исчезли изъ передней. Я дернула звонокъ во второй и третій разъ. Послѣ долгаго ожиданія дверь отворилъ самъ знаменитый віолончелистъ. Я здороваюсь съ нимъ и подаю ему руку; онъ нерѣшительно протягиваетъ мнѣ свою, которая у него такъ дрожитъ, что я спрашиваю его о здоровьѣ, но онъ, не отвѣчая, бросается отъ меня, какъ отъ прокаженной, въ слѣдующую комнату, въ которой сидѣли мать и дочь и куда вошла и я. Давыдовъ молча началъ быстро ходить по комнатѣ, то нервно потирая руки, то хватаясь за голову въ какомъ-то ужасѣ, то пожимая плечами. Александра Аркадьевна медленно приближалась ко мнѣ, но, не подходя близко, вдругъ неистово замахала на меня руками, истерично выкрикивая безсвязныя фразы: «Зачѣмъ вы пришли?

Уходите! Сейчасъ уходите! Это даже довольно безсовѣстно съ вашей стороны послѣ такихъ вещей приходить въ чужой домъ! Васъ видѣлъ швейцаръ? Конечно, видѣлъ! За вами навѣрно кто-нибудь слѣдилъ... Да говорите же, прослѣдилъ ли кто-нибудь васъ до нашей квартиры? Видѣлъ ли васъ нашъ швейцаръ? Вы, разумѣется, привели за собой цѣлый хвостъ! Около вашей двери... Да, да... около самой вашей двери посаженъ городовой, околоточный, шпіонъ или что-то въ этомъ родѣ... Да-съ, это говорилъ намъ человѣкъ, который самъ это видѣлъ! И послѣ этого вы смѣете входить въ чужой домъ! Это невѣроятно! Это просто преступленіе! Я прямо вамъ говорю въ лицо: это просто даже безсовѣстно съ вашей стороны! Вы испортили всю карьеру Шарля... Для своихъ глупыхъ затѣй вы бросили въ волчью пасть его благородное, славное имя, которое съ благоговѣніемъ произноситъ вся Европа! Вы погубили Лидушу: вы исковеркали ея жизнь, все ея будущее... Вы все бросили въ помойную яму! Боже мой, Боже мой!»

Меня не только поражало безобразіе этой сцены, но и то, что Александра Аркадьевна, эта свѣтская дама, которая прекрасно умѣла владѣть собой, тутъ видимо пришла въ какое-то изступленіе. Я молчала, да и немыслимо было вставить хотя одно слово во время дикихъ выкриковъ, которые она безостановочно точно выбрасывала изъ себя. Иногда вмѣстѣ съ ея выкриками раздавался голосъ ея дочери, которая тянула мать за юбку, хватала ее за талію, прижимала ее къ своей груди, умоляя: «Мамочка, успокойся! Мамочка, выпей воды! Мамочка, мнѣ необходимо переговорить съ Е. Н... Ты должна благодарить ее, что она къ намъ заѣхала. Иначе я сама поѣхала бы къ ней сегодня же,—вѣдь тогда бы ты еще больше перетрусила»... Но А. А., отталкивая свою дочь, продолжала выкрикивать на разные лады тѣ же безсвязныя фразы, а ея супругъ попрежнему нервно бѣгалъ по комнатѣ, то потирая руки, то хватаясь за голову. Но вотъ въ выкрикахъ его супруги послышались хриплыя ноты. Дочь поднесла ей стаканъ воды. Я воспользовалась перерывомъ и громко сказала:

— Видно, что вы всю свою жизнь прожили среди людей, которые арестовывали другихъ... Напрасно вы начали путаться среди тѣхъ, которыхъ арестуютъ! Вотъ потому-то по отношенію къ нимъ вы и теряете самое элементарное приличіе и самообладаніе.

Александра Арк. вдругъ смолкла. Выпитая ли вода вернула ей сознаніе, стыдъ ли за свою невоздержанность внезапно вспыхнулъ въ ней, или все это вмѣстѣ, только она замолчала, а слезы градомъ катились по ея щекамъ. Ея дочь, осыпая ее поцѣлуями и

поглаживая по головѣ, приговаривала: «Вотъ, вотъ и хорошо! Пойдемъ, я тебя уложу, тебѣ надо отдохнуть!» и, обнявъ мать за талію, повела ее въ спальню. Въ ту же минуту маэстро быстро выбѣжалъ изъ комнаты. Лида скоро вернулась, но я уже одѣвалась въ передней. Она умоляла меня зайти въ ея комнату, говоря, что это для нея крайне необходимо.

Лидія Карловна была чудеснѣйшею и умною дѣвушкою. Прекрасно понимая всѣ недостатки матери, умѣя находить ихъ и тогда, когда они были прикрыты ея свѣтскою и остроумною болтовнею, съ антипатіею относясь ко множеству знакомыхъ свѣтскаго круга ея родителей, она всѣмъ сердцемъ раздѣляла стремленія тогдашней молодежи, постоянно умственно шла впередъ, но продолжала страстно любить свою мать, которая въ свою очередь платила ей горячею материнскою привязанностью. Но ни новые люди, которыми все болѣе окружала себя Ал. Арк., ни новые взгляды, ни ея горячая любовь къ дочери не измѣнили вполнѣ ея міросозерцанія, сложившагося подъ вліяніями, совершенно противоположными убѣжденіямъ ея новыхъ посѣтителей. Хотя многіе взгляды, усвоенные ею чуть не наканунѣ, она смѣло пускала въ ходъ, точно всегда придерживалась ихъ, но многое, что сильно колебало прежнія ея понятія свѣтской женщины, укладывалось въ ней совершенно поверхностно: она то и дѣло язвительно высмѣивала хорошее, симпатичное и достойное уваженія. Добиваясь знакомства съ каждымъ болѣе или менѣе извѣстнымъ лицомъ, она умѣла умно и мило поговорить съ нимъ и, какъ казалось, даже выказать сердечное расположеніе; отъ нея почти всѣ уходили очарованные ею. Но никто лучше ея не умѣлъ такъ превосходно, можно даже сказать художественно выдвинуть слабыя и смѣшныя стороны своего посѣтителя, его некрасивыя манеры, его невзрачный видъ, смѣшно сидѣвшій на немъ туалетъ. Ея высмѣиванія касались преимущественно внѣшней стороны человѣка, но дѣлались они съ такимъ юморомъ и неподражаемымъ мастерствомъ, что являлись выпуклыми и рельефными и заслоняли собою благородныя стороны ума и сердца высмѣиваемой личности. Когда подобные разговоры происходили при ея дочери, та говорила: «Опять эти зловѣщіе свѣтскіе звуки!» или что-нибудь въ этомъ родѣ, и произносила это либо съ грустью, либо съ досадою, смотря по тому, кого и что высмѣивала ея мать. Лидія Карловна рано составила себѣ правильное понятіе о томъ, надъ чѣмъ можно смѣяться, и чего не дозволяетъ нравственное чувство интеллигентнаго человѣка. Мать была несравненно одареннѣе дочери, но многіе, присутствуя при томъ, какъ она безпощадно критиковала то того, то другого, только что вышед-

шаго за порогъ ея двери, не принимали въ расчетъ неблагопріятныхъ сторонъ ея воспитанія и прежней жизни, считали ее двуличною и фальшивою. Напротивъ, къ ея дочери всѣ, кто близко зналъ ее, относились съ полнымъ довѣріемъ и благожелательностью.

Когда я очутилась наединѣ съ Лидіею Карл., я спросила ее о томъ, какія рукописи и письма она въ послѣднее время пересылала моему сыну, чтобы сообразить, что изъ нихъ могло быть захвачено при обыскѣ, затѣмъ дала ей множество указаній, какъ ей слѣдуетъ дѣйствовать. Я встала уже, чтобы уходить, когда Л. К. опять заговорила: «Мнѣ бы такъ хотѣлось объяснить вамъ причины дикой сцены, которую мама закатила вамъ», и она разсказала мнѣ, что утромъ въ этотъ день одинъ изъ ея знакомыхъ извѣстилъ ее объ обыскѣ у насъ. Это заставило ее немедленно заявить родителямъ, что то же самое грозитъ и ей, что она навѣрно будетъ скоро арестована. Хотя они сперва не повѣрили въ возможность этого, но это такъ ихъ ошеломило, что они послали съ нарочнымъ записку старинному другу семьи (который зналъ Лиду съ ея рожденія и былъ съ нею на «ты»), чтобы онъ немедленно посѣтилъ ихъ по очень важному дѣлу. Выслушавъ все, что Лида, при родителяхъ, сообщила ему о своемъ участіи въ этомъ злополучномъ дѣлѣ, ихъ пріятель сказалъ, что за переводъ нелегальнаго сочиненія и изданіе его въ ничтожномъ количествѣ, не получившаго еще распространенія, по его мнѣнію, переводчики понесли бы небольшую кару, въ родѣ того, что ихъ отдали бы на извѣстное время подъ негласный надзоръ полиціи. А вотъ тѣмъ, кто писалъ примѣчанія и снабдилъ переводъ Туна приложеніями, а судя по заглавію книги можно себѣ представить, какого характера они должны быть, разъ ихъ составляли радикальные студенты, имъ уже не только никогда не видать университета, но ихъ ждетъ судьба, пожалуй, и похуже. Этотъ другъ Давыдовыхъ очень совѣтовалъ имъ сильно попридерживать теперь Лиду отъ посѣщенія и приглашенія къ себѣ подобныхъ молодыхъ людей, иначе, говорилъ онъ, ей не уцѣлѣть. Онъ, т.-е. пріятель семейства знаменитаго музыканта, ушелъ отъ нихъ не болѣе, какъ за полчаса до моего прихода. Вотъ это и было, по словамъ Л. К., главною причиною испуга ея матери «до умопомраченія». Затѣмъ эта милая дѣвушка стала говорить мнѣ, что какъ она, такъ, вѣроятно, и многіе сотрудники перевода Туна сочтутъ своею нравственною обязанностью отправиться въ жандармское управленіе и заявить о своемъ участіи въ названномъ издательствѣ, что такое сознаніе всѣхъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу, вѣроятно, облегчитъ судьбу моего сына, на которомъ теперь тяготѣютъ ихъ общіе

грѣхи, и въ такомъ случаѣ ему, вѣроятно, не будетъ грозить опасность покинуть навсегда университетъ.

Я доказала ей всю несостоятельность и неправильность такого взгляда въ принципіальномъ отношеніи, обратила ея вниманіе и на то, что наши нравы обязываютъ того, кто попался, мужественно выкручиваться самостоятельно и всѣ силы употребить на то, чтобы даже случайно кого-нибудь не пристегнуть къ своему дѣлу, если бы оно даже велось сообща.

Когда я выходила отъ Давыдовыхъ, чтобы ѣхать домой, уже наступилъ вечеръ. Я только теперь почувствовала страшную усталость. Съ момента обыска прошло немногимъ болѣе сутокъ, а я за это время пережила смѣну самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній: воочію увидѣла предательство и человѣческую низость, испытала незаслуженную дерзость, была свидѣтельницею всей мерзости рабскаго страха. Но, Боже мой, какія это все мелочи, думала я, сравнительно съ тѣмъ ужасомъ, который охватывалъ меня при мысли, что мой сынъ будетъ лишенъ университетскаго образованія. Это только теперь впервые пришло мнѣ въ голову. Послѣ его ареста я думала только объ одномъ: будетъ ли онъ имѣть возможность заснуть въ тюрьмѣ, дали ли ему что-нибудь поѣсть. Но то, что арестъ можетъ повлечь за собой лишеніе образованія мнѣ ни разу не пришло въ голову за суетой этого дня. «Нѣтъ, я не могу, я не должна этого допустить! Какъ мать, я обязана отдать всю жизнь до послѣдняго вздоха, чтобы только не случилось этого!» Меня всю знобило, сердце то замирало, то учащенно билось, и я съ тревогою думала о томъ, въ состояніи ли я подняться къ себѣ въ четвертый этажъ. «Если бы заплакать, если бы заплакать, мнѣ стало бы легче!» И мнѣ вспомнилось, какъ въ особенно тяжелыя минуты моего злополучнаго дѣтства у меня тоже не было слезъ, и какъ обожаемая мною сестра, наклоняясь надо мной, говорила: «Заплачь, сестренка, заплачь, тебѣ будетъ легче!» Ея горячія слезы падали на мое лицо, растопляли ледъ, сковывавшій мои члены, и я начинала рыдать на ея груди. «Ея уже давно нѣтъ,—и одинъ ужасъ впереди!» Минутами мнѣ представлялось, что передо мною вертится громадныхъ размѣровъ колесо: я нечаянно зацѣпилась за одинъ изъ его зубцовъ, и теперь уже мнѣ не будетъ пощады.

Подымаясь къ себѣ мимо третьяго этажа, я увидала, что городовой продолжаетъ сидѣть у дверей нашей квартиры. Онъ весело и добродушно закивалъ мнѣ головою, точно встрѣтилъ родного человѣка. Нѣсколько дней сряду послѣ обыска то одинъ, то другой городовой сидѣлъ у нашей двери. Мы совершенно свободно уходили и возвращались домой, нѣкоторые изъ знакомыхъ

навѣщали насъ, и городовой не мѣшалъ этому. На нѣкоторыхъ, однако, онъ наводилъ страхъ: узнавъ, что нашу дверь сторожатъ, многіе не приходили вовсе, а другіе, уже подымаясь на лѣстницу и только тутъ замѣтивъ городового, дѣлали видъ, что читаютъ дощечки или ошиблись нумеромъ квартиры и спускались внизъ,— такъ, по крайней мѣрѣ, они сами намъ разсказывали.

Когда я позвонила, на встрѣчу мнѣ выбѣжали мои домашніе и курсистка Гитта, которую мы всѣ очень любили. Я могла только сказать имъ, что устала, лягу въ постель и тогда все разскажу. Послѣ изложенія всѣхъ моихъ мытарствъ и злоключеній мои домашніе разошлись по своимъ комнатамъ, а молодая дѣвушка сѣла подлѣ моей кровати и начала сообщать о своемъ тяжеломъ положеніи. Она, какъ и другія курсистки-еврейки, послѣ переэкзаменовки нѣкоторыхъ окончательныхъ экзаменовъ осенью, должна была уѣхать изъ Петербурга. Экзамены затянулись, но вотъ уже мѣсяцъ, какъ они кончились, а ей крайне необходимо пробыть въ Петербургѣ еще съ мѣсяцъ. Послѣднее время, по хлопотамъ различныхъ лицъ, ей выдавали отсрочки, но дольше полиція не желаетъ ее здѣсь оставлять и черезъ два дня заставляетъ ее уѣхать на родину. Она сибирячка, можетъ получить деньги только черезъ мѣсяцъ; къ тому же тутъ у нея есть неотложныя дѣла. Вся надежда у нея только на меня. Я должна что-нибудь придумать, что-нибудь сдѣлать, чтобы она могла прожить въ Петербургѣ еще хотя одинъ мѣсяцъ.

— Я ничего не могу придумать, чтобы облегчить опасность грозящую моему сыну, чѣмъ же я могу помочь вамъ? Я даже не имѣю представленія о томъ, къ какимъ лицамъ обращаются въ такихъ случаяхъ.

Гитта осталась ночевать въ моемъ кабинетѣ, въ который дверь моей спальни была открыта. Черезъ нѣсколько часовъ, убѣдившись, что она не спитъ, я позвала ее къ себѣ и сообщила ей, что по ея дѣлу я надумала обратиться къ полицейскому приставу, который наканунѣ дѣлалъ у насъ обыскъ. Но по выраженію ея физіономіи я поняла, что мои слова не только сердятъ, но и обижаютъ ее. Помолчавъ, она проговорила: «Я знаю, что съ моей стороны было крайне неделикатно тревожить васъ... Что же дѣлать, если вы для меня являлись соломинкою, за которую хватаются утопающіе. Но зачѣмъ же предлагать такое, что можно принять за насмѣшку?»

— Если бы вы за одинъ день испытали столько, сколько я сегодня, то вы навѣрно болѣе довѣрчиво отнеслись бы къ полицейскому приставу, о которомъ я говорю. Онъ чрезвычайно зло и остроумно высмѣивалъ смѣхотворную трусость дѣйстви-

тельнаго статскаго совѣтника, безъ придирокъ и мелочности исполнялъ свои обязанности, былъ со всѣми вѣжливъ и корректенъ, охотно и безъ увертокъ отвѣчалъ на мои вопросы, а въ жандармскомъ управленіи меня пересылали изъ одного отдѣленія въ другое, гадко и злобно осыпали меня дерзостями, хотя я не подала къ этому никакого повода. Вотъ я и желаю обратиться по вашему дѣлу къ этому человѣку. Я не думаю, чтобы онъ чѣмъ-нибудь существенно помогъ вамъ въ вашемъ затрудненіи, но я увѣрена, что онъ дастъ хотя какой-нибудь толковый совѣтъ, объяснитъ намъ, къ кому можно было бы обратиться.

Узнавъ отъ дворника, что приставъ принимаетъ въ 11 ч. утра, мы отправились съ Гиттой еще раньше, чтобы явиться къ нему до его пріемнаго часа, и я предварительно написала на визитной карточкѣ, что прошу его принять меня по моему личному дѣлу не въ участкѣ, а въ его квартирѣ. Приставъ немедленно вышелъ со словами: «Но чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ? Вѣдь съ окончаніемъ обыска окончились и мои обязанности». Я отвѣчала, что пришла къ нему съ моею пріятельницею съ просьбою, а если онъ не можетъ исполнить ее, то дать намъ хотя добрый совѣтъ.

— Удивляюсь, прямо можно сказать пораженъ, что вы... вы... послѣ обыска, сдѣланнаго мною, все же рѣшаетесь обратиться ко мнѣ съ просьбою, да еще за совѣтомъ. Напередъ обѣщаю, что все, что въ предѣлахъ закона и что дозволятъ мнѣ мои силы, я все сдѣлаю для васъ обѣихъ съ величайшимъ удовольствіемъ.

Моя пріятельница подробно разсказала ему свое дѣло и показала свои бумаги. Разсмотрѣвъ ихъ, онъ сказалъ: «Разрѣшить вамъ продолжительное пребываніе въ Петербургѣ я не имѣю права, но еженедѣльно выдавать вамъ отсрочку въ продолженіе полутора мѣсяца—могу». И онъ сейчасъ же выдалъ ей какую-то бумажку на недѣлю, а затѣмъ просилъ ее присылать къ нему свою прислугу каждую недѣлю за такою же отсрочкой. «И въ другой разъ я готовъ прійти къ вамъ на помощь, если только вы не побоитесь моего званія», сказалъ онъ намъ, когда мы прощаясь благодарили его за оказанную услугу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ обыска я получила повѣстку, вызывавшую меня въ жандармское управленіе. За столомъ въ комнатѣ, въ которую меня ввели, сидѣли два жандарма. Когда я усѣлась на указанный мнѣ стулъ, одинъ изъ нихъ, не подымая головы, продолжалъ что-то писать, а другой началъ снимать съ меня формальный допросъ. Тутъ только я разсмотрѣла, что это былъ не кто иной, какъ жандармскій ротмистръ П. Я не показала и вида, что узнала его, и совершенно покойно отвѣчала на всѣ его вопросы, которые начались съ того, что ихъ такъ всѣхъ

заинтересовало, а именно о моей квартирѣ съ внутреннею лѣстницею. Затѣмъ онъ просилъ назвать всѣхъ членовъ моей семьи, ихъ лѣта и занятія и перешелъ къ вопросу о причинѣ многолюдныхъ собраній у меня по вторникамъ. На этотъ вопросъ я отвѣчала, что всю жизнь прожила въ Петербургѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что пріобрѣла много знакомыхъ. На его же предложеніе назвать ихъ имена и фамиліи, ясказала, что не считаю возможнымъ исполнить его желаніе. «А по какой причинѣ?» — бросилъ онъ грубо и отрывочно. И на это я попрежнему вѣжливо отвѣчала ему, что изъ-за этого могутъ быть непріятности для моихъ знакомыхъ.

— Позвольте узнать, о какихъ такихъ непріятностяхъ вы изволите говорить?

— Вы сами это знаете лучше меня.

— Вы обязаны немедленно объяснить сказанное вами и назвать лицъ, наиболѣе часто васъ посѣщающихъ.

— Я рѣшительно отказываюсь отвѣчать на оба эти вопроса.

— Вы должны понимать, что это совершенно безполезно: агентурныя свѣдѣнія даютъ намъ возможность прекрасно знать всѣхъ лицъ, посѣщающихъ васъ.

— А потому-то я и не сообщаю, что это безполезно, какъ вы сами только что сказали.

Онъ рѣзко пододвинулъ мнѣ бумагу съ словами: «Извольте писать подъ мою диктовку». И онъ началъ диктовать по порядку все, что было мною сказано, придавая мѣстами иной характеръ моимъ словамъ и выраженіямъ. Я положила перо со словами: «Зачѣмъ вамъ трудиться диктовать, когда я сама могу написать?»

— Вы думаете у меня есть время съ вами возиться? Вамъ сказано писать, и вы должны исполнять то, что вамъ приказано. Извольте сейчасъ же писать.

— Я не вѣрю, что вамъ дано право такъ обращаться съ кѣмъ бы то ни было. Во всякомъ случаѣ или не мѣшайте мнѣ писать, или я немедленно уйду и спрошу у товарища прокурора г-на Котляревскаго, допустимо ли здѣсь такое обращеніе, которое я встрѣчаю отъ васъ уже во второй разъ.

— Да пусть г-жа Водовозова пишетъ, какъ она желаетъ,— замѣтилъ второй жандармъ, тутъ только поднявъ впервые голову отъ своей бумаги.

Когда я написала все, что требовалось, ротмистръ взялъ бумагу и протянулъ ее своему сосѣду, который, прочитавъ, пробурчалъ: «Кажется все такъ было и устно изложено». И я вышла изъ жандармскаго управленія, уже не сомнѣваясь въ томъ, что нажила себѣ въ ротмистрѣ П. злѣйшаго врага.

Не дождавшись срока, назначеннаго мнѣ Котляревскимъ, я, черезъ два дня послѣ свиданія съ нимъ, а именно 28-го февраля опять отправилась къ нему съ предварительно заготовленнымъ письмомъ, въ которомъ извинялась, что тревожу его раньше назначеннаго имъ времени, и объясняла, что тяжелое нравственное состояніе неизвѣстности заставляетъ меня освѣдомиться о томъ, не успѣлъ ли онъ уже ознакомиться съ дѣломъ моего сына.

Тѣ, кто былъ въ такомъ положеніи, въ какомъ очутилась я, прекрасно знаютъ, что самое ужасное въ подобныхъ случаяхъ—оставаться безъ хлопотъ объ арестованномъ близкомъ человѣкѣ. Съ утра до вечера точно кто-то толкаетъ тебя, точно кто-то нашептываетъ въ уши: «Не стой на мѣстѣ, ежедневно, ежечасно думай, разузнавай, нельзя-ли что-нибудь сдѣлать для облегченія участи». Эта мысль такъ назойливо преслѣдуетъ, что всякое другое дѣло просто валится изъ рукъ.

Я очень удивилась, когда служитель, относившій мое письмо, пригласилъ меня къ Котляревскому: я думала, что онъ вышлетъ мнѣ сказать, чтобы я пришла къ нему черезъ недѣлю, какъ уже было мнѣ сказано.

— А вѣдь я еще не вполнѣ ознакомился съ дѣломъ,—сказалъ Котляревскій, когда я вошла къ нему.—Вы, видимо, сильно тревожитесь за судьбу вашего сына, и я уже теперь могу васъ нѣсколько успокоить: кара, вѣроятно, будетъ совсѣмъ не изъ тяжелыхъ. Имѣйте только въ виду, что я еще не успѣлъ ознакомиться со всѣмъ необходимымъ матеріаломъ, и что рѣшеніе дѣла зависитъ отъ усмотрѣнія многихъ лицъ. Если пожелаете узнать еще что-нибудь, зайдите ко мнѣ черезъ 3—4 дня. Во всякомъ случаѣ могу васъ порадовать однимъ,—дѣло не затянется.

Уже прошелъ срокъ, назначенный мнѣ Котляревскимъ, а я все не являлась къ нему. Только такое экстраординарное событіе громадной важности, какъ второе первое марта, могло задержать меня: я знала, что все вниманіе жандармскаго управленія и полиціи сосредоточено теперь только на случившемся. У меня, однако, не хватало силъ долго ждать, и я отправилась снова къ Котляревскому.

— Теперь дѣло вашего сына затянется,—сказалъ онъ, махнувъ рукою, какъ бы говоря: «намъ не до васъ!»

— Но почему же?

— Да мало ли почему: будутъ разыскивать, не имѣли ли лица, арестованныя за другія преступленія, знакомства или какихъ-нибудь сношеній съ террористами, не принимали ли они косвеннаго или прямого участія въ ихъ заговорѣ. Да и кару

вашъ сынъ понесетъ потяжелѣе, чѣмъ тогда, если бы не случилось этого ужасающаго преступленія.

— Неужели кару за политическіе проступки налагаютъ, не только соображаясь со степенью ихъ тяжести, но и съ событіями извѣстнаго характера, хотя бы они совсѣмъ не касались арестованнаго?

— Непремѣнно... Это сильно принимается въ расчетъ! Такія событія, какъ теперешнее, наводятъ обывателя на мысль, что господа революціонеры несутъ слишкомъ слабую отвѣтственность за содѣянное ими, и что подобныя печальныя явленія результатъ слабости правительства.

— Неужели правда и то, что усиливаютъ кару политическаго и за случайное знакомство съ лицомъ, болѣе его скомпрометированнымъ? Вѣдь человѣкъ можетъ быть знакомымъ съ тѣмъ или другимъ, но находить своего пріятеля неподходящимъ къ революціонной дѣятельности и ни слова не говорить съ нимъ о своихъ планахъ и намѣреніяхъ революціоннаго характера.

— Извините, у насъ этого никогда не бываетъ! Молодой человѣкъ, отдавшійся революціонной дѣятельности, считаетъ каждаго своего знакомаго подлецомъ, если тотъ не занимается тѣмъ же, чѣмъ и онъ, а себя ни къ чему негоднымъ, если онъ не сумѣлъ склонить каждаго къ такой же дѣятельности.

Недѣли черезъ полторы послѣ обыска, когда отобраны были формальныя показанія какъ отъ всѣхъ членовъ моей семьи, такъ и отъ служащихъ у меня въ то время и служившихъ въ моемъ домѣ много лѣтъ тому назадъ, мнѣ разрѣшены были свиданія съ сыномъ. Я знала, при какой обстановкѣ происходятъ эти свиданія въ домѣ предварительнаго заключенія, мнѣ однажды начертили даже планъ комнаты съ клѣтками, но дѣйствительность превзошла составленное мною представленіе. Когда я подошла къ желѣзной клѣткѣ съ двойною рѣшеткою, въ которую съ другой стороны ввели моего сына, я была такъ ошеломлена и потрясена, что долго не могла выговорить ни слова. Трудно представить себѣ чувство матери, когда ей показываютъ родное дѣтище, точно хищнаго звѣря въ желѣзной клѣткѣ зоологическаго сада! Разница только въ томъ, что тамъ эта клѣтка стоитъ подъ открытымъ небомъ, а въ клѣткѣ для арестованныхъ настолько темно, что нельзя разсмотрѣть физіономію человѣка, стоящаго въ ней. Мнѣ давали и «личныя свиданія»: тогда въ одну изъ камеръ вводили арестованнаго и сажали его и меня за столикъ, у котораго также садился тюремный надзиратель или жандармскій унтеръ-офицеръ. Эти «личныя свиданія» почти не давали возможности бесѣдовать съ арестованнымъ: если вы начинали говорить

на иностранномъ языкѣ, васъ немедленно предупреждали, что это не дозволено; съ тѣмъ же самымъ обращался къ вамъ смотритель и тогда, когда онъ чего-нибудь не понималъ въ вашемъ разговорѣ. Да и въ голову ничего не приходило при такой обстановкѣ.

Нѣкоторое время свиданіи шли совершенно правильно. Вдругъ однажды, когда я только что вошла въ домъ предварительнаго заключенія, одинъ изъ надзирателей подошелъ ко мнѣ и заявилъ, что я лишена свиданій, и быстро исчезъ. Я долго сидѣла на скамейкѣ крошечнаго коридорчика передъ дверью, за которой происходили свиданія съ заключенными, но смотритель не появлялся. Я была такъ ошеломлена этимъ извѣстіемъ, что рѣшительно ничего не могла сообразить; наконецъ, какъ-то машинально вышла на улицу и отправилась въ жандармское управленіе. Безъ доклада вошла я къ Котляревскому, который всталъ при моемъ появленіи, и какъ-то машинально опустилась на стулъ. Я молчала, а онъ ходилъ по комнатѣ, тоже не говоря ни слова. Наконецъ, онъ налилъ стаканъ воды и поставилъ его передо мною. Я сдѣлала глотокъ, но рука такъ дрожала, всю меня такъ трясло, что я поставила его обратно.

— За что мнѣ запрещены свиданія?—съ трудомъ вытянула я, наконецъ, изъ своего горла.

Не останавливаясь и попрежнему шагая по комнатѣ, Котляревскій проговорилъ:

— Вѣроятно, въ наказаніе за то, что вашъ сынъ не отвѣчалъ чистосердечно на вопросы, на которые онъ обязанъ отвѣчать.

— А, значитъ, только предатели могутъ видѣться со своими матерями!—И тутъ я потеряла всякое сознаніе того, что я говорю, всякое самообладаніе, и говорила, говорила, не переставая; сама себя я услышала только тогда, когда выкрикнула послѣднюю фразу: «И вы, человѣкъ образованный, въ этой грязной ямѣ!» Тутъ я нѣсколько опомнилась, хотѣла встать со стула, но не могла и начала опять пить воду.

Котляревскій, облокотившись на спинку пустого стула и наклонившись ко мнѣ, проговорилъ рѣзко и отчетливо, но не громко: «Какъ вы смѣете въ такомъ видѣ являться сюда? Берегитесь!» и съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ, какъ бы приготовляясь сѣсть за столъ. Я встала и пошла къ двери, не прощаясь и не говоря ни слова.

Только ночью, лежа въ постели и вспоминая все происшедшее за день, я ужаснулась при мысли, что, вѣроятно, наговорила Котляревскому такое, что повредитъ моему сыну, что теперь я лишаюсь единственнаго человѣка въ жандармскомъ управленіи,

который деликатно относился ко мнѣ. Меня мучила и моя несправедливость относительно Котляревскаго: за его вниманіе я отплатила ему дерзостью. Я давала себѣ слово впредь молчать, когда что-нибудь будетъ меня сильно волновать, ужасалась своей невоздержанности вообще, хотя уже и тогда была въ возрастѣ, смежномъ со старостью, но сумѣла выдрессировать себя въ этомъ отношеніи лишь гораздо позже. Я рѣшила не показываться болѣе къ Котляревскому на глаза, да въ этомъ пока и не было нужды. Знакомые посовѣтовали мнѣ пропустить еще одно свиданіе, а затѣмъ навести справки у начальника дома предварительнаго заключенія, не получилось ли для меня дозволеніе снова ходить на свиданія. Оказалось, что такое разрѣшеніе только что получено.

При каждомъ «личномъ свиданіи» я замѣчала, какъ пагубно отзывалась тюрьма на здоровьѣ моего сына. Въ виду того, что окончаніе его дѣла все затягивалось, я просила директора департамента полиціи о томъ, чтобы мнѣ отдали сына на поруки подъ денежный залогъ.

— Политическому преступнику не мѣсто въ вашемъ домѣ, въ которомъ собираются писатели и вообще люди неблагонадежные. Намъ извѣстно и то, что вамъ наносили визиты и только что выпущенные изъ дома предварительнаго заключенія,—сказалъ мнѣ директоръ.

Наступило лѣто, и я переѣхала съ семействомъ на дачу. Я написала моей престарѣлой матери, чтобы она попыталась съ своей стороны подать прошеніе съ просьбою отдать ей внука на поруки, но она долго не откликалась на мое письмо, и я совершенно не понимала, почему не получаю отъ нея отвѣта. Въ одно изъ свиданій съ сыномъ я вдругъ замѣтила кровоподтеки на его вискахъ. Это такъ меня встревожило, что я опять отправилась къ директору департамента полиціи, который, разспросивъ, гдѣ я теперь живу, къ моему удивленію, сразу разрѣшилъ мнѣ взять сына на дачу съ условіемъ, чтобы я внесла денежный залогъ, предупредивъ меня при этомъ, что если къ осени дѣло его все еще не будетъ окончено, онъ, т.-е. директоръ, никоимъ образомъ не дозволитъ ему жить со мною въ Петербургѣ. Все же это быстрое согласіе на исполненіе моей вторичной просьбы, вопреки категорическому отказу въ первый разъ, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что и тюремный врачъ замѣтилъ крайне болѣзненное состояніе арестованнаго. Я внесла требуемый отъ меня залогъ и скоро послѣ этого должна была за какой-то справкой снова явиться къ директору, который объявилъ мнѣ, что получилъ прошеніе отъ бабки моего сына. «Теперь уже я отдалъ распоря-

женіе о томъ, что вашъ сынъ будетъ жить съ вами на дачѣ, но осенью вы должны отвезти его къ вашей матери». Такъ говоря, онъ просматривалъ какую-то бумагу, и мнѣ показалось, что это и было прошеніе моей матери: онъ спрашивалъ меня о мѣстѣ ея жительства, о томъ, съ кѣмъ она живетъ, и при этомъ свѣрялъ съ тѣмъ, что написано было въ бумагѣ, которую онъ держалъ. Черезъ недѣли двѣ послѣ этого я получила письмо отъ матери, которое носило явные слѣды перлюстраціи, а потому и получилось гораздо позже, чѣмъ слѣдовало. Причину своего долгаго молчанія моя мать объясняла своею болѣзнью. Она прислала мнѣ и копію съ своего прошенія: въ немъ говорилось, что она живетъ въ 90 верстахъ отъ желѣзной дороги, въ глухой деревнѣ Бухоново, Смоленской губерніи, въ мѣстности, въ которой не существуетъ ни фабрикъ, ни заводовъ. Она просила исполнить ея просьбу вслѣдствіе ея болѣзни, «надвигающагося конца ея жизни, полнаго одиночества, такъ какъ съ нею никого нѣтъ, кромѣ психически больной дочери, а также въ виду заслугъ, оказанныхъ родинѣ ея двумя родными братьями Иваномъ и Николаемъ Степановичами Гонецкими».

Въ продолженіе всего лѣта на дачѣ, несмотря на пребываніе въ ней моего сына, полиція совершенно не безпокоила насъ. Осенью я отправилась въ Смоленскую губернію и съ крайнимъ страхомъ оставила моего сына у матери, такъ какъ она жила съ моей старшей сестрой, въ то время душевно больной. Меня очень тревожила мысль, какъ отразится ея болѣзнь на моемъ сынѣ, незадолго передъ этимъ перенесшимъ тюремное заключеніе.

Очень скоро послѣ моего возвращенія меня посѣтили Давыдовы—мать и дочь. Когда мнѣ сказали о ихъ пріѣздѣ, мнѣ невольно пришло въ голову, что съ отъѣздомъ моего сына мой домъ для А. А. оказывается неопаснымъ. Кстати замѣчу, что хотя у ея дочери и былъ обыскъ, но совершенно поверхностный и только въ ея комнатѣ; къ допросу ее тоже привлекали, но ей совсѣмъ не пришлось поплатиться тюрьмой. Она нерѣдко въ присутствіи матери разсказывала близкимъ знакомымъ весьма непріятныя вещи для самолюбія А. А., но онѣ не оскорбляли ее, такъ какъ все это ея дочь высказывала хотя и въ ироническо-фамильярномъ тонѣ, но чрезвычайно добродушно и мило. И на этотъ разъ Лидія Карл. въ лицахъ представляла ту сцену, которую ея мать, по ея словамъ, «закатила» мнѣ тогда, и какъ ея отецъ, въ ожиданіи «трагическаго ужаса» для его семьи, мрачно ероша свои волосы, нервно бѣгалъ по комнатѣ. А. А. то хохотала, то бросалась обнимать меня.

— Даю вамъ честное слово,—сказала Л. К., обращаясь ко

мнѣ,—что мама вполнѣ сознательно стыдится теперь своего «гнуснаго поведенія» и уже давно убѣдилась въ томъ, что если бы вы тогда уѣхали отъ насъ, не переговоривъ со мной, я просидѣла бы въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ.—И обѣ онѣ начали просить меня пріѣзжать къ нимъ, что, по ихъ словамъ, имъ только и могло бы доказать, что я болѣе не сержусь на нихъ. Инстинктъ, однако, подсказалъ мнѣ, что, до совершеннаго окончанія «дѣла», моя нога не должна переступать порога ихъ дома. И я подъ разными предлогами не показывалась у нихъ, хотя обѣ онѣ навѣщали меня отъ времени до времени. Моя предусмотрительность, какъ оказалась, имѣла основаніе.

По письмамъ, получаемымъ изъ деревни, я видѣла, что моя престарѣлая мать все болѣе расхварывается. Наконецъ, докторъ, лечившій ее, написалъ мнѣ, что она доживаетъ свои послѣдніе дни, и чтобы я торопилась пріѣхать къ ней, если желаю проститься съ нею передъ вѣчной разлукой. Это новое горе, свалившееся на мою голову, удручало меня вмѣстѣ съ мыслью о томъ, что-то будетъ съ моимъ сыномъ послѣ ея смерти? Онъ не могъ жить въ деревнѣ не только потому, что отданъ былъ на поруки своей бабушкѣ, но и потому, что въ домѣ послѣ ея смерти могла остаться только больная сестра, психическая болѣзнь которой все усиливалась. Это удручавшее меня извѣстіе было получено мною какъ разъ въ пріемный день директора департамента полиціи, и я отправилась къ нему. Когда я объяснила, въ чемъ дѣло, онъ, вспыхнувъ отъ гнѣва, рѣзко проговорилъ: «Вы съ своимъ сыночкомъ больше всѣхъ доставляете намъ хлопотъ!» и добавилъ, чтобы я вошла въ его кабинетъ, когда будетъ оконченъ пріемъ. Опять повторивъ съ бо́льшими подробностями тѣ же упреки за то, что я-де поставила его въ затруднительное положеніе, онъ указалъ на то, что окружающіе часто преувеличиваютъ опасность болѣзни близкихъ имъ людей. Я подала ему бывшее при мнѣ письмо земскаго врача вполнѣ офиціальнаго характера и сказала, что раньше кончины моей матери я не уѣду изъ деревни, слѣдовательно не могу взять оттуда и моего сына. Это, вѣроятно, заставило г. Дурново повѣрить, что съ моей стороны тутъ нѣтъ никакой мошеннической продѣлки, чтобы какими бы то ни было средствами взять сына изъ деревни; къ тому же я представила для этого достаточно данныхъ, по которымъ департаментъ полиціи могъ провѣрить справедливость моихъ словъ. Въ концѣ-концовъ директоръ департамента согласился на то, чтобы мой сынъ, послѣ возвращенія изъ деревни, остался жить со мною въ Петербургѣ въ виду того, что его дѣло должно окончиться очень скоро.

Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ нашего пріѣзда въ Петер-

бургъ, какъ А. А. Давыдова просила нашего общаго знакомаго передать мнѣ, чтобы я не вздумала теперь посѣтить ея домъ, такъ какъ Лидѣ это грозитъ опасностью. Я немедленно отвѣтила ей письмомъ приблизительно въ такомъ духѣ, что она имѣла бы нѣкоторое право предупреждать меня, чтобы я удержалась отъ посѣщенія ея семейства, если бы я, согласно многократнымъ ея просьбамъ, хотя разъ воспользовалась ея приглашеніемъ. Но такъ какъ я ни разу не была у нея послѣ сцены, которую она мнѣ устроила, то я принимаю переданныя мнѣ ея слова за крайнюю неделикатность съ ея стороны, недобросовѣстность и дикую, рабскую трусость.

Недѣлю-другую спустя послѣ этого ко мнѣ пріѣхалъ Ник. Конст. Михайловскій. Поговоривъ о моемъ путешествіи и о моихъ дѣлахъ, онъ перешелъ къ «исторіи» съ Давыдовой: она, по его словамъ, была сообщена ему не только Ал. Арк., но и ея дочерью, которая, въ чемъ я нисколько не сомнѣвалась, передавала ее съ свойственнымъ ей безпристрастіемъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ знакомымъ Ник. Конст., какъ истинный джентльменъ, всегда стоялъ за то, чтобы люди порядочные крѣпко держались другъ друга: то одному, то другому изъ поссорившихся онъ обыкновенно указывалъ на хорошую черту характера его противника и всегда старался объединять людей извѣстнаго круга. Я не мало удивлялась, какъ этотъ, заваленный редакціонными дѣлами, человѣкъ, почти ежемѣсячно пишущій огромныя статьи, могъ урывать время, чтобъ забѣжать къ нѣсколькимъ знакомымъ исключительно для того, чтобы уговорить ихъ непремѣнно явиться на какое-нибудь празднество въ честь того или иного общественнаго дѣятеля, на похороны писателя и т. п. Конечно, въ этихъ случаяхъ дѣло шло обыкновенно о людяхъ, являвшихся носителями тѣхъ общественныхъ идеаловъ, которымъ онъ самъ служилъ всю свою жизнь. Много горячаго участія, вниманія и сочувствія не только на словахъ, но и на дѣлѣ проявлялъ онъ къ каждому общественному дѣятелю, если ему приходилось съ нимъ сталкиваться, пострадавшему отъ нашей общественной неурядицы. Но у него было не мало знакомыхъ и въ простой обывательской средѣ, много поклонниковъ и поклонницъ, которымъ онъ оказывалъ большое вниманіе. Однако, относительно лицъ этой послѣдней категоріи онъ нерѣдко разочаровывался, такъ какъ зачастую проявлялъ большую симпатію къ людямъ, совсѣмъ не заслуживающимъ этого. Но до наступленія разочарованія Ник. Конст. относился къ нѣкоторымъ изъ нихъ до такой степени пристрастно, что, говоря о нихъ, терялъ даже всякое чувство мѣры, точно влюбленный, и нужно замѣтить, что такъ было относительно и женщинъ, и мужчинъ.

Въ ту пору, о которой я упоминаю, Ник. Конст., увлеченный красотою и умомъ Ал. Арк., былъ возмущенъ моимъ письмомъ къ ней, а еще болѣе, какъ оказалось, моею фразою о томъ, что она, проживъ всю свою жизнь среди людей, которые арестовывали другихъ, теперь начала путаться среди тѣхъ, которыхъ арестуютъ, а потому-де не умѣетъ держаться съ ними мало-мальски добропорядочно. Эти слова, видимо, показались Ник. Конст. очень оскорбительными для достоинства Ал. Арк.

— Съ вашей стороны,—говорилъ онъ мнѣ,—было довольно таки жестоко пользоваться преимуществами своего положенія. Ал. Арк. не могла самостоятельно выбирать своихъ знакомыхъ: когда она вышла замужъ, она была для этого слишкомъ молода. Да и почему вы такъ смѣло утверждаете, что кругъ ея знакомыхъ состоялъ изъ людей, которые арестуютъ? Я вовсе не хочу этимъ сказать, что все это были, поскольку мнѣ извѣстно, превосходные люди, но едва ли на всѣхъ можно взводить такое обвиненіе.

Я объяснила ему, что мои слова были вызваны сценой, которую она устроила мнѣ, а мое рѣзкое письмо—ея неделикатнымъ предупрежденіемъ меня черезъ общаго знакомаго, чтобы я не посѣщала ее, хотя я ни разу не была у нея, несмотря на многократныя ея просьбы и посѣщенія моего дома. Понятно, что на такой ея поступокъ я не могла посмотрѣть иначе, какъ на наглость, ничѣмъ не вызванную съ моей стороны и какъ на дикую трусость.

Ник. Конст. настойчиво продолжалъ ее оправдывать.

— Я вполнѣ признаю,—говорилъ онъ,—что трепетъ Ал. Арк. передъ городовыми и обысками доходитъ у нея до комизма, что трусость вообще качество не особенно почтенное, но многіе весьма образованные люди, а одинъ мой знакомый, можно даже сказать «косая сажень въ плечахъ», сознавались не мнѣ одному въ своей боязни мертвецовъ. Они знаютъ, что покойникъ не схватитъ ихъ за бороду, и въ то же время ни за что не останутся въ комнатѣ, гдѣ лежитъ тѣло покойника. Нелѣпыми страхами страдаютъ очень многіе...

Его доводы въ защиту Ал. Арк. меня совсѣмъ не убѣдили: я прекрасно знала, что они всегда бываютъ таковыми, когда ему приходится защищать своихъ любимцевъ. Однажды при мнѣ ему кто-то разсказалъ о неблаговидномъ поступкѣ одного его пріятеля (къ которому онъ питалъ въ то время большую пріязнь, но впослѣдствіи совершенно разочаровался въ немъ), а Ник. Конст. замѣтилъ: «Это совсѣмъ неправдоподобно: взгляните только сами на физіономію К.,—вѣдь онъ точно съ образа сорвался».

Въ началѣ 1888 г. я узнала, что мой сынъ будетъ приговоренъ къ 5-ти годамъ ссылки въ Архангельскую губернію. Узнавъ изъ газетъ о времени пріёма министра юстиціи Манассеина, я отпра-

вилась къ нему. Оказалось, что видѣть его, какъ и большинство другихъ министровъ въ то время, было совсѣмъ нетрудно: о дняхъ ихъ пріёмовъ печаталось въ газетахъ и большинство министровъ было совершенно доступно публикѣ.

Въ передней Манассеина сидѣлъ чиновникъ, который записывалъ фамиліи просителей и кратко то, о чемъ они желали говорить съ министромъ. Затѣмъ посѣтитель входилъ въ пріёмную и садился подлѣ просителя, пришедшаго передъ нимъ, чтобы не нарушать очереди. Въ точно опредѣленный часъ въ комнату вошелъ министръ. Всѣ встали, и онъ выслушивалъ просьбу каждаго. Одинъ изъ посѣтителей—чиновникъ—просилъ о томъ, чтобы его сына не отправляли по этапу, а дозволили ѣхать на собственный счетъ. При этомъ онъ подалъ докторское свидѣтельство, тутъ же прочитанное министромъ, въ которомъ значилось, что сынъ просителя только что вынесъ тяжелую форму дифтерита и что путешествіе по этапу можетъ оказаться весьма вреднымъ для его здоровья. Когда очередь дошла до меня, я стала просить министра объ ослабленіи наказанія моему сыну, доказывая, что переводъ Туна и составленіе примѣчаній къ нему, при томъ условіи, что эта книга не получила никакого распространенія, не заслуживаетъ такой тяжелой кары, какая ему назначена. Министръ внимательно выслушалъ меня; по его замѣчаніямъ и сдѣланнымъ мнѣ вопросамъ я видѣла, что онъ съ дѣломъ вполнѣ знакомъ. Когда я кончила, онъ сказалъ мнѣ: «Я совершенно не могу смотрѣть на преступленіе вашего сына такъ, какъ смотрите вы, его мать». Онъ уже хотѣлъ обратиться къ слѣдующему, когда я начала его просить о томъ, чтобы онъ дозволилъ моему сыну отправиться въ ссылку не по этапу. «Правда, онъ не перенесъ никакой тяжелой болѣзни передъ этимъ», говорила я, «но онъ очень слабаго здоровья». Вмѣсто отвѣта министръ спросилъ меня: «Многочисленные учебники и книги для чтенія юношества—ваши произведенія?» — Я отвѣчала, что учебниковъ не писала, но книгъ для чтенія юношества и педагогическихъ работъ у меня не мало. На это министръ сказалъ, обращаясь къ чиновнику, стоявшему подлѣ него: «Запишите, что бывшему студенту Водовозову дозволено отправиться въ ссылку на свой счетъ».

Въ февралѣ 1888 г. мой сынъ отправился въ Архангельскъ, гдѣ мѣстный губернаторъ назначилъ мѣстомъ его ссылки городъ Шенкурскъ. Спустя нѣкоторое время послѣ этого мнѣ прислано было извѣщеніе изъ жандармскаго управленія, по которому я должна была явиться за полученіемъ залога, внесеннаго процентными бумагами различной цѣнности. Служитель ввелъ меня въ комнату, и я сѣла на стулъ передъ столикомъ. Черезъ нѣсколько

минутъ ко мнѣ быстро вошелъ жандармскій ротмистръ П., держа въ рукахъ пачку процентныхъ бумагъ. Онъ бросилъ ихъ на столъ съ словами: «Извольте расписаться въ полученіи, и сейчасъ же». Если бы онъ обратился ко мнѣ съ обычной въ такихъ случаяхъ вѣжливостью, я бы, конечно, не заставила его напоминать мнѣ о томъ же. Но онъ не вручилъ мнѣ бумаги, а бросилъ ихъ на столъ, и не просилъ меня расписаться, а отдалъ приказаніе, сдѣланное повелительнымъ и рѣзкимъ тономъ. Ничего не говоря, я открыла свою сумку, взяла портмоне и уже начала вынимать изъ него бумажку, въ которой были записаны нумера билетовъ и стоимость каждаго изъ нихъ, какъ вдругъ ротмистръ подошелъ ко мнѣ совсѣмъ близко и еще болѣе рѣзкимъ голосомъ прошипѣлъ почти надъ моимъ ухомъ:

— Какъ вы смѣете ослушиваться? Вамъ приказано сейчасъ же подписаться. Дѣлайте, что вамъ велятъ!

— Приказывать мнѣ вы ничего не смѣете. Сначала провѣрю, а потомъ подпишусь,—сказала я, невольно отодвигаясь отъ него.

— Провѣрять? Это еще что за фокусы? Да какъ вы смѣете мнѣ это говорить даже? Мнѣ некогда съ вами возиться! Ну, живо! Но онъ должно быть не разсчиталъ своего голоса и послѣднія фразы хрипло прокричалъ.

Я вскочила съ своего мѣста и, глядя ему въ упоръ, рѣзко ему отвѣтила:—Я буду жаловаться на ваше непозволительное поведеніе. И чѣмъ дольше вы мнѣ будете мѣшать провѣрить мои бумаги, тѣмъ медленнѣе...

— Какъ вы осмѣливаетесь такъ разговаривать со мною?— шипѣлъ ротмистръ, перебивая меня, повторяя однѣ и тѣ же фразы и не замѣчая, что въ дверяхъ, спиной къ которымъ онъ стоялъ, остановилась высокая фигура Котляревскаго.

Не знаю, была ли дверь комнаты открыта или полуоткрыта, услыхалъ ли Котляревскій, случайно проходя по коридору, наши рѣзкія пререканія, но онъ неторопливо приблизился къ столу и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Что все это значитъ, сударыня?»

— Я хотѣла провѣрить нумера билетовъ прежде, чѣмъ расписаться въ ихъ полученіи... Не всѣ эти процентныя бумаги принадлежалъ мнѣ. А г-нъ ротмистръ не только мѣшаетъ мнѣ это дѣлать, но все время возмутительно дерзко кричитъ на меня.

— Г-жа Водовозова, какъ только входитъ въ жандармское управленіе, такъ, по обыкновенію, начинаетъ скандалить. А теперь вмѣсто того, чтобы расписываться въ полученіи бумагъ, воспользовалась случаемъ, чтобы наговорить мнѣ массу дерзостей.

Одинаково флегматично выслушалъ Котляревскій какъ ту,

такъ и другую сторону, и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Потрудитесь считать».

Я начала свѣрять билеты съ моею записочкою, пересчитала и пересмотрѣла ихъ одинъ и другой разъ, но не находила среди нихъ сторублеваго билета перваго выигрышнаго займа и заявила объ этомъ Котляревскому.

— Я всѣ бумаги принесъ. Г-жа Водовозова то хватала процентные листы, то бросала ихъ, то открывала и закрывала свою сумку. Почемъ я знаю, куда она ихъ дѣла!

— Г-нъ ротмистръ, потрудитесь принести недостающій билетъ перваго выигрышнаго займа,—не понижая и не повышая голоса, все такимъ же флегматичнымъ тономъ, обратился Котляревскій къ ротмистру.

— Вы, значитъ, больше довѣряете г-жѣ Водовозовой, чѣмъ мнѣ?

— Г-нъ ротмистръ, потрудитесь принести недостающій билетъ перваго выигрышнаго займа. Поищите, гдѣ нибудь тамъ... ну, подъ стуломъ, подъ конторкой... вообще тамъ гдѣ-нибудь.— И опять ни иронiи, ни повышенiя голоса, ни малѣйшей улыбки на губахъ.

Ротмистръ вышелъ. Котляревскій шагалъ по комнатѣ, а я молчала. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ ротмистръ съ лицомъ, покрытымъ красными пятнами, и съ процентною бумагою въ рукѣ.

— Дѣйствительно, она завалилась...—проговорилъ онъ крайне сконфуженно и положилъ бумагу на столъ.

— Я же вамъ говорилъ. А теперь къ дѣлу: потрудитесь снова пересчитать и сказать, все ли вы получили.—И это Котляревскій произнесъ прежнимъ невозмутимымъ тономъ.

Когда я расписалась въ полученiи, ротмистръ моментально исчезъ.

— Сердечно благодарю васъ и не только за отыскавшiяся деньги... Безъ васъ ротмистръ, право, кажется, могъ бы меня избить.

Котляревскій выслушалъ мои слова молча, съ обычнымъ индифферентизмомъ, наклонилъ голову, какъ будто давая этимъ понять, что аудiенцiя уже окончена.

Е. Водовозова.

(Окончанiе слѣдуетъ).

Памяти Н. Г. Чернышевскаго[1]).

Посвящается моему другу М. А. С-вой.

Мое литературное знакомство съ Чернышевскимъ относится еще ко времени, когда я былъ въ вологодской гимназіи, и въ «Современникѣ» печатался рядъ его статей «Очерки гоголевскаго періода русской литературы», помнится, безъ подписи автора. Сомнѣваюсь, удалось ли мнѣ прочитать всѣ статьи, такъ какъ доставать журналы было нелегко. Насколько гимназистъ могъ быть въ тѣ времена горячимъ поклонникомъ Гоголя,—я таковымъ былъ; вѣроятно, благодаря этому и принялся за чтеніе статей Чернышевскаго. Но онѣ скоро и сами по себѣ заинтересовали меня, такъ какъ давали для того времени необыкновенно цѣнныя свѣдѣнія по исторіи нашей новѣйшей литературы. Конечно, за исключеніемъ чисто историческаго матеріала, многое въ нихъ для меня было совершенно непонятно; но тамъ въ самомъ началѣ говорилось о Николаѣ Полевомъ, Сенковскомъ, Надеждинѣ, Вяземскомъ. Первый былъ мнѣ особенно симпатиченъ, какъ самоучка, какъ выходецъ изъ народа. За это я ему даже прощалъ его отрицательное отношеніе къ Гоголю. По счастливой случайности мнѣ удалось перечитать чуть ли не за цѣлый годъ «Московскій Телеграфъ», тотъ самый годъ, когда въ немъ велось особенно рѣзкая полемика съ Надеждинымъ (Надоумко). О второмъ слыхалъ отъ моего пріятеля Ев. Вас. Кичина, смотрителя вологодскаго уѣзднаго училища, какъ объ остроумнѣйшемъ русскомъ писателѣ, и, по настоянію Кичина, что-то прочелъ въ старыхъ номерахъ «Библіотеки для чтенія». Отъ того же Кичина узналъ, что Надеждинъ—умнѣйшій и ученѣйшій человѣкъ, по его словамъ, одно время проживалъ въ Усть-Сысольскѣ—по «распоряженію высшаго начальства», какъ дипломатически выражался Кичинъ. Небезызвѣстно мнѣ было и имя Вяземскаго

[1]) Нѣкоторый фактическій матеріалъ о Чернышевскомъ можно найти въ моихъ «Воспоминаніяхъ изъ прошлаго»,—въ 1 кн., главнымъ образомъ, въ главѣ «Земля и Воля», и во 2 кн. «Изъ воспоминаній о Н. Г. Чернышевскомъ» и «Н. Г. Чернышевскій въ Иркутскѣ по дорогѣ въ Астрахань».

по разсказамъ моего патрона, старика Н. И. Одинцова, который вмѣстѣ съ Вяземскимъ воспитывался въ петербургскомъ іезуитскомъ пансіонѣ. Въ гимназіи же я прочиталъ, уже за подписью Чернышевскаго, «Русскій человѣкъ на rendez-vous» («Атеней», № 3, 1858 г.). И тутъ основную мысль Чернышевскаго я воспринялъ въ слишкомъ узкомъ смыслѣ, т.-е. въ отношеніяхъ русскаго интеллигента къ женщинѣ.

Поступивъ въ университетъ, я на первомъ курсѣ вращался почти исключительно въ кружкѣ товарищей-земляковъ. Старшіе по курсамъ почитывали, главнымъ образомъ, беллетристику; отъ нихъ имени Чернышевскаго не доводилось слышать. Но, должнобыть, въ самомъ началѣ 1859 г. я познакомился съ бывшимъ штабсъ-капитаномъ преображенскаго полка Ник. Ив. Ореусомъ; онъ въ то время былъ инспекторомъ придворной пѣвческой капеллы, гдѣ я, по его приглашенію, давалъ уроки малолѣтнимъ пѣвчимъ по общеобразовательнымъ предметамъ; лѣтомъ даже жилъ у него на дачѣ. Ореусъ, хорошо зная иностранные языки, много читалъ, напримѣръ: Шлосера, Гервинуса, пробовалъ даже переводить ихъ, и былъ горячимъ поклонникомъ «Современника», особенно увлекался Добролюбовымъ и Чернышевскимъ. У насъ выходили частые споры, такъ какъ я оставался еще подъ вліяніемъ «Русскаго Вѣстника», къ которому пристрастился въ гимназіи. Благодаря Ореусу [1]) я, однако, сталъ съ большимъ интересомъ слѣдить за «Современникомъ» и, въ частности, за Чернышевскимъ (къ Добролюбову тяготѣніе сказалось у меня ранѣе). Я уже сталъ понемногу сдаваться къ тому времени, какъ на второмъ курсѣ вошелъ въ кружокъ бывшихъ воспитанниковъ Педагогическаго института, переведенныхъ въ университетъ по закрытіи института. То былъ очень серьезный кружокъ (большею частью историки-филологи); къ нему принадлежали впослѣдствіи извѣстные профессора: В. И. Модестовъ, В. Г. Васильевскій, много обѣщавшіе и рано умершіе Смирновъ и Е. Фортунатовъ, уже учительствовавшій Д. Ѳ. Щегловъ, товарищъ по курсу Добролюбова, и другіе. Объ этомъ кружкѣ есть особая глава

[1]) Ореусъ былъ типичнымъ представителемъ своего рода многочисленныхъ изъ широкой публики поклонниковъ «Современника». Мое болѣе близкое знакомство съ нимъ продолжалось до осени 1862 г. Онъ скоро оставилъ капеллу и вернулся въ Преображенскій полкъ. Въ своихъ личныхъ дѣлахъ Ореусъ, тогда еще холостякъ, былъ крайне нерасчетливъ, и къ 1862 году у него почти ничего не осталось изъ довольно солиднаго капитала, который былъ выдѣленъ ему отцомъ (сенаторомъ). Послѣ майскихъ пожаровъ 62 года, осенью того же года, Ореусъ говорилъ мнѣ:—дѣло, очевидно, идетъ къ революціи, правительство возьметъ верхъ, потому что на его сторонѣ сила. Я не хочу, чтобы эта сила раздавила меня, а потому и примыкаю къ ней.—Ореусъ умеръ на Кавказѣ въ чинѣ генерала, кажется, вскорѣ послѣ Турецкой войны.

въ моихъ «Воспоминаніяхъ изъ прошлаго» (1 ч.). Чтобы не повторяться здѣсь, скажу только, что отличительною чертою этого кружка былъ радикализмъ какъ въ философскомъ, такъ и политическомъ отношеніи. Въ кружкѣ «Современникъ» пользовался преимущественными и горячими симпатіями, отчасти и потому, что большинство его было изъ семинаристовъ; притомъ нѣкоторые хорошо помнили Добролюбова по институту.

Въ тѣ, порядочно таки наивныя, времена всякая новая мысль, кѣмъ-нибудь пущенная въ обращеніе, огромнымъ большинствомъ читающей публики принималась какъ собственное измышленіе высказавшаго ее. Не такъ было въ кружкѣ; многимъ изъ входившихъ въ него были въ подлинникѣ извѣстны Фейербахъ, Бруно Бауэръ, Максъ Штирнеръ и французскіе писатели отъ Сенъ-Симона до Прудона включительно. Потому въ кружкѣ ни философскія идеи, приводимыя Чернышевскимъ, ни его политико-экономическія воззрѣнія не производили впечатлѣнія чего-то свалившагося съ неба. «Это написано по Луи Блану, тутъ въ основу положены идеи Фейербаха»,—такія замѣчанія нерѣдко можно было слышать въ кружкѣ по поводу той или другой статьи, появившейся въ «Современникѣ», и въ частности Чернышевскаго. Зато полемика «Современника», особенно развѣнчиваніе имъ разныхъ домашнихъ авторитетовъ, преимущественно профессоровъ, принимались въ кружкѣ съ увлеченіемъ. «Полемическія красоты», какъ извѣстно, вызвали въ свое время не только величайшее негодованіе въ лагерѣ, враждебномъ «Современнику», но и въ нейтральныхъ кругахъ далеко не встрѣтили одобренія. Я недавно перечиталъ «Полемическія красоты» и рѣшительно не могъ понять, чѣмъ онѣ такъ провинились; подивился лишь одному, что Чернышевскій могъ удостоить Громеку чести полемизировать съ нимъ: вѣдь онъ хорошо зналъ, что Громека былъ человѣкъ совершенно необразованный.

Изъ членовъ кружка, какъ припоминаю, нѣсколько неодобрительно высказался относительно «Полемическихъ красотъ» А. Г. Новоселовъ (впослѣдствіи директоръ одной изъ московскихъ гимназій); зато Модестовъ, Васильевскій были просто въ восторгѣ отъ нихъ.

Сначала какъ депутатъ кассы, а потомъ какъ одинъ изъ редакторовъ «Студенческаго Сборника» (невышедшаго 3-го выпуска), я имѣлъ большое знакомство между студентами всѣхъ курсовъ и факультетовъ. И вотъ фактъ, не лишенный нѣкотораго интереса. Если не считать членовъ «Педагогическаго кружка» (я познакомился съ ними, когда они были уже на 3 и 4 курсѣ), при всемъ напряженіи памяти рѣшительно не могу припомнить ни

одного товарища по университету, поступившаго ранѣе 1858 г., который былъ бы большимъ поклонникомъ «Современника» [1]). Почитывали его, конечно, очень многіе, но исключительныхъ симпатій къ нему не обнаруживали. Въ то же время не пользовался особеннымъ расположеніемъ петербургскихъ студентовъ и «Русскій Вѣстникъ», лучшая его пора прошла,—то были 56—58 гг. Дружининская «Библіотека для чтенія» и «Отечественныя Записки» настолько интересовали, насколько въ нихъ, время отъ времени, появлялись выдающіяся беллетрическія произведенія (напримѣръ, «Тысяча душъ» Писемскаго въ «Отеч. Зап.»), или историческіе труды Н. И. Костомарова (въ тѣхъ же «Отеч. Зап.»— Богданъ Хмѣльницкій, Стенька Разинъ). Нисколько не впадая въ преувеличеніе, беру смѣлость утверждать, что въ петербургскихъ студентахъ, вступившихъ въ университетъ ранѣе 1858 г., сколько-нибудь яркой окраски совсѣмъ не было; дальше неопредѣленнаго либерализма въ будущемъ, при столкновеніи съ живой дѣйствительностью, ни къ чему особенно не обязывавшаго, они не шли. Не то приходится сказать въ отношеніи болѣе позднихъ генерацій. Но здѣсь, для поясненія, необходимо принять во вниманіе внѣшній ходъ жизни не только русской, но и европейской.

Я поступилъ въ университетъ въ 1858 г. Въ то время чтеніе газетъ, вообще, было мало распространено, а между студентами и подавно. Я, напримѣръ, часто посѣщалъ излюбленную студентами кондитерскую Кинши (уголъ 1 линіи и Большого проспекта), и чтобы студенты читали газеты—этого не припоминаю. А розничной продажи газетъ тогда еще не существовало. Правда, послѣ недавняго парижскаго конгресса въ политическомъ мірѣ, казалось, царило полное затишье. Но вотъ подошелъ 1859 г., и для русскаго общества, въ огромномъ большинствѣ ничего не подозрѣвавшаго, какъ снѣгъ на голову, свалился итальянскій вопросъ, а затѣмъ и война франко-итальянская со всѣми ея

[1]) Въ видѣ исключенія, пожалуй, могу назвать Юр. Ст. Лыткина изъ зырянъ Вологодской губерніи. Онъ былъ на восточномъ факультетѣ и кончилъ курсъ весной 1859 г. Въ тотъ годъ, что мы были вмѣстѣ въ университетѣ и даже жили на одной квартирѣ, никакая политика Лыткина совсѣмъ не интересовала. По окончаніи университета онъ былъ командированъ на два года въ Астраханскую губернію для дальнѣйшаго изученія калмыцкаго языка. Оттуда вернулся въ самый разгаръ студенческой исторіи 61 г. совершенно охладѣвшій къ своей прежней спеціальности; зато сильно увлекся тогдашнимъ движеніемъ, сталъ горячимъ поклонникомъ Чернышевскаго. Черезъ нѣкоторое время вступилъ въ общество «Земля и Воля», у него на квартирѣ была даже устроена тайная типографія. Должно быть, въ началѣ 70-хъ годовъ Лыткинъ совсѣмъ отошелъ отъ прогрессивныхъ круговъ; все время преподавалъ географію въ петербургскихъ гимназіяхъ и корпусахъ. Умеръ въ началѣ этого столѣтія.

дальнѣйшими послѣдствіями. Тутъ все разомъ заговорило о Кавурѣ, о которомъ ранѣе хоть что-нибудь слыхали, и совсѣмъ невѣдомомъ доселѣ Гарибальди... Послѣдній быстро завоевалъ себѣ популярность во всѣхъ концахъ необъятной Россіи. Итальянское движеніе нашло себѣ въ русскомъ обществѣ самое широкое сочувствіе не столько, можетъ быть, по прямой цѣли, къ которой оно стремилось, сколько потому, что Австрія со временъ крымской кампаніи возбуждала къ себѣ самую глубокую антипатію [1]). Это отразилось и на студентахъ; особенно чуткими между ними оказались болѣе молодыя генераціи.

Въ «Современникѣ» съ № 2 за 1859 г. открылся новый отдѣлъ—политическое обозрѣніе. Скоро для всѣхъ стало извѣстнымъ, что его ведетъ Чернышевскій. Ежемѣсячно онъ давалъ своеобразную, живую и крайне содержательную политическую лѣтопись, въ которой итальянскому движенію отводилось особенное вниманіе: съ него даже лѣтопись и началась. Если ранѣе студенты, да и публика тоже, послѣ беллетристики,—а надо признать, что она въ «Современникѣ» болѣе подходила къ тогдашнему настроенію общества,—прежде всего принимались въ «Современникѣ» за статьи Добролюбова, то теперь политическія обозрѣнія Чернышевскаго стали привлекать не меньшій интересъ. Сравнительно съ ними, другія статьи Чернышевскаго, хотя и читались, не возбуждали, однако, такихъ оживленныхъ разговоровъ, за исключеніемъ, конечно, чисто полемическихъ. Соціалистическія идеи многихъ увлекали изъ молодежи; но вѣдь возможное торжество ихъ въ жизни представлялось въ такомъ отдаленномъ будущемъ, которое и представить себѣ было трудно. При своемъ появленіи «Примѣчанія къ Миллю» далеко не вызвали того повышеннаго вниманія, предметомъ котораго они стали у послѣдующихъ поколѣній [2])—при болѣе углубленномъ отношеніи къ соціалистическимъ идеямъ. «Антропологическій принципъ въ философіи» больше возбудилъ разговоровъ въ лагерѣ противниковъ Чернышевскаго, чѣмъ въ средѣ молодежи. На послѣднюю несравненно болѣе оказали вліянія Бюхнеръ, Фейербахъ, Молешотъ, выпущенные на русскомъ языкѣ въ Москвѣ кружкомъ Аргиропуло и Зайчневскаго въ литографированныхъ изданіяхъ. Особенно сдѣлалась популярною между молодежью [3]) «Сила и матерія» Бюхнера, въ противовѣсъ

[1]) Даже цензура допускала полнѣйшую свободу по отношенію къ Австріи, чѣмъ печать и воспользовалась для критики нашихъ собственныхъ порядковъ, подъ видомъ австрійскихъ.

[2]) По личнымъ воспоминаніямъ считаю необходимымъ пояснить, что въ началѣ второй половины 1860-хъ г.г. «Примѣчанія къ политической экономіи» пристально изучались болѣе серьезною молодежью. *В. Сем.*

[3]) Долженъ сдѣлать необходимое поясненіе. Говоря о молодежи,

которой П. Л. Лавровъ и выступилъ въ «Отеч. Запискахъ» съ своей статьей «Механическая теорія міра». Въ широкой публикѣ, которая была занята болѣе близкими къ жизни вопросами, «Антропологическій принципъ», при своемъ появленіи, не могъ привлечь къ себѣ большого интереса и, вѣроятно, прошелъ бы совершенно незамѣтнымъ, если бы не полемика, вызванная имъ. А возникла она черезъ годъ послѣ появленія «Антропологическаго принципа»,—многимъ ли была охота (я разумѣю—изъ публики) перечитывать старые номера.

Нѣсколько позднѣе, примѣрно, три года спустя, осенью 1863 г., появились въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ» «Рефлексы головного мозга» (они въ 1866 г. вышли отдѣльной книжкой[1]); толчкомъ къ работѣ, произведенной Иваномъ Михайловичемъ Сѣченовымъ въ Парижѣ, послужили опыты физіолога Эд. Вебера. Надо признать, что «Рефлексы» совершенно затмили Бюхнера, Молешота и др., а ужъ тѣмъ болѣе «Антропологическій принципъ». Не одна молодежь, но и люди болѣе зрѣлыхъ поколѣній прочли «Рефлексы» съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ; номеръ «Медицинскаго Вѣстника» переходилъ изъ рукъ въ руки, его тщательно разыскивали и платили большія деньги. Имя И. М. Сѣченова, доселѣ извѣстное лишь въ тѣсномъ кругу ученыхъ, сразу пронеслось по всей Россіи. Когда черезъ три года я очутился въ Сибири и прожилъ въ ней слишкомъ восемь лѣтъ, мнѣ даже и тамъ пришлось встрѣтить людей, не только съ большою вдумчивостью прочитавшихъ «Рефлексы», но и усвоившихъ тѣ идеи, къ которымъ они логически приводили; напримѣръ, Ив. Алекс. Малаховъ, енисейскій вице-губернаторъ. Не обходилось и безъ комическихъ проявленій, указывавшихъ, однако, на широкую популярность «Рефлексовъ»; такъ, въ Енисейскѣ одна купчиха любила повторять: — «нашъ ученый профессоръ Сѣченовъ говоритъ, что души нѣтъ, а есть рефлексы».

Коротко замѣчу, «Рефлексы» долго продолжали привлекать къ себѣ вниманіе; даже во второй половинѣ 70-хъ годовъ, когда я опять очутился въ Петербургѣ, на нихъ при случаѣ ссылались, ставили вопросъ: насколько дальнѣйшее развитіе физіологіи

я вездѣ имѣю въ виду почти исключительно университетскую молодежь. Тогда совсѣмъ не были сколько-нибудь замѣтны воспитанники другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, кромѣ медико-хирургической академіи,— закрытыхъ. Лишь студ.-медики стали появляться съ 1861 г. въ университетскихъ кружкахъ. Но гдѣ несомнѣнно «Современникъ» пользовался большой распространенностью,—такъ это среди военной молодежи. Ее можно было встрѣчать въ университетѣ, на литературныхъ вечерахъ, публичныхъ лекціяхъ. Я лично въ 61—62 гг. вошелъ въ тѣсныя отношенія съ довольно большимъ кругомъ изъ военной молодежи.

[1]) Потомъ переизданіе ихъ было воспрещено.

закрѣпило положенія «Рефлексовъ». Между тѣмъ «Антропологическій принципъ», видимо, былъ совершенно забытъ.

Вскорѣ 1861 г. принесъ «Положенія 19 февраля». Ранѣе, насколько позволяли цензурныя рамки, Чернышевскій проводилъ мысль о безплатномъ надѣлѣ крестьянъ землею [1]). Потому неудивительно, что среди общихъ ликованій и печатныхъ дифирамбовъ «Современникъ» хранилъ полное молчаніе, и ближайшія событія оправдали его сдержанность. Если для людей проницательныхъ «Положенія» сами по себѣ страдали весьма существенными недостатками, то съ первыхъ же дней начавшаяся практика примѣненія ихъ быстро поколебала въ широкихъ кругахъ общества вѣру въ благополучный исходъ всего дѣла. Одними овладѣлъ страхъ, другими обманутое разочарованіе. Всѣ чего-то стали ждать, когда минуютъ первые года переходнаго состоянія.

Въ то же время итальянское движеніе нашло себѣ откликъ въ нашей Польшѣ, гдѣ глухое броженіе, собственно никогда не прекращавшееся, выразилось въ началѣ 1861 г. открытыми манифестаціями съ кровавыми столкновеніями. И сразу настрсеніе русскихъ передовыхъ круговъ и молодежи измѣнилось. Изъ неопредѣленно свободолюбиваго, съ нѣкоторымъ увлеченіемъ соціалистическими идеями, оно приняло рѣзко политическій характеръ. Вмѣсто прежнихъ оживленныхъ разговоровъ о тѣхъ или другихъ готовящихся реформахъ, стали раздаваться совсѣмъ другія рѣчи:—довольно хорошихъ словъ, пора перейти къ дѣлу. А подъ дѣломъ понималась подготовка общества къ революціоннымъ выступленіямъ. Эта перемѣна была подмѣчена кружкомъ, группировавшимся около Чернышевскаго (Михайловъ, Шелгуновъ, братья Серно-Соловьевичи, В. А. Обручевъ и др.). И вотъ начинаютъ появляться прокламаціи, дѣлается попытка къ тайной организаціи...

Но особенно ярко сказалось новое настроеніе въ студенческихъ волненіяхъ осени 1861 г., преимущественно петербургскаго университета, гдѣ «исторія» затянулась на цѣлый мѣсяцъ, вызвала закрытіе университета, но вмѣстѣ съ тѣмъ повела и къ увольненію министра народнаго просвѣщенія Путятина. По существу въ студенческомъ движеніи ничего не было политическаго; еще менѣе можно говорить, что оно было подготовлено какимъ-нибудь революціонно настроеннымъ внѣ-академическимъ кружкомъ. Но открытое выступленіе студентовъ и готовность ихъ,

[1]) См., напр., намеки на это въ его статьѣ въ «Современникѣ» 1859 г. № 10. Полнѣе раскрывается взгляды Чернышевскаго на крестьянскую реформу въ «Письмахъ безъ адреса», написанныхъ для февральской книги «Современника» 1862 г., но не пропущенныхъ въ свое время цензурою, и въ «Прологѣ Пролога» въ словахъ, по этому предмету, Волгина. *В. Сем.*

какихъ бы это жертвъ ни стоило, постоять за то, что они считали своими правами, стали возможными лишь благодаря широко распространившемуся въ интеллигентныхъ кругахъ оппозиціонному направленію. Появись Путятинскія правила въ 60-мъ году, онѣ, вѣроятно, прошли бы безъ открытаго сопротивленія со стороны студентовъ, волненіе замкнулось бы въ тѣсныхъ стѣнахъ университета.

Вотъ въ этотъ-то переходный моментъ вліяніе «Современника» среди молодого поколѣнія и достигло своего апогея. Опять же, насколько позволяли цензурныя условія, «Современникъ» уже нѣсколько лѣтъ, и прямо и косвенно, велъ неустанную проповѣдь, что только въ самодѣятельности общества можетъ быть настоящій выходъ изъ устарѣлыхъ формъ и отношеній нашей жизни.

Но если въ настроеніи молодежи произошелъ крутой переломъ въ отношеніи къ тогдашней русской дѣйствительности, то одновременно сказалась перемѣна и въ сторону тѣхъ, кого она до сихъ поръ считала своими духовными руководителями. Если ранѣе молодежь довольствовалась чисто теоретическою проповѣдью передовыхъ представителей общественной мысли, то теперь она стала обращаться къ нимъ съ вопросомъ: скажите, что же намъ дѣлать; давайте намъ практическія указанія (тогда слово «директивы» еще не было въ употребленіи), мы готовы итти, куда намъ укажете.

Чернышевскій давно предвидѣлъ возможность такого поворота. Въ то же время онъ совершенно отчетливо понималъ, что наше общество, пресыщенное въ своемъ эгоизмѣ, рѣшительно неспособно къ какому-нибудь активному выступленію, что одна свободолюбиво настроенная молодежь не есть еще тотъ архимедовъ рычагъ, которымъ можно поставить нашу жизнь на новые пути; что должны пройти многіе и многіе годы, смѣниться не одно поколѣніе, пока крѣпостническіе навыки и холопскія чувства уступятъ мѣсто другимъ идеаламъ и повелительному чувству долга—всѣмъ пожертвовать для ихъ осуществленія. Не мелочное тщеславіе—сохранить свою популярность,—толкало его на другую дорогу, а глубоко коренившееся въ его сознаніи убѣжденіе, что полное соотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ есть первое условіе всякаго проповѣдничества. Новѣйшіе изслѣдователи критики немало приложили труда для выясненія генезиса идей Чернышевскаго, старались связать ихъ съ ходомъ передовой европейской мысли; но ими недостаточно обращено вниманія на одно весьма существенное обстоятельство. Можно усвоить себѣ тѣ или другія идеи, даже самостоятельно дойти до нихъ, и въ то же время на

всю жизнь остаться тѣмъ, что принято называть кабинетнымъ человѣкомъ, т.-е. человѣкомъ далекимъ отъ какого-нибудь стремленія къ непосредственному проведенію ихъ въ жизни. Не то мы видимъ у Чернышевскаго, и не въ однихъ исключительныхъ условіяхъ русской дѣйствительности коренится трагическая развязка его жизни.

Изъ его «Дневника» мы теперь знаемъ, что еще до своего выступленія въ «Современникѣ» Чернышевскій уже допускалъ вѣроятность потерпѣть за свои убѣжденія. Никогда не надо упускать изъ виду, что Чернышевскій длиннымъ рядомъ предковъ происходилъ изъ той общественной среды, которая, какъ носительница идеи царства Божія, во всѣ времена, даже въ вѣка самаго глубокаго упадка нравовъ, выдвигала героевъ нравственнаго долга, въ своемъ самопожертвованіи доходившихъ до мученическаго конца. Объ этихъ подвижникахъ Чернышевскій слышалъ съ самаго ранняго дѣтства, въ семинаріи его учили, что главная цѣль земного существованія—спасеніе, что претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ, что нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ. Съ годами умственный горизонтъ Чернышевскаго расширился, его идеи получили другое направленіе, но религіозное отношеніе къ нимъ осталось прежнее. Даже въ своей личной жизни онъ какъ былъ аскетомъ въ ранней молодости, такъ и остался имъ до конца дней своихъ.

Тотъ разсудочный раціонализмъ, который бросался въ глаза нѣкоторымъ вдумчивымъ наблюдателямъ, видѣвшимъ Чернышевскаго по возвращеніи изъ ссылки, совсѣмъ не былъ одной упрощенной абстракціей, которая такъ легко справляется съ живой дѣйствительностью, ко всему прилагая готовыя формулы. У кого личная жизнь такъ прозрачно чиста, какъ кристаллъ, тому естественно думать, что стоитъ только понять ту или другую идею, чтобы ее можно было воплотить въ жизни. Не даромъ же Чернышевскій былъ такимъ почитателемъ Спинозы, жизнь котораго была въ полной гармоніи съ его ученіемъ.

Въ какой степени и надолго ли остался бы Чернышевскій властителемъ думъ молодого поколѣнія? Объ этомъ трудно судить; есть лишь намекъ, что уже нѣкоторая часть молодого поколѣнія какъ бы пресытилась «Современникомъ» и пыталась занять самостоятельное положеніе, пойти своей дорогой. Я разумѣю молодую группу, которая, имѣя Писарева во главѣ, съ 1861 г. получила преобладающее положеніе въ «Русскомъ Словѣ». Писаревъ, какъ извѣстно, діаметрально разошелся съ «Современникомъ» въ оцѣнкѣ «Отцовъ и дѣтей». Рѣзкая поле-

мика, возникшая между «Русскимъ Словомъ» и «Современникомъ», хотя и началась, когда Чернышевскій былъ уже подъ арестомъ, но, строго говоря, не можетъ быть объяснена перемѣной направленія «Современника», которое оставалось тѣмъ же, что было и при Чернышевскомъ. Но, конечно, «Современникъ» значительно поблѣднѣлъ, потерявши въ теченіе двухъ лѣтъ Добролюбова и Чернышевскаго.

До ареста Чернышевскаго читали, онъ возбуждалъ умы, въ немъ, наконецъ, стали видѣть лидера передового движенія; но не особенно задумывались не только надъ генезисомъ его идей, но даже и надъ самой сущностью ихъ. Не такъ стало послѣ лѣта 1864 года. По инерціи нѣкоторое время продолжали еще искать у него отвѣта на мучительные вопросы: что дѣлать, а главное—какъ дѣлать? Но вѣдь даже его знаменитый романъ давалъ въ этомъ отношеніи слишкомъ общій отвѣтъ; а жизнь шла впередъ и все усложнялась. Оставаясь вѣрными теоретическимъ обоснованіямъ Чернышевскаго, вновь выступающія поколѣнія—для нихъ «Примѣчанія къ Миллю» надолго стали предметомъ самого серьезнаго изученія—должны были самостоятельно искать путей для ихъ приложенія. Въ этомъ смыслѣ самымъ крупнымъ и характернымъ выраженіемъ явилось «хожденіе въ народъ». Но здѣсь я долженъ остановиться, чтобъ не выйдти изъ круга моихъ личныхъ воспоминаній и наблюденій.

Разъ И. М. Сѣченовъ говорилъ мнѣ (въ Москвѣ):

— У меня недавно былъ Борисъ Чичеринъ, мы съ нимъ товарищи по университету, но знакомства никогда не вели. Онъ завезъ мнѣ свой послѣдній трудъ (помнится, «Философія и Религія») и долго оставался у меня. Разговоръ, между прочимъ, коснулся и нашихъ теперешнихъ внутреннихъ дѣлъ. Чичеринъ крайне рѣзко критиковалъ направленіе правительственной политики, но въ то же время болѣе чѣмъ скептически относился и къ возможнымъ результатамъ общественнаго движенія; при этомъ онъ высказалъ: «Было время, когда Россія стояла на здоровомъ и много обѣщавшемъ пути: это были первые годы царствованія Александра II. Но потомъ началось революціонное броженіе и все спуталось, и такъ идетъ до сего дня. Всему виновникъ Чернышевскій: это онъ привилъ революціонный ядъ къ нашей жизни».

Если Чичеринъ, человѣкъ безспорно огромнаго и разносторонняго знанія, притомъ человѣкъ совершенно независимаго положенія, могъ приписывать Чернышевскому столь исключительную роль въ историческомъ ходѣ нашей внутренней жизни, то удивительно ли, что вилюйскій изгнанникъ въ кругахъ, совсѣмъ далекихъ отъ какой-нибудь умственной культуры, возбуждалъ такое преувеличенное чувство ужаса и страха.

Добролюбовъ умеръ на 26 году и оставилъ литературное наслѣдіе значительно меньшее, далеко не столь разнообразное, какъ Чернышевскій, за не многими исключеніями, въ области—литературно-критической. Однако, при жизни кругъ его читателей былъ много шире, чѣмъ у Чернышевскаго. Это потому, что, оставляя даже въ сторонѣ блестящій талантъ Добролюбова, русская жизнь,—а ее постоянно имѣлъ своей темой Добролюбовъ,—все же болѣе интересовала, нежели проповѣдь тѣхъ или другихъ философскихъ и политическихъ идей. Въ Чернышевскомъ постепенно пріучились видѣть несравненнаго полемиста и популяризатора идей передовыхъ европейскихъ круговъ. Добролюбовъ импонировалъ какъ литературный дѣятель, проводившій самостоятельное пониманіе русской жизни, что, вмѣстѣ съ исключительнымъ талантомъ, и поставило его въ теченіи четырехъ лѣтъ, по словамъ Чернышевскаго, «во главѣ русской литературы». Интересъ къ Добролюбову не остылъ послѣ его смерти, онъ сохранился и до нашихъ дней, съ его взглядами вынуждено считаться даже и теперешнее поколѣніе. Этого нельзя сказать о Чернышевскомъ, не впадая въ большое преувеличеніе. Правда, его серьезно изучаютъ, но лишь изслѣдователи историческаго развитія русской мысли, въ болѣе широкихъ кругахъ онъ уже не имѣетъ притягательной силы [1]). И все-таки, неувядаемый ореолъ окружаетъ его имя, тогда какъ имя Добролюбова пробуждаетъ только воспоминаніе о рано угасшемъ, богато одаренномъ писателѣ-критикѣ, справедливо занявшемъ выдающееся мѣсто между нашими классиками. Такъ, тѣ самыя темныя силы, которыя разсчитывали навѣки похоронить даже самое имя Чернышевскаго, подняли его на недосягаемую высоту, съ которой онъ и будетъ свѣтить еще длинному ряду поколѣній. Онъ будетъ жить въ русскихъ сердцахъ, пока не погаснетъ въ нихъ стремленіе къ истинѣ, чего бы это ни стоило, къ живому согласованію мысли и дѣла.

Л. Пантелѣевъ.

---

[1]) Слѣдуетъ не забывать, что цензурныя причины очень долго препятствовали появленію полнаго собранія сочиненій Чернышевскаго, но, несмотря на это, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Чернышевскій имѣлъ гораздо болѣе глубокое вліяніе на ходъ общественнаго движенія въ Россіи, чѣмъ Добролюбовъ. *В. Сем.*

Глѣбъ Успенскій въ его перепискѣ.

Неизданные матеріалы, письма и замѣтки о немъ.

Въ серіи замѣтокъ, извлеченныхъ изъ неизвѣстныхъ пока матеріаловъ о жизни и дѣятельности Глѣба Ивановича Успенскаго, мы имѣемъ въ виду прежде всего дополнить свѣдѣнія объ Успенскомъ, доселѣ весьма скудныя, и освѣтить доступными намъ данными его отношенія къ разнообразнымъ представителямъ литературы за время отъ начала семидесятыхъ годовъ до конца восьмидесятыхъ. Намъ придется говорить о множествѣ весьма крупныхъ именъ, еще недавно сошедшихъ со сцены, и быть можетъ затронутые нами вопросы вызовутъ появленіе другихъ данныхъ, болѣе полно и отчетливо освѣщающихъ то многое, что поневолѣ останется, за недостаткомъ нашихъ свѣдѣній, въ тѣни. Помимо личной біографіи Глѣба Успенскаго, приводимыя нами письма и извлеченія имѣютъ значеніе для біографіи и пониманія личности его многочисленныхъ корреспондентовъ, а также содержатъ порою любопытныя свѣдѣнія, характеризующія эпоху.

Матеріалы, которыми мы располагаемъ, переданы намъ частью семьею Г. И. Успенскаго (письма къ нему разныхъ лицъ и *немногіе* сохранившіеся отрывки и обрывки его рукописей), частью получены непосредственно отъ корреспондентовъ Г. И. или отъ ихъ наслѣдниковъ, или, наконецъ, записаны отъ лицъ, знавшихъ Г. И. лично, и извлечены изъ архивовъ. Нѣкоторыми данными изъ этого обширнаго матеріала мы уже пользовались въ нашихъ статьяхъ о Г. И. Успенскомъ, имѣющихъ характеръ законченнаго біографическаго очерка и помѣщенныхъ въ журналѣ «Русская Мысль» за 1911 г. (№ 6 и 7) и 1913 г. (№ 8 и 9); эти статьи въ настоящее время подготовляются къ изданію отдѣльной книгой, въ нѣсколько расширенномъ и дополненномъ видѣ.

Принося искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, оказавшимъ намъ честь своимъ содѣйствіемъ и любезнымъ и предупредительнымъ предоставленіемъ матеріаловъ, мы должны оговориться, что не могли получить въ свое распоряженіе такихъ цѣнныхъ матеріаловъ, какъ письма Г. И. Успенскаго къ Н. К. Михайловскому и къ С. Н. Кривенко. Оба они стояли весьма близко къ Г. И., и въ подробной біографіи его ихъ взаимныя отношенія должны бы быть освѣщены съ возможною полнотою. Но письма къ Михайловскому исчезли пока безслѣдно изъ его архива (повидимому, вмѣстѣ съ письмами Г. И. къ покойному М. И. Петрункевичу, который передалъ ихъ Н. К-чу, но не получилъ обратно, и съ письмами, можетъ быть, и къ другимъ лицамъ). Письма же къ С. Н. Кривенку находятся въ распоряженіи г. М. Слобожанина, уже давно подготовляющаго къ печати книгу о С. Н. Кривенкѣ, такъ что, вѣроятно, они вскорѣ выйдутъ изъ-подъ спуда.

Наконецъ, считаемъ нужнымъ отмѣтить слѣдующій эпизодъ при разысканіи нами писемъ Г. И. Успенскаго. Неизвѣстное намъ лицо (изъ Петербурга) предложило передать намъ серію писемъ Г. И., но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что оно *вымаретъ* въ этихъ письмахъ все, что найдетъ нужнымъ. Мы не нашли возможнымъ принять это предложеніе, не желая принимать на себя отвѣтственность за возможное поврежденіе писемъ: безпощадно исчерканныя и перемаранныя неизвѣстно кѣмъ (едва ли не Страховымъ?) письма Достоевскаго, хранящіяся напр. въ Историческомъ Музеѣ Александра III, производятъ удручающее впечатлѣніе... Позволяемъ себѣ надѣяться, что письма Г. Успенскаго, если въ нихъ есть вещи, не подлежащія пока что оглашенію, не подвергнутся подобной участи и будутъ сохранены для потомства въ цѣлости, хотя бы въ какомъ-либо надежномъ книгохранилищѣ.

Ч. Вѣтринскій.

I. Изъ писемъ людей шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Въ архивѣ Г. И. Успенскаго сохранилось весьма немного писемъ изъ времени семидесятыхъ годовъ. Объясняется это болѣе всего большою неустойчивостью жизни самого Г. И., постоянно мѣнявшаго и мѣста жительства и квартиры, такъ и тѣмъ, что были обстоятельства—въ видѣ обысковъ и разгромовъ среди его друзей и знакомыхъ,—менѣе всего благопріятствовавшія не только сохраненію, но и писанію обширныхъ писемъ. Ничего подобнаго перепискѣ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, когда письма

превращались въ диссертаціи и хронику общественно-литературной жизни, переписка болѣе близкихъ къ намъ литературныхъ дѣятелей не представляетъ, за ничтожными исключеніями.

Наиболѣе раннее изъ приводимыхъ далѣе писемъ относится къ первой поѣздкѣ Г. И. Успенскаго за границу, то есть къ лѣту 1871 года. Оно писано Николаемъ Александровичемъ *Демертомъ* и адресовано женѣ Успенскаго, остававшейся въ Россіи. Демертъ родился въ 1835 г., учился въ казанской гимназіи и окончилъ казанскій университетъ. Въ шестидесятые годы онъ былъ мировымъ посредникомъ, а потомъ и предсѣдателемъ чистопольской уѣздной земской управы. Общественную дѣятельность онъ промѣнялъ на перо публициста и велъ въ теченіе ряда лѣтъ, именно съ осени 1868 г. до половины 1875 г., т.-е. почти до самой смерти (ум. 20 марта 1876 г.), обозрѣніе общественной жизни въ журналѣ «Отечественныя Записки». Широкая публика не знала даже имени Демерта, но имъ очень дорожили руководители журнала. «По нашему мнѣнію,—пишетъ Г. Успенскій въ некрологѣ о немъ,—литературная работа, которой отдался Демертъ послѣ отъѣзда изъ Чистополя, была прямымъ слѣдствіемъ его практической дѣятельности: надо было взяться за перо, говорить съ большимъ числомъ слушателей, чтобы сдѣлать больше дѣла». Сблизились Г. И. и Демертъ, повидимому, съ конца шестидесятыхъ годовъ, и въ некрологѣ Успенскій чрезвычайно тепло говорилъ объ этой дѣятельности своего друга, связывая характеръ ея съ недугомъ покойнаго, алкоголизмомъ.

«Говорятъ, онъ страдалъ извѣстнымъ порокомъ,—говоритъ Успенскій,—я знавшій Демерта, не скажу этого. Напротивъ, онъ страдалъ другимъ порокомъ—слишкомъ большою впечатлительностью, слишкомъ былъ «страстенъ» и «золъ на работу»,—а работа въ качествѣ внутренняго обозрѣвателя—дѣло трудное, именно для впечатлительнаго человѣка. Пишущій эти строки, какъ лично знавшій Демерта, можетъ поручиться, что въ разстройствѣ его умственныхъ способностей едва ли не главную роль играло именно *свойство* его работы. Тотъ, кто зналъ Демерта близко, навѣрно подтвердитъ тотъ фактъ, что почти вся личная жизнь Демерта была поглощена его дѣломъ, именно этимъ *внутреннимъ обозрѣніемъ*, подтвердитъ, что именно это-то обозрѣніе могло дѣлать его и веселымъ, и грустнымъ, и злымъ... Онъ работалъ въ послѣднее время въ 3-хъ изданіяхъ,—въ «От. Зап.», въ «Искрѣ» и «Бирж. Вѣд.», и стало быть матеріала для обозрѣнія у него было много, а слѣдовательно и причинъ къ нервному разстройству также много, какъ и матеріала: не безпокойтесь—провинціальный черноземный человѣкъ рѣдко порадуетъ васъ

въ своихъ корреспонденціяхъ; онъ берется за перо только тогда, когда у него *накипѣло*, и вотъ это-то *накипѣлое* и было тѣмъ матеріаломъ, который цѣлые годы изо дня въ день «обозрѣвалъ», т.-е. передумывалъ и переживалъ Демертъ... Не думаемъ, чтобы такую работу могъ долго переносить какой угодно желѣзный организмъ, если только у этого организма не желѣзное сердце,— а впечатлительное, благородное, благородно-воспитанное»...

Эта впечатлительность и однородность переживаній, быть можетъ, и сближала Г. И. съ Демертомъ. Въ письмѣ послѣдняго, кромѣ возвращенія Г. И. на родину, рѣчь о получкѣ денегъ отъ издателя Звонарева, повидимому, за «Невскій Сборникъ» (1867 г.), гдѣ помѣщенъ разсказъ Успенскаго «Весною» и участвовали Курочкины, Демертъ и др. Въ сборникѣ имѣется очеркъ: «Черноземныя силы» (отрывокъ изъ неоконченнаго романа), за подписью: Н.-ертъ; отрывокъ изображаетъ первое земское собраніе въ уѣздномъ городѣ, въ краскахъ весьма темныхъ, и принадлежитъ явно Демерту. Упоминаемый въ письмѣ Долгановъ— другъ семьи Успенскихъ; Рѣшетникова—вдова писателя, о которой по смерти Ѳ. М. Рѣшетникова пришлось не разъ хлопотать Г. И-чу.

Петербургъ 8 іюня (1871).

Такъ какъ для васъ, Александра Ивановна, не безъинтересно все, касающееся до Глѣба Ив-ча, то сообщаю Вамъ нижеслѣдующее.

Въ Понедѣльникъ 5-го числа получены отъ него письма Некрасовымъ и Н. Курочкинымъ. И въ томъ, и въ другомъ онъ пишетъ о немедленной высылкѣ 100 р. денегъ, совершенно необходимыхъ ему для выѣзда изъ Парижа. Въ письмѣ къ Курочкину онъ, къ заявленію о необходимости 100 р., прибавляетъ: «если Некрасовъ не дастъ, то, будьте отцомъ, Николай Степановичъ,— достаньте гдѣ-нибудь и выручите».

Изъ всего видно, что моментъ выѣзда изъ-за границы наступилъ, что дольше жить едва ли возможно.

Некрасовъ всѣмъ намъ читалъ письмо и нѣсколько было заартачился. Началъ говорить, что Гл. Ив-чу очень трудно будетъ впослѣдствіи уплачивать забранное впередъ; что его, наконецъ, должна когда нибудь нужда научить и т. п. На это ему было замѣчено, что теперь уроки давать человѣку было бы слишкомъ жестоко; что нужно сначала дать средства выѣхать изъ чужой земли, а потомъ уже, если нужно, то и за уроки приняться, и проч.

Кончилось тѣмъ, что Некрасовъ при насъ же вложилъ въ пакетъ 100 руб. и отправилъ по адресу. Въ то время, когда Вы будете читать это письмо,—вѣроятно Глѣбъ Ив-чъ будетъ въ Парижѣ заниматься размѣномъ русскихъ ассигнацій на какія нибудь другія, и приготовляться къ немедленному отплытію съ береговъ прекрасной Франціи, такъ какъ ждать ему тамъ, какъ видно, больше нечего.

Отъ Звонарева мы всѣ еще получили (въ послѣдній уже разъ) по 27 рублей. Я думалъ было деньги эти (которыя хранятся у меня) переслать къ Вамъ, но Долгановъ отговорилъ. Разсудилъ я такъ: если Гл. Ив. выѣдетъ въ отечество чрезъ Петерб. (что вѣроятнѣе), то, безъ сомнѣнія, у него изъ высланныхъ 100 руб. останутся уже не бумажки, а какая нибудь россійская звонкая монета, а, между тѣмъ, ему, вѣроятно, захочется ѣхать къ Вамъ. Мнѣ кажется, что, при такихъ условіяхъ, неожиданные 27 рублей окажутся очень и очень не лишними.

Рѣшетникова на второй же день послѣ вашего отъѣзда начала уже засылать ко мнѣословъ за полученіемъ 25 рублей. Чтобъ отвязаться отъ посольства, я немедленно отвезъ ей деньги; такимъ образомъ и дипломатическія наши сношенія были покончены.

Теперь, разумѣется, еще рано, но въ іюлѣ мѣсяцѣ, казалось бы, не мѣшало вамъ похлопотать о квартирѣ на зиму: позже будетъ трудно. Я, какъ то, при расплатѣ, толковалъ съ нашимъ управляющимъ и просилъ его извѣстить, если освободится подходящая квартира гдѣ нибудь во второмъ этажѣ. Впрочемъ, объ этомъ еще будетъ время обдумать. Въ случаѣ надобности—можете разсчитывать на мою кухарку. Готовитъ чисто, къ экономіи пріучена, не пьетъ, не особенно глупа, и очень скромна,—что отчасти обусловливается ея, не особенно удавшейся, физіономіей.

При желаніи Вамъ всего лучшаго

Готовый къ услугамъ

Н. Демертъ.

P. S. Въ мой постоялый дворъ кое кто изъ дачниковъ наѣзжаетъ: и изъ Гатчины, а, случается, и съ Черной рѣчки.

Помѣщаемыя ниже пять записокъ къ Успенскому *Некрасова*, какъ и огромное большинство его писемъ, кратки и сухи. Въ первой запискѣ рѣчь объ упомянутой уже вдовѣ Рѣшетникова, которую надо было по смерти мужа устроить съ ея дѣтьми. Три слѣдующихъ письма связаны съ проектомъ изданія сочиненій Успенскаго. Некрасовъ думалъ напечатать ихъ на тѣхъ же условіяхъ,

какъ онъ обыкновенно дѣлалъ при изданіи нѣкоторыхъ авторовъ, о чемъ рѣчь въ IV-й запискѣ, напечатанной уже Н. К. Михайловскимъ въ воспоминаніяхъ объ Успенскомъ, но воспроизводимой здѣсь ради связности. Въ послѣднемъ письмѣ упоминается разсказъ Успенскаго «Очень маленькій человѣкъ». До сихъ поръ извѣстна только первая часть этого разсказа, перепечатанная въ собраніи сочиненій изъ № 2 «Отеч. Зап.» 1874 года. Вторая часть, напечатанная въ № 5, остановила на себѣ вниманіе комитета министровъ (вмѣстѣ со статьями «Рекрутскій наборъ» Кроткова и «Литературныя и житейскія замѣтки» Михайловскаго), какъ «проповѣдь соціализма вообще и, въ частности, пропаганда вражды между имущими и неимущими классами», и была вырѣзана изъ журнала.

Проектъ изданія сочиненій Успенскаго Некрасовымъ не состоялся,—очевидно потому, что Успенскому нужны были деньги впередъ. Вышедшій въ 1875 г. сборникъ «Глушь» и представляетъ, вѣроятно, тотъ сборникъ, о которомъ велись переговоры съ Некрасовымъ.

При всей краткости записокъ Некрасова, онѣ содержатъ нѣсколько характерныхъ для него черточекъ: здѣсь обрисовывается и его внѣшняя суховатость и привычка скрывать свои лучшія душевныя движенія, осторожная расчетливость, но и доброта и омрачавшая его послѣдніе годы болѣзненная хандра: «иной день проснешься. и на свѣтъ бы не глядѣлъ».

Некрасовъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго письма Демерта, не одобрялъ крайней непрактичности Успенскаго, и, какъ видно изъ одного письма Г. И. къ женѣ, послѣдній еще въ концѣ 60-хъ годовъ смотрѣлъ на Некрасова, какъ на такого же издателя-кулака, что и на нажившаго себѣ капиталецъ Благосвѣтлова. Но Некрасовъ далъ мѣсто въ «Отеч. Запискахъ» крупнымъ вещамъ Успенскаго, въ томъ числѣ такой капитальной вещи, какъ «Тише воды, ниже травы». Въ началѣ 70-хъ годовъ отношенія ихъ были, какъ видно и изъ этихъ записокъ, болѣе дружественныя. Извѣстно, что въ одной бесѣдѣ Некрасовъ говорилъ съ Успенскимъ объ окончаніи «Кому на Руси жить хорошо?»—тогда какъ вообще говоря не любилъ распространяться о своихъ писаніяхъ. Въ воспоминаніяхъ г-жи В. Починковской живо передано, какъ однажды былъ увлеченъ и очарованъ Успенскій поэтомъ, вдругъ заговорившимъ съ молодымъ писателемъ о себѣ... Что касается поэзіи Некрасова, то она очень много говорила сердцу Г. И., какъ и всему молодому поколѣнію шестидесятыхъ годовъ. О томъ, какъ волновала она Успенскаго говорится и въ воспоминаніяхъ о немъ Михайловскаго (чтеніе поэмы «Рыцарь на часъ») и Короленка. А. И. Иванчинъ-Писаревъ сообщалъ намъ, что во время

пушкинскихъ празднествъ 1880 г. Г. И. отправился съ нимъ къ цыганамъ, чтобы снова послушать въ ихъ исполненіи въ молодости слышанные романсы на слова Некрасова. Безъ сомнѣнія, творчество Некрасова было однимъ изъ моментовъ, опредѣлявшихъ тяготѣніе Г. Успенскаго и къ покаяннымъ мотивамъ, и къ изображенію народной жизни.

1.

Уважаемый Глѣбъ Ивановичъ. Я желалъ бы поговорить съ Вами о г-жѣ Рѣшетниковой. Не зайдете ли завтра или въ другой день утромъ.

Преданный Вамъ
Н. Некрасовъ.

9 апрѣля (1871?).

Понедѣльникъ.

2.

Глѣбъ Ивановичъ, я не успѣлъ пока зайти къ Вамъ, а между тѣмъ мнѣ нужно что нибудь отъ Васъ для заявленія сегодня вечеромъ въ Фондѣ о Вашемъ желаніи.—Напишите:

Ник. Алекс. Имѣя необходимость въ 400 руб. прошу васъ исходатайствовать для меня эту сумму изъ общества для пособія нужд. лит. и ученымъ заимообразно подъ Вашимъ поручительствомъ, въ которомъ, надѣюсь, Вы мнѣ не откажете, такъ какъ Вамъ извѣстно, что къ ноябрю готовится изданіе моихъ сочиненій, которое дастъ мнѣ возможность уплатить этотъ долгъ.

Такого содержанія записку пришлите мнѣ непремѣнно сегодня, до $7^1/_2$ часовъ вечера. Иначе придется ждать двѣ недѣли.

Вашъ *Н. Некрасовъ.*

На оборотѣ листка адресъ: Глѣбу Ивановичу Успенскому. Троицкій переулокъ, д. № 8, кв. № 11.

3.

Глѣбъ Ивановичъ. Я не могу дать вамъ денегъ, ибо у меня ихъ нѣтъ. Я хотѣлъ поискать Вамъ издателя повыгоднѣе тѣхъ, съ которыми Вы имѣли дѣло, но Вы слишкомъ торопитесь.—въ чемъ впрочемъ не думаю васъ винить,—эти дѣла не устраиваются въ день въ два, да и неспособенъ я къ спѣшнымъ дѣламъ: иной день проснешься и на свѣтъ бы не глядѣлъ, а тутъ ступай искать издателя. Впрочемъ если можете ждать—подождите; нѣтъ—такъ возьмите дѣло отъ меня.

Вашъ искр. пред. *Некрасовъ.*

4.

Глѣбъ Ивановичъ. По документамъ вашимъ я убѣдился что ваши сочиненія могутъ быть выручены отъ Базунова[1]); тоже думаетъ Унковскій[2]). Мы уговорились съ нимъ пересмотрѣть еще вмѣстѣ эти документы(,) позвать Базунова(,) убѣдить его и взять отъ него записку.

Но вотъ въ чемъ дѣло: вы не такъ поняли ту роль, которую я могъ взять на себя въ качествѣ издателя. Я не желаю *покупать* у васъ ваши сочиненія. Я думалъ издать ихъ на свой счетъ, выручить свои деньги и затѣмъ остальной доходъ предоставить автору. Если Вамъ это неудобно, и Вы можете найти для себя условія болѣе подходящія, то не стѣсняйтесь. Деньгами наличными я въ сіе время бѣденъ.

Весь Вашъ *Некрасовъ*.

5.

Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ,

Само собою разумѣется, что Вы можете распорядиться Вашими сочиненіями, не стѣсняясь тѣмъ планомъ изданія, который предполагался при моемъ посредствѣ. За катастрофой съ № 5 От. Зап. я по этому дѣлу ничего не начиналъ.—Только не печатайте *Очень маленькаго человѣка*—вторую половину: она была напечатана въ 5-мъ погибшемъ нумерѣ От. З. и послужила однимъ изъ поводовъ къ его сожженію: васъ обвиняютъ въ тенденціозности соціальнаго свойства. Это обвиненіе войдетъ въ докладъ Комитету министровъ о 5 № «От. З.» и если этотъ отрывокъ будетъ въ новомъ изданіи, то изъ-за него могутъ остановить все изданіе. Вообще удалите изъ него то, что особенно рѣзко.

14 іюля 1874, деревня Лука.

Весь Вашъ *Некрасовъ*.

Въ «Голосѣ Минувшаго» № 5 1914 года было уже напечатано извлеченіе изъ писемъ къ Г. И. М. Е. Салтыкова, редактора «Отеч. Зап.», заступившаго мѣсто Некрасова, когда послѣдній сталъ болѣть и въ 1877 г. умеръ. Въ наименѣе близкихъ отношеніяхъ Успенскій былъ, видимо, съ третьимъ соредакторомъ журнала *Г. З. Елисеевымъ*, вѣдавшимъ и въ «От. Зап.», какъ и ранѣе въ «Современникѣ», отдѣлъ внутренней жизни Россіи. Какъ

[1]) Издатель Базуновъ, печатавшій сборники разсказовъ Успенскаго и платившій, говорятъ, по 8 руб. за печ. листъ. Позднѣе, Г. Успенскій выкупилъ у него права на свои книги съ большою приплатою.

[2]) А. М. Унковскій, извѣстный дѣятель крест. и судебной реформы.

указано въ воспоминаніяхъ Н. К. Михайловскаго, журналъ былъ обязанъ, сосредоточеніемъ вниманія на его страницахъ къ интересамъ крестьянской жизни, въ особенности именно Елисееву, который былъ «самъ-народъ» въ пониманіи насущныхъ интересовъ Россіи. По основнымъ свойствамъ ума и характера, по замѣчанію Михайловскаго, трудно было найти людей менѣе сходныхъ, чѣмъ спокойный Елисеевъ и вѣчно мятущійся Успенскій. И видались они, видимо, рѣдко и никогда не сходились близко. Это не мѣшало Елисееву высоко цѣнить Успенскаго; извѣстна надпись, сдѣланная Елисеевымъ на экземплярѣ сочиненій Г. И. (воспоминаніе Михайловскаго объ Е.):

«Не падай духомъ въ постигшемъ тебя несчастіи, будь покойна и не переставай трудиться надъ своимъ самообразованіемъ для будущей дѣятельности, но такой дѣятельности, которая бы основывалась не на мечтахъ и иллюзіяхъ, а которая была бы приспособлена и пригодна для русской дѣйствительности. Для этого совѣтую тебѣ какъ можно чаще читать и даже изучать сочиненія Г. И. Успенскаго, единственнаго у насъ писателя, мысль котораго въ отношеніи Россіи отличается всегда искренностью, свѣжестью, правдивостью, богатствомъ содержанія и глубиною. Да, даже и глубиною, при всей видимой легкости его писаній... Но глубина можетъ даваться только тому, кто будетъ читать его не бѣгло, а пристально вдумываться въ читаемое, усердно ворочая при этомъ своими собственными мозгами».

О томъ же уваженіи къ дѣятельности Успенскаго говоритъ и слѣдующее письмо Елисеева, написанное въ отвѣтъ на подареное Успенскимъ въ 1889 г. собраніе сочиненій. Въ этомъ письмѣ, однако, чувствуется также нотка нѣсколько покровительственнаго менторства, съ которымъ смотрѣли на Г. И. старшіе руководители «От. Зап.», что чувствуется отчасти и въ разсказѣ Демерта о Некрасовѣ, и въ письмахъ Салтыкова, журившаго Г. И. и за уклонъ къ Аксакову и Достоевскому, и за расточительность.

Глубокоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ.

Большое Вамъ спасибо за вашу память обо мнѣ, за присланную Вами въ подарокъ мнѣ книгу вашихъ разсказовъ, наконецъ, за доброе слово, которымъ Вы почтили меня въ надписи на присланной книгѣ и въ письмѣ ко мнѣ.

Ваше доброе слово для меня очень дорого. Отвѣчу Вамъ на него и моимъ добрымъ словомъ.

Душевный, хорошій Вы человѣкъ, Глѣбъ Ивановичъ, и ду-

шевное хорошее дѣлаете дѣло. Не даромъ Васъ любитъ и зачитывается вашими разсказами весь мало-мальски понимающій людъ въ Россіи. Дай Вамъ Богъ и впередъ также умѣючи, но также бодро и неуклонно итти по тому славному, хотя и тернистому пути, по которому Вы шли до сихъ поръ, освѣщая, насколько возможно, путь правды и добра передъ нашимъ обществомъ, всегда почти, а въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-нибудь со всѣхъ сторонъ осаждаемымъ и смущаемымъ множествомъ разнородныхъ темныхъ силъ.

Однако довольно. Какъ видите, я впадаю въ высокій слогъ, совсѣмъ мнѣ несвойственный. Кончу тѣмъ, чѣмъ начать надлежало—моимъ самымъ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы Вы хранили свой талантъ въ постоянной чистотѣ и трезвости, держа его въ строгомъ подчиненіи передъ вашимъ внутреннимъ богомъ и не дозволяли никогда, даже случайно, въ вашемъ публичномъ словѣ прорваться какому-нибудь свинству мысли, находящейся въ угнетеніи подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ минуты или опьяненной ея ласковыми вѣяніями.

Извините, что я поздно отвѣчаю на ваше письмо. Давно дошли до насъ слухи о постигшемъ Васъ великомъ горѣ—болѣзни добрѣйшей Александры Васильевны. Давно я и жена собираемся навѣстить больную. Съ полученіемъ вашего письма мы рѣшились было сдѣлать это немедленно. Но за дальностію разстоянія, за погодою, не всегда благопріятною для того, чтобы предпринять при моихъ немощахъ такой дальній путь, и за разными дѣлами и недосугами, сборы все остаются сборами до сегодня. А время все идетъ, да идетъ, такъ что благодарить Васъ за ваше вниманіе ко мнѣ будетъ поздно. Поэтому я и рѣшилъ, пока увижусь съ Вами лично, заявить Вамъ мою искреннюю благодарность этимъ письмомъ. Душевно уважающій и преданный *Григорій Елисеевъ.*

21 Февраля 1889 года.

Отношенія Успенскаго къ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» при жизни Некрасова сложились такъ, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ Успенскій получалъ по 50 р. въ мѣсяцъ и гонораръ, который позднѣе былъ сравненъ съ гонораромъ Салтыкова. Непосредственнаго участія въ редакціонныхъ дѣлахъ Успенскій никакого не принималъ, хотя чрезъ него не разъ шли для журнала статьи и матеріалы отъ лицъ, иногда лично ему даже неизвѣстныхъ, но которымъ казалось, что именно Успенскій, извѣстный только по своимъ частымъ работамъ въ журналѣ,

лучше всего отнесется къ ихъ трудамъ и опытамъ. Извѣстно, что полною практическою неприспособленностью Г. И. онъ самъ постоянно опрокидывалъ имъ же установленные расчеты и условія оплаты его труда, и появляющіяся въ его письмахъ раздраженныя жалобы иногда плодъ имъ же созданныхъ недоразумѣній.

Наиболѣе близокъ къ редакціи «Отеч. Записокъ» Успенскій дѣлается только съ конца семидесятыхъ годовъ, когда наблюденія крестьянской жизни стали болѣе постояннымъ предметомъ его писаній. Все же, «Отечественныя Записки» не могли или не догадывались обезпечить его безусловно, чтобъ Успенскому не приходилось въ то же время метаться въ другія изданія («Рус. Мысль» съ 1881 г.). Слѣдующее письмо Успенскаго, адресованное покойному Михаилу Ильичу *Петрункевичу*, очень въ этомъ отношеніи характерно. Ихъ связывали знакомство по Чернигову и давнія дружескія отношенія, въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ они были одно время даже сожителями по комнатѣ...

Мыза Лядно 14 іюля 1880 г.

Дорогой Михаилъ Ильичъ!

Съ самыхъ первыхъ строкъ этого письма, не утаивая его содержанія, скажу, въ чемъ оно заключается: я хочу просить Васъ, если только Вы можете, занять мнѣ мѣсяца на три рублей 150.

Пожалуйста простите меня за эту просьбу и за безцеремонность, съ которою я ее высказываю. Вы также можете отвѣтить мнѣ безъ дальнихъ разговоровъ отказомъ.

Просьба же моя основана на слѣдующемъ.

Салтыковъ объявилъ мнѣ, что они, вмѣстѣ съ Елисеевымъ, въ видахъ мало-мальски правильнаго моего обезпеченія въ матеріальномъ отношеніи, отводятъ мнѣ надѣлъ во 2-мъ отдѣлѣ. Каждый мѣсяцъ я имѣю право помѣщать въ этомъ отдѣлѣ о чемъ мнѣ будетъ угодно. У Елисеева есть внутреннее обозрѣніе, у Михайловскаго «литературныя замѣтки», и я придумаю для своихъ замѣтокъ что-нибудь новое. Въ этихъ замѣткахъ и о фактахъ, и о книгахъ, и о газетахъ могу говорить, что весьма удобно, а главное не трудно и выгодно,—что мнѣ давно, давно нужно. Жалованья они мнѣ не даютъ, но оставляютъ ту же плату, что и за беллетристику—200 р. за листъ. Это даетъ мнѣ въ годъ весьма приличную сумму.

Но мнѣ положительно *необходимо* немного поглядѣть на общество. Я слишкомъ засидѣлся въ деревнѣ. Я разсчитывалъ на статьи о Пушкинѣ, такъ какъ Елисеевъ, бывши со мной въ Москвѣ, сказалъ, что я могу писать хоть двѣ, хоть три,—что было бы весьма хорошо. Но Салтыковъ сказалъ, что это лишнее, что торже-

ство было не Пушкинское, а Тургенева и Достоевскаго, которыхъ онъ ненавидитъ.

Для семьи на мѣсяцъ или мѣсяцъ съ небольшимъ деньги есть. Въ сентябрѣ будетъ разсказъ, уже сданный въ редакцію еще въ маѣ, но отложенный Салтыковымъ, несмотря на мою просьбу печатать лѣтомъ. Въ случаѣ нужды можно для семьи взять денегъ въ счетъ этого разсказа.

Но мнѣ *необходимо* лично, на мое дѣло затратить извѣстную сумму, которой у меня нѣтъ. Вотъ ее-то я у Васъ и прошу. Я даже готовъ такъ поступить: я намѣренъ съѣздить въ Мальцевскіе заводы (эксплуатація не еврейская, а россійская и отеческая), въ Царицынъ и Ростовъ (работники, продаваемые сельскими обществами за недоимки)—вотъ мой планъ. Если, повторяю, хотите, то я буду отовсюду, ничуть не вредя себѣ, писать корреспонденціи, положимъ хоть, Гольцову[1]), пусть онъ печатаетъ и деньги передаетъ Вамъ. При такомъ условіи я покрою долгъ въ 150 р. въ три, много въ четыре пріема. Но мнѣ бы этого не хотѣлось. Я сдѣлаю свои замѣтки съ перваго же раза интересными и вотъ почему я бы хотѣлъ, чтобы 150 рублей вы повѣрили мнѣ отъ сего числа срокомъ на 3 мѣсяца. Въ сентябрѣ, когда возвратится Салтыковъ изъ-за границы, когда у меня будетъ и разсказъ напечатанъ и когда я доставлю 1-ую статью (*зачеркнуто:* для второго отдѣла) моихъ замѣтокъ—я безъ малѣйшаго труда уплачу Вамъ 150 р. Да не долженъ ли я еще Вамъ? Признаюсь, не помню. Но то, что я говорю теперь, будетъ соблюдено свято и ненарушимо. А благодаренъ я Вамъ буду—безконечно.

Отвѣтьте мнѣ пожалуйста. Іюль уже въ половинѣ. Время мало. Пожалуйста отвѣтьте—что можете. Адресуйте письмо такъ:

Въ Петербургъ. На углу Бронницкой ул. и Загороднаго, въ аптеку Трофимова Рафаилу Васильевичу Чернышову съ передачею мнѣ.

Письма, адресуемыя на мою квартиру, обыкновенно лежатъ по цѣлымъ недѣлямъ не отправленными.

Въ Тверь бы я непремѣнно пріѣхалъ, такъ какъ мнѣ ужасно интересна она.

Вообще мнѣ надо поглядѣть бѣлый свѣтъ, теперешній, а работать я хочу и буду много.

Дорогой Михаилъ Ильичъ! Отвѣчайте пожалуйста.

Глѣбъ Успенскій.

Позднѣе, какъ видно изъ нѣсколькихъ малозначительныхъ писемъ Г. И. къ М. Петрункевичу, послѣдній также былъ не разъ прибѣгающемъ Успенскаго въ такихъ же дѣлахъ.

---

[1]) В. А. Гольцеву, редактировавшему «Русскій Курьеръ».

Къ характеристикѣ отношеній между редакціей «От. Зап.» и Успенскимъ можетъ служить и слѣдующее письмо А. М. Скабичевскаго, несшаго въ ней одно время обязанности секретаря.

Многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ,

Статья Ваша уже набрана, но въ іюльской книжкѣ она пойти не можетъ, потому что первая половина этой книжки вся уже готова, сверстана, напечатана, и втиснуть туда что-либо такъ же немыслимо, какъ въ майскую или апрѣльскую. Вѣдь не въ приложеніи же печатать Вашу повѣсть въ родѣ иностраннаго романа, и къ тому же я вовсе не уполномоченъ ни располагать количествомъ печатныхъ листовъ книжекъ, ни назначеніемъ статей въ ту или другую книжку. Со всѣми такими дѣлами слѣдуетъ Вамъ обращаться не ко мнѣ, чернорабочему, а къ господамъ—Салтыкову, Елисееву или Михайловскому, а мнѣ что они благоизволятъ приказать, то я и дѣлаю безъ всякихъ разсужденій, и на составъ книжекъ(,) равно и на расположеніе статей имѣю ровно столь же власти, какъ и тотъ посыльный, который въ редакціонные дни дремлетъ у дверей редакціи, такъ что если впредь вамъ понадобится что-либо относительно Вашихъ статей, то Вамъ слѣдуетъ обращаться къ Салтыкову, а за неимѣніемъ его къ Михайловскому.

Глубоко Вамъ преданный
А. Скабичевскій.

1881 г. іюня (или іюля?) 8.

Позднѣе, по насильственномъ закрытіи «Отечественныхъ Записокъ», Успенскій почувствовалъ себя обиженнымъ, когда при ликвидаціи дѣла хозяева журнала обошли его, выдавъ крупныя суммы публицистамъ, сотрудничавшимъ въ журналѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Г. И. Успенскій—имя, и онъ безъ труда найдетъ себѣ заработокъ (письмо Гл. И. къ Е. С. Некрасовой).

Литературные противники «Отечественныхъ Записокъ» печатно указывали на положеніе Гл. Успенскаго въ нихъ, какъ на бьющую въ глаза несправедливость. Въ архивѣ Успенскаго сохранился написанный рукою А. И. Эртеля любопытный проектъ письма, отъ имени Г. И., въ редакцію «Новаго Времени» въ отвѣтъ на выпадъ г. Буренина.

Милостивый Государь.

Въ статьѣ г. Буренина, помѣщенной 24 февраля въ «Новомъ Времени», между прочимъ, есть слѣдующія строки: «...Г. Успенскій... не числится въ категоріи столповъ изданія («Отечественныя

Записки») и рядомъ съ г. Салтыковымъ стоитъ не онъ, а гг. Елисеевъ и Михайловскій. Названные два публициста раздѣляютъ всѣ выгоды основныхъ подпоръ журнала... Я указываю на это обстоятельство, какъ на характерную черту нравовъ нашихъ ежемѣсячныхъ органовъ, гдѣ нерѣдко капраломъ бываетъ не тотъ, кто имѣетъ дѣйствительное право на капральство, а тотъ, «кто раньше всталъ». Впрочемъ, г. Михайловскій, напримѣръ, даже и не раньше г. Успенскаго всталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»... а г. Успенскій, какъ скромный талантъ, несмотря на всѣ свои заслуги журналу, капральствомъ не пользуется и до сихъ поръ принужденъ писать въ неблагопріятныхъ для беллетриста условіяхъ, до сихъ поръ принужденъ насиловать свое дарованіе спѣшной работой».

Это невѣрно. Если мнѣ удалось благополучно перенести невзгоды «писательскаго» существованія, бывшія столь обычными во времена старыхъ журнальныхъ отношеній (съ чѣмъ соглашается и г. Буренинъ въ другой своей статьѣ), то я обязанъ этимъ исключительно «Отечественнымъ Запискамъ». Возвысивъ мой гонораръ до степени получаемаго г. Салтыковымъ, обезпечивая мнѣ авансы, заботливо поспѣшая удовлетворять мои матеріальныя нужды, когда это бываетъ необходимо,—«Отечественныя Записки» сдѣлали, что могли; и во всякомъ случаѣ уже не ихъ вина, если я бываю и теперь «принужденъ насиловать свое дарованіе спѣшной работой». Условія такого «принужденія» ни въ какомъ случаѣ не зависятъ и не могутъ зависѣть ни отъ какого «изданія», будь оно «ежемѣсячнымъ» или ежедневнымъ.

Неосновательно заключеніе г. Буренина и относительно «капральства», которымъ, по его мнѣнію, долженъ бы пользоваться я. Это «капральство» связано съ такими особенностями труда, при которыхъ я, безъ всякаго сомнѣнія, еще болѣе былъ бы принужденъ «насиловать свое дарованіе спѣшной работой». Кромѣ того, оно предполагаетъ извѣстныя способности,—навыкъ къ редакціонной работѣ, умѣніе разбираться въ текущихъ журнальныхъ матеріалахъ, готовность жертвовать для этого временемъ, дорогимъ *лично для себя*.

Эти способности и опредѣлили «категорію столповъ изданія». И то обстоятельство, что я «не числюсь въ категоріи», ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать «неблагопріятнымъ» для меня, какъ для «беллетриста».

24 февраля 1884.
Спб.

Это изъявленіе признательности, повидимому, не появилось въ газетахъ. Если оно даже, по настоянію напр. Эртеля, и было

напечатано, все-таки остается въ силѣ прискорбный фактъ, что крупнѣйшая послѣ Салтыкова литературная сила лучшаго и богатѣйшаго въ то время журнала не была принята заправилами журнала въ «товарищи», если не по веденію дѣла, въ чемъ, можетъ быть, не было и надобности, то хотя бы въ распредѣленіи барышей, что, можетъ быть, вѣрнѣе достигало бы цѣли, нежели «надѣлъ», остававшійся, всетаки, «штучной» потогонной работой.

По связи съ именемъ Рѣшетникова печатаемъ здѣсь же письмо *Н. С. Лѣскова*, который въ близкихъ отношеніяхъ ни съ Г. Успенскимъ, ни съ редакціей «Отеч. Зап.» собственно, никогда не былъ.

(Штемпель).
Николай Семеновичъ
Лѣсковъ
Сергіевская 56, кв. 14

8 Марта 85.
С. п. б.

Уважаемый Глѣбъ Ивановичъ.

Сегодня посѣтила меня коротенькая дама, называющая себя вдовою покойнаго Рѣшетникова, и принесла рукопись піесы «Засѣдатель», съ просьбою пристроить эту вещь,—Вамъ будто извѣстную. Я пробѣжалъ рукопись и возвратилъ ее, такъ какъ сюжетъ ея устарѣлъ и притомъ крайне плохо обработанъ. Въ нынѣшнемъ видѣ онъ никуда не годится, а передѣлать изъ него нечего.—Вдова говоритъ, что она очень нуждается, и нуждается въ помощи *немедленной*. Мною ей для этого могло быть сдѣлано, конечно, очень немного; но она говоритъ будто у нея есть еще рукописи *Вамъ извѣстныя*. Не откажите пожалуйста черкнуть мнѣ: какія тамъ есть рукописи и можно ли надѣяться изъ нихъ что-нибудь выбрать, хоть съ передѣлкою? Это—единственное средство, которымъ я могъ бы быть полезнымъ, но вдова, ничего не понимая въ литературѣ, конечно, будетъ таскать—что ей попадетъ подъ руку и только будетъ тѣмъ обременять напрасно и себя, и другихъ.

Если есть что-либо *просто интересное*, то пожалуйста назовите и я, если нужно, выправлю это и устрою въ «Новь», и похлопочу, чтобы заплатили получше.

Вашъ покорный слуга

Н. Лѣсковъ.

Къ восьмидесятымъ годамъ также относятся сохранившіяся въ архивѣ Г. Успенскаго нѣсколько записокъ *Н. В. Шелгунова*. «Очерки русской жизни», печатавшіеся въ «Русской Мысли» и доставившіе этому радикалу-шестидесятнику на склонѣ его

жизни большую популярность, начаты были въ журналѣ сначала Г. Успенскимъ. Записочки Шелгунова, особенно первая, отличаются необыкновенно теплымъ, ему свойственнымъ въ дружеской перепискѣ, тономъ, и, между прочимъ, говорятъ о вѣчныхъ хлопотахъ Г. И. за разныхъ нуждающихся. Упоминаемый здѣсь Сибиряковъ—одинъ изъ извѣстныхъ братьевъ-благотворителей, Константинъ или Иннокентій Мих. Сибиряковы. Близъ имѣнія К. М. Сибирякова въ с. Сколковѣ, Самарской губерніи, жилъ Г. И. въ концѣ семидесятыхъ годовъ, а Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ купилъ сочиненія Успенскаго, которыя печатались Павленковымъ, по соглашенію съ Сибиряковымъ.

Послѣ записочекъ Н. В. Шелгунова заодно печатаемъ письмо къ Успенскому его сына Николая, отбывавшаго воинскую повинность и донельзя растроганнаго ласковымъ письмомъ Г. И. Это—одно изъ многихъ восторженныхъ писемъ, какія Г. И. не разъ получалъ отъ молодежи.

1.

25 Сентября 86.
Воробьево.

Многоуважаемый и дорогой Глѣбъ Ивановичъ.

Совсѣмъ я поступилъ не по-человѣчески. Вы были ко мнѣ до того ласковы, внимательны и добры и такъ все это выходило у Васъ свѣтло и тепло, что я и до сихъ поръ чувствую Васъ, точно Вы во мнѣ сидите. Вѣдь за это же не благодарятъ? Что же тутъ дѣлать? Ну вотъ и все. Теперь стало легче.

Искренно преданный, уважающій и любящій Васъ.

Н. Шелгуновъ.

2.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ. Исполнили все аккуратно и прилагаю письмо отъ буфетчику (sic!). Должна быть и расписка.

Крѣпко жму Вашу руку.

Н. Шелгуновъ.

Москва 27 Декабря.

3.

Смоленскъ,
до востребованія. 16 января 89.
Воробьево.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ. Подательница сего есть та самая гимназистка Сивцова, за которую Сибиряковъ обѣщалъ платить въ гимназію.

Плата опять остановилась.

Не найдете ли возможнымъ выслушать Сивцову. Для окончанія гимназіи нужно всего только 75 р. Нельзя ли получить эти деньги сразу, теперь, чтобы не безпокоить больше просьбами Сибирякова?

Порученіе Ваше въ Чудовѣ исполнилъ и изъ Москвы извѣстилъ Васъ объ этомъ.

Коля преисполненъ къ Вамъ самыми нѣжными, любящими, почтительными и благодарными чувствами за Ваши ему добрыя пожеланія. Пишетъ мнѣ о Васъ съ восторгомъ. Хотѣлъ онъ Вамъ излить свои чувства. Да, ужъ такое положеніе, такъ все сурово и перпендикулярно около, что любовь и ласка прошибаютъ до слезъ.

Крѣпко жму Вашу руку. Дай богъ Вамъ счастья.

Н. В. Шелгуновъ.

(Шелгуновъ пишетъ «Богъ» черезъ маленькое «б»).

4.

Дорогой Глѣбъ Ивановичъ. 25 руб. получилъ. Очень Вамъ благодаренъ. Но вѣдь это, опять, подачка! Что же дальше? Господи, Господи, Значитъ Сибиряковъ вычеркиваетъ эту бѣдную дѣвочку. А вѣдь нужно ей обезпечить окончаніе гимназіи. Ничего не понимаю.

Вашъ *Н. Шелгуновъ.*

23 ноября.

5.

Сейчасъ съ Ж. Д., дорогой Глѣбъ Ивановичъ. Лавровъ[1]) получилъ Ваше письмо и въ полномъ отчаяніи. Онъ рвется и мечется на контору. Хотѣлъ бы удовлетворить Ваше желаніе здѣсь, но у него едва достаетъ на дорогу. Наскребъ онъ, однако, 50 руб., думая, что можетъ до завтра Вы согласитесь ихъ принять; а завтра онъ прикажетъ (и настоитъ) въ конторѣ, чтобы деньги были переведены по телеграфу. Хотѣлось бы думать, что моя записка Васъ нѣсколько успокоитъ.

Вашъ *Н. Шелгуновъ.*

27 ноября.

---

15 декабря 1888 года. Четвергъ. Александрополь.

Тысячи разъ многоуважаемый Глѣбъ Ивановичъ!

Получилъ только что ваши строки и, будь я одинъ, я бы заплакалъ. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо дорого каждое ласковое слово дружбы (позвольте мнѣ такъ сказать).

---

[1]) Редакторъ-издатель «Р. Мысли», В. М. Лавровъ.

Счастливый Вы человѣкъ, Глѣбъ Ивановичъ: отъ каждой вашей строки вѣетъ теплотой искренняго чувства! Здѣсь я чаще, чѣмъ Вы думаете, вспоминаю Васъ. Не для Васъ (пусть лучше сломится перо на этомъ мѣстѣ), а для всего, что мыслитъ и читаетъ, для Россіи желаю я иногда, чтобы Вы были на моемъ мѣстѣ. Вы открыли бы новый міръ. Смотришь иногда на жизнь солдатъ и невольно вспоминаешь Васъ, невольно подумаешь: «ахъ, Глѣба Ивановича бы сюда! Сколько людей благословили бы случай, забросившій его въ такое мѣсто! Сколько бы онъ здѣсь нашелъ новаго, неизвѣстнаго!»

Ваше пожеланіе «быть веселѣе» болѣе чѣмъ кстати. Дѣйствительно, я нѣсколько пораскисъ, но вотъ вѣдь ужъ скоро два года, какъ я кончилъ нормальную жизнь.

Не знаю почему, но Вамъ, именно Вамъ, мнѣ очень хочется объяснить, почему я тягочусь своимъ положеніемъ болѣе, чѣмъ казалось бы должно, и почему чувствую полнѣйшій упадокъ силъ и отсутствіе бодрости. Если бы мнѣ для улучшенія своего положенія и выхода изъ него понадобилось бы разобрать вашъ Палероялъ[1]) по кирпичикамъ, то и тогда, думается мнѣ, я работалъ бы съ энергіей. Я не помню самаго отчаяннаго предпріятія, на которое я не рѣшался бы, но здѣсь требуется только пассивная энергія (если можно такъ выразиться), т.-е. терпѣть и терпѣть. Какъ разъ на это-то я способенъ менѣе всего. Отсюда самое омерзительное состояніе духа.

Передайте, пожалуйста, всѣмъ писавшимъ мнѣ мою глубокую благодарность за вниманіе.

Прощайте или, лучше сказать, до свиданія. Если буду живъ, то съ Вами-то непремѣнно увижусь.

Крѣпко, крѣпко жму ваши руки. Глубоко, глубоко, глубоко уважающій и любящій Васъ

Н. Шелгуновъ. (Сынъ).

---

[1]) Меблированный домъ въ Спб. на Пушкинской улицѣ, гдѣ часто по долгу останавливался Г. И. Успенскій.

Выговоръ Аракчеева Ген.-Маіору Воронову.

10 сентября 1825 года въ Грузинѣ была зарѣзана крѣпостными гр. Аракчеева извѣстная домоправительница и возлюбленная временщика, Настасья Минкина. Убійство произвело столь сильное впечатлѣніе на Аракчеева, что онъ временно отстранился отъ дѣлъ: «я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ, мнѣ ввѣреннымъ»,—писалъ графъ 11 сентября ген. м. Эйлеру въ предписаніи вступить въ командованіе корпусомъ поселенныхъ войскъ. «Я одной смерти себѣ желаю и ищу»—писалъ онъ въ день убійства Александру I въ Таганрогъ: «я не знаю, куда еще осиротѣвшую свою голову преклоню, но отсюда уѣду». Въ дѣйствительности Аракчеевъ никуда не уѣхалъ, а тщательно слѣдитъ за производствомъ разслѣдованія, которымъ руководилъ гр. П. А. Клейнмихель. Совершилась казнь надъ убійцами—были пролиты «рѣки крови»... И все это, говоритъ современникъ, «въ память погибшей любовницы и въ назиданіе дворовыхъ и крестьянъ». При жизни окружающіе Аракчеева должны были льстить жестокой возлюбленной графа, льстили и послѣ смерти фаворитки. Поэтому не было недостатка въ шпіонствѣ и доносахъ по поводу тѣхъ или иныхъ сужденій объ Анастасіи Минкиной. Между прочимъ, одинъ изъ доносовъ коснулся декабриста Батенькова, котораго графскій доброжелатель въ запискѣ, присланной Клейнмихелю, обвинялъ въ томъ, что тотъ о «звѣрскомъ и безчеловѣчномъ содѣяніи въ Грузинѣ» отзывался «въ разныхъ насмѣшкахъ и всегда въ веселомъ духѣ». «Правда—добавляетъ доносчикъ—что сіе дѣлалъ онъ неоткрыто, а только при одномъ изъ Сибири съ нимъ живущемъ задушевномъ его пріятелѣ и при мнѣ, почтивъ и меня своею откровенностью» (См. *Русск. Ст.* 1882 г., кн. 10. стр. 182—185). Немногіе, однако, позволяли себѣ высказать открытое сужденіе о свирѣпой Минкиной: это была женщина, которая немногимъ развѣ уступала знаменитой Салтычихѣ. Къ такимъ людямъ, повидимому, слѣдуетъ отнести, какъ видно изъ прилагаемыхъ документовъ[1]), служившаго въ военныхъ поселе-

[1]) Печатаются съ оригиналовъ, хранящихся въ собраніи А. А. Титова.

ніяхъ ген. Воронова и получившаго 30 ноября 1825 г. строжайшій выговоръ отъ Аракчеева за произнесеніе «вольнодумныхъ выраженій».

I.

Господину Артиллеріи Генералъ Маіору и кавалеру Эйлеру.

Дошли до моего свѣденія не приличныя публичныя разговоры Директора работъ Штаба военныхъ поселеній, Генералъ-Маіора Воронова, въ домѣ сего Штаба, во время вашего въ ономъ пребыванія, бывшіе.—Вы усмотритѣ сіе Генералъ, изъ прилагаемаго на имя Генерала Воронова предписанія моего, № 117-й.

Предписаніе сіе, предписываю вамъ Генералъ, отдать Генералъ Маіору Воронову публично въ штабѣ, и рекомендую вамъ, имѣть должное наблюденіе, дабы ни кто, изъ чиновниковъ штаба, незабывалъ обязанности подчиненнаго, и непроизносилъ вольнодумныхъ выраженій, которые, ни въ какое время не могутъ быть мною допущены, какъ вредныя для службы Его Императорскаго Величества, и за которыя я не премину примѣрно, взыскать, послѣ доклада моего, Его Императорскому Величеству, Государю Императору Константину Павловичу.

Генералъ отъ Артиллеріи *Графъ Аракчеевъ.*

Начальникъ Штаба *Клейнмихель.*

II. (копія).

Директору Работъ Штаба военныхъ поселеній, Господину Инженеръ Генералъ Маіору и Кавалеру Воронову.

Вы Генералъ имѣли публичный разговоръ въ домѣ Штаба военныхъ поселеній, съ Полковникомъ Барономъ Тизенгаузеномъ, о злодѣяніи учиненномъ въ Селѣ Грузинѣ, въ домѣ моемъ, и невзирая, что дѣло сіе, есть для васъ совершенно постороннее, разпространялись объ ономъ, въ непреличныхъ даже сужденіяхъ. Забывъ такимъ образомъ ваше званіе, вы оказали неуваженіе къ моему Лицу, а въ Лицѣ моемъ, и къ Главному вашему Начальнику.

Далѣе, не ограничивая свободу вашихъ мыслей, вы осмѣлились произносить обидныя слова, и на щетъ начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, Генералъ Лейтенанта Барона Дибича.

Имѣя полное свѣденіе обо всѣхъ вашихъ откровенныхъ разговорахъ, и обязанъ будучи по званію моему, укрощать въ подчиненныхъ мнѣ, подобныя своевольства, службѣ Его Император-

скаго Величества вредныхъ, и особенно въ званіи Генерала, долженствующаго быть примѣромъ, я дѣлаю извѣстнымъ Вашему Превосходительству, что при первомъ моемъ докладѣ Государю Императору Константину Павловичу, я непремину довести до свѣденія Его Императорскаго Величества неприличной поступокъ вашъ».

Аракчееву не удалось сдѣлать обѣщаннаго доклада императору Константину Павловичу, такъ какъ при имп. Николаѣ Павловичѣ 30 апрѣля 1826 г. ему было разрѣшено отправиться въ Карлсбадъ для лѣченія, и онъ навсегда сложилъ съ себя управленіе военными поселеніями.

Любопытно, что приведенная переписка происходила всего лишь черезъ нѣсколько дней по полученіи Аракчеевымъ извѣстій о кончинѣ другого своего друга, императора Александра I.

С. Мельгуновъ.

„Національная библія бельгійцевъ“.

Романъ Шарля де Костера «Легенда о героическихъ, забавныхъ и славныхъ подвигахъ Уленшпигеля и Лама Гудзака, совершенныхъ ими во Фландріи и въ другихъ мѣстахъ»—нынѣ признанъ однимъ изъ классическихъ произведеній бельгійской литературы [1]).

Подобно многимъ картинамъ исторической школы бельгійской живописи онъ воспроизводитъ героическую эпоху въ исторіи старой Фландріи, ея борьбу противъ испанскаго имперіализма XVI в.

Написанный пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ (1867), романъ де Костера получаетъ особый интересъ въ наши дни, когда родина Тиля снова подверглась всѣмъ ужасамъ иноземнаго завоеванія.

Героемъ своей исторической картины авторъ сдѣлалъ извѣстнаго средневѣковаго ремесленника-остряка Тиля Уленшпигеля (на основаніи брошюры Ванъ Памеля Het aerdig leven van Thyl Uylenspiegel), превративъ его однако изъ нѣмца въ фламандца, изъ представителя XIV в. въ сына XVI ст. и значительно видоизмѣнивъ, главное—облагородивъ его характеръ. Не безъ вліянія на этотъ образъ остался, повидимому, и Рейнеке-Лисъ средневѣковой поэмы (Reinaert de Vos), пользовавшейся въ 60 г. большимъ вниманіемъ со стороны бельгійскихъ ученыхъ. Какъ тамъ противостоятъ другъ другу Лисъ и Левъ, такъ здѣсь сынъ

---

[1]) О Ш. де Костерѣ см. статью М. В. Веселовской въ «Голосѣ Минувшаго» № 9 1913 г.: «Старшіе и одинокіе новой бельгійской литературы».

народа, Тиль, и символъ сильныхъ міра сего, Филиппъ II,—впрочемъ, самъ Тиль въ одномъ мѣстѣ намекаетъ на свое родство съ представителемъ восходившей средневѣковой демократіи (Je ne suis qu'un pauvre renard flamand). Рядомъ съ Тилемъ авторъ поставилъ его подругу Нель, симпатичный образъ которой, несомнѣнно, навѣянъ гетевской Клерхенъ, подругой вождя возставшей Фландріи, графа Эгмонта. Фигура третьяго героя «легенды», Лама Гудзака, заимствована де Костеромъ изъ старинной повѣсти Le bon Guillaume, но передѣлана до неузнаваемости, съ комическимъ размахомъ, достойнымъ Рабле: отъ этого воплощенія грубоватой жизнерадостности вѣетъ духомъ Брегеля и Іорданса, увѣковѣчившихъ старую Фландрію, умѣвшую не только бороться за свою независимость, но и разгульно повеселиться.

Эти три фигуры вставлены въ рамку быта и нравовъ XVI в. тщательно изученныхъ авторомъ на основаніи старыхъ хроникъ, въ особенности хроники Ванъ Метерена а также произведеній Марни де Сентъ—Альдегонда, одного изъ крупнѣйшихъ поэтовъ и публицистовъ Фландріи XVI в., пламеннаго защитника реформаціи и религіозной свободы, въ твореніяхъ котораго разсыпано множество цѣнныхъ бытовыхъ подробностей.

Стремясь какъ можно точнѣе передать колоритъ эпохи, де Костеръ внимательнѣйшимъ образомъ изучалъ стиль не только Марни, но и Рабле и Монтеня, такъ что ему удалось передать не только духъ вѣка, но и ту словесную форму, въ которой этотъ духъ выражался.

Подъ такими перекрестными вліяніями возникла «Легенда о Тилѣ»—по выраженію одного историка бельгійской литературы «Національная библія бельгійцевъ».

Романъ де Костера прежде всего романъ историческій, воспроизводящій борьбу Фландріи за ея независимость, и въ этой его части выступаетъ рядъ историческихъ дѣятелей, порой превосходно очерченныхъ: Карлъ V, Филиппъ II, графъ Эгмонтъ и др. Историческія событія развертываются на очень ярко вырисованномъ бытовомъ фонѣ, представляющемъ и самостоятельный интересъ: вѣра въ колдовство, пытки, казни, народныя суевѣрія и т. д.; все это, вмѣстѣ взятое, возсоздаетъ рельефную картину нравовъ эпохи настолько же героической, насколько и мрачной, производящей порой впечатлѣніе не были, а сказки.

Исторія и бытъ идутъ рука объ руку съ аллегоріей.

Авторъ выступаетъ не только какъ историкъ, но и какъ публицистъ-пропагандистъ. Онъ не только воспроизводитъ прошлое родной страны, но и хочетъ указать ей путь къ лучшему будущему.

По совѣту вѣщей старухи отправляется Тиль искать отвѣтъ на вопросъ: «Какъ сдѣлать счастливыми Фландрію и весь міръ?». Отъ царя духовъ, на праздникѣ Весны, слышитъ онъ во-первыхъ, что для этого нужно прежде всего найти «поясъ», что горе кончится, когда «сѣверъ поцѣлуетъ западъ». Впослѣдствіи смыслъ этихъ загадочныхъ словъ разъясняется. Сѣверъ это Нидерланды, западъ—Бельгія, поясъ—союзъ, дружба.

Septentrion c'est Neerland
Belgique c'est le couchant
Ceinture c'est alliance
Ceinture c'est amitié.

Свѣтлое будущее страны покоится такимъ образомъ, по мнѣнію автора, прежде всего на возсоединеніи Бельгіи съ Голландіей, отъ которой она отложилась въ 1830 г.

Съ этой политической тенденціей переплетается другая—на первый взглядъ моральная, на самомъ дѣлѣ скорѣе соціальная.

На вопросъ, «какъ сдѣлать счастливыми Фландрію и весь міръ», Тиль слышитъ отъ царя духовъ отвѣтъ: среди развалинъ и крови ищи и найди семерку.

Cherche les sept
Trouve les sept.

Тилю дано узнать смыслъ и этихъ загадочныхъ словъ. Онъ видитъ,—идетъ шествіе изъ семи женщинъ, олицетворяющихъ семь грѣховъ: «Высокомѣріе и Гнѣвъ, убивавшихъ людей на поляхъ битвъ, въ темницахъ и на висѣлицахъ, Зависть, уничтожившую въ зародышѣ такъ много полезныхъ и благородныхъ идей, Жадность, превращавшую въ золото кровь бѣднаго труженика, Праздность, грязнившую ликъ земли» и т. д.

А кругомъ пляшутъ и поютъ блуждающіе огни, души усопшихъ...

«Мы огонь, мы отплата за старыя слезы, за страданія народа, за сеньеровъ, охотившихся за людьми, какъ за дичью, за мужчинъ, сожженныхъ на кострѣ, за женщинъ и дѣвушекъ, заживо схороненныхъ, за прошлое, обезображенное рабствомъ и убійствами».

И вотъ Тиль видитъ, какъ въ огнѣ душъ усопшихъ, жертвъ насилія и несправедливости, сгораютъ всѣ семь грѣховъ, вскормленныхъ завоевателями и насильниками, и какъ изъ пламени они выходятъ семью добродѣтелями, геніями-хранителями мирныхъ временъ: Жадность превращается въ Бережливость, Зависть въ Соревнованіе, Праздность въ Созерцательность поэтовъ и мудрецовъ и т. д.

Изъ-подъ холодной морализующей аллегоріи явственно выступаетъ, такимъ образомъ, живая соціальная идея: спасеніе

Фландріи, счастье всего міра въ смѣнѣ вѣка завоеваній и феодализма вѣкомъ мирной трудовой демократіи.

И это основная мысль романа еще разъ подчеркнута въ рѣзкой антитезѣ между міромъ сеньоровъ-завоевателей, Карла V и Филиппа II, и народной Фландріей, олицетворенной въ образахъ рабочаго-угольщика Класа, казненнаго за свои убѣжденія, сына его Тиля, ищущаго всѣми помыслами души средство спасти отчизну и осчастливить все человѣчество, и его подруги Нель, преданной ему всей своей любящей душой.

Воскрешая, съ одной стороны, героическое прошлое Фландріи,

Памятникъ де Костеру.

романъ де Костера, эта «національная библія бельгійцевъ» является вмѣстѣ съ тѣмъ апоѳеозомъ трудовой народной Бельгіи.

Въ романѣ встрѣчается, между прочимъ, сцена, гдѣ Тиль и Нель сидятъ на высокой башнѣ и смотрятъ кругомъ на поля битвъ, орошенныя кровью, всѣмъ существомъ своимъ мечтая о томъ времени, когда, наконецъ, надъ бѣдной страной повѣетъ благодатный вѣтеръ свободы—le vent de liberté.

Такъ изобразилъ обоихъ героевъ «Легенды» художникъ Самюэль на памятникѣ, красующемся нынѣ въ Брюсселѣ, на кладбищѣ, на могилѣ творца «національной библіи бельгійцевъ».—

В. Фриче.

Предисловіе отъ имени Совы [1]).

Милостивые государи, художники, издатели и г-нъ поэтъ, мнѣ хочется сдѣлать вамъ нѣсколько замѣчаній по поводу вашего перваго изданія. Какъ! Неужели въ этой толстой книгѣ, въ этомъ слонѣ, котораго вы, въ количествѣ восемнадцати человѣкъ, усердно толкаете къ славѣ, не нашлось самаго маленькаго мѣстечка для птицы Минервы, мудрой Совы, степенной Совы?!. По Германіи и по столь вами любимой Фландріи я постоянно путешествую на плечѣ Уленшпигеля, прозвище котораго представляетъ соединеніе двухъ именъ: «сова» и «зеркало», мудрость и веселье, или другими словами, сова въ зеркалѣ—Uyl en Spiegel. Но жители мѣстечка Дамъ, гдѣ онъ родился, произносятъ послѣднее выраженіе сокращенно Уленшпигель, вмѣсто Уйленшпигель, произнося, по привычнѣ, «Uy» фламандское, какъ «У», а не какъ «Уй». Такъ ужъ у нихъ ведется.

Но вы, господа, предполагали, вѣроятно, другое объясненіе: «Уленъ» вмѣсто «Улиденъ Шпигель», т.-е. «ваше зеркало», принадлежащее вамъ, господа дворяне и крестьяне, пасомые и пасущіе; зеркало глупостей, смѣшного тщеславія и преступленій цѣлой эпохи. Подобное толкованіе остроумно, но мало разсудительно, ибо никогда не нужно порывать съ традиціей.

Но, быть можетъ, вы нашли страннымъ символизировать мудрость въ образѣ печальной и забавной птицы, въ образѣ, по вашему мнѣнію, педанта въ очкахъ, ярмарочнаго скомороха, любителя темноты, отличающагося безшумнымъ полетомъ, убивающаго нежданно, словно сама смерть? Тѣмъ не менѣе вы похожи на меня, притворщики, прикидывающіеся добродушными. Сова стала такою, какая она есть, отъ вашихъ же ночей, когда кровь струилась ручьями подъ ударами убійцъ въ туфляхъ, чтобы не слышно было, какъ они подкрадываются. Не загорались ли порою, въ теченіе вашей исторіи, утреннія зори, освѣщая тусклымъ свѣтомъ мостовую, устланную трупами? Чѣмъ жива ваша политика съ тѣхъ поръ, какъ вы царите надъ міромъ? Удушеніемъ и убійствами.

Я—сова, безобразная сова, убиваю ради собственнаго кормленія, ради кормленія моихъ птенцовъ, я не убиваю ради убійства. Если вы попрекаете меня разореньемъ птичьихъ гнѣздъ, то не могда ли бы я упрекнуть васъ въ избіеніи всего, что дышитъ? Вы написали книги, въ которыхъ сперва тономъ, не лишеннымъ

---

[1]) Это предисловіе было приложено авторомъ, вмѣстѣ съ иллюстраціями, къ первому изданію Легенды (Изданіе Lacroix Verboekhoven et C-ie). *Примѣчаніе издателей второго выпуска «Уленшпигеля»—1893 г.*

размягченности, разсуждаете о птичьей граціозности, о птичьей любви, о птичьей красотѣ, о птичьемъ искусствѣ вить гнѣздо, о птичьихъ страхахъ материнства, а потомъ, въ концѣ, вы говорите, подъ какимъ соусомъ ее нужно подавать, и въ какое время года она всего вкуснѣе. Я не пишу книгъ, Боже, избави меня отъ этого, а то я написала бы, что, когда вы не можете съѣсть птицы, вы съѣдаете гнѣздо, изъ опасенія потерять возможность лишній разъ впиться зубомъ.

А все-таки ты, легкомысленный поэтъ, могъ бы, въ своихъ собственныхъ интересахъ, включить меня въ свое произведеніе; въ немъ, по меньшей мѣрѣ, главъ двадцать—мои [1]), остальное предоставляю въ твою безраздѣльную собственность. Оставайся, пожалуйста, полновластнымъ хозяиномъ вздора, тобою написаннаго. Неистовый поэтъ, разящій направо и налѣво людей величаемыхъ тобою палачами отечества и пригвождающій къ позорному столбу исторіи Карла V и Филиппа II, ты непохожъ на сову, ты неблагоразуменъ. Напримѣръ, откуда ты знаешь, что больше не существуетъ на свѣтѣ Карловъ V-хъ и Филипповъ II-хъ? Неужели у тебя нѣтъ опасеній, что зоркая цензура не примется искать въ чревѣ твоего слона намековъ на современныхъ знаменитостей? И что за охота тебѣ не давать спать въ могилѣ этому королю? Кто бросаетъ безразсудный вызовъ,—погибнетъ. Есть люди, между прочимъ, въ данномъ случаѣ я себя причисляю къ нимъ, которые никогда не простятъ тебѣ нарушенія правильности ихъ буржуазнаго пищеваренія.

---

[1]) Это утвержденіе правильно. Поэтъ заимствовалъ изъ небольшой фламандской книжечки: «Het aerding leven van Thyl Uylenspiegel» (коллекція Van Paemel)—«Земная жизнь Тиля Уленшпигеля», главы: VI, XIII, XVI, XXIV, XXXV, XXXIX, XLIII, XLVII, XLVIII, XLIX, LIII, LV, LVI, LIX и LX первой части своего произведенія.

Всѣ эти главы подверглись существенной переработкѣ, исключая главъ LXII, LXIII и LXIV.

Остальныя главы, съ LVI до конца, «Уленшпигеля» цѣликомъ принадлежатъ г. Ш. Де Костеру, а поэтому и части II, III, IV, V всецѣло имъ созданы.

Но мы обязаны указать на два исключенія:

1) Клятва Броэра Андріансэна Корнелиса (стр. 184 и слѣдующія за ней) заимствована въ отрывкахъ изъ сборника 1590 г. Автору, по необходимости, пришлось составлять эту клятву изъ отдѣльныхъ кусковъ, чтобы дать точную картину различныхъ религіозныхъ сектъ XVI вѣка.

2) Только припѣвъ въ пѣснѣ Гизовъ, стр. 217, заимствованъ изъ пѣсни той эпохи.

Факты же изъ области исторической и, между прочимъ, «Мѣшокъ Антверпенской Богоматери», а также «Пѣсня Предателей» основываются на первоисточникахъ: «Мѣшокъ Антверпенской Богоматери» опирается на свидѣтельство очень уважаемаго лѣтописца Van Meteren'a, а «Пѣсня Предателей» на документахъ неоспоримыхъ, хранящихся въ королевскихъ архивахъ въ Брюсселѣ.

Примѣчаніе первыхъ издателей.

Къ чему это постоянное противоположеніе отвратительнаго короля, жестокаго съ дѣтства, какимъ ты его изображаешь, фламандскому народу, представляемому тобою же героическимъ, честнымъ и трудолюбивымъ? Кто тебѣ сказалъ, что народъ этотъ былъ добръ, а король золъ? Я могла бы самымъ мудрымъ образомъ доказать обратное. Подумай самъ: твой Уленшпигель берется за оружіе, отстаивая свободу совѣсти; его отецъ Класъ умираетъ на кострѣ за утвержденіе своихъ религіозныхъ убѣжденій; его мать Сеткинъ становится мученицей и умираетъ отъ послѣдствій пытки, умираетъ за свое желаніе не пустить сына по міру; Ламъ Гудзакъ идетъ прямой дорогой, словно бы не было въ мірѣ другой задачи, кромѣ какъ быть добрымъ и честнымъ; твоя маленькая Нель, несмотря на то, что хорошенькая дѣвушка, остается всю жизнь вѣрна любимому человѣку. Нужны ль еще примѣры? Я была бы на тебя въ претензіи, если бы ты, въ то же время, не потѣшалъ меня.

Впрочемъ, я должна сознаться, что на ряду съ твоими смѣшными персонажами есть нѣсколько другихъ, близкихъ моему сердцу: это—испанскіе солдаты; монахи, сжигающіе простонародье; Жилина, шпіонка Инквизиціи; твой отравитель, доносчикъ и нелюдимъ, твой дворянинъ, разыгрывающій изъ себя по ночамъ чорта, чтобы соблазнять дурочекъ; въ особенности же благоразумный Филиппъ II, изъ-за нужды въ деньгахъ подстроившій нападеніе на св. иконы и этимъ вызвавшій возстаніе, провокаторомъ и усмирителемъ котораго самъ же явился. Такъ, именно, поступаютъ люди, стремящіеся сдѣлаться наслѣдниками имущества своихъ жертвъ.

Но мнѣ думается, что я говорю попусту. Можетъ быть, ты не знаешь, что такое сова. Я тебя просвѣщу на этотъ счетъ.

Сова—тотъ, кто исподтишка сѣетъ тончайшую клевету по адресу людей, являющихся ему помѣхой, и, когда его выводятъ на свѣжую воду, благоразумно заявляетъ: «Я ничего не утверждаю, мнѣ говорили». Онъ прекрасно знаетъ, что подобный безличный оборотъ не поддается провѣркѣ.

Сова—кто входитъ въ честную семью и, объявивъ себя женихомъ, компрометируетъ молодую дѣвушку; кто занимаетъ деньги, изрѣдка платитъ свой долгъ и уходитъ, когда больше нечего взять.

Сова—политикъ, надѣвающій маску свободы, искренности, любви къ человѣчеству и вдругъ, безъ всякаго предупрежденія, схватывающій за горло отдѣльнаго человѣка или цѣлую націю и начинающій душить ихъ.

Сова—коммерсантъ, поддѣлывающій свои вина, фальсифици-

рующій съѣстные припасы, вносящій вмѣсто питанія разстройство въ организмъ.

Сова—ловко ворующій, тотъ, кого нельзя поймать съ поличнымъ, кто способенъ судиться съ завѣдомо правымъ, кто разоряетъ вдову, грабляетъ сироту и, тучнѣя отъ чужой крови, торжествуетъ.

Сова или совушка, какъ ты хочешь,—тотъ, кто торгуетъ своей привлекательностью, срываетъ лучшіе цвѣты молодости; называетъ подобное занятіе «формированіемъ сердецъ» и, завлекши въ грязь зеленую юность, бросаетъ ее на произволъ судьбы безъ всякой поддержки.

Если такой совушкѣ взгрустнется порою, если она вспомнитъ, что и она женщина и могла бы быть матерью, то я все-таки отъ нея отрекаюсь. Если, уставъ отъ жизни, она бросится въ воду, значитъ она недостойна жить.

Оглянись вокругъ, провинціальный поэтъ, и сосчитай, если ты можешь, всѣхъ совъ на свѣтѣ. Благоразумно ли нападать на Силу и Хитрость, этихъ совиныхъ царицъ. Замкнись снова въ самомъ себѣ, покайся и на колѣнахъ добивайся пощады.

Но все же ты меня занимаешь своей особенной, довѣрчивой опрометчивостью. И поэтому я, вопреки своему обыкновенію, предупреждаю тебя, что немедленно оповѣщу моихъ литературныхъ родственниковъ о неблагопристойности и дерзости твоего стиля, моихъ сильныхъ перомъ родственниковъ, съ клювомъ и въ очкахъ, людей благоразумныхъ и педантовъ, умѣющихъ съ высшей любезностью, «корректностью» и «comme il faut» разсказывать молодымъ людямъ любовныя исторіи, хотя и не кипрійскаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе «формирующія» въ какой-нибудь часъ самыхъ нетронутыхъ ягнятъ. О, безразсудный поэтъ, у этихъ людей есть передъ тобой огромное преимущество и состоитъ оно въ томъ, что, занимаясь шлифовкой французскаго языка, они въ концѣ концовъ такъ отшлифуютъ его, что совершенно прикончатъ съ нимъ.

Бубулусъ Бубъ [1]).

---

[1]) Bubulus Bubb или Bibulus Bubb—прозвище, данное школьнымъ учителемъ собачкѣ Уленшпигеля, имѣвшей пристрастіе къ пиву. Bibulus отъ латинскаго слова bibere—пить. *Примѣч. переводч.*

Легенда о подвигахъ Уленшпигеля.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ Дамѣ, во Фландріи, когда май раскрылъ чашечки цвѣтовъ боярышника, родился Уленшпигель.

Кумушка и повивальная бабушка Катлина завернула новорожденнаго въ теплыя пеленки и, взглянувъ на его головку, замѣтила на ней тонкую пленку.

— Въ сорочкѣ, подъ счастливой звѣздой родился!—воскликнула она радостно.

Но потомъ, указывая на маленькое, черненькое пятнышко на плечѣ ребенка, стала жалобно причитывать:

— Эхъ, бѣда-то какая! Черное клеймо, помѣтка дьявола. Вишь, пальцемъ своимъ помѣтилъ!

— Раненько, должно быть, поднялся сегодня владыка-дьяволъ, что ужъ въ такую рань успѣлъ помѣтить моего сына.

— Да онъ и не ложился,—сказала Катлина:—слышите, только первые пѣтухи поютъ, будятъ куръ.

И она вышла, передавъ ребенка Класу на руки.

Затѣмъ заря пробилась сквозь ночныя облака, ласточки съ крикомъ начали прорѣзать пространство надъ лугами, и солнце, облеченное въ царственную пурпуровую мантію, показало на горизонтѣ свой величественный, ослѣпительный ликъ.

Класъ, раскрывъ окно, обратился къ Уленшпигелю:

— Любезный мой сыночекъ, хорошо, что ты въ сорочкѣ родился! Вотъ солнце-батюшка здоровается съ землею фландрскою. Попробуй, взгляни на него. Когда послѣ, въ твоей жизни, придется тебѣ плохо, и ты не будешь знать, что дѣлать, иди къ нему за совѣтомъ. Оно—ясное и теплое: будь же чистъ сердцемъ, какъ оно ясно, и добрымъ, какъ оно тепло.

— Класъ, муженекъ мой,—сказала Сеткинъ,—ты читаешь проповѣдь глухому. Иди-ка лучше ко мнѣ, сыночекъ, я дамъ тебѣ попить.

И мать открыла новорожденному данные ей природой прекрасные флаконы.

II.

Пока Уленшпигель пилъ изъ этихъ флаконовъ, всѣ птицы въ деревнѣ проснулись.

Класъ, занявшійся связываньемъ приготовленной на про-

дажу подтопы въ отдѣльныя пачки, смотрѣлъ, какъ его хозяйка кормила грудью Уленшпигеля.

— А много ль, жена, наготовила молока?—спросилъ онъ.

— Кувшины-то мои полны,—отвѣчала она,—но мнѣ и радость не въ радость.

— Нечего печалиться въ такой часъ.

— Я и не печалюсь, все думаю только, что ни самой малюсенькой монетки не найдется въ сумкѣ; видишь ее: пустая виситъ на стѣнѣ.

Класъ снялъ сумку. Потрясъ ее хорошенько, но не раздалось позвякиванья ни одной монеты. Сконфуженный немного и желая ободрить свою хозяйку, онъ промолвилъ:

— Есть насчетъ чего безпокоиться?!. Въ скрынѣ пирогъ стоитъ, гостинецъ Катлины. И мясо есть; оно, по крайней мѣрѣ, на три дня дастъ молока ребенку. А вотъ мѣшокъ, набитый бобами, голодъ онъ вѣщаетъ что ли? А наша кадушечка съ масломъ, ужъ не пригрезилась ли она мнѣ? Не пригрезились ли мнѣ тоже и яблоки на чердакѣ, точно бравые воины, выстроенные по одиннадцати въ рядъ? А почтенная толстуха-бочка съ брюгговской брагой, о чемъ она говоритъ? Не говоритъ ли она о доброй выпивкѣ? Не сокрыто ли во чревѣ ея хорошее прохладительное?

— Понадобится, когда понесемъ крестить, дать денегъ батюшкѣ, да, кромѣ того, понадобится флоринъ на крестины,— заявила Сеткинъ.

На это вошла Катлина съ большимъ пучкомъ травъ и сказала:

— Младенцу, что родился въ сорочкѣ, даю сію траву, коровникомъ зовется. Отъ роскошества убережетъ человѣка. А вотъ укропъ: дьявола онъ отгонитъ.

— А нѣтъ ли у тебя травы, чтобы флорины пригоняла?

— Нѣтъ,—отвѣтила она.

— Ну, такъ я пойду къ морю, погляжу, не найдется ли такой травы въ каналѣ.

И онъ вышелъ, взявъ съ собою удочку и тенета, увѣренный, что не встрѣтитъ ни души: было всего пять часовъ, и народъ не выходилъ еще на работу.

III.

Класъ направился къ брюгговскому каналу, невдалекѣ отъ моря. Придя туда, надѣлъ приманку на удочку, закинулъ ее въ воду и забросилъ тенета. На другомъ берегу маленькій, опрятно одѣтый мальчикъ спалъ, свернувшись калачикомъ, на большомъ букетѣ морскихъ ракушекъ.

Онъ проснулся отъ шума, который распространялъ вокругъ Класъ, и хотѣлъ бѣжать, подумавъ со страха, что это полицейскій явился тащить его съ постели подъ открытомъ небомъ, и отвести въ Стинъ за бродяжничество. Но узнавъ Класа, пересталъ бояться, въ особенности же, когда тотъ закричалъ ему:

— Хочешь заработать семь ліардовъ? Гони сюда рыбу.

Въ отвѣтъ на это мальчуганъ внесъ въ воду свой сытенькій животишко и, вооружившись большимъ тростниковымъ султаномъ, погналъ рыбу въ сторону Класа.

Кончивъ ловлю и вытащивъ тенета и удочку, Класъ по плотинѣ подошелъ къ мальчику.

— Такъ это ты, Ламъ, что за свою кротость Гудзакомъ прозываешься! Я знаю, ты живешь въ улицѣ Эронъ, позади церкви Пресвятой Богородицы. Какъ же это тебя, такого чистенькаго, угораздило здѣсь спать лечь на такой постели?

— Что жъ подѣлаешь, дяденька,—отвѣчалъ мальчуганъ. Дома—сестра, моложе меня годомъ, страшная драчунья: дерется изъ-за всякихъ пустяковъ. А я боюсь ее бить, какъ бы ей больно не сдѣлать. Вчера за ужиномъ дали намъ жареное съ бобами. Мнѣ страшно хотѣлось ѣсть. Я съѣлъ все и сталъ вычищать миску. Доставалъ со дна подливку пальцами, потомъ облизывалъ. Сестрѣ захотѣлось тоже. Увидѣла она, какъ я облизываюсь послѣ вкусной подливки, и прямо сбѣсилась. Со всей силы надавала мнѣ пощечинъ. Я ни живъ, ни мертвъ, и убѣжалъ.

Класъ спросилъ его, что же дѣлали отецъ и мать, пока сыпались эти пощечины.

Ламъ Гудзакъ отвѣчалъ:

— Отецъ хлопнулъ меня по одному плечу, мать по другому... и приговаривали:

«Давай сдачи трусъ!» Но мнѣ не хотѣлось бить дѣвочки, я и убѣжалъ.

Вдругъ Ламъ поблѣднѣлъ и весь задрожалъ.

И Класъ увидалъ подходившую крупную женщину, а рядомъ съ нею худенькую дѣвочку, очень сердитую съ виду.

— Ахъ,—вырвалось у Лама, схватившагося за Класа повыше колѣнъ:—вотъ моя мать и сестра. Онѣ идутъ за мной.

— Стой,—сказалъ Класъ, сначала возьми семь ліардовъ, плату за твою работу, а потомъ ужъ мы храбро къ нимъ пойдемъ.

Обѣ женщины, увидѣвъ Лама, подбѣжали къ нему и хотѣли его бить. Обѣ по разнымъ причинамъ: мать—отъ страха за него, дочь—по привычкѣ.

Ламъ спрятался за Класа и кричалъ:

Я заработалъ семь ліардовъ, я заработалъ семь ліардовъ!— не бейте меня.

Но мать даже обняла его, а дѣвочка хотѣла насильно разжать кулачекъ Лама, чтобы отнять у него деньги. Но Ламъ кричалъ:

— Мое! все равно не получишь!..

И онъ сжалъ кулачки.

Вмѣшался Класъ. Крѣпко отодралъ за уши дѣвочку и сказалъ:

— Если ты еще разъ когда-нибудь станешь задирать твоего брата, добраго и тихаго, какъ ягненокъ, я посажу тебя въ черную угольную яму. И ужъ потомъ красный дьяволъ изъ преисподней вытащитъ тебя оттуда, а не я, такъ ты себѣ и знай. Вытащитъ и растерзаетъ на кусочки своими огромными когтями и, какъ вилы, большими зубами.

Послѣ такой отповѣди дѣвочка молча, не рѣшаясь ни глядѣть на Класа, ни подойти къ Ламу, спряталась за юбки матери. Но зато при входѣ въ городъ, не переставая, громко выкрикивала:

— Угольщикъ меня прибилъ! У него чортъ въ погребѣ.

Но съ тѣхъ поръ она не била больше Лама. Когда же стала взрослой, заставляла его работать вмѣсто себя. И простодушный и кроткій братъ исполнялъ ея желанье...

Класъ продалъ свой уловъ на возвратномъ пути фермеру, обычно покупавшему у него.

Воротясь домой, онъ сказалъ Сеткинъ:

— Погляди! Вотъ что я нашелъ въ животахъ четырехъ щукъ, у девяти карповъ и въ полной корзинѣ угрей.

И бросилъ два флорина и одинъ патаръ на столъ.

— И почему ты, муженекъ, не ходишь каждый день ловить рыбу?

Класъ отвѣтилъ:

— Чтобы самому не сдѣлаться рыбой въ сѣтяхъ полицейскихъ.

IV.

Въ Дамѣ называли Класа, отца Уленшпигеля, угольщикомъ. Волосы у Класа были черные, глаза блестящіе, кожа цвѣта его товара, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, когда у него въ хибаркѣ водилось вдосталь мыла. Онъ былъ маленькимъ, квадратнымъ, сильнымъ и съ виду веселымъ.

Случалось, по окончаніи работы, съ наступленіемъ вечера, онъ заходилъ въ какой-нибудь трактирчикъ прополоскать горло, почернѣвшее отъ угля,—тогда всѣ женщины, вышедшія на крылечко подышать прохладой, кричали ему по-пріятельски:

— Добрый вечеръ и пива яснаго, угольщикъ!

— Добрый вечеръ и супруга не спящаго,—отвѣчалъ Класъ.

Дѣвушки, возвращавшіяся толпой съ поля, останавливались противъ него, съ намѣреніемъ загородить ему дорогу, и дразнили:

— Чѣмъ заплатишь за свободный пропускъ: алой лентой, сережками, бархатными башмачками, а, можетъ, для своей бѣдной сестры и флорина не пожалѣешь?

Но Класъ бралъ одну изъ нихъ за талію, цѣловалъ ее въ щеку или въ шею, смотря по тому, какая часть свѣжаго тѣла была ближе ко рту, потомъ добавлялъ:

— Остального, голубушки, просите у вашихъ суженыхъ.

И онѣ уходили, покатываясь со смѣха.

Дѣти издалека узнавали Класа по его басовитому голосу и по стуку его деревянныхъ башмаковъ. Подбѣгая къ нему, они заигрывали съ нимъ:

— Добрый вечеръ, угольщикъ!

— Господь васъ наградитъ, мои ангелочки, предупреждалъ Класъ: только чуръ! ко мнѣ близко не подходить, не то сдѣлаю трубочистами.

Но отважные малыши все-таки подбѣгали. Тогда онъ хваталъ кого-нибудь изъ нихъ за курточку и, потеревъ его свѣженькую мордочку своими черными руками, отпускалъ къ общему ликованью прочихъ. И превратившійся въ трубочиста мальчуганъ хохоталъ въ свою очередь.

Сеткинъ, жена Класа, была хорошей хозяйкой: вставала съ зарею и трудилась, рукъ не покладая, какъ муравей.

Она и Класъ вдвоемъ обрабатывали свое поле, впрягаясь въ плугъ, точно волы. Тяжело было тащиться за плугомъ, но, пожалуй, еще тяжелѣе боронить, разрыхлять въ пухъ деревянными зубьями затвердѣлые комья земли. Но мужъ съ женою съ легкимъ сердцемъ, подъ пѣсню, трудились.

И пусть земля была тверда, претверда; пусть солнце пронизывало ихъ своими горячими лучами;—и, таща борону, чувствовалось, что подкашиваются ноги; пусть приходилось гнуть спину въ три погибели,—все равно: стоило имъ остановиться, и стоило Сеткинъ повернуть къ мужу свое спокойное лицо, Класъ цѣловалъ это зеркало кроткой души, и они забывали о своей великой усталости.

V.

Наканунѣ мѣстныя власти предупреждали обывателей, что беременная Императрица, жена императора Карла, [1]) на сносяхъ,

[1]) Карлъ V, германскій императоръ и король испанскій, сынъ эрцгерцога австрійскаго Филиппа, род. 1500 г. ум. 1558 г.

а поэтому нужно молиться о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени.

Катлина вошла къ Класу страшно взволнованная.

— Что съ тобой кумушка?—спросилъ онъ ее—Чего ты кручинишься?

— Бѣда!—отвѣчала она прерывистымъ голосомъ:—сегодняшней ночью... зрѣла я... будто привидѣнія косили людей... косили людей, точно косцы траву... А еще я зрѣла дѣвочекъ... и будто живыми ихъ хоронили!.. и палачъ плясалъ, подплясывалъ на нихъ. А камень кровавый, что вотъ ужъ девять мѣсяцевъ кровоточитъ, раскололся сегодняшней ночью.

Господи, спаси помилуй насъ грѣшныхъ!—со стономъ произнесла Сеткинъ.—Дурное знаменіе для земли фландрской.

— Наяву аль во снѣ видѣла ты это?—спросилъ Класъ.

— Собственными своими глазами видѣла,—отвѣчала Катлина.

Блѣдная, со слезами она продолжала:

— Двое дѣточекъ уродились. Одинъ—въ Испаніи, Филиппъ [1]); другой въ нашей землѣ, во Фландріи, сынъ Класа; нарекутъ его скоро Уленшпигелемъ. Вырастетъ Филиппъ большой и сдѣлается палачемъ, ибо исчадіе онъ Карла V, истязателя земли нашей. Вырастетъ и Уленшпигель и станетъ большимъ мастеромъ на всякія веселыя выдумки и дурачества—тѣшится ими молодость; но сердце-то у него будетъ доброе: вѣдь никто другой, а Класъ отецъ ему, Класъ-работникъ искусный; честно, мирно и благородно зарабатываетъ хлѣбъ свой. Императоръ Карлъ и король Филиппъ, точно по полю, прогарцуютъ по жизни, натворятъ бѣдъ своими битвами, мздоимствомъ и другими неправдами. А Класъ, человѣкъ правильный, цѣлешеньку недѣлю работаетъ, работаетъ по чести, по совѣсти, смѣючись, слезъ не знаючи, не помня трудовъ своихъ тяжелыхъ. Такъ и подобаетъ настоящему работнику въ землѣ нашей. И не узнаетъ Уленшпигель ни старости, ни смерти, пробѣжится по свѣту, нигдѣ подолгу не остановится. Будетъ и крестьяниномъ и важнымъ бариномъ, будетъ и картины писать и фигуры лѣпить. И пробѣжится онъ такимъ манеромъ по свѣту, насмѣется вдоволь, натѣшится. Класъ—твоя храбрая надёжа, благородный фландрскій народъ; Сеткинъ—твоя мать-кормилица; Уленшпигель—твой умъ-разумъ. Незабвенная подружка незабвеннаго Уленшпигеля, пригоженькая любезная его,—станетъ твоимъ сердцемъ. А пузатенькій Ламъ Гудзакъ—твоимъ чревомъ. И наверху возсядутъ кровопійцы народные, и внизу будутъ ихъ жертвы; наверху будутъ

[1]) Филиппъ II испанскій (род. 1527—1598 г.), сынъ Карла V.
Примѣч. перевод.

воры-тунеядцы, внизу—пчелы-работницы, а вверху, въ небесахъ, станутъ сочиться кровію святыя раны Христовы...

Изрекши все это, заснула добрая прорицательница Катлина.

VI.

Понесли крестить Уленшпигеля. Вдругъ пошелъ проливной дождь и хорошеньо обмочилъ его. Такимъ образомъ былъ онъ крещенъ впервые.

Когда внесли младенца въ церковь, церковный староста, онъ же и школьный учитель, обратился къ отцу и матери, крёстному и крёстной и приказалъ всѣмъ занять мѣста вокругъ купели. Что и было исполнено.

Но подъ сводомъ, надъ самой купелью была дыра. Сдѣлалъ ее каменщикъ, подвѣшивавшій лампочку къ золоченой деревянной звѣздѣ. Каменщикъ, глядя сверху на крёстнаго и крёстную, ужъ черезчуръ чинно стоявшихъ у купели, еще закрытой крышкой, полилъ изъ своего ведра въ дыру, и предательская струя, попавъ на крышку между воспріемниками, сильно забрызгала ихъ. Больше же всего досталось при этомъ Уленшпигелю. Такимъ образомъ былъ онъ крещенъ во второй разъ.

Пришелъ священникъ. Ему пожаловались. Но онъ сказалъ, что нечего мѣшкать, это, молъ, простая случайность. Уленшпигель выходилъ изъ себя по поводу пролившейся на него воды. Батюшка совершилъ надъ нимъ Таинство и далъ ему имя Тильбертъ, что значитъ «ловкій». Такимъ образомъ былъ онъ крещенъ въ третій разъ.

Выйдя изъ церкви Пресвятой Богородицы, родители съ воспріемниками и новорожденнымъ отправились на улицу Лонгъ, противъ церкви, въ заведеніе «Бутылочныя четки», гдѣ символомъ вѣры является кружка. Здѣсь они выпили съ лишкомъ 17 кружекъ «забористаго». Такъ ужъ ведется во Фландріи: промокшіе люди сушатся, разведя пивной огонь въ своихъ желудкахъ. Такимъ образомъ Уленшпигель былъ крещенъ въ четвертый разъ.

Возвращаясь домой и выписывая мыслете, добрались они до дощатаго мостка, перекинутаго черезъ небольшое болотце. Крестная—Катлина, несшая ребенка, оступилась и упала въ грязь съ Уленшпигелемъ, крещеннымъ такимъ образомъ въ пятый разъ.

По извлеченіи изъ болотца, дома его омыли въ теплой водѣ. И это омываніе было шестымъ по счету крещеніемъ.

VII.

Въ тотъ же день Его Святѣйшее Величество Карлъ рѣшилъ отпраздновать пиромъ рожденіе своего сына. Онъ, какъ и Класъ, рѣшилъ отправиться на рыбную ловлю, но не въ море, а въ нищенскую суму своихъ подданныхъ. Изъ нея, изъ этой сумы его вѣнценосныя удочки извлекали золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ, легко превращавшихся, по желанію рыболова, въ бархатныя платья, въ драгоцѣнные каменья, въ тонкія вина и въ изысканныя явства. Вѣдь самыя рыбныя рѣки не всегда и самыя многоводныя.

Собравъ своихъ совѣтниковъ, Его Святѣйшее Величество рѣшилъ устроить рыбную ловлю слѣдующимъ способомъ:

Его Высочество инфанта понесутъ крестить часовъ въ 9 или 10 вечера. Жители Вальядолида [1]), въ знакъ своей великой радости, будутъ веселиться и пировать всю ночь, на свой собственный счетъ, и раздавать на Большой Площади свои деньги бѣднымъ.

Въ пяти мѣстахъ, на пяти перекресткахъ будетъ устроена по большому фонтану, изъ котораго струей станетъ бить, до самаго разсвѣта, крѣпкое вино, оплаченное городомъ. На пяти другихъ перекресткахъ, на деревянныхъ лоткахъ, будутъ разложены колбасы, колбаски, икра, приготовленная съ уксусомъ, сосиски, языкъ и прочая мясная снѣдь, тоже на счетъ города.

Тѣ же вальядолидцы должны воздвигнуть, въ большомъ количествѣ и на свой собственный коштъ, ко времени торжественнаго шествія, тріумфальныя арки, знаменующія Миръ, Счастье, Изобиліе, благословенное Богатство и символически изображающія главные и второстепенные дары неба, которыми чрезмѣрно были награждены подданные его Святѣйшаго Величества.

Наконецъ, кромѣ этихъ мирныхъ арокъ будутъ воздвигнуты другія; на нихъ яркими красками будутъ воспроизведены менѣе благословенные аттрибуты власти: орлы, львы, пики, алебарды, пылающіе языки на длинныхъ рогатинахъ, мушкеты, пушки, соколы, приземистыя лошади и собаки съ громадной пастью и прочіе предметы, наглядно показывающіе военныя силу и мощь Его Святѣйшаго Величества.

Касательно же церковнаго освѣщенія было отдано повелѣніе свѣчному цеху: приготовить безплатно 8,000 восковыхъ свѣчей; огарки же, если останутся, препроводить въ Капитулъ.

---

[1]) Вальядолидъ—испанская провинція въ Старой Кастильи, по рѣкѣ Дуэро и ея притокамъ, съ главнымъ городомъ того же имени. Вслѣдствіе живописнаго мѣстоположенія кастильскіе, а впослѣдствіи испанскіе короли избрали Вальядолидъ своей резиденціей; Карлъ V перенесъ резиденцію въ Мадридъ; однако при Филиппѣ II резиденція на довольно продолжительное время была вновь перенесена въ Вальядолидъ.
Примѣч. перевод.

Въ виду того, что будутъ еще и непредусмотрѣнные расходы, императоръ беретъ ихъ на свой счетъ, дабы лишними тяготами не обременять своихъ подданныхъ.

Не успѣла мѣстная власть привести въ исполненіе эти приказы, какъ получились изъ Рима плачевныя извѣстія. Начальники отдѣльныхъ императорскихъ войсковыхъ частей, стоявшихъ въ Оранжѣ, Алансонѣ и Фридбергѣ, вторглись въ св. городъ. Тамъ они разорили и разграбили церкви, часовни и дома, не пощадивъ никого: ни священниковъ, ни монахинь, ни женщинъ, ни дѣтей. Самъ св. Отецъ оказался плѣнникомъ. Цѣлую недѣлю грабежъ не прекращался, и рейтары и ландскнехты, опьяненные съѣденнымъ и выпитымъ, блуждали по Риму, бряцая оружьемъ, ища кардиналовъ и увѣряя, что крѣпко-накрѣпко рѣшили помѣшать имъ превратиться когда-нибудь въ папъ. Иные изъ этихъ воиновъ привели уже свою угрозу въ исполненіе: гордо разгуливали по городу, повѣсивъ на груди четки въ двадцать восемь, и больше, звеньевъ, сильно окровавленныхъ. На нѣкоторыхъ улицахъ стояли красныя лужи, въ которыхъ валялись трупы ограбленныхъ... [1])

Между прочимъ, находились злые языки, утверждавшіе будто нечестивый императоръ хотѣлъ рыбку половить въ крови духовенства. Такъ, будто бы онъ, узнавъ о договорной грамотѣ, силою вырванной военными командирами у св. Отца, принудилъ его уступить всѣ крѣпости, уплатить 400,000 дукатовъ и держалъ его въ темницѣ до тѣхъ поръ, пока тотъ самъ на себя не наложилъ рукъ.

Однако, въ знакъ скорби по поводу случившагося Его Величество отмѣнилъ всякія увеселенія, балы и празднества и повелѣлъ своимъ придворнымъ обоего пола облечься въ трауръ.

И новорожденнаго принца крестили въ бѣлыхъ, траурныхъ для королевскаго дома, пеленкахъ.

Въ послѣднемъ обстоятельствѣ придворные увидѣли дурное предзнаменованіе.

Несмотря на это кормилица торжественно представила ребенка собранію фрейлинъ и камергеровъ для принятія подарковъ и счастливыхъ пожеланій.

Госпожа Dela Coena повѣсила ему на шею черный, круглый камень-защиту отъ яда, формой и величиною съ лѣсной орѣхъ, въ

---

[1]) Карлъ V-й воевалъ съ французскимъ королемъ Франциской I-мъ. Папа Климентъ VII-й помогалъ Франціи. За это Карлъ объявилъ войну папѣ, взялъ въ 1527 году Римъ и разграбилъ его. Папа заперся въ крѣпости св. Ангела, которая была взята полководцемъ Карла V-го, герцогомъ Альбой. Послѣ сдачи крѣпости Климентъ VII-й призналъ власть Карла V-го надъ Италіей. *Примѣч. перевод.*

золотой лузгѣ. Госпожа De Chauffade прикрѣпила на животикѣ, на шелковомъ шнурочкѣ, маленькое зернышко, способствующее хорошему пищеваренію. Господинъ Van der Steen изъ Фландріи приподнесъ Гентскую колбасу, толщиною въ полтора и длиною въ пять локтей, съ почтительнѣйшимъ пожеланіемъ Его Высочеству, чтобы отъ одного ея запаха у него являлся аппетитъ къ выпивкѣ по-гентски. Потому что, кто любитъ гентское знаменитое пиво, тотъ будетъ любить и мѣстныхъ пивоваровъ. Господинъ шталмейстеръ Jacques-Christophe изъ Кастильи просилъ дитя носить на своихъ маленькихъ ножкахъ зеленый яшмовый камушекъ, научающій быстро бѣгать. А присутствовавшій здѣсь же шутъ Jean de Paepe сказалъ:

— Лучше дайте Его Высочеству, господинъ шталмейстеръ, библейскій рогъ Іосифа. И пусть при звукѣ этого рога города бѣгутъ передъ нимъ, повсюду съ почестями встрѣчая его, со всѣми своими жителями: мужчинами, женщинами и дѣтьми. Ибо Его Высочеству подобаетъ учиться не бѣгать, а другихъ заставлять быть на побѣгушкахъ.

Неутѣшная вдова Флоріана Van Borsele, управлявшаго Виромъ въ Зеландіи, дала Монсиньёру Филиппу талисманъ, дѣлавшій, по ея словамъ, мужчинъ влюбленными, а женщинъ неутѣшными...

Но маленькій монсиньёръ ревѣлъ, какъ теленокъ...

Въ то же время Класъ далъ въ руки своему сыну оловянную побрякушку съ бубенцами и, заставляя его танцовать на отцовской ладони, приговаривалъ:

— Бубенчики наши, бубенцы заливистые, будьте вы, бубенчики съ сынкомъ неразлучны. Вѣдь весельчакамъ-шутамъ на бѣломъ свѣтѣ всегда счастье.

И Уленшпигель смѣялся.

VIII.

Класъ поймалъ большую рыбу-семгу. И въ одно прекрасное воскресенье вмѣстѣ съ Сеткинъ, Катлиной и маленькимъ Уленшпигелемъ съѣлъ ее. Впрочемъ, Катлина съѣла не больше птицы.

— Кумушка,—обратился къ ней Класъ.—Должно быть воздухъ фландрскій сдѣлался нынче очень крѣпкимъ: тебѣ, какъ видно, достаточно подышать имъ, и ты ужъ сыта-сытехонька, точно мяса поѣла. А хорошо-бъ дожить до такихъ временъ, когда дожди пойдутъ суповые; когда не будетъ больше града, а вмѣсто града посыпятся съ небесъ бобы, а снѣгъ станетъ мясомъ, порубленнымъ на небеси на утѣху голодныхъ странниковъ.

Катлина, въ отвѣтъ покачавъ головою, не проронила ни слова.

— Взгляните, люди добрые, на нашу кумушку любезную! Что съ ней сталось, что подѣялось? Бѣда тайная какая стряслась съ нею,— продолжалъ Класъ.

Тогда тихимъ-тихимъ, какъ легкій вздохъ, голосомъ заговорила Катлина:

— Нечистый... Ночь темна... Издалека слышу его... Кричитъ, словно орелъ надъ моремъ,—вѣщаетъ о себѣ... Дрожу я... молюсь я Пресвятой Дѣвѣ Маріи... Все понапрасну. Ничто ему не помѣха... ни стѣны, ни заставы, ни двери, ни окна... Точно духъ, всюду проникаетъ... Слышу: скрипнула лѣстница, онъ ужъ тутъ, возлѣ меня, наверху въ чуланѣ, гдѣ сплю я... Схватилъ меня... руки холодныя, жесткія, какъ камень. Лицо, что ледъ... Цѣлуетъ, точно снѣгъ сыплется... Я вся ходуномъ хожу, словно соломенка подъ вѣтромъ, что твоя лодочка на волнахъ въ ненастье.

— Къ обѣднѣ надобно ходить, кумушка, каждое утро ходить, пока Господь нашъ Спаситель не поможетъ тебѣ отогнать дьявольское навожденіе.

— Ахъ, онъ такой красивый!—вырвалось у Катлины.

IX.

Уленшпигель, отнятый уже отъ материнской груди, росъ, какъ молодой тополекъ.

Класъ рѣже прежняго цѣловалъ его, но, напустивъ на себя серьезности, любилъ сдержанно, боясь избаловать сына.

Когда Уленшпигель, послѣ драки съ мальчишками, прибѣгалъ домой въ слезахъ и жаловался, что его вздули, Класъ тоже билъ своего первенца за то, что тотъ не сумѣлъ справиться съ товарищами. Воспитанный такимъ образомъ Уленшпигель сталъ храбрымъ, какъ львенокъ.

Въ отсутствіи отца случалось Уленшпигелю просить у матери ліарда, чтобы пойти поиграть въ орлянку. Тогда Сеткинъ, сердясь, замѣчала:

— Эка, приспичило играть! Сидѣлъ бы дома да связывалъ подтопу.

Видя, что мать не даетъ денегъ, Уленшпигель кричалъ, какъ орленокъ, но Сеткинъ громко стучала посудой, мыла горшки въ деревянной лоханкѣ и дѣлала видъ, что ничего не слышитъ. Уленшпигель прибѣгалъ къ другой тактикѣ: принимался плакать, и нѣжная мамаша, перемѣняя притворные гнѣвъ и жестокосердіе на милость, подходила къ нему, обнимала и утѣшала:

— Тебѣ довольно будетъ одного денье?—А нужно вамъ сказать, что денье стоилъ 6 ліардовъ [1]).

Итакъ, она слишкомъ любила сына, и, въ отсутствіи Класа, Уленшпигель былъ дома маленькимъ царькомъ.

X.

Однажды утромъ Сеткинъ застала мужа въ кухнѣ, шагающимъ изъ угла въ уголъ. Онъ шагалъ, опустивъ голову на грудь, съ видомъ человѣка, глубоко ушедшаго въ свои невеселыя думы.

— Чего кручинишься, муженекъ мой любезный?—спросила она.—На тебѣ лица нѣтъ, поблѣднѣлъ и самъ не въ себѣ.

Класъ отвѣтилъ глухимъ, лающимъ голосомъ:

— Говорятъ, не сегодня, завтра опять будутъ расклеены грамоты императорскія. Опять нависнетъ смерть надъ нашей землею фландрскою. Пожива будетъ доносчикамъ: станутъ получать они половину добра тѣхъ, кого оболгутъ, на кого донесутъ; половину добра, если все то добро не дороже стоитъ, чѣмъ сто старыхъ королевъ.

— Что намъ! мы бѣдные,—отозвалась Сеткинъ.

— Бѣдные!—подхватилъ онъ,—да не совсѣмъ. Есть не люди, а ястребы да вороны поганые: мертвечиной живутъ. Насъ съ тобою, за милую душу, продадутъ они. Корзинку съ углемъ мою съ Его Святѣйшимъ Величествомъ подѣлятъ, точно бы не корзинка это была съ углемъ, а съ самимъ золотомъ... Думаешь, богата была Таннекенъ, вдова Сира, портного, того самаго, что умеръ въ Гейстѣ, а вѣдь закопали жъ ее живою? Только и было всего, что латинская библія, три золотыхъ, штуки двѣ посуды оловянной, да и той, видно, позавидовала ея сосѣдка. Мартенсъ Анну тоже, подъ видомъ вѣдьмы, на кострѣ сожгли, а раньше, чѣмъ сжечь, въ водѣ топили; не тонула она, все всплывала, вотъ и рѣшили, что вѣдьма. А что у нея было? старый ломъ, а не мебель, да семь золотыхъ, что блюла въ сумѣ... Эхъ, да что тутъ!.. Всѣхъ не пересчитаешь, разсказывай хоть до утра... Одно тебѣ скажу: надо намъ съ тобой уходить отсюда. Скоро каждую ночь станетъ по селу ѣздить Смерть, и станутъ косточки покойничковъ тарахтѣть на телѣгѣ, да позванивать.

Сеткинъ сказала:

— Не слѣдуетъ тебѣ, муженекъ, страха на меня нагонять.

---

[1]) 20 соль + 4 ліарда + 3 денье = одному ливру. Ливръ содежитъ 4505,157 мгр. серебра—старинная французская монетная единица. Указанный выше вѣсъ относится къ концу XVI-аго вѣка, онъ примѣнялся и при Людовикѣ XIV-омъ. *Примѣч. пер.*

Императоръ-то—отецъ-батюшка земли нашей, многомилостивъ онъ и многотерпѣливъ.

— Ну, положимъ, не такъ ужъ многомилостивъ, если не гнушается отбирать чужое добро себѣ въ пользу.

Вдругъ послышался барабанный бой, и задребезжали цимбалы городского герольда. Класъ и Сеткинъ, поочередно таща на рукахъ Уленшпигеля, вмѣстѣ съ толпой побѣжали на шумъ.

Пришли въ Ратушу[1]), передъ которой стояли уже конные герольды, бившіе въ барабаны и ударявшіе въ цимбалы, былъ здѣсь и старшина съ аттрибутомъ власти—жезломъ, и прокуроръ на конѣ, съ императорскимъ приказомъ въ рукахъ, готовый приступить къ чтенію документа собравшейся толпѣ.

Класъ хорошо разслышалъ, что тамъ снова запрещалось, всѣмъ вообще и каждому въ частности, печатать, читать, держать у себяил и защищать писанія, книги или ученіе Мартина Лютера, Іоанна Виклефа, Іоанна Гусса, Марсилія Падуанскаго, Эколампадія, Ульриха Цвингли, Филиппа Меланхтона, Франциска Ламберта, Іоанна Померанскаго, Отто Брунзеліуса, Юстина Іонаса, Іоанна Пуериса и Горціана, Новый Завѣтъ, напечатанный Андріеномъ de Berges'омъ, Христофоромъ де Ремонда и Іоанномъ Целемъ, содержащій лютеровскую ересь и другія ереси, вновь испытанныя и осужденныя богословскимъ факультетомъ въ Лувенскомъ университетѣ.

Равнымъ образомъ не рисовать и не переснимать самому, не заставлять другихъ рисовать и переснимать кощунственныя изображенія Господа Бога, Пресвятой Дѣвы Маріи и св. Угодниковъ; а также не рвать, не ломать и не стирать иконъ или изображеній въ честь и во имя Божіе, во имя Пресвятой Дѣвы Маріи или Святыхъ, признанныхъ Церковью.

«Кромѣ того», гласилъ приказъ: «никто, кто бы онъ ни былъ, не долженъ распространять или оспаривать неподобающимъ способомъ св. Писанія, никто, кромѣ извѣстнѣйшихъ богослововъ, признанныхъ знаменитымъ университетомъ».

Для лицъ, заподозрѣнныхъ въ ересяхъ, Его Святѣйшее Величество установилъ, помимо прочихъ наказаній, еще лишеніе права занимать почетныя государственныя должности. Люди же, впавшіе въ заблужденіе или упорствующіе въ таковомъ, обрекались на сожженіе живыми на медленномъ огнѣ, въ соломенномъ помѣщеніи или же привязанные къ позорному столбу, въ зависимости отъ рѣшенія судьи. Прочіе мужчины благороднаго происхожденія и привилегированнаго званія должны были быть казнены мечемъ, крестьяне повѣшены, а женщины зарыты въ

[1]) à la Maison commune.

землю живыми. При этомъ въ распоряженіе императора поступало имущество казненныхъ въ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовали правила о конфискаціи.

Его Святѣйшее Величество назначалъ доносчикамъ половину состоянія казненныхъ, если это состояніе въ цѣломъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не превышало ста фландрскихъ ливровъ. Что же касается употребленія части, принадлежащей императору, то она предназначается на дѣла благотворительности и милосердія и присоединяется къ общимъ суммамъ, назначеннымъ для этой цѣли...

И Класу съ Сеткинъ и Уленшпигелемъ стало отъ этого очень грустно.

XI.

Выдался хорошій годъ. Класъ купилъ за семь флориновъ девять мѣръ гороху и небольшого ослика. Въ одно прекрасное утро сѣлъ на него верхомъ и, посадивъ позади себя Уленшпигеля, поѣхалъ. Поѣхали они въ такомъ щегольскомъ экипажѣ въ гости къ дядюшкѣ, къ старшему брату Класа Жосу, жившему неподалеку отъ Марбурга, въ Германіи.

Жосъ, въ молодости простой и тихій сердцемъ, настрадавшись съ годами отъ разныхъ несправедливостей, сдѣлался чудакомъ. Впавъ въ меланхолію, онъ возненавидѣлъ людей и жилъ въ одиночествѣ.

Для него было высшимъ удовольствіемъ заставить подраться, такъ называемыхъ, закадычныхъ друзей. И онъ вручалъ три патара тому изъ нихъ, кто другого больнѣе побивалъ,

Ему нравилось также собирать въ какомъ-нибудь обширномъ помѣщеніи какъ можно больше кумушекъ, самыхъ почтенныхъ и сварливыхъ, и угощать ихъ бутербродами и глинтвейномъ. Старушкамъ, старше шестьдесяти лѣтъ, онъ раздавалъ въ укромныхъ уголкахъ шерсть для вязанья, совѣтуя имъ отращивать ногти. И наслаждался, слушая ворчанье, болтовню, злословье, кашель и тяжелое харканье этихъ старыхъ сгорбленныхъ созданій, съ вязальными спицами подъ мышками стрекотавшихъ во славу будущаго.

Когда онѣ входили въ полный азартъ, Жосъ бросалъ въ огонь пучекъ щетины, воздухъ сразу дѣлался удушливымъ.

Тогда кумушки, наперебой упрекая другъ-друга за дурной запахъ, вцѣплялись въ волоса одна другой, и все-таки виновный не находился. Жосъ снова бросалъ въ огонь пучки щетины, а на полъ куски конской гривы. Когда же за густымъ дымомъ,

поднявшейся пылью и неистовой общей свалкой ничего нельзя было больше разобрать, онъ призывалъ двухъ своихъ работниковъ, переряженныхъ въ полицейскихъ. Они выгоняли хлыстами старухъ на улицу, выгоняли, словно стадо расходившихся гусей.

Послѣ Жосъ, обозрѣвая поле битвы, находилъ на немъ обрывки юбокъ, сорочекъ, попадались и старые зубы.

И меланхолически онъ замѣчалъ:

— Напрасный бой, ни одна изъ нихъ не оставила на полу своего языка.

XII.

Класъ добрался до окрестностей Марбурга и ѣхалъ по лѣсу. Осликъ, идя шагомъ, пощипывалъ чертополохъ. Уленшпигель замахивался на бабочекъ своей шапкой, подбрасывалъ и ловилъ ее, не слѣзая съ ослика. Класъ ѣлъ ломоть хлѣба, помышляя помочить его въ ближайшемъ трактирѣ. Онъ услыхалъ отдаленное позваниванье колокольчика и шумъ, характерный для толпы людей, говорящихъ одновременно.

— Эго, должно быть,—пояснилъ онъ,—идутъ куда-нибудь паломники, вѣрно, ихъ очень много. Ты, сыночекъ, крѣпко держись за своего жеребчика, а то какъ бы они тебя, повстрѣчавшись, не скинули на землю. Ну, ѣдемъ пошибче, того гляди, нашъ жеребчикъ станетъ щипать вмѣсто травы мои каблуки.

И осликъ побѣжалъ рысью. Выѣхавъ на опушку лѣса, онъ спустился на широкую покатую поляну, окаймленную съ восточной стороны рѣкою; на западномъ склонѣ поляны была выстроена маленькая часовня, съ нарисованной на ней Божьей Матерью, у ногъ Которой изображены были два небольшихъ быка. На ступенькахъ часовни находились: отшельникъ, звонившій въ колокольчикъ, пятьдесятъ гайдуковъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ; музыканты, барабанщики и трубачи, флейтисты, волынисты и цѣлая толпа удалыхъ подмастерьевъ съ желѣзными коробками, наполненными разнымъ ломомъ. Въ данный моментъ они молчали.

Тысячъ около пяти, и даже больше, паломниковъ въ каскахъ, съ зелеными свѣжими палками шли тѣсными колоннами, по семи въ рядъ. Вновь и вновь подходившіе шумно выстраивались позади пришедшихъ раньше. Потомъ всѣ собравшіеся, по семи человѣкъ, дефилировали передъ часовней: освящали свои палки, получали изъ рукъ гайдука свѣчу, платя полфлорина отшельнику.

И эта процессія была такъ длинна, что свѣчи въ первыхъ ря-

дахъ почти догорали, въ то время какъ въ послѣднихъ пламя било слишкомъ высоко.

Класъ, Уленшпигель и осликъ съ изумленіемъ увидѣли чрезвычайное разнообразіе всевозможныхъ пузановъ; тутъ были люди съ животами самыхъ различныхъ формъ: широкихъ, высокихъ, конусообразныхъ, гордыхъ, сдержанныхъ или лѣниво опускающихся на ихъ естественную, природную подпорку. И всѣ паломники были въ каскахъ, вынесенныхъ ими изъ Труа, похожихъ на фригійскія шапки съ прикрѣпленнымъ къ нимъ краснымъ пѣтушинымъ гребнемъ. Нѣкоторые же изъ нихъ, несмотря на свои толстыя щеки и сонливый видъ, украсились касками на подобіе распростертыхъ крыльевъ, хотя, повидимому, ничего общаго ни съ какими полётами не имѣли. Затѣмъ выступали люди, убравшіе головы салатомъ, на которомъ не было улитокъ вслѣдствіе слабой зеленой окраски листьевъ.

Но большинство паломниковъ было въ такихъ старыхъ заржавѣлыхъ головныхъ уборахъ, что напоминали блаженныя времена «короля Фландріи и Пива» Гамбровіуса. Король этотъ жилъ за 900 лѣтъ до Рождества Христова и, вмѣсто шляпы, на всякій случай, надѣвалъ на голову чарку, чтобы не быть принужденнымъ когда-нибудь отказаться отъ выпивки за недостаткомъ кружки.

Вдругъ заохали, загрохотали, замолотили, завизжали, задребезжали, зазвенѣли колокола, волынки, барабаны и желѣзныя коробки.

Лишь только возникъ этотъ шумъ, сигнальный для паломниковъ, какъ они, повернувшись колонна противъ колонны, стали тыкать другъ другу въ физіономіи горящими свѣчами. Раздалось великое чиханье. Удары палками посыпались дождемъ. Дрались, пустивъ въ ходъ ноги, головы, каблуки, все что только можно было. Иные устремлялись на своихъ противниковъ на манеръ барановъ, касками впередъ, нахлобучивъ ихъ до самыхъ плечъ, и, ничего не видя, падали на разъяренныхъ семь товарищей. Эти послѣдніе встрѣчали такихъ упавшихъ безпощадно.

Слезливые и трусы, жаловавшіеся на побои, хныкали, бормоча «Отче нашъ», но другіе семь дерущихся бросались къ нимъ и, сбивъ съ ногъ, безжалостно топтали ихъ.

Отшельникъ же смѣялся.

Слѣдующія семёрки воюющихъ, точно виноградныя гроздья переплетясь между собою, скатывались съ вершины покатости въ рѣку, въ которой они, не охладивъ своего воинственнаго пыла, продолжали тузить одни другихъ.

Отшельникъ же смѣялся.

Оставшіеся на полянѣ подставляли себѣ фонари подъ глазами, выбивали зубы, вырывали волосы, разгрызали свои куртки и другія необходимыя принадлежности туалета.

Отшельникъ же смѣялся и приговаривалъ:

— Не падайте духомъ, друзья любезные, кто умѣетъ драться, тотъ умѣетъ и любить. Лучшимъ драчунамъ и въ любви везетъ. При нашей часовнѣ познается способность мужчины сдѣлаться отцомъ.

И поломники радовались въ сердцѣ своемъ.

Между тѣмъ Класъ приблизился къ отшельнику, а Уленшпигель смѣялся и кричалъ, аплодируя дракѣ.

— Чѣмъ провинились они, отецъ, что ты заставляешь ихъ такъ сильно драться?—спросилъ Класъ.

Но отшельникъ, не слушая, кричалъ:

— Лѣнтяи! вы падаете духомъ. Если кулаки притомились, пускайте въ ходъ ноги! Сражайтесь во славу Божію! Неужели есть среди васъ желающіе бѣжать отсюда?! Чѣмъ высѣкаютъ изъ камня огонь? Желѣзомъ, которымъ по немъ ударяютъ. Что же какъ не молодецкая драка поднимаетъ мужеспособность людей пожилыхъ?

Въ отвѣтъ на это почтенные паломники продолжали воевать, пустивъ въ дѣло каски, руки и ноги. Поднялась такая свалка, что самъ стойкій Аргусъ за столбомъ пыли и летавшими кусками касокъ не могъ бы ничего различить.

Тутъ отшельникъ позвонилъ. Флейты, барабаны, трубы, волынки прекратили свое шумное дѣйствіе: былъ поданъ сигналъ къ миру.

Поломники подбирали раненыхъ. Среди пострадавшихъ были нѣкоторые съ высунутыми отъ ярости языками. Эти языки мало-по-малу снова входили въ свое привычное помѣщеніе въ нёбной полости. Труднѣе всего было надвинувшимъ каски до самой шеи. Они долго безрезультатно трясли головами. Отшельникъ ихъ утѣшалъ и напутствовалъ:

— Прочитайте теперь каждый Богородицу и отправляйтесь по домамъ, къ вашимъ хозяйкамъ. Черезъ девять мѣсяцевъ со дня вашего прибытія домой, въ вашихъ околоткахъ прибавится ровно столько дѣтей, сколько было здѣсь храбрыхъ бойцовъ.

И отшельникъ пѣлъ Богородицу и всѣ пѣли вмѣстѣ съ нимъ. И колоколъ зазвонилъ. Тогда отшельникъ благословилъ ихъ во имя Пресвятой Дѣвы Маріи и отпустилъ, сказавъ:

— Ступайте съ миромъ.

Они тронулись въ путь, крича и толкаясь, и пѣли молитву до самаго Марбурга. Всѣ хозяюшки, пожилыя и молодыя, под-

жидали ихъ на порогахъ домовъ, и они вошли въ эти дома, словно рубаки-воины во взятый приступомъ городъ.

Колокола въ Марбургѣ звонили во-всю, мальчишки свистѣли, кричали, играли въ rockel-pot [1]).

Чарки, кубки, кружки, стаканы, графинчики и штофы позванивали удивительно пріятно. И вино потоками вливалось въ ротъ.

Подъ этотъ пріятный звонъ и отголоски пѣсенъ, порою доносимые вѣтромъ изъ города, Класъ снова обратился къ отшельнику и спросилъ, какую милость свыше надѣялись обрѣсти эти люди въ награду за такое свирѣпое испытаніе.

Разсмѣявшись, отшельникъ отвѣтилъ ему:

— Ты видишь на этой часовнѣ изображенія двухъ буйволовъ. Они здѣсь представлены въ память чуда, совершоннаго св. Мартиномъ, превратившимъ двухъ воловъ въ буйволовъ. Онъ совершилъ превращеніе, заставивъ ихъ биться другъ съ другомъ рогами. Потомъ, по преданію, теръ имъ морды свѣчей и зелеными вѣтками, теръ дольше часа. Узнавъ объ этомъ чудѣ и запасшись папской грамотой, за которую пришлось порядочно заплатить, я водворился въ этихъ мѣстахъ. Съ тѣхъ поръ люди съ застарѣлымъ кашлемъ и господа пузаны изъ Марбурга и его окрестностей—мои паціенты. Поколотивъ предварительно и здорово свѣчей другъ друга—свѣча сообщаетъ благодать—и палкой, она придаетъ силы,—становятся они угодными св. Покровительницѣ нашей часовни. Обыкновенно жены отправляютъ сюда своихъ старыхъ мужей. Дѣти, родившіяся послѣ счастливаго паломничества, отличаются силой, смѣлостью, необузданностью, ловкостью, впослѣдствіи изъ нихъ выходятъ великолѣпные солдаты...

Прервавъ свою рѣчь, отшельникъ неожиданно задалъ Класу вопросъ:

— Узнаешь ты меня?

— Да,—отвѣтилъ Класъ:—узнаю, ты мой братъ Жосъ.

— Да, твой братъ,—подтвердилъ отшельникъ:—ну, а этотъ малышъ, корчащій мнѣ гримасы, кто?

— Твой племянникъ,—сообщилъ Класъ.

— Какъ ты полагаешь, какая разница между мною и императоромъ Карломъ?

— Думаю, большая разница.

— Нѣтъ, малая,—возразилъ Жосъ,—потому что мы оба въ сущности занимаемся однимъ и тѣмъ же: онъ заставляетъ людей

[1]) rockel-pot, или Rommel-pot—см. объясненіе въ XXI главѣ. *Переводчикъ.*

убивать другъ друга, я принуждаю ихъ драться между собою; и оба мы дѣлаемъ это для своей пользы и удовольствія.

Потомъ гости съ хозяиномъ удалились въ скитъ. Тамъ они пировали безъ перерыва одиннадцать дней.

XIII.

Разставаясь съ братомъ, Класъ сѣлъ на своего ослика, попрежнему посадивъ позади себя Уленшпигеля. Сѣлъ и поѣхалъ по большой Марбургской площади. Здѣсь, въ разныхъ мѣстахъ, кучками стояли паломники, которые, при видѣ его, впали во внезапную ярость: размахивали палками и кричали: «Бездѣльникъ!» Виною всему былъ Уленшпигель, раздвинувшій прорѣху въ штанишкахъ, вытащившій рубашонку и показывавшій имъ что-то.

Класъ, сообразивъ, что грозили сыну, а не ему, обратился къ своему чадушкѣ:

— Что ты надѣлалъ, что они тебя, какъ видно, поколотить хотятъ.

— Любезный папенька,—отвѣчалъ Уленшпигель,—сижу я на осликѣ, никому ничего не говорю, и все-таки они бранятся бездѣльникомъ.

Тогда Класъ посадилъ его впереди себя.

На новомъ мѣстѣ Уленшпигель показывалъ языкъ паломникамъ. Тѣ въ отвѣтъ громко бранились, грозились кулаками и, поднявъ свои свѣжія, зеленыя палки, готовы были ринуться на Класа и на ослика.

Класъ сталъ каблуками подгонять своего жеребчика, спасаясь отъ ярости паломниковъ, погнавшихся за нимъ и задыхавшихся отъ быстраго бѣга.

— Должно быть ты въ несчастный день родился: сидишь на виду у меня, никого не трогаешь, а они готовы отдуть тебя.

Уленшпигель смѣялся.

Проѣзжая черезъ Льежъ, Класъ узналъ, что въ рѣчной области былъ голодъ и что жителей тамъ судили спеціальнымъ церковнымъ судомъ; они взбунтовались: требовали хлѣба и обыкновеннаго, гражданскаго суда. Нѣкоторымъ изъ нихъ отсѣкли головы, другихъ повѣсили, а прочихъ, по неизреченной милости тишайшаго епископа Марка, выслали изъ предѣловъ родины.

Класу по дорогѣ попадались изгнанники, покидающіе свою милую Валлонію, а на деревьяхъ, вблизи города, онъ видѣлъ трупы людей, повѣшенныхъ за то, что голодали. И онъ оплакивалъ ихъ.

XIV.

Наконецъ, верхомъ на своемъ осликѣ, онъ вернулся домой, привезя съ собой мѣшочекъ, набитый патарами, и оловянную, англійской работы, кружку—подарки брата Жоса. Вернулся и сталъ пировать въ своей хибаркѣ: каждый день за обѣдомъ ѣлъ мясо съ фасолью.

Класъ часто наливалъ дополна оловянную кружку англійской работы и опорожнялъ ее.

Уленшпигель ѣлъ за троихъ и хозяйничалъ въ мискѣ, словно воробей на гумнѣ.

— Одного только недостаетъ, чтобъ онъ и солонку съѣлъ,—промолвилъ Класъ,—глядите, онъ ужъ за нее принялся.

Уленшпигель отвѣтилъ:

— Когда, какъ у насъ, солонка—сухая краюха хлѣба безъ мякиша, то порою ее нужно съѣдать, а то какъ бы черви въ ней не завелись.

— А почему ты вытираешь сальныя руки о ляжки?—ввернула свое слово Сеткинъ.

— Вытираю, чтобы ляжки никогда не промокали,—возразилъ Уленшпигель.

Класъ при этомъ налилъ свою кружку.

Уленшпигель обратился къ отцу:

— А почему у тебя большущая кружка, а у меня всего несчастная кружечка?

Класъ отвѣтилъ:

— Потому что я—твой отецъ и хозяинъ дома.

Уленшпигель не унимался:

— Ну, такъ что жъ! Ты ужъ сорокъ лѣтъ пьешь, а я только девять; твое время пить прошло, мое теперь началось. Большую кружку нужно мнѣ отдать, а тебѣ маленькую.

— Видишь ли, сынокъ,—замѣтилъ Класъ,—кто вздумаетъ въ простой боченокъ влить сорокаведерную бочку, тотъ не очень умно поступитъ. Это все равно, что лить пиво на вѣтеръ.

— Значитъ, ты правильно сдѣлаешь, если свой боченокъ вольешь въ мою бочку. Вѣдь я же больше, чѣмъ твоя огромная кружка.

И Класъ, довольный сыномъ, позволилъ опорожнить ему свою кружку. Такимъ образомъ научился Уленшпигель своимъ балагурствомъ добывать кружку пива.

XV.

Сеткинъ носила подъ сердцемъ доказательство новаго материнства. Катлина была также беременна, но, отъ страха, не осмѣливалась выходить изъ дома.

Когда Сеткинъ зашла ее провѣдать, она, больная и пополнѣвшая, говорила озабоченно:

— Не знаю, что мнѣ, бѣдной, дѣлать съ несчастнымъ плодомъ моего чрева? Не удушить ли его? Господи, хоть бы смерть!.. Придутъ полицейскіе, возьмутъ меня. Не замужемъ, вѣдь, рожу; и заставятъ, словно гулящую, заплатить двадцать флориновъ, да еще и плетьми будутъ стягать на Главномъ Рынкѣ.

Сеткинъ въ утѣшеніе говорила ей ласковыя слова и, разставшись съ нею, въ задумчивости возвратилась домой.

— А что, если я тебѣ рожу двойню, ты не будешь бить меня, муженекъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ Класъ.

— А что если мои близнецы не оба будутъ твоими, а одинъ, какъ, напримѣръ, у бѣдной Катлины, будетъ отъ дьявола? И тогда не будешь бить?

— Черти,—возразилъ Класъ,—могутъ дѣлать огонь, смерть, или, тамъ, дымъ, а дѣтей нѣтъ; дѣтей дѣлать они не могутъ. Я готовъ назвать своимъ ребеночка Катлины.

— Возьмешь, правда?

— Возьму,—подтвердилъ еще разъ Класъ.

Сеткинъ побѣжала сообщить новость Катлинѣ.

Та, услыхавъ радостное извѣстіе, воскликнула въ восторгѣ:

— Пожалѣлъ онъ мою грѣшную плоть! Да благословитъ его Господь за это, да благословитъ его дьяволъ, если только ребеночекъ маленькій во чревѣ моемъ отъ дьявольскаго навожденія.

Сеткинъ съ Катлиной родили: первая мальчика, вторая дѣвочку. Обоихъ младенцевъ крестили, какъ сына и дочку Класа. Сынъ Сеткинъ былъ названъ Гансомъ и жилъ недолго, дѣвочку Катлины назвали Нэль, и она росла хорошо.

Она пила ликеръ жизни изъ четырехъ флаконовъ; изъ нихъ два принадлежали Катлинѣ, другіе два—Сеткинъ. И, случалось, обѣ женщины слегка препирались, кому кормить ребенка. Но, несмотря на все желаніе со стороны Катлины, ей иногда приходилось отказываться отъ кормленія, чтобы не подавать лишняго повода къ разспросамъ, почему это у нея есть молоко, когда она не замужемъ.

Какъ только маленькая Нэль была отнята отъ груди, мать взяла дѣвочку къ себѣ и никуда не отпускала до тѣхъ поръ, пока та не назвала ее мамой.

Сосѣди же говорили, что зажиточная Катлина поступила хорошо, взявъ на воспитаніе дитя Класовъ, людей трудящихся и бѣдныхъ.

XVI.

Однажды утромъ Уленшпигель остался одинъ въ домѣ и, соскучившись, сталъ выкраивать изъ отцовскаго сапога кораблик. Онъ воткнулъ уже въ подошву гротъ-мачту и продырявилъ голенище, желая приладить бугшпритъ, какъ вдругъ въ полуоткрытой наружу двери показалась половина туловища всадника и голова лошади.

— Кто-нибудь дома?—освѣдомился всадникъ.

— Полтора человѣка и лошадиная голова дома.

— Какъ?—переспросилъ всадникъ.

Уленшпигель отвѣтилъ:

— А такъ: цѣлый человѣкъ—это я, полъ человѣка—твое туловище, а лошадиная голова—голова лошади, на которой ты сидишь.

— Гдѣ твои отецъ съ матерью?

— Мой отецъ пошелъ изъ плохого дѣлать скверное, а моя мать занята: старается ввести насъ либо въ стыдъ, либо въ убытокъ.

— Говори яснѣе,—замѣтилъ всадникъ.

Уленшпигель пояснилъ:

— Мой отецъ сейчасъ копаетъ ямы въ полѣ, перекапываетъ ихъ поглубже, чтобы тѣ, кто вытаптываютъ хлѣбъ, охотнички значитъ, провалились бы получше. Моя мать пошла деньги занимать. Если она займетъ, а потомъ не все отдастъ, намъ будетъ стыдно; если же отдастъ съ лихвою, намъ будетъ убытокъ.

Тогда человѣкъ спросилъ, гдѣ ему удобнѣе пройти.

— Вонъ тамъ, гдѣ гуси,—указалъ Уленшпигель.

Человѣкъ вышелъ и возвратился въ моментъ, когда мальчуганъ другой отцовскій сапогъ превращалъ въ многовесельную галеру.

— Ты обманулъ меня; тамъ, гдѣ гуси, сплошная грязь и болото, и они барахтаются въ немъ.

Уленшпигель возразилъ:

— Я и не думалъ говорить, что тебѣ надобно итти туда, гдѣ гуси барахтаются въ грязи, но туда, гдѣ они по сухому ходятъ.

— Ну, покажи мнѣ, пожалуйста, дорогу, которая идетъ въ Гейстъ.

— У насъ, во Фландріи, пѣшеходы идутъ по дорогамъ, а дороги сами ходить не умѣютъ,—съязвилъ Уленшпигель.

XVII.

Однажды Сеткинъ сказала мужу:

— Муженекъ любезный, у меня душа не на мѣстѣ. Вотъ ужъ третій день, какъ Тиль ушелъ изъ дома. Не извѣстно ли тебѣ, гдѣ онъ?

Класъ печально отвѣтилъ:

— Да гдѣ ему быть?! Шатается, словно собака, гдѣ-нибудь съ такими же бродягами, какъ онъ самъ. Въ наказаніе Господь послалъ намъ такого сына! А когда родился, мнѣ все думалось, что лишній работникъ будетъ въ хозяйствѣ, опора намъ съ тобою въ старости. Разсчитывалъ человѣка изъ него сдѣлать. А вышло совсѣмъ другое: повѣса онъ и бездѣльникъ.

— Больно ужъ ты строгонекъ, муженекъ, такъ нельзя! Дитяти-то и всего десятый годокъ, подурачиться хочется. Дитя, что деревцо молоденькое: раньше ненужную кожуру съ почекъ сброситъ на землю, потомъ ужъ листочками одѣнется. Людская честность да доблесть—тѣ же листочки, не жди ихъ прежде времени. А что правда, то правда: сыночекъ нашъ—сорви-голова и насмѣшникъ. Кто знаетъ, можетъ, молодечество его впрокъ ему пойдетъ. Не все жъ шутить да чудачить, придетъ пора, ремесломъ какимъ займется. И то сказать, когда жъ ему и посмѣяться, если не теперь. Вотъ увидишь, со временемъ онъ къ хорошему цеху пристроится. Знаешь, я такъ думаю, кто смолоду смѣяться не умѣетъ, плоха на того надежда. Ну, что жъ, что онъ бѣгаетъ, надо и побѣгать, скорѣй вырастетъ. Не работаетъ—не велика бѣда; не разумѣетъ еще, что трудиться надобно. А что уйдетъ изъ дома на день, на два, тоже не большое несчастье—ему невдомекъ, что у насъ за него душа скорбитъ; а сердце у него, я знаю, доброе, и насъ онъ любитъ.

Класъ молча качалъ головою, и Сеткинъ, когда онъ легъ спать и заснулъ, плакала въ одиночествѣ. И поутру, думая о томъ, что, вѣроятно, ея сынъ лежитъ больной гдѣ-нибудь при дорогѣ, она выходила на крыльцо поглядѣть, не вернулся ли онъ; но не увидѣвъ ничего, садилась подъ окномъ, глазъ не сводя съ улицы. И часто сердце прыгало въ груди у нея при звукахъ легкихъ шаговъ какого-нибудь мальчика; но проходилъ тотъ, и она убѣждалась, что это былъ не Уленшпигель; тогда горько плакала бѣдная, скорбящая мать.

Между тѣмъ Уленшпигель былъ со своими удалыми товарищами на субботнемъ базарѣ въ Брюгге.

Тамъ назначали себѣ свиданія сапожники и башмачники, торговавшіе въ отдѣльныхъ балаганахъ, продавцы готоваго платья, пропойцы, занимающіеся по ночамъ вмѣстѣ съ совами ловлей синицъ, торговцы битой птицей, бродяги, люди, занимающіеся продажей кошачьихъ кожъ для перчатокъ, нагрудниковъ и фуфаекъ, и самые разнообразные покупщики, мѣщане и мѣщанки, лакеи и горничныя, пекари, ключники, шуты и шутихи; однимъ словомъ, торговцы и продавцы всевозможныхъ

сортовъ и разрядовъ, зазывающіе въ свою лавочку и отбивающіе покупателя у сосѣда, набиватели и сбиватели цѣны.

Въ одномъ мѣстѣ на рынкѣ была устроена хорошая холщевая палатка на четырехъ подставахъ. При входѣ въ нее крестьянинъ изъ Алоста, въ сопровожденіи двухъ монаховъ, преслѣдовавшихъ исключительно цѣли наживы, показывалъ за одинъ патаръ любопытнымъ ханжамъ кость изъ плеча св. Маріи Египетской, выкрикивая разбитымъ голосомъ добродѣтели угодницы. Между прочимъ, упоминалъ и о томъ, какъ она однажды, за неимѣніемъ денегъ, уплатила продавцу прохладительныхъ напитковъ прекрасной натурой, уплатила изъ опасенія, отказавъ бѣдному разнозчику, не согрѣшить противъ св. Духа.

Присутствовавшіе при этомъ два монаха кивали головами въ знакъ того, что крестьянинъ говорилъ истину. Рядомъ съ ними находилась толстая, краснощекая женщина, похотливая, какъ Астарта, дующая изо всей мочи въ очень скверную флейту; возлѣ этой женщины маленькая дѣвочка пѣла, заливаясь словно птичка-славка. Но ее никто не слушалъ. Надъ входомъ въ палатку къ двумъ шестамъ былъ подвѣшенъ чанъ, наполненный освященной въ Римѣ водой. Объ этомъ, именно, и возвѣщала громогласно толстая женщина, а оба монаха, одобрительнымъ покачиваньемъ головъ, подтверждали возвѣщенное ею. Уленшпигель, глядя на чанъ, замечтался.

Къ одной изъ подставокъ, служившихъ подножьемъ палатки привязали осла, котораго, очевидно, кормили сѣномъ, а не овсомъ: опустивъ голову, онъ глядѣлъ въ землю безъ всякой надежды увидѣть внизу чертополохъ.

— Гей, товарищи,—промолвилъ Уленшпигель, указывая пальцемъ на толстую женщину, двухъ монаховъ и на печально настроеннаго осла,—очень ужъ хорошо поютъ эти люди, надо заставить потанцовать ослика.

Сказавъ это, онъ побѣжалъ въ сосѣднюю лавочку, купилъ перцу на 6 ліардовъ и насыпалъ его подъ хвостъ ослику.

Оселъ, почувствовавъ перецъ, заглянулъ себѣ подъ хвостъ, желая убѣдиться, откуда такое необычное ощущеніе сильной теплоты. Полагая, что туда вселился дьяволъ, онъ, желая избавиться отъ нечистой силы, помчался, сталъ пронзительно кричать и трясти столбъ, къ которому былъ привязанъ. При первомъ же толчкѣ чанъ, привѣшенный къ двумъ шестамъ, перевернулся, и освященная вода пролилась на палатку и на бывшихъ въ ней. Вскорѣ холстъ обмякъ и опустился, окутавъ своимъ влажнымъ покровомъ слушавщихъ исторію Маріи Египетской. И Уленшпигель съ товарищами услыхали охи и вздохи, несшіеся изъ-подъ

палатки: ханжи, бывшіе внутри, обвиняя другъ друга въ катастрофѣ съ чаномъ, побагровѣли отъ злости и стали драться. Подъ усиліями дравшихся холстъ поднимался кверху. И каждый разъ при этомъ Уленшпигель, замѣтивъ гдѣ-нибудь ясно выступавшую округлость, кололъ туда иголкой. Тогда подъ палаткой раздавался пронзительный крикъ и тумаки сыпались направо и налѣво.

Но въ особенный восторгъ пришелъ виновникъ всей суматохи при видѣ ослика, понесшагося во всю прыть и увлекавшаго за собою холстъ, чанъ и подставки въ то время, какъ хозяинъ палатки, его жена и дочь уцѣпились за свой скарбъ. Осликъ, выбившись изъ силъ, поднялъ морду, не переставая кричалъ и пытался заглянуть себѣ подъ хвостъ, желая убѣдиться, не погасло ли то, что тамъ такъ сильно жгло его.

Между тѣмъ ханжи продолжали бой; монахи же, не обращая вниманія на шумъ, собирали деньги, упавшія съ тарелокъ, и Уленшпигель благочестиво помогалъ имъ, не безъ легкой выгоды для себя.

XVIII.

Такъ росъ шаловливымъ, удалымъ мальчуганомъ бездѣльникъ—сынъ простого угольщика. Болѣзненный же отпрыскъ блистательнаго императора прозябалъ въ безпросвѣтной меланхоліи. На глазахъ у фрейлинъ и камергеровъ онъ безцѣльно волочилъ по комнатамъ и коридорамъ въ Вальядолидѣ свое дряблое тѣло, и на его дрожащихъ ногахъ съ трудомъ держалась тяжелая голова съ русыми жесткими волосами.

Постоянно забираясь въ темные коридоры, онъ цѣлыми часами просиживалъ на полу, вытянувъ ноги. Если кто-нибудь изъ лакеевъ случайно натыкался на него, маленькій принцъ добивался тѣлеснаго наказанія виновнаго и, присутствуя при истязаніи, наслаждался криками своей жертвы, но никогда не смѣялся при этомъ.

На слѣдующее утро онъ снова разставлялъ свои сѣти, усѣвшись въ какомъ-нибудь коридорѣ въ той же позѣ, протянувъ ноги. Фрейлины, камергеры, пажи, торопливо проходившіе или пробѣгавшіе мимо, спотыкались и падали и, случалось, больно ушибались. Тогда маленькій принцъ наслаждался, но никогда при этомъ не смѣялся.

Если кто-нибудь изъ высокопоставленныхъ придворныхъ, наскочивъ на него, не падалъ, то онъ кричалъ до тѣхъ поръ, что его больно ударили, пока съ радостью не замѣчалъ ужаса на лицѣ провинившагося, но никогда при этомъ не смѣялся.

Его Святѣйшему Величеству донесли объ этой привычкѣ наслѣдника, и Его Величество рѣшилъ, что, если наслѣдникъ

не хочетъ, чтобы ходили ему по ногамъ, то пусть подбираетъ ноги, когда другіе проходятъ.

Такое рѣшеніе не понравилось Филиппу, но онъ ничего не возразилъ и долго не показывался больше нигдѣ. Однажды въ ясный лѣтній день онъ, хмурый, чувствуя ознобъ, вышелъ на дворъ погрѣться на солнышкѣ.

Въ такомъ меланхолическомъ видѣ увидѣлъ его только что возвратившійся изъ похода Карлъ.

— Сынъ мой, какъ ты не похожъ на меня! Въ твоемъ возрастѣ я лазилъ по деревьямъ и гонялся за бѣлками. А то, бывало, по отвѣсной скалѣ, съ рискомъ вдребезги разбиться, спущусь на веревкѣ къ орлинымъ гнѣздамъ за орлятами. И ничего, не разбился, только кости окрѣпли. На охотѣ тоже, случалось, встрѣтишься съ дикими звѣрями, увидятъ они мой добрый мушкетъ, и помчатся отъ меня въ чащу лѣсную.

— Охъ, у меня животъ болитъ,—вздыхалъ ребенокъ.

— Пиксаретское зино самое лучшее средство отъ желудка,— замѣчалъ Карлъ.

— Я не люблю вина, у меня отъ него голова болитъ, Ваше Величество.

— Сынъ мой,—продолжалъ Карлъ:—тебѣ нужно бѣгать, прыгать, скакать, какъ всѣ дѣти въ твоемъ возрастѣ.

— У меня ноги плохо гнутся, Ваше Величество.

— Какъ же ты хочешь, чтобъ онѣ гнулись, когда ты ими, словно деревянными, совсѣмъ почти не пользуешься. Вотъ я возьму да и прикажу посадить тебя верхомъ на рысака и привязать къ сѣдлу.

Ребенокъ разражался слезами.

— Не надо меня привязывать, папенька... Ваше Величество! У меня поясницу ломитъ.

— Но, голубчикъ, тебя, видно, всего ломитъ.

— Я буду здоровъ, если никто меня не будетъ трогать.

— Что же ты, будущій король, думаешь проводить свою жизнь въ родѣ схимника?—съ раздраженіемъ произнесъ Карлъ.— Схимники мечтаютъ, маранотъ чернилами бумагу, имъ нужны тишина, одиночество и всякое тамъ самопогруженіе. А тебѣ, сыну воина, нужна горячая кровь, зоркость рыси, лисья хитрость, сила Геркулеса. Что ты крестишься? Святый Боже! Не тебѣ, львенку, подражать молотильщицамъ «patenôtres»! [1])

— Къ Достойной звонятъ, папенька, Ваше Величество,— отвѣчалъ инфантъ.

---

[1]) Patenôtre—Отче нашъ.

XIX.

Въ томъ году май и іюнь особенно богаты были цвѣтами. Никогда еще не видано было въ садахъ Фландріи такого огромнаго количества распустившихся душистыхъ боярышниковъ, розъ, жасмина и каприфолій. Когда вѣтеръ съ англійскаго берега гналъ изъ этой цвѣтущей страны на востокъ пароходы, то невольно каждый, особенно въ Антверпенѣ, поднималъ голову и, втягивая въ себя воздухъ, приговаривалъ:

— Чувствуете вы фландрскій воздухъ?

И прилежныя пчелы брали медъ съ цвѣтовъ, строили соты, клали яички въ ульи, недостаточно объемистые для будущихъ роевъ. Какая дивная, трудовая музыка раздавалась подъ голубымъ небомъ, осѣнявшимъ этотъ пышный, богатый край!

Наскоро прилаживали ульи: камышевые, соломенные, ивовые, сплетенные изъ сухой травы. Корзинщики, бочары зубрили на непрекращающейся работѣ свои инструменты. Бондари же были нарасхватъ, ихъ нехватало.

Рои выводились въ 30,000 пчелъ и въ 2,700 шмелей. Пироги на меду удавались на славу, такъ что старшина въ Дамѣ послалъ ихъ цѣлыхъ одиннадцать въ подарокъ императору Карлу въ благодарность за его указы, возстановившіе въ силѣ св. Инквизицію. Филиппъ поѣлъ эти пироги, но они не пошли ему впрокъ.

Привлеченные пріятнымъ запахомъ и желая поживиться медкомъ, появились откуда-то бродяги, нищіе и всякаго рода сбродъ. Они предпочитали скорѣе дать себя повѣсить, чѣмъ работать, и волочили по дорогамъ за собою свою лѣнь, шатаясь по ночамъ цѣлой гурьбой.

Класъ надѣлалъ ульевъ и ловилъ рои. Въ нѣкоторыхъ ульяхъ уже были пчелы, другіе еще стояли порожними въ ожиданіи пчелъ. Класъ всю ночь сторожилъ свое милое добро, а когда уставалъ, то приказывалъ Уленшпигелю замѣщать себя. И сынъ охотно исполнялъ это приказаніе.

Но вотъ такъ вышло, что Уленшпигель, озябши немного, захотѣлъ погрѣться и влѣзъ въ пустой улей. Съежившись тамъ, онъ смотрѣлъ черезъ отверстія въ стѣнкахъ, которыхъ было два.

Только что онъ задремалъ, какъ, сквозь сонъ, услыхалъ потрескиванье забора и голоса двухъ мужчинъ, принятыхъ имъ за воровъ. Черезъ отверстіе въ ульѣ видно было, что оба они были длинноволосые, и одинъ изъ нихъ съ окладистой бородой, хотя борода въ то время была признакомъ благороднаго происхожденія. Они переходили отъ улья къ улью и въ концѣ-концовъ подошли къ тому, въ которомъ помѣстился маленькій сторожъ. Приподнявъ его, рѣшили:

— Возьмемъ этотъ, самый тяжелый.

И, подложивъ подъ низъ палки, потащили свою добычу.

Уленшпигелю не очень улыбалось подобное путешествіе въ ульѣ. Ночь была ясная, и воры двигались, не произнося ни слова. Черезъ каждые шаговъ пятьдесятъ, съ трудомъ дыша, они останавливались, отдыхали немного и снова отправлялись въ путь. Шедшій впереди воръ ворчалъ, недовольный, что нужно нести такую тяжесть, а идущій позади охалъ меланхолически. Кстати сказать, на этомъ свѣтѣ только и есть два разряда бездѣльниковъ-трусовъ: одни ворчатъ, бранятся на работу, другіе слезливо охаютъ, когда надо приняться за трудъ.

Уленшпигель, за неимѣніемъ болѣе интереснаго занятія, дергалъ за волосы передняго вора и за бороду задняго; и продѣлывалъ это такъ усердно, что ворчунъ не выдержалъ и, развирѣпѣвъ, обратился къ слезливому:

— Перестань, пожалуйста, дергать меня за волосы, а не то я такъ тресну тебя по головѣ, что башка твоя въѣдетъ въ туловище, тогда будешь поглядывать черезъ собственныя ребра, точно каторжникъ сквозь тюремную рѣшетку.

— Что за напраслина такая!—обидчиво отвѣтилъ слезливый:—ты самъ исподтишка дергаешь меня за бороду.

Ворчунъ, окончательно впавшій въ ярость, возразилъ:

— Стану я искать червей въ гривѣ падали!

— Пожалуйста, прошу тебя, не подбрасывай на ходу такъ сильно улья, руки мои прямо отваливаются,—взмолился слезливый.

— Погоди! я сейчасъ оторву тебѣ ихъ окончательно,—издѣвался разъярившійся ворчунъ.

Освободившись отъ ремня, на которомъ тащилъ ношу, онъ опустилъ улей на землю и набросился на своего товарища. Началось побоище, сопровождавшееся съ одной стороны бранью, съ другой—воплями о пощадѣ.

Уленшпигель, услышавъ, какъ сыпались удары, воспользовался моментомъ, выскочивъ изъ улья, дотащилъ его до ближайшей рощи, запомнилъ мѣсто и вернулся домой.

Такъ въ жизни хитрецы изъ чужихъ раздоровъ извлекаютъ свою выгоду.

XX.

Въ пятнадцать лѣтъ Уленшпигель поставилъ въ Дамѣ маленькую походную палатку и зазывалъ прохожихъ, выкрикивая, что отнынѣ каждый желающій можетъ созерцать здѣсь свое настоящее и будущее естество, выставленное въ прекрасной соломенной рамѣ.

Когда удавалось залучить въ палатку какого-нибудь спесиваго чиновника, надутаго чванствомъ, Уленшпигель показывалъ въ рамѣ собственную голову и, корча изъ себя старую обезьяну, возвѣщалъ:

— Ветхая деньми обезьянья рожа цвѣсти не будетъ, а гнить будетъ. Не правда ли, милостивый государь, съ важной осанкой, я—ваше зеркало?

Если же заглядывалъ къ нему бравый и грубый вояка, Уленшпигель скрывался на минуту и потомъ, вмѣсто своего лица, выставлялъ въ рамѣ тарелку съ мясомъ и хлѣбомъ и говорилъ:

— На войнѣ ты сдѣлаешься похожимъ на котлету... Ну, что ты мнѣ дашь за мое пророчество, ты, воинъ, нѣжно любимый соколами съ огромной пастью?

Жаловалъ иногда къ Уленшпигелю и согбенный, сѣдовласый старичокъ съ молодой супругой; тогда предпріимчивый хозяинъ палатки, какъ и при воякѣ, скрывался на минуту. Потомъ ставилъ въ раму небольшой кустикъ, весь увѣшенный ножевыми черенками, коробочками, гребенками, разными письменными принадлежностями—всѣ эти вещи были роговыя—и восклицалъ:

— И откуда только берутся, милостивый государь, всѣ эти побрякушки?! Думается мнѣ, что всѣ онѣ изъ особеннаго рогового дерева, а растетъ, говорятъ, то роговое дерево въ потайномъ мѣстечкѣ въ огородѣ у стариковъ-мужей. Ну, вотъ и говорите послѣ этого, что рогоносцы для отечества люди безполезные!

И Уленшпигель показывалъ въ рамѣ свою смѣющуюся физію, рядомъ съ кустикомъ.

Пожаловавшій старичокъ закашливался, а молодая хозяюшка его, потрепавъ въ утѣшеніе по щекѣ почтеннаго супруга и успокоивъ его, съ улыбкой подходила къ Уленшпигелю:

— А для меня зеркальце найдется ль у тебя?

— Поближе подойди,—вмѣсто отвѣта просилъ Уленшпигель.

Молодая женщина послушно подходила. И тогда онъ цѣловалъ ее туда, куда возможно было, и заявлялъ:

— Твое зеркальце тамъ, гдѣ буйная молодость рушитъ преграды и вздымается на дыбы.

И милая хозяюшка отходила прочь, не забывъ оставить на прилавкѣ два флорина.

Монаха же тучнаго и губастаго, желавшаго увидѣть изображеніе своего настоящаго и будущаго естества, Уленшпигель просвѣщалъ:

— Теперь ты—кладовая ветчинная, а будешь погребомъ пивнымъ, ибо соль притягиваетъ хмельное. Не правда ль, ваше преподобіе? Дай же мнѣ потаръ за то, что не солгалъ.

— Сынъ мой,—отвѣчалъ монахъ,—мы никогда не носимъ денегъ.

— Потому что деньги носятъ васъ,—продолжалъ Уленшпигель.—Я вѣдь знаю: ты прячешь ихъ между двумя подошвами. Покажи мнѣ твои сандаліи.

— Мой сынъ,—возразилъ монахъ,—деньги эти не наши, а монастырскія. Но за твой трудъ, такъ ужъ и быть, мы извлечемъ оттуда два потара.

Монахъ давалъ, Уленшпигель принималъ съ отмѣнной любезностью.

Итакъ онъ служилъ зеркаломъ для жителей Дама, Брюгге, Бланкенберга и даже Остенде.

И, говоря съ ними по-фламандски, вмѣсто обычнаго «Ik ben ulieden spiegel», что значитъ: «я ваше зеркало», онъ сокращенно говорилъ: «Ik ben ulen spiegel»; этотъ жаргонъ и до сихъ поръ сохранился около Oost'a въ восточной Фландріи.

Оттуда же пошло и его прозвище «Уленшпигель».

XXI.

Съ возрастомъ развивался у него вкусъ къ ярмаркамъ и базарамъ. Встрѣчаясь тамъ съ людьми, игравшими на гобоѣ, на скрипкѣ или флейтѣ, онъ за патаръ учился у нихъ заставлять пѣть эти инструменты. Особеннымъ же искусствомъ отличался онъ въ игрѣ на Rommel-Pot—инструментѣ, состоящемъ изъ горшка, пузыря и туго перевитой соломой палочки. Пользовались имъ слѣдующимъ образомъ: мокрый пузырь натягивали на горшокъ, какъ можно туже, предварительно привязавъ къ серединѣ пузыря шнурочекъ, на которомъ висѣла палочка. Все сооруженіе оставляли сохнуть. Черезъ нѣсколько часовъ пузырь такъ высыхалъ, что по звучности соперничалъ съ тамбуриномъ, и стоило магическимъ жезломъ коснуться инструмента, раздавалась музыка, не уступавшая по силѣ самому альту. И вотъ Рождествомъ Уленшпигель съ горшкомъ, издававшимъ звуки, напоминавшіе своею внушительностью лай овчарокъ, ходилъ въ сопровожденіи дѣтворы по домамъ и славилъ Христа. При этомъ кто-нибудь изъ дѣтей несъ впереди свѣтящуюся бумажную звѣзду.

Случалось, пріѣзжалъ въ Дамъ по просьбѣ того или иного цеха кто-нибудь изъ знаменитыхъ живописцевъ, пріѣзжалъ увѣковѣчить на своей картинѣ вызвавшихъ его мастеровъ и подмастерьевъ. Тогда Уленшпигель, желавшій смотрѣть, какъ работалъ прославленный художникъ, просилъ разрѣшить ему

растирать краски, ничего не требуя за это, довольствуясь лишь кускомъ хлѣба, тремя ліардами и кружкой пива.

Занимаясь растираньемъ красокъ, въ то же время изучалъ пріемы маэстро. И, когда тотъ отсутствовалъ, подражалъ ему, но слишкомъ злоупотреблялъ карминомъ. Пробовалъ изображать Класа, Сеткинъ, Катлину и Нель, а также палатки и клоуновъ. Класъ пророчилъ сыну славную будущность и хорошій заработокъ, десятки флориновъ за расписываніе впослѣдствіе фургоновъ [1]), въ которыхъ во Фландріи и въ Зеландіи ѣздятъ фокусники.

Научился онъ также обтесывать дерево и камень, научился этому отъ заѣзжаго мастера-каменщика, пріѣхавшаго въ Дамъ для работъ на хорахъ собора, именно для устройства спеціальнаго сѣдалища, на которомъ настоятель, человѣкъ въ лѣтахъ, могъ бы, если бъ ему вздумалось, возсѣдать и въ то же время казаться стоящимъ на ногахъ.

Кромѣ того, Уленшпигель первый вырѣзалъ знаменитый ножевый черенокъ, моделью котораго до сихъ поръ пользуются Зеландцы. Черенокъ этотъ представлялъ собою клѣтку; внутри ея находилась подвижная мертвая голова, сверху отдыхающая собака — двѣ эмблемы, обозначающія: «Вѣрность до гроба».

Такимъ образомъ, началъ Уленшпигель оправдывать пророчество Катлины, являясь то живописцемъ, то скульпторомъ, то крестьяниномъ, то знатнымъ бариномъ, то всѣмъ вмѣстѣ, ибо у Класовъ, какъ и у важныхъ господъ, передавалось отъ отца къ сыну три серебряныхъ кружки, хотя класовское серебро и казалось серебромъ лишь на фонѣ бѣло-запѣнившагося пива.

Но при всемъ томъ Уленшпигель не сосредоточивался на одномъ какомъ-нибудь ремеслѣ, и поэтому Класъ ему объявилъ, что если подобное попрыгунство затянется, то онъ выгонитъ его изъ дома.

XXII.

Императоръ, вернувшись изъ похода, освѣдомился, почему сынъ его Филиппъ не пришелъ съ нимъ поздороваться.

Архіепископъ—воспитатель инфанта, отвѣтилъ, что наслѣдникъ не пожелалъ, ибо любитъ книги и одиночество.

Императоръ спросилъ, гдѣ можетъ быть въ данную минуту инфантъ.

Воспитатель замѣтилъ, что его нужно искать всюду, гдѣ темно. Такъ и сдѣлали.

---

[1]) По-фламандски «Speel-wagen».

Обойдя нѣсколько залъ, пришли, наконецъ, въ своего рода небольшой немощеный казематъ, освѣщенный крошечнымъ окончемъ вверху. Здѣсь они увидали вбитый въ землю столбъ; къ этому столбу была привязана веревкой поперекъ туловища маленькая кроткая обезьянка изъ Индіи, присланная для дѣтской потѣхи Его Высочеству. У подножья столба дымился потухающій костеръ, устроенный изъ палочекъ; вокругъ стоялъ запахъ обожженной шерсти.

Должно быть несчастный звѣрекъ страшно страдалъ передъ смертью. Его маленькое тѣльце похоже было скорѣе на кусокъ кривого, скрюченнаго корня, а открытый ротъ, весь въ пѣнѣ, чудилось, призывалъ смерть-избавительницу; щеки были орошены влагою слезъ.

— Кто это сдѣлалъ?—спросилъ императоръ.

Воспитатель не осмѣлился отвѣтить, и оба стояли, молча, опечаленные и гнѣвные.

Неожиданно, среди тишины раздался слабый кашель, доносившійся изъ задняго темнаго угла. Его Величество, оборотясь, разглядѣлъ инфанта Филиппа въ черномъ одѣяніи, сосущаго кусочекъ засахареннаго лимона.

— Донъ-Филиппъ, подойди со мной поздороваться.

Инфантъ, не двигаясь, смотрѣлъ на него своими робкими глазами, и въ нихъ не было любви.

— Ты сжегъ этого звѣрка на кострѣ, да?

Инфантъ опустилъ голову.

Императоръ продолжалъ:

— Если у тебя хватило жестокости на это, то пусть же хватитъ храбрости и признаться въ своемъ поступкѣ.

Инфантъ ничего не отвѣчалъ.

Тогда Его Величество вырвалъ у него изъ рукъ лимонъ и бросилъ на землю. Затѣмъ сталъ бить сына, который со страха началъ мочиться. Архіепископъ остановилъ расправу, шепнувъ:

— Придетъ время, и Его Высочество будетъ великимъ сожигателемъ еретиковъ.

Императоръ усмѣхнулся, и оба вышли, оставивъ инфанта наединѣ съ обезьянкой...

Но были и другіе, не обезьяны, но умиравшіе также на кострахъ.

Переводъ *В. Н. Карякина*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи научнаго общества имени Шевченка во Львовѣ.

Занятіе русскими войсками Галиціи поставило передъ правительствомъ и русскимъ обществомъ цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ объ отношеніи къ украинскому населенію завоеваннаго края, къ его національно-политическимъ правамъ и культурнымъ стремленіямъ. Сложные сами по себѣ вопросы эти пріобрѣтаютъ особую остроту въ связи съ заинтересованностью въ такомъ или иномъ рѣшеніи ихъ украинцевъ Россіи, объединенныхъ со своими сородичами въ Галиціи единствомъ племеннаго происхожденія, общностью историческихъ воспоминаній въ далекомъ прошломъ и культурныхъ интересовъ въ настоящемъ. Не раздѣленное уже границами двухъ сосѣднихъ государствъ украинское общество сообща переживаетъ теперь напряженное чувство ожиданія и неизвѣстности за судьбу культурныхъ цѣнностей и достиженій, пріобрѣтенныхъ въ борьбѣ за національное существованіе среди терній и превратностей пройденнаго имъ историческаго пути. Эта неясность предчувствій за судьбу украинскихъ національныхъ цѣнностей, созданныхъ въ Галиціи, питается въ значительной степени тѣмъ положеніемъ, въ которомъ очутились различныя украинскія учрежденія послѣ занятія завоеваннаго края русскими войсками. Какъ извѣстно, украинскія культурно-просвѣтительныя организаціи распоряженіемъ генералъ-губернатора закрыты, закрыты также и школы, а затѣмъ послѣдовало и постановленіе, согласно коему «воспрещается продажа изъ книжныхъ магазиновъ и кіосковъ, равно какъ и выдача для чтенія изъ библіотекъ, книгъ на русскомъ языкѣ и малорусскомъ нарѣчіи, изданныхъ не въ предѣлахъ Россійской имперіи. Всѣ такого рода книги должны быть сложены въ отдѣльномъ мѣстѣ по указанію мѣстной власти» [1]).

Каково будетъ дальнѣйшее отношеніе русской правительственной власти къ національнымъ учрежденіямъ и организаціямъ украинцевъ Галиціи, судить трудно. Впредь до выясненія этого

---

[1]) «Прикарпатская Русь» № отъ 23 сентября 1914 г.

вопроса представляется въ высшей степени желательнымъ самое широкое ознакомленіе русскаго общества съ исторіей завоеваннаго края и всестороннее изученіе его своеобразныхъ отношеній, тѣмъ болѣе, что Галиція до послѣдняго времени мало привлекала вниманіе нашихъ изслѣдователей и оставалась для русскаго общества terra incognita. Слѣдуетъ надѣяться, что широко поставленная информація объ историческихъ путяхъ, пройденныхъ въ своемъ развитіи населеніемъ этого края, будетъ содѣйствовать болѣе бережному отношенію къ тому, что уже создано этимъ населеніемъ въ различныхъ проявленіяхъ его жизни.

Цѣлью настоящей замѣтки является ознакомленіе читателей «Голоса Минувшаго» съ дѣятельностью украинскаго научнаго учрежденія Галиціи «Українського Наукового Товариства ім. Т. Шевченка у Львові». этой неофиціальной Академіи Наукъ украинцевъ, сыгравшей огромную роль въ дѣлѣ созданія украинской культуры и развитія украинской научной мысли [1]). Сдѣлать это представляется тѣмъ болѣе настоятельнымъ и возможнымъ, что мѣсяца за два до войны вышло изъ печати спеціальное изданіе на украинскомъ языкѣ, посвященное обозрѣнію дѣятельности названнаго общества со времени его основанія (1873 г.) по конецъ 1913 года.

Это обозрѣніе *Вол. Дорошенко («Наукове Товариство імени Шевченка у Львові 1873—1892—1912 р.р. Київ-Львів 1914 г., стр. 88»)* заключаетъ въ себѣ: 1) сжатое изложеніе исторіи возникновенія и развитія Общества (стр. 1—12), 2) описаніе его внутренней организаціи съ перечисленіемъ отдѣльныхъ научныхъ изданій, выпускаемыхъ Обществомъ (стр. 12—17), 3) обстоятельныя свѣдѣнія о воспомогательныхъ учрежденіяхъ, функціонирующихъ при Обществѣ (стр. 17—40) и 4) библіографическій обзоръ научнаго матеріала, помѣщеннаго въ различное время и по самымъ разнообразнымъ отраслямъ научнаго знанія въ многочисленныхъ изданіяхъ Общества, при чемъ этотъ матеріалъ систематизированъ въ достаточной степени умѣло, являясь полезнымъ справочникомъ въ особенности для лицъ, интересующихся научною литературою по вопросамъ украиновѣдѣнія.

Мысль о созданіи украинскаго общества съ цѣлью издательства украинскихъ книгъ, нестѣсняемаго цензурными условіями,

---

[1]) О дѣятельности этого общества были напечатаны раньше слѣдующія статьи на русскомъ языкѣ: М. Грушевскій «Львовское ученое общество имени Шевченка и его вклады въ изученіе Юга Россіи». «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1904 г. III, стр. 117—148; А. Грушевскій «Наукове Товариство ім. Шевченка» и его изданія 1905—1909 г.г. «Извѣстія отдѣл. русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ»; Вол. Дорошенко «Украинская Академія Наукъ». «Украинская Жизнь», 1912 г. кн. 10, стр. 23—38.

возникла среди украинцевъ Россіи въ связи съ гоненіями, воздвигнутыми на украинское слово послѣ 1863 г. Мѣстомъ основанія такого общества естественно представлялась Галиція, гдѣ среди украинской интеллигенціи къ этому времени образовалось болѣе или менѣе сильное національное ядро, развившее широкую дѣятельность, направленную къ поднятію культурнаго развитія украинскаго населенія края. Иниціаторами основанія общества со стороны украинцевъ Россіи выступили Ал. Конисскій, проф. Д. Пильчиковъ, Мих. Жученко и дочь переяславскаго помѣщика (Полтавской губ.) Елисавета Милорадовичъ, пожертвовавшая значительную сумму для этой цѣли. Основанное совмѣстно съ галицкими украинцами въ 1873 г. Общество имени Шевченка первоначально не носило научнаго характера. Согласно § 1 Устава Общества основной цѣлью его было «содѣйствіе развитію украинской словесности» при помощи изданія книгъ, литературно-научнаго журнала, выдачи премій и матеріальной поддержки литературнымъ издательствамъ. Однако, на первыхъ порахъ осуществленіе и этихъ скромныхъ цѣлей не отличалось ни энергіей, ни достаточной продуктивностью. До 1885 г. Общество издало только одну работу, имѣющую отношеніе къ наукѣ «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache» проф. О. Огоновскаго, ограничиваясь больше выдачей субсидій для изданія органа украинскихъ народовцевъ «Правда». Начиная съ 1885 г. Общество приступаетъ къ изданію собственнаго органа «Зоря», популярнаго характера, типа русской «Нивы», при чемъ въ новомъ органѣ принимаютъ участіе не только галицкіе украинцы, но и украинцы изъ Россіи, главнымъ образомъ беллетристы, какъ напр. А. Конисскій, И. Нечуй-Левицкій, О. Пчилка, И. Тобилевичъ, Б. Гринченко, М. Коцюбинскій, В. Самійленко, Леся Украинка и мн. др. «Зоря» нѣкоторое время (до 1894 г.) сравнительно безпрепятственно доходитъ и въ Россію, содѣйствуя развитію среди русскихъ украинцевъ интереса къ родной литературѣ и укрѣпленію литературныхъ связей между галицкими и украинскими писателями. Съ теченіемъ времени, въ связи съ развитіемъ національнаго возрожденія на Украинѣ, нарастаетъ потребность въ научной литературѣ на украинскомъ языкѣ, при чемъ среди украинцевъ Россіи возникаетъ мысль объ использованіи для этой цѣли того же Общества имени Шевченка, путемъ измѣненія его устава и расширенія дѣятельности въ направленіи, отвѣчающемъ новымъ потребностямъ и задачамъ украинскаго движенія. Новый уставъ Общества, переработанный въ 1890 г., былъ принятъ на общемъ собраніи членовъ его въ мартѣ 1892 г. при чемъ основная задача Общества (§ 2 уст.) была формулирована, какъ «развитіе

и разработка науки на украинскомъ языкѣ». Реформированное Общество, принявшее и соотвѣтствующее названіе «Наукове Товариство імени Шевченка у Львові», благодаря невысокой членской платѣ, привлекло къ участію въ своей дѣятельности болѣе широкій кругъ научныхъ работниковъ и, начиная съ 1895 г., когда во главѣ его встаетъ проф. Мих. Грушевскій, развиваетъ исключительную продуктивность и энергію въ осуществленіи своихъ задачъ. По иниціативѣ М. Грушевскаго Общество пріобрѣтаетъ гибкую внутреннюю организацію, сосредоточивая свою дѣятельность въ отдѣльныхъ автономныхъ секціяхъ и комиссіяхъ. Такихъ комиссій къ концу 1912 года имѣлось шесть—археографическая, библіографическая, этнографическая, статистическая, физіографическая и языковая,—а секцій три: историко-философская, филологическая и математически-естественно-медицинская. Помимо научной работы въ секціяхъ и комиссіяхъ (чтеніе докладовъ, рефератовъ, обсужденіе ихъ) Общество, начиная съ 1892 г., предприняло изданіе цѣлаго ряда научныхъ органовъ, къ участію въ которыхъ привлекло не только своихъ членовъ (къ 1912 г. ихъ было 258), но и болѣе широкій кругъ сотрудниковъ изъ молодыхъ ученыхъ и изслѣдователей. Въ концѣ-концовъ каждая секція имѣла свой органъ («Збірник»), какъ имѣли его и большинство комиссій. Такимъ образомъ, благодаря умѣлой организаціи научной работы и дружному соревнованію отдѣльныхъ секцій и комиссій, достигалась спеціализація въ разработкѣ отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ, создавшая Обществу не только популярность и уваженіе въ широкихъ кругахъ украинскаго общества, но и признаніе за нимъ солидныхъ заслугъ со стороны всѣхъ, кто сталкивался съ его дѣятельностью на почвѣ научныхъ интересовъ.

За сравнительно короткій срокъ—двадцать съ лишнимъ лѣтъ, Общество издало 114 томовъ «Записок» («Записки Наукового Товариства ім. Шевченка»), въ которыхъ помѣщены статьи, изслѣдованія и матеріалы, главнымъ образомъ, по исторіи Украины, украинской литературы, языку и этнографіи, 15 томовъ «Сборниковъ историко-философской секціи»[1]), 15 томовъ «Сборниковъ филологической секціи» 16 томовъ «Сборниковъ математическо-естественно-медицинской секціи», и, кромѣ того, рядъ спеціальныхъ научныхъ изданій: 1) «Українсько-руський архив» (9 томовъ)—собраніе сырыхъ историческихъ матеріаловъ и описаніе рукописей,—2) «Українсько-руську бібліотеку» (8 томовъ)—

[1]) Въ этихъ «Збірниках» напечатана между прочимъ извѣстная «Исторія України—Руси» проф. М. Грушевскаго, отдѣльныя части которой, какъ, напр. «Исторія Украинскаго козачества» вышли въ русскомъ переводѣ.

критическія изданія украинскихъ классиковъ,—3) «Жерела (Источники) до исторіи України—Руси» (7 томовъ)—собраніе актовыхъ матеріаловъ по исторіи Украины,—4) «Памятки українсько-руської мови і літератури» (7 томовъ)—произведенія старинныхъ памятниковъ украинскаго слова,—5) «Етнографічний Збірник» (33 тома)—фолькльорный матеріялъ, народныя пѣсни, сказки, колядки, пословицы, легенды,—6) «Матеріяли до української етнольогії» (14 томовъ), посвященные, главнымъ образомъ, описательной этнографіи , 7) «Матеріяли до української библіографії» (3 тома), 8) «Студії (Изслѣдованія) з поля наук суспільних (общественныхъ) і статистики» (4 тома), 9) «Хронїка» Общества, въ которой помѣщены отчеты о текущей дѣятельности его (55 выпусковъ), 10) «Часопись (Журналъ) правнича и економічна» (10 томовъ) и кромѣ того 4 тома «Правничої Библіотеки», 11) «Історична Библіотека» (9 томовъ), въ которой помѣщены украинскіе переводы съ русскаго языка монографій и изслѣдованій проф. В. Антоновича, проф. Владимірскаго-Буданова, Н. Костомарова, А. Ефименковой и др., 12) Четыре тома произведеній Шевченка и семь томовъ произведеній С. Руданскаго. Кромѣ того Общество въ періодъ 1898 г.—1905 г. издавало ежемѣсячный журналъ «Літературно-Науковий Вістник», одинъ изъ наиболѣе солидныхъ ежемѣсячниковъ на украинскомъ языкѣ. Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться хотя бы на перечисленіи матеріала, помѣщеннаго въ продолженіи 20 лѣтъ на страницахъ различныхъ изданій Научнаго Общества имени Шевченка, а тѣмъ болѣе на оцѣнкѣ его: онъ слишкомъ разнообразенъ и огроменъ. Но все же слѣдуетъ отмѣтить, что среди этого матеріала есть много высокой научной цѣнности, цѣлый рядъ монографій и изслѣдованій, доставившихъ авторамъ ихъ крупное имя въ наукѣ и уваженіе въ средѣ спеціалистовъ.

За работы, помѣщенныя въ изданіяхъ Общества, проф. М. Грушевскій былъ избранъ членомъ Чешской Академіи Наукъ (Прага) и докторомъ русской исторіи (honoris causa) Харьковскаго университета; званіемъ доктора русской литературы тѣмъ же университетомъ былъ награжденъ извѣстный украинскій писатель Иванъ Франко за свои труды по исторіи украинской литературы XVII—XVIII в.в.; членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ въ Петроградѣ былъ избранъ Вол. Гнатюкъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ украинскихъ этнографовъ. Среди членовъ Научнаго Общества имени Шевченка или сотрудниковъ его изданій встрѣчается цѣлый рядъ крупныхъ именъ, таковы, напр., проф. В. Ягичъ, академики Ф. Коршъ, А. Шахматовъ, В. Перетцъ, проф. М. Сумцовъ, проф. Д. Багалѣй, проф. А. Крымскій, проф. Ѳ. Вол-

ковъ, Альфредъ Енсенъ, проф. П. Жуковичъ и мн. др. Изъ умершихъ научныхъ дѣятелей членами Общества или сотрудниками его изданій состояли: А. Пыпинъ, проф. В. Антоновичъ, В. Лесевичъ (подарившій Обществу свою богатую библіотеку, главнымъ образомъ, по философіи и психологіи), П. Житецкій, К. Михальчукъ.

Для всякаго интересующагося вопросами украиновѣдѣнія изданія украинскаго Общества представляютъ цѣнный матеріялъ, безъ котораго не можетъ обойтись изслѣдователь. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о матеріалѣ по вопросамъ исторіи Украины, ея литературы и этнографіи. Широко и разнообразно поставленъ былъ въ «Запискахъ» Общества отдѣлъ библіографіи: все, что выходило на книжномъ рынкѣ по вопросамъ, связаннымъ съ украинской исторіей, литературой, ея бытомъ, находило здѣсь самое внимательное, подчасъ скрупулезное отношеніе въ видѣ критическихъ оцѣнокъ, рефератовъ или простой информаціонной регистраціи.

Съ каждымъ годомъ разростался кругъ научныхъ интересовъ Общества, расширялась его издательская дѣятельность, углублялась и дѣлалась болѣе интенсивной работа отдѣльныхъ комиссій, окрыляемая духомъ искательства и научнаго творчества. Параллельно съ этимъ ставало болѣе прочнымъ и устойчивымъ само положеніе Общества, какъ учрежденія, выполняющаго въ предѣлахъ своихъ задачъ «развитіе и разработку науки на украинскомъ языкѣ». Постепенно оно дѣлалось тѣмъ центромъ, который объединялъ украинскихъ ученыхъ или готовившихся къ ученой дѣятельности, сосредоточіемъ научныхъ плановъ и источникомъ удовлетворенія пытливой мысли молодого поколѣнія украинцевъ. Не имѣя офиціальнаго титула Академіи Наукъ, оно было ею на самомъ дѣлѣ и по внутренней организаціи и по тѣмъ цѣлямъ, какія преслѣдовало, равно какъ и по тѣмъ вспомогательнымъ функціямъ, какія осуществляло. Владѣя тремя помѣстительными зданіями (одно изъ нихъ было куплено на средства б. проф. Петербургской Военно-Медицинской Академіи Пелехина), Общество открыло въ нихъ рядъ учрежденій, значительно облегчавшихъ хозяйственную сторону веденія огромнаго дѣла и тѣсно связанныхъ съ его издательскою или научною дѣятельностью: типографію, переплетную, книжный магазинъ, библіотеку, музей, библіографическое бюро.

Если типографія и переплетная мастерская содѣйствовали матеріальному благополучію Общества, то такія учрежденія его, какъ библіотека, книжный магазинъ и музей выполняли болѣе важную роль уже культурно-просвѣтительнаго характера. Въ осо-

бенности это слѣдуетъ сказать о библіотекѣ. Уже съ самаго основанія ея (1892 г.) она стала предметомъ особаго вниманія и заботъ со стороны руководителей Общества. Постепенно и широкіе круги украинцевъ усвоили взглядъ на нее, какъ на общенаціональное культурное достояніе, имѣющее осуществлять тѣ же функціи, какія осуществляютъ въ другихъ странахъ Императорскія или Національныя публичныя библіотеки. Въ послѣдніе годы притокъ пожертвованій, главнымъ образомъ книгами, въ библіотеку особенно усилился, и украинцы Галиціи, да и не только они, могли съ гордостью говорить о ней, какъ объ одной изъ лучшихъ библіотекъ Львова, превосходящей ихъ подборомъ книжныхъ цѣнныхъ изданій. Она располагаетъ болѣе 70,000 томовъ, при чемъ среди нихъ имѣются библіографическіе раритеты и значительный отдѣлъ старинныхъ изданій, равно какъ и цѣнныя собранія рукописнаго матеріала по исторіи новѣйшаго украинскаго «былого», переписки и автографы дѣятелей украинскаго возрожденія, писателей и общественныхъ дѣятелей. Въ ней сосредоточенъ исчерпывающій матеріалъ по вопросамъ украиновѣдѣнія, и смѣло можно сказать, что въ этомъ отношеніи она является едва ли не единственнымъ по полнотѣ и разнообразію книгохранилищемъ печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ Украинѣ, ея исторіи и современному положенію. Естественно, что именно эта полнота украинскаго отдѣла въ ней—такъ назыв. «Икчаіпіса»—привлекала къ ней немало лицъ, работающихъ по вопросамъ украиновѣдѣнія; для украинскаго же общества Галиціи, въ частности Львовскаго украинскаго студенчества и вообще мѣстной учащейся молодежи, она со своими безплатными читателями была тѣмъ убѣжищемъ, гдѣ находила удовлетвореніе и научная любознательность и болѣе серьезные запросы пытливой мысли изслѣдователя. Здѣсь работали молодые украинскіе ученые, печатавшіе затѣмъ результаты своихъ изслѣдованій въ органахъ Научнаго Общества имени Шевченка.

Гостепріимно открывая двери своихъ вспомогательныхъ учрежденій для молодыхъ ученыхъ, руководители Общества много содѣйствія оказывали имъ и въ научныхъ заграничныхъ командировкахъ, путемъ денежныхъ вспомоществованій и спеціально учрежденныхъ для этой цѣли стипендій. Въ частности молодые украинскіе историки-ученики проф. М. Грушевскаго обслѣдовали цѣлый рядъ архивовъ Россіи и Австріи въ поискахъ новыхъ архивныхъ матеріаловъ по исторіи Украины, что опять-таки было возможно благодаря поддержкѣ Научнаго Общества имени Шевченка. Въ связи съ этимъ Общество организовывало научныя

экскурсіи для собиранія коллекцій, производства археологическихъ раскопокъ, при чемъ предметы раскопокъ и вещественные результаты экскурсій обогащали собою существовавшій при Обществѣ Музей. Изъ временнаго каталога Музея («Тимчасовий каталогъ українського національного Музея» Львов 1913) видно, что отдѣлы этнографіи и археологіи представлены въ Музеѣ особенно полно: въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ значится 5000 №№, а во второмъ сверхъ 9000 №№. Въ частности обращаютъ на себя вниманіе богатыя собранія древностей неолитической эпохи (Овруцкая коллекція) и княжескаго періода (XI—XII в.в.) по археологіи и предметы быта гуцуловъ (горное украинское племя, живущее въ Карпатахъ). Помимо непосредственной своей задачи Музей Научнаго Общества имени Шевченка служилъ и научнымъ цѣлямъ, такъ какъ многіе изъ его собраній и предметовъ по своему подбору и научному значенію представляютъ матеріалъ для изученія. Исключительную цѣнность для историка новѣйшаго украинскаго движенія имѣютъ хранившіяся при музеѣ богатыя собранія писемъ украинскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей второй половины XIX столѣтія—незамѣнимый матеріалъ для изученія послѣднихъ этаповъ этого движенія, пріобрѣтающій особое значеніе въ виду того положенія, какое занимали въ судьбахъ украинскаго движенія авторы писемъ. Важно при этомъ отмѣтить, что въ обогащеніи Музея большую роль играло сочувственное отношеніе къ его развитію широкихъ круговъ сознательнаго украинскаго общества. Можно утверждать, что дѣло созданія Музея, какъ и созданіе библіотеки, было общенаціональнымъ дѣломъ этого общества, сознавшаго себя и стремившагося создать питомники, постоянные источники своей національной культуры.

Изъ другихъ вспомогательныхъ учрежденій Научнаго Общества имени Шевченка, основанныхъ уже въ послѣдніе годы (съ 1910 г.), обращаетъ на себя вниманіе *Библіографическое Бюро*, цѣлью котораго было «слѣдить за текущею литературой на украинскомъ языкѣ (начиная съ 1911 года), привлекая ее въ библіотеку Научнаго Общества и ежегодно составлять библіографію этой литературы». Закончены были составленіемъ къ веснѣ 1914 г. первые два тома украинской библіографіи за 1911 и 1912 г.г., равно какъ и отдѣльный указатель литературы о творчествѣ и дѣятельности Ивана Франка въ связи съ сорокалѣтнимъ юбилеемъ дѣятельности этого писателя. Судя по первымъ шагамъ работы Библіографическаго Бюро, можно было ожидать отъ дѣятельности его цѣнныхъ результатовъ въ смыслѣ полноты украинской библіографіи и научной ея систематизаціи. И въ этомъ от-

ношеніи руководители Научнаго Общества имени Шевченка, главнымъ образомъ проф. М. Грушевскій, шли навстрѣчу требованіямъ украинской жизни, увеличивавшей съ каждымъ годомъ свои культурные запросы и неустанно требовавшей удовлетворенія ихъ.

Прерванная переживаемыми нами событіями дѣятельность украинскаго Общества можетъ быть уже разсматриваема, какъ достояніе исторіи. Изъ скромнаго учрежденія, ставившаго себѣ скромныя задачи, обладая не менѣе скромными матеріальными средствами, это Общество за время съ 1873 г. превратилось въ неофиціальную Академію Наукъ украинскаго народа, развившую кипучую научную дѣятельность, организовавшую и воспитавшую кадры украинскихъ ученыхъ и оставившую послѣ себя глубокій слѣдъ въ исторіи украинской научной мысли. Тѣ культурныя цѣнности, которыя пріобрѣтены украинцами за послѣднія десятилѣтія, были бы немыслимы, если бы въ созданіи ихъ не участвовало коллективное научное творчество дѣятелей Общества имени Шевченка.

Въ настоящее время дѣятельность этого Общества пріостановлена. Какова его дальнѣйшая судьба, какъ впрочемъ и судьба всѣхъ культурныхъ учрежденій украинской Галиціи, неизвѣстно. Въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества раздаются уже голоса, внушающіе тревожныя предчувствія относительно доли того, что созидалось трудомъ цѣлыхъ поколѣній, и въ частности относительно доли Научнаго Общества имени Шевченка. Быть можетъ, нелишнимъ будетъ вспомнить при рѣшеніи вопроса о судьбѣ этого Общества слова русскаго ученаго, сказанныя о немъ при другихъ условіяхъ, но вполнѣ приложимыя и въ настоящее время.

«Вы, конечно, повѣрите мнѣ—писалъ академикъ А. А. Шахматовъ въ письмѣ на имя проф. М. Грушевскаго по поводу избранія дѣйствительнымъ членомъ Общества,—когда я говорю съ восторгомъ о вашемъ, теперь могу сказать нашемъ, Обществѣ, мое русское сердце бьется съ гордостью при мысли о томъ, какое великое научное дѣло совершено при скудныхъ средствахъ и стѣсненныхъ обстоятельствахъ нашими собратьями, руководимыми вами, въ зарубежномъ Львовѣ. Я часто говорю, что дѣятельности Товарищества можетъ позавидовать любая академія» [1].

С. Петлюра.

---

[1]) М. Грушевскій. «Літер.-Наук. Вістник» 1911 г. кн. XI, стр. 289.

Внѣшняя политика Николая I передъ Восточной войной 1853—56 г.г.

(По секретнымъ донесеніямъ прусскихъ посланниковъ).

Передъ нами сборникъ документовъ: «Preussens auswärtige Politik 1850—1858. Unveröffentlichte Dokumente aus dem Nachlasse des Ministerpräsidenten Otto Frh. v. Manteuffel» (B. 1902), составленный извѣстнымъ издателемъ документовъ по исторіи Германіи XIX в., Генрихомъ Пошингеромъ, и представляющій собой секретную переписку прусскихъ посланниковъ и уполномоченныхъ съ министромъ-президентомъ, Отто ф.-Мантейфелемъ. Второй томъ этого сборника обнимаетъ собою время отъ провозглашенія императоромъ Наполеона III до начала Крымской войны (отъ 2 дек. 1852 г.—до 14 дек. 1854 г.). Нѣкоторыя страницы этой переписки представляютъ собою интересъ не только по спеціальной исторіи дипломатическихъ переговоровъ, но и даютъ характеристику внутренняго быта Россіи XIX в., а главное ярко очерчиваютъ психологію им. Николая I передъ войной.

Политическій моментъ, отраженный въ перепискѣ, захватывающе интересенъ. Гидра всеевропейскаго мятежа противъ Богомъ установленныхъ государей, казалось, раздавлена, и въ томъ главная заслуга принадлежитъ Николаю I: онъ—облеченный великой миссіей возстановленія легитимизма въ потрясенной внутренней болѣзнью Европѣ, верховный ея судья, глава законныхъ государей—братьевъ, своего рода новый сюзеренъ, primus inter pares. Современники (см. напр. мемуары генералъ-адъютанта Фридриха Вильгельма IV, Леопольда ф-Герлаха) изображаютъ намъ, какъ Николай I держитъ себя въ Берлинѣ въ 1852 г., точно въ вассальной странѣ, дѣлаетъ чуть ли не выговоръ прусскому министру-президенту за то, что онъ не рѣшается покончить съ конституціей; передъ Николаемъ Павловичемъ заискиваютъ не только прусскіе сановники и офицеры, но и самъ король, а свита его ведетъ себя точно помѣщичья дворня. Главнымъ образомъ русскій же императоръ привелъ Пруссію къ ольмюц-

кому позору: грозя войной, онъ требовалъ у Пруссіи отказа отъ главенства надъ Германіей и уступки Австріи перваго мѣста въ новомъ германскомъ союзѣ. И несмотря на это, въ Пруссіи не только не было замѣтно какой-либо открытой оппозиціи противъ засилья русскаго императора, но существовала сильная партія, во главѣ съ королемъ, горячихъ и искреннихъ поклонниковъ Николая I, добровольно подчинявшаяся его руководительству.

Что же говорить объ Австріи? Спасенная Николаемъ отъ окончательной гибели въ 1848 г., получившая теперь изъ его рукъ господство надъ Германіей, она, казалось, была всецѣло созданіемъ добраго генія русскаго императора!

Интересы Англіи лежали въ совсѣмъ другой области: съ начала столѣтія она достигла господства на морѣ, забрала въ свои руки почти всю міровую торговлю и поэтому держалась на своемъ островѣ совсѣмъ особнякомъ, не нуждаясь въ союзахъ, придерживаясь политики «блестящаго одиночества» (splendid isolation). Казалось, что русскому императору нечего было ждать со стороны Англіи оспариванія его европейско-континентальнаго первенства. Происходятъ иногда недоразумѣнія на ближнемъ Востокѣ, но они несущественны и вскорѣ будутъ покончены, разъ будетъ покончено съ «больнымъ человѣкомъ».

Во Франціи, правда, еще тлѣетъ революція, вспыхивая иногда яркимъ пламенемъ, но она безсильна уже бороться противъ объединенныхъ усилій легитимныхъ государей. Первенство среди нихъ престарѣлаго русскаго императора—неоспоримо.

Императоръ, однако, не думалъ использовать создавшееся положеніе въ своекорыстныхъ цѣляхъ; въ немъ видѣлъ онъ необходимое условіе для осуществленія возложенной на него Провидѣніемъ высокой миссіи...

Но жизнь выдвинула на сцену частью новыя, непредвидѣнныя силы, частью направила старыя по новому руслу. Во Франціи съ восшествіемъ на престолъ Наполеона III ожили традиціи воинствующаго демократическаго цезаризма. Вмѣсто того, чтобы вступить съ нимъ, какъ раньше, въ борьбу, Англія признала съ «сердечной радостью» совершившійся во Франціи переворотъ. Послѣ упроченія своего морского господства для Англіи не былъ болѣе опасенъ ростъ французскаго милитаризма: наоборотъ, онъ былъ крайне желателенъ, какъ противовѣсъ преобладанію Россіи въ континентальномъ «равновѣсіи». Выступленія Англіи въ пользу Наполеона III было вполнѣ достаточно, чтобы вновь разгорѣлась рознь между Пруссіей и Австріей, силой было задавленная Николаемъ I. Съ другой стороны, Австрія, хоть и

опасавшаяся новаго французскаго имперіализма, увидавъ Англію столь рѣшительно на сторонѣ Франціи, стала «кокетничать» съ послѣдней, давая понять, что она не прочь признать совершившійся переворотъ, сваливая задержку признанія на Пруссію. Быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Франціей Австріи было необходимо въ видахъ сохраненія Италіи. Но и открыто становиться на сторону Франціи невозможно: во-первыхъ, и это самое главное, что скажетъ им. Николай? Затѣмъ, нельзя окончательно порывать съ Пруссіей, особенно послѣ столь блестящей надъ ней побѣды при содѣйствіи Россіи; наконецъ, признать Австріи, этому оплоту легитимизма, избраннаго всеобщей подачей голосовъ императора,—не значитъ ли это самой раздувать у себя пламя революціи? Въ результатѣ этихъ противорѣчивыхъ интересовъ Австріи, она и повела ту коварную, зачастую нечистоплотную игру, въ результатѣ которой она «удивила міръ своей неблагодарностью».

Распаденіе трехъ консервативныхъ континентальныхъ державъ было полное. И Пруссія, находясь между настаивавшей на признаніи новаго титула Франціей и требовавшей его отреченія Россіей, поставлена была въ весьма затруднительное положеніе. Волей-неволей пришлось «кокетничать» съ Россіей, или, говоря словами Мантейфеля, «заставить русскихъ повѣрить, что мы у нихъ на буксирѣ, но не забывать брать съ собою ножъ, чтобы въ надлежащій моментъ перерѣзать канатъ».—Къ этому еще присоединилось досадное разногласіе между прусскимъ королемъ и русскимъ императоромъ по вопросу о томъ, какой давать титулъ Наполеону: «Monsieur mon frère», какъ предлагалъ первый, или «Mon bon ami», на что лишь соглашался второй. Вдобавокъ въ торжествующей средѣ прусской реакціи начался расколъ: «Крестовая газета» повела такія яростныя личныя нападки на Наполеона, что это грозило разрядить каждую минуту сгустившуюся атмосферу. Наконецъ, и Пруссія покинула Россію: 30 дек. 1852 г. въ Берлинѣ готовъ былъ текстъ признанія новой французской Имперіи.

Но и самъ Николай I не достаточно энергично протестовалъ противъ признанія Наполеона, чтобы удержать на своей сторонѣ въ этомъ вопросѣ Австрію и Пруссію. Ему импонировала смѣлость задуманнаго переворота такъ, что онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ согласенъ былъ «Sous silence» допустить *имя Наполеона III*. Но, конечно, смѣлость и успѣхъ государственнаго переворота еще не были для главы легитимизма достаточнымъ основаніемъ, чтобы принять въ ряды законныхъ монарховъ счастливаго авантюриста, или хотя бы дать ему титулъ «Monsieur mon frère!» Отрезвленіе

наступило быстро, но, видя временное колебаніе, было достаточно, чтобы три континентальныя консервативныя державы не смогли выступить солидарно въ борьбѣ съ возраждающимся французскимъ имперіализмомъ.

Своей неустойчивой политикой Австрія отдалила отъ себя Россію, не пріобрѣла симпатіи Англіи и оттолкнула отъ себя Германію. Чтобы спасти свое прежнее положеніе, Австріи нужно было выйти изъ безполезныхъ интригъ и энергичнымъ, блестящимъ выступленіемъ гдѣ-либо въ точкѣ наименьшаго сопротивленія силъ придать новый, болѣе благопріятный, ходъ международной политикѣ.

Такой выходъ Австрія нашла въ черногорскомъ вопросѣ. Черногорцы, подъ предводительствомъ своего новаго князя Данила, рѣшили освободиться отъ вассальной зависимости со стороны Турціи. Когда же Порта двинула противъ Черногоріи войска, Австрія отправила 30 янв. 1853 г. чрезвычайнаго посла въ лицѣ фельдмаршала графа Лейнингена въ Константинополь. Онъ потребовалъ немедленнаго очищенія Черногоріи, безопасности австрійскихъ бѣглецовъ, уничтоженія запрещенія ввоза лѣсныхъ матеріаловъ въ Австрію; обложенія пошлиной табачнаго производства; лучшаго обращенія съ христіанами въ Босніи; уничтоженія повышенныхъ пошлинъ на шедшіе въ Австрію товары и т. д. Порта вначалѣ противилась, но когда Австрія стянула войска въ Седмиградіи и Далмаціи, согласилась на всѣ требованія. Уже 15-го февраля Лейнингенъ вернулся въ Вѣну. Но эта блестящая дипломатическая побѣда Австріи, разсчитанная на моральный эффектъ, была рискованной попыткой поправить свое международное положеніе. Австрія не могла не знать, что суверенитетъ Порты надъ Черногоріей былъ утвержденъ чистовскимъ договоромъ подъ англо-голландской и прусской редакціей и гарантіей.

Если Австрія шла на нарушеніе договора, то она явно разсчитывала на поддержку Россіи: для всѣхъ было ясно, что за спиной Австріи скрывается Россія.

Такъ старая борьба континентальныхъ консервативныхъ державъ, представителей легитимныхъ принциповъ Св. союза, съ вновь поднявшимся французскимъ революціоннымъ имперіализмомъ, поддерживаемымъ теперь Англіей, благодаря диверсіи Австрія перешла съ почвы Европы на борьбу интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Выгодна ли была такая политика для Россіи въ ея борьбѣ за обладаніе прежнимъ международнымъ вѣсомъ? Вотъ что писалъ военно-уполномоченный при петербургскомъ дворѣ, графъ Мюнстеръ, въ письмѣ отъ 8 іюня 1853 г., «Не

только адріанопольскимъ миромъ, но тогда, когда султанъ былъ въ безвыходномъ положеніи, благодаря Магомету Али, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ—Россія ясно показала, что не думаетъ о территоріальныхъ завоеваніяхъ въ ущербъ Портѣ. Такова и понынѣ политика Россіи, и твердо установившіеся взгляды императора и такихъ людей, какъ графъ Нессельроде, гр. Орловъ, кн. Паскевичъ, Мейендорфъ, генералы Бергъ и Ливенъ, короче, всѣхъ людей, мнѣнія которыхъ выслушиваются. Причины этого ясны и очевидны и приблизительно слѣдующія.

Завоеваніе европейской Турціи могло бы произойти безъ помѣхи со стороны другихъ великихъ державъ, но обладаніе ею стало бы оспариваться. Обладаніе Константинополемъ безъ одновременнаго обладанія азіатскимъ берегомъ было бы въ высшей степени непрочнымъ и незащищеннымъ; оно кажется русскому кабинету совершенно ненадежнымъ; для обезпеченнаго обладанія европейской Турціей необходимо было бы присоединить кусокъ Малой Азіи, будь это до Смирны, или только до Бруссы, и, разумѣется, все прибрежье Чернаго моря. Помимо вмѣшательства другихъ великихъ державъ и возможнаго неблагопріятнаго результата подобнаго европейскаго конфликта (ибо при началѣ европейской войны никогда нельзя знать, гдѣ будетъ сдѣланъ послѣдній выстрѣлъ), спокойно думающіе болѣе пожилые русскіе боятся и подумать о расширеніи имперіи, кончая Константинополемъ. Такое расширеніе было бы слишкомъ велико при стремленіи русскаго правительства къ централизаціи: весь югъ, начиная приблизительно отъ Кіева, принялъ бы рѣзко восточное направленіе и, такимъ образомъ, увеличеніе территоріи могло бы повести къ раздробленію Россіи на южную и сѣверную половины, быть можетъ уже при ближайшихъ поколѣніяхъ (?!). Кромѣ того императоръ и его совѣтники слишкомъ стары, чтобы съ большой охотой и энергіей приняться за такое гигантское дѣло, послѣ того какъ они въ теченіе всей своей жизни интересовались вопросами запада, принимали въ разрѣшеніи ихъ самое дѣятельное участіе, а восточный вопросъ какъ императору, такъ и канцлеру былъ всегда непріятенъ. Къ нему всегда съ большой неохотой подходили, откладывали его, можетъ быть, слишкомъ часто въ долгій ящикъ,—могутъ ли они теперь сразу и исключительно отдаться этому направленію? Этого нельзя предположить, лишь *крайняя необходимость* могла бы ихъ къ тому понудить, и Стратфордъ-Канненгъ, какъ и госп. ф.-Вильденбрухъ (прусскій посланникъ въ Константинополѣ) могутъ говорить, что имъ угодно, императору и его совѣтникамъ была бы крайне неудобна турецкая война; именно потому, что они не знаютъ, что имъ дѣлать

съ вѣроятной добычей. Еще менѣе думаютъ они объ основаніи въ Константинополѣ новаго христіанскаго государства изъ опасенія возможности создать себѣ вмѣсто безсильнаго—опаснаго сосѣда.

Кромѣ того, императоръ вообще не желаетъ войны, да я, думаю, даже въ правѣ утверждать, что война никому изъ монарховъ, исключая Англіи, не была бы столь непріятна, какъ Николаю I. Почему же? *Потому, что финансы находятся въ плачевномъ положеніи и ежегодно бюджетъ сводится со значительнымъ дефицитомъ*; потому, что война можетъ существенно измѣнить то положеніе, которое въ данный моментъ занимаетъ Россія; потому, что это положеніе съ Дамокловымъ мечомъ въ рукахъ надъ Европой столь же внушительно, какъ и удобно, ибо неизвѣстно еще, не потерпятъ ли русская армія и флотъ серьезныхъ пораженій, что уничтожило бы вмѣстѣ съ вѣрой въ непобѣдимость и положеніе судьи, которое занялъ петербургскій кабинетъ. *Наконецъ, европейская война повела бы русскую армію за границу въ конституціонную страну, но этого-то именно не желаютъ тѣмъ болѣе, что армія принесла уже съ собой изъ Венгріи столь несомнѣнныя симпатіи къ инсургентамъ и такую антипатію къ Австріи*, что нужна вся сила неоднократно высказанной любви императора къ Францу Іосифу и его арміи, чтобы, если и не задавить, то хотя бы только заставить замолчать эти симпатіи...

Когда разгорѣлись событія въ Черногоріи, Россія послала сказать, чтобы черногорцы заключили миръ и уступили. Лишь энергичное выступленіе Австріи, двинувшей войска въ Боснію, посылка графа Лейнингена и ея блестящій результатъ всколыхнули и Россію. Не выступи Австрія, Россія спокойно позволила бы туркамъ вырѣзать населеніе Черногоріи,—теперь же не сочли возможнымъ отстать отъ Австріи, примкнули къ ея точкѣ зрѣнія, и рѣшили немедленно послать кого-нибудь въ Константинополь».

Итакъ, Австрія лишь потому осмѣлилась бросить дерзкій вызовъ западнымъ державамъ и, главнымъ образомъ, Англіи, что вполнѣ полагалась на поддержку Россіи, ясно видѣла, что настала та «крайняя необходимость», которая одна только могла заставить Николая перенести арену борьбы съ запада на востокъ. Трудно было отказаться отъ привычнаго дипломатическаго положенія, пріемовъ и арены борьбы, но разъ необходимость была сознана, пошли по новому пути столь же рѣшительно, какъ и раньше. Объ этомъ свидѣтельствуетъ посылка кн. Меншикова въ Константинополь. Приведемъ по этому вопросу опять слова гр. Мюнстера:

«Выборъ этого умнаго, нѣсколько самонадѣянно-саркасти-

ческаго и безусловно недобраго человѣка сдѣланъ былъ императоромъ, несмотря на то, что гр. Нессельроде, гр. Орловъ, Мейендорфъ и др. рѣшительно были противъ посылки кн. Меншикова, не имѣя въ то же время достаточно мужества, чтобы открыто и положительно это высказать».

Ту же оцѣнку кн. Меншикова даетъ и кн. Горчаковъ, бывшій канцлеръ. (См. Заіончковскій, А. М. «Восточная война 1853—56 г.г.»):

«Меншиковъ получилъ самое разностороннее образованіе, но, къ сожалѣнію, умъ и образованность затемнѣлись истиннымъ или напускнымъ безсердечіемъ. Ко всему на свѣтѣ онъ относился саркастически, злобно и по меньшей мѣрѣ насмѣшливо. Отсюда неизсякаемый источникъ всѣхъ его остротъ, всѣхъ злыхъ, но мѣтко высказанныхъ bons mots».

Канцлеру былъ непріятенъ выборъ такого человѣка въ чрезвычайные послы. Поэтому съ окончательнымъ назначеніемъ медлили, оно произошло лишь 18 января. Послушаемъ дальше гр. Мюнстера, какъ онъ смотритъ на миссію кн. Меншикова:

«Можетъ быть, канцлеръ думалъ, что можно предоставить дѣло собственному теченію, ибо: удастся Меншикову—хорошо, не удастся—можно будетъ все дѣло взять обратно. *Послѣднее считаютъ возможнымъ здѣсь многіе*, раздѣляя растерянность и безпомощность канцлера, его систему выжиданія и лавированія; при такомъ условіи упорство императора должно играть первенствующую роль. Безъ сомнѣнія, въ этомъ дѣлѣ (посылка Меншикова) канцлеръ слишкомъ ослабилъ бразды, императоръ не учелъ его послѣдствій; хотѣли однимъ ударомъ покончить съ давнишними неудовольствіями и жалобами и по возможности съ одинаковымъ успѣхомъ и блескомъ, какъ и Австрія.

И дѣйствительно, еще въ декабрѣ 1853 г., когда итти назадъ было уже больше невозможно, императоръ говорилъ Рохову:

«...слишкомъ много вмѣшалось непрошенныхъ поваровъ и испортили кушанье; непосредственные переговоры между Портой и Россіей въ 48 часовъ привели бы къ прочному миру».

«Другой важный вопросъ,—продолжаетъ Мюнстеръ,—съ какими инструкціями отправился кн. Меншиковъ, совпадали ли онѣ съ тѣмъ, что одновременно заявляли великимъ державамъ, или ими сообщалось не все? Появились послѣднія требованія во всемъ ихъ объемѣ лишь при самомъ ходѣ переговоровъ, формулировалъ ли ихъ кн. Меншиковъ на собственный страхъ, получилъ ли онъ *post factum* подобное предложеніе или утвержденіе; или, наконецъ, здѣшній кабинетъ принимаетъ позицію Меншикова, какъ данный фактъ, который нельзя уже исправить, разъ

онъ произошелъ, и должно лишь для сохраненія своего авторитета выразить дѣйствіямъ Меншикова неодобреніе? Въ этомъ вопросѣ я, къ сожалѣнію, несмотря на всѣ мои усилія, не могу дать достаточнаго разъясненія, ибо всюду, куда бы я съ этими вопросами не постучался, я встрѣчаю незнаніе или умышленное замалчиваніе, а императоръ, какъ и свѣдующіе люди, упорно настаиваютъ на одномъ: «мы вѣдь не требуемъ ничего новаго, мы требуемъ лишь возобновленія старыхъ договоровъ и гарантій ихъ исполненія, которыми насъ до сихъ поръ не баловали». При всемъ этомъ, однако, я никогда раньше не слыхалъ положительныхъ жалобъ, и если здѣсь не хотятъ видѣть новыхъ требованій въ статьѣ 2-й предпослѣдней и послѣдней меншиковской ноты, то становятся непонятными статьи 7-я и 14-я кайнарджійскаго мирнаго договора, на которыхъ здѣсь основываютъ свои требованія. Во всякомъ случаѣ, въ статьѣ 2-й названныхъ нотъ протекторатъ надъ христіанами греческаго вѣроисповѣданія, если и не былъ прямо названъ, то на него сдѣланъ очень ясный намекъ, и это, повидимому, какъ разъ тотъ пунктъ, который заставилъ англійскаго посла дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ. Если въ основѣ намѣченныхъ требованій протектората лежитъ лишь равенство правъ имп. Николая I и имп. Франца Іосифа, которому карловицкимъ миромъ было предоставлено право вмѣшиваться черезъ посредство своего посла въ пользу христіанъ-католиковъ,—и правъ Франціи, которая также обладаетъ протекторатомъ въ Палестинѣ и Сиріи надъ тамошними монастырями и братствами, то въ этомъ все же заключается нѣчто новое и нѣчто тѣмъ болѣе важное, что въ Турціи приблизительно столько же тысячъ христіанъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, сколько милліоновъ православнаго. А какъ легко политическій вопросъ при случаѣ передвинуть на религіозную почву,—это всѣмъ ясно; также и то обстоятельство, что, хотя лично противъ императора Николая нельзя питать никакого недовѣрія, но въ то же время нельзя забывать и того, что ему уже 57 лѣтъ, а канцлеру свыше 70-ти, и нельзя знать, какихъ взглядовъ будетъ придерживаться ближайшее поколѣніе. Короче говоря, у европейскихъ державъ возникло опасеніе, что, при помощи своего протектората надъ 10 милліонами христіанъ греческаго вѣроисповѣданія, Россія существенно умалитъ авторитетъ султана въ его государствахъ. Императоръ по своему характеру, канцлеръ по своему опыту и своимъ взглядамъ неспособны умышленно вести фальшивую игру. *Ходъ вещей привелъ ихъ къ этому*, и императоръ, по моему мнѣнію, еще и сейчасъ не понимаетъ вполнѣ послѣдствій меншиковскихъ требованій... Канцлеръ писалъ послѣ

отъѣзда кн. Меншикова въ Одессу Решиду Пашѣ, чтобы онъ склонилъ государя къ уступкамъ, въ противномъ случаѣ съ русской стороны увидятъ себя вынужденными оккупировать дунайскія княжества, non pour faire la guerre à la sublime Porte, mais pour acquérir des garanties pour les traités antérieurs!

«Съ своей стороны императоръ Николай упорно остается при требованіяхъ кн. Меншикова, и въ случаѣ неудовлетворенія ихъ непремѣнно прикажетъ двинуть войска въ Молдавію.

Послѣдуетъ ли за этимъ война, будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ поведенія Англіи, пообѣщаетъ ли послѣдняя Портѣ матеріальную помощь. Пройдетъ нѣкоторое время, взгляды императора смягчатся, и онъ пойдетъ навстрѣчу болѣе терпимымъ переговорамъ, такъ какъ онъ, какъ уже сказано, не желаетъ ни войны, ни завоеваній и не скрываетъ отъ себя, что война повлечетъ за собой всеобщій европейскій конфликтъ...

Итакъ, краткій смыслъ длинной рѣчи таковъ, что Россія требуетъ во всякомъ случаѣ нѣчто новое, или во всякомъ случаѣ—болѣе того, что ей предоставляютъ трактаты; что она выступила со своими требованіями лишь тогда, когда вопросъ о святыхъ мѣстахъ былъ покончен, такъ что утвержденіе, что первое вызвано послѣднимъ, такъ же шатко, какъ и ея увѣренія, что она требовала постоянно одного и того же; что весь этотъ вопросъ—не домашнее дѣло Россіи; что она поступаетъ въ этомъ дѣлѣ въ отношеніи другихъ великихъ державъ не совсѣмъ откровенно и искренно; что, наконецъ, Россія не желаетъ ни завоеваній, ни войны, но въ данный моментъ такъ далеко уже зашла, что можетъ легко случиться и то и другое. Къ тому она уже и готова, если свѣдѣнія изъ Варшавы о 4 корпусахъ и не совсѣмъ вѣрны».

Къ тѣмъ же выводамъ приходитъ и прусскій тайный агентъ въ Петербургѣ, графъ Генкель:

«Нельзя болѣе отрицать того, что русскій кабинетъ нарочно скрывалъ правду, вѣроятно, чтобы устранить возможность возраженія со стороны прочихъ европейскихъ кабинетовъ, обдѣлать дѣло съ Турціей *en bloc* и затѣмъ выступить какъ съ *fait accompli*. Это не удалось, и если даже Россія въ концѣ-концовъ добьется исполненія своихъ требованій, то, съ другой стороны, она понесетъ большій моральный ущербъ, чѣмъ ей можетъ дать тріумфъ у Босфора. Ореолъ судьи-рыцаря, окружающій императора Николая I съ 1848 г., отъ этого значительно потускнѣетъ. Странно, что императоръ утверждаетъ, будто онъ ничего не требуетъ новаго, а защищаетъ лишь свои права,—и въ то же время Его Величество говоритъ это не только для вида, но и вѣритъ въ свое утвержденіе.

Объяснить это я отказываюсь, ибо это относится къ области психологіи.—Я и теперь еще убѣжденъ, что всѣмъ извѣстныя военныя приготовленія производились не съ серьезными намѣреніями, а лишь для того, чтобы внушить туркамъ спасительный страхъ; что Его Величество до послѣдняго времени не думалъ о возможности войны, и что эта война ему въ высшей степени непріятна.

Итти же назадъ теперь императоръ больше не можетъ и не будетъ; всѣ представленія въ этомъ смыслѣ были бы безполезны. *Затронута православная церковь, а за нее даже самый бѣдный русскій отдастъ своего послѣдняго сына и послѣднюю копейку.*

Только что получена депеша, что лордъ Кларендонъ заявилъ о намѣреніи Англіи въ союзѣ съ Франціей охранять суверенитетъ султана и независимость Турціи. Когда императоръ ее прочелъ, то онъ сказалъ: «Въ такомъ случаѣ мы всѣ преслѣдуемъ одинаковыя цѣли, и лишь вѣчное недовѣріе къ Россіи задерживаетъ дѣло».

«Можно быть увѣреннымъ,—продолжаетъ Генкель,—что пока живъ императоръ Николай, не послѣдуетъ никакой перемѣны въ отношеніяхъ Турціи къ Россіи, но безусловно принятіе ноты Портою было бы сильною приманкою для какого-нибудь будущаго честолюбиваго россійскаго императора».

Письма Мюнстера и Генкеля даютъ, можно сказать, впервые вполнѣ ясную картину положенія Россіи передъ началомъ восточнаго кризиса середины XIX в. Передъ нами проходятъ фигуры Николая I и его стараго канцлера, долго бывшихъ вершителями судебъ Европы, гордо увѣренныхъ въ себѣ, открыто и ясно высказывавшихъ всѣмъ свою волю. Но вотъ они начинаютъ чувствовать, что государства Запада, ранѣе почти безпрекословно послушныя ихъ волѣ, начинаютъ вести все болѣе самостоятельную политику, часто даже до неуловимости подвижную, благодаря новымъ средствамъ сообщенія, что силы этихъ государствъ растутъ,—въ то время, какъ вслѣдствіе отдаленности Россіи и отсутствія телеграфнаго сообщенія съ Западною Европою, преклонныхъ лѣтъ императора, не позволяющихъ ему частыхъ путешествій съ цѣлью личнаго воздѣйствія на мѣстѣ, и вслѣдствіе политическаго броженія въ войскѣ,—ослабѣвали руководящая роль и авторитетъ Россіи, разрушалось прежнее устойчивое международное равновѣсіе, перемѣщался центръ его тяжести, и Россіи приходилось начинать выжидать, лавировать, умалчивать и даже обманывать въ борьбѣ за сохраненіе своего прежняго положенія въ европейскомъ равновѣсіи. Сознаніе умаленія своего авторитета и безсилія послѣ пережитыхъ дней блестящей

славы и величія не могло не создать, съ одной стороны, психологіи упрямства, риска и парадоксальности абсолютизма (въ родѣ того, что протекторатъ Россіи надъ 10 милліонами православныхъ подданныхъ Турціи имѣетъ цѣлью лишь охрану суверенитета султана и независимости Турціи), и растерянности—съ другой. На почвѣ этой психологіи состоялось назначеніе Меншикова; всѣмъ были ясны его личность и та роль, какую онъ долженъ былъ сыграть въ столь критическій моментъ, когда требовалось столько же такта и податливости, сколько было въ Меншиковѣ грубости и прямолинейности. А это назначеніе неизбѣжно повлекло за собой событія, которыхъ въ Россіи вовсе не желали.

Мы теперь можемъ составить себѣ болѣе подробную картину о миссіи Меншикова по капитальному труду генерала А. М. Заіончковскаго—«Восточная война 1853—56 г.г. въ связи съ современной ей политической обстановкой» (Спб. 1908 г.).

Прибывъ въ Константинополь, Меншиковъ повелъ себя властно и рѣзко. Прежде всего онъ, согласно всеподданнѣйшему докладу канцлера, отказался вести переговоры съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Фуадомъ-Эффенди, сторонникомъ Англіи и ярымъ врагомъ Россіи, котораго имп. Николай I сильно не долюбливалъ за его брошюру: «La vérité sur la question des lieux saints». Сверхъ того, Меншиковъ оскорбилъ Фуада умышленной грубой невоспитанностью, не отдавъ положеннаго визита Фуаду, а прямо съ корабля явившись къ нему въ дорожномъ платьѣ. Тогда Фуадъ подалъ въ отставку. И по отношенію къ другимъ лицамъ Меншиковъ велъ себя высокомѣрно-величественно, окружая свои поступки и директивы угрожающей тайной. Въ англійскомъ полковникѣ, баронѣ Розе, Меншиковъ нашелъ скоро яраго врага. Не безъ интригъ перваго распространился слухъ, что поступокъ Меншикова съ Фаудомъ указываетъ на возможность дерзкаго обращенія Меншикова съ султаномъ. Если, распуская этотъ слухъ, полковникъ Розе старался лишь задержать ходъ переговоровъ до прибытія въ Константинополь великобританскаго посла, лорда Стрэдфорда Редклифа,—то по существу своему этотъ слухъ былъ въ значительной мѣрѣ справедливъ. Когда Меншиковъ былъ допущенъ къ церемоніальной аудіенціи, то получилась такая картина, будто русскій посолъ читаетъ нотаціи турецкому султану: султанъ, опустивъ голову, смущенно стоялъ, когда Меншиковъ читалъ ему письмо Николая I, въ которомъ русскій монархъ говорилъ о своей «дружбѣ» къ султану, но въ то же время выражалъ «чувства глубокаго прискорбія и удивленія» по поводу отношенія Турціи, указывалъ на «серьезныя послѣдствія» такого поведенія и т. д.

Наоборотъ, поведеніе англійскаго посла, лорда Редклифа, было прямо противоположно тактикѣ Меншикова. Вернувшись въ Константинополь, англійскій посолъ дѣлаетъ визитъ всѣмъ, даже не имѣющимъ вѣса чиновникамъ, совѣтуетъ турецкому правительству уступить въ вопросѣ о св. мѣстахъ, но строго отдѣлить его отъ всякихъ дальнѣйшихъ предложеній, указать русскому послу, что его требованія затрагиваютъ верховныя права султана, что международныя дѣла подлежатъ совмѣстному разсмотрѣнію державъ, подписавшихъ трактатъ 1841 г.

Запуганное высокомѣріемъ Меншикова, турецкое правительство вполнѣ подчинилось вліянію англійскаго посла.—Такъ не удалось Меншикову заключеніе особой конвенціи съ Турціей, и западное вліяніе получило въ ней рѣшительный перевѣсъ.

Такой исходъ русское правительство предвидѣло съ самаго начала, но не хотѣло ни предупредить его во время, ни отступить въ рѣшительный моментъ, не увлекаясь ложнымъ чувствомъ, что государственное достоинство Россіи будетъ унижено, если она приметъ политику, болѣе соотвѣтствующую ея реальной силѣ въ европейскомъ концертѣ, потушивъ имъ же раздутыя религіозныя страсти народа,—пока неизбѣжная катастрофа и тяжелый историческій урокъ не заставили Россію подчиниться требованіямъ европейской жизни и занять международное положеніе, болѣе соотвѣтствующее ея реальнымъ силамъ.

Потерпѣвъ пораженіе въ Константинополѣ, русская дипломатія стала пытаться упрочить дружественныя отношенія съ Пруссіей и Англіей. Въ маѣ принцъ прусскій высказываетъ Мантейфелю свое опасеніе, какъ бы въ предстоящей поѣздкѣ Фридриха Вильгельма IV въ Вѣну впечатлительнаго короля не опутали сѣтями интригъ императоръ Францъ Іосифъ и его мать, какъ бы даже не явился самъ императоръ Николай. Это опасеніе, дѣйствительно, скоро оправдалось. Николай I пригласилъ прусскаго короля на свиданіе въ Варшаву. Сначала Фридрихъ Вильгельмъ IV отказался, но послѣ вторичнаго приглашенія, сопровождаемаго обѣщаніемъ не касаться политическихъ вопросовъ, а лишь чисто родственныхъ, прусскій король поѣхалъ. Николай отвѣтилъ визитомъ въ Сансуси.

Конечно, своего обѣщанія не касаться политическихъ вопросовъ онъ не сдержалъ: цѣль свиданія была слишкомъ ясна. Вотъ что пишетъ по этому поводу Мантейфель Гауфельду:

«Вчера вечеромъ уѣхалъ императоръ; съ нимъ не было заключено никакого договора, вообще не подписано ни слова. У меня были съ императоромъ двѣ продолжительныхъ бесѣды, которыя далеко не принадлежатъ къ пріятнѣйшимъ событіямъ моей жизни,

и еще до сихъ поръ отзываются на моихъ нервахъ. Императоръ былъ страшно возбужденъ, особенно противъ англійскаго министерства, которое онъ обвинялъ въ лицемѣріи: вѣдь онъ открыто объявлялъ о своихъ намѣреніяхъ еще задолго до посольства Меншикова, представлялъ англійскому министерству предложенія о томъ, какъ желательно бы было поступить при увиливаніи Порты; но англійское министерство отвѣчало на это лишь словами двусмысленной благодарности, и въ концѣ-концовъ, когда оправдались его, императора, предположенія, не только оставили его при пиковомъ интересѣ, но и объявили нарушителемъ европейскаго мира. Императоръ Наполеонъ позволяетъ себя увлечь англійскому радикализму только ради того, чтобы добиться давно желаннаго повода къ войнѣ. Русскій императоръ не боится ихъ, и съ Божьей помощью выдержитъ бой съ объединившейся противъ него Революціей. Онъ заявилъ, что отдастъ своего послѣдняго солдата и послѣдній грошъ Пруссіи, если на нее нападутъ; въ свою очередь, онъ хотѣлъ бы знать, что онъ можетъ ждать отъ Пруссіи...

«Послѣ долгихъ разговоровъ и сильныхъ упрековъ русскаго императора, мы, какъ кажется, разстались друзьями, по крайней мѣрѣ, императоръ обнялъ меня при прощаніи.—Несмотря на то, что Его Величество умѣетъ пользоваться театральными эффектами, думаю я, что не ошибся въ наблюденіи, что императоръ очень взволнованъ результатами этого вопроса. Онъ меня увѣрялъ, что не сдѣлаетъ больше ни шага къ его разрѣшенію, а дастъ событіямъ самимъ говорить за себя. Если турки нападутъ на него, то онъ надѣется, съ Божьей помощью, отбросить ихъ; но ничто—не исключая и наступленія турокъ—не сможетъ заставить его перейти Дунай».

Еще не обезпечивъ себя вѣрными союзниками, русское правительство огласило 12 іюня 1853 г. предназначенное для собственной страны и европейскихъ державъ мотивированное изложеніе состоянія восточнаго вопроса, въ которомъ, лишь перефразируя старое, потребовала протектората надъ христіанами греческаго вѣроисповѣданія Турціи и, кромѣ того, кое-что новое сравнительно съ прежними русско-турецкими договорами. По словамъ гр. Мюнстера, русское правительство было убѣждено, что Англія въ рѣшительный моментъ не придетъ на помощь Турціи, какъ то было въ 1818 г. и позже въ сербскомъ вопросѣ.

Въ отвѣтъ на эти новыя требованія Россіи французскій флотъ, подъ начальствомъ Гамелина, и англійскій, съ адмираломъ Дунгой во главѣ, бросили якорь въ Базикской бухтѣ у входа въ Дарданеллы, согласно призыву Турціи.

25-го іюня въ англійскомъ совѣтѣ министровъ послѣ бурныхъ столкновеній сторонниковъ мирныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій одержало верхъ мнѣніе Пальмерстона, чтобы выступить, согласно предложенію Франціи, съ открытымъ заявленіемъ Россіи, что занятіе дунайскихъ княжествъ будетъ принято за объявленіе войны, всѣ договоры Россіи съ Турціей будутъ считаться нарушенными, союзный флотъ войдетъ въ Черное море съ полною свободою дѣйствій.

Въ свою очередь 2-го іюля два русскихъ корпуса, около 40.000 человѣкъ, подъ командою генераловъ Лидерса и Даннеберга перешли Прутъ. Главнокомандующимъ былъ кн. Горчаковъ. Передъ выступленіемъ войскъ императоръ Николай устроилъ въ Петербургѣ церемоніи, которыми хотѣлъ придать войнѣ съ Турціей видъ войны за защиту православной религіи. Двинулся крестный ходъ къ Исакіевскому собору, гдѣ митрополитъ обратился въ своей проповѣди къ императору, и тотъ отвѣтилъ, что онъ обнажаетъ оружіе на защиту истинной вѣры.

Наконецъ, и Порта объявила 4 октября 1853 г. Россіи войну, въ случаѣ если русскіе въ теченіе 15 дней не очистятъ дунайскія княжества. Такъ какъ этого не послѣдовало, то турки начали 23-го октября враждебныя дѣйствія на Дунаѣ, обстрѣливая съ форта Исакчи русскіе пароходы. Посланная въ княжества подъ командой Омара Паши армія состояла изъ 45.000 регулярныхъ войскъ, 57.000 ополченія и 250 пушекъ.

Николай I употребилъ послѣднія усилія, чтобы, по крайней мѣрѣ, локализировать войну; съ этой цѣлью онъ написалъ королевѣ Викторіи письмо. Объ этомъ пишетъ Бунзенъ:

«Письмо имп. Николая наводитъ на серьезныя психологическія размышленія. Самообольщеніе въ такой мѣрѣ рѣдко встрѣчается въ исторіи. Понятно, что императоръ упорно настаиваетъ на томъ, что дѣла обстоятъ именно такъ, какъ онъ это говоритъ. Но странно, что онъ проситъ королеву сказать ему правду! Она сдѣлала это съ королевскимъ благородствомъ и женскимъ достоинствомъ».

Далѣе Бунзенъ рисуетъ картину разложенія самодержавнаго деспотизма:

«Мнѣ кажется, что былые наполеоновскіе перевороты теперь больше невозможны. Нельзя такъ тонко плести сѣти интригъ, чтобы народы тотчасъ же не напали на слѣдъ отдѣльныхъ нитей, и прежде всего французы. Прошли времена, когда личныя письма князя къ князю могли разрѣшать международныя осложненія. Этого можетъ достичь лишь законно оформленный, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей актъ. Чего достигъ императоръ Ни-

колай своими двумя письмами къ королевѣ Викторіи, представляющими примѣры безпримѣрнаго, со времени паденія Наполеона, безумія безграничной игры фантазіи? Гдѣ можно найти болѣе сильное доказательство того, что безграничныхъ властителей судьба ведетъ къ погибели, наказывая ихъ лишеніемъ способностей понимать дѣйствительное положеніе дѣлъ; они хотятъ, чтобы вещи складывались такъ, какъ они этого хотятъ, поэтому сначала стараются увѣрить другихъ въ реальности своихъ желаній, а потомъ и сами начинаютъ вѣрить... Кончается это судомъ Божіимъ, когда эти высокомѣрныя души становятся преступниками и такъ запутываютъ свою совѣсть, что думаютъ «быть вполнѣ правыми», если они, увлекаемые своимъ воображеніемъ, говорятъ величайшую ложь. И въ результатѣ—міръ наполняется кровью, убійствами и страданіемъ».

Русскому императору Николаю I не только не удалось удержать своихъ противниковъ отъ выступленія, но и союзники стали отпадать отъ него. Пруссія продолжала придерживаться строгаго нейтралитета, но Австрія пошла еще дальше. По этому вопросу Мантейфель пишетъ слѣдующее:

«Взаимное недовѣріе между Австріей и Россіей зашло очень далеко и начинаетъ переходить въ ненависть. Все же Австрія не говоритъ пока о войнѣ съ Россіей, а жалуется лишь на революціонированіе сосѣднихъ съ ней провинцій. Съ другой стороны, ненависть противъ австрійцевъ въ Сербіи и Герцеговинѣ—страшная, и оккупація ихъ могла бы привести къ величайшимъ осложненіямъ. Въ свою очередь, Россія увѣряетъ, что первый же русскій батальонъ, который перейдетъ черезъ австрійскую границу, подыметъ мятежъ въ плохо управляемыхъ и угнетаемыхъ администраціей австрійскихъ провинціяхъ и поставитъ всю монархію въ крайне опасное положеніе».

Трагедія крѣпосническаго абсолютизма близилась къ концу. 19 апрѣля 1854 г. скончался прусскій посланникъ, генералъ Роховъ. Его замѣнилъ бывшій секретарь посольства, ф.-Вертеръ. 25-го апрѣля онъ пишетъ.

«Канцлеръ слегъ въ постель, потрясенный ходомъ событій и извѣстіемъ о трехъ смертяхъ, особенно о смерти генерала (Рохова). Онъ страдаетъ отъ сочленовнаго ревматизма. Мнѣ кажется, что тяжесть событій слишкомъ велика для него. Сойдетъ онъ со сцены, получится эффектъ, точно лопнетъ у локомотива тормазъ. Императоръ не сдержитъ стремящагося впередъ поѣзда, *ибо онъ больше не самодержецъ, чѣмъ его считаютъ внѣ Петербурга. Безсознательно служитъ онъ партіи, которая его увлекаетъ.* Императоръ не зналъ, что дѣлалъ въ началѣ осложненій

на Востокѣ. Избалованное дитя Европы, которому ни одинъ человѣкъ не говорилъ правды, думалъ онъ и долженъ былъ думать, что вся Европа лежитъ у его ногъ. Изумленіе, что вся Европа стоитъ противъ него, слишкомъ велико для него. Какой-то *отпечатокъ страха* лежитъ на всемъ, что онъ дѣлаетъ. За послѣдніе полгода онъ сильно состарился. Онъ чувствуетъ себя неувѣреннымъ на новомъ пути и, можетъ быть, сознаетъ, что, покинувъ старый путь, онъ бросаетъ зерна новаго движенія, которое нельзя будетъ больше остановить. Какъ старая истощенная Франція снова стала консервативной, хотя и подъ давленіемъ внѣшней силы, такъ *здѣсь*, наоборотъ, *отдаляются отъ консервативныхъ принциповъ*, хотя въ этомъ никто не хочетъ сознаться».

Кто же составлялъ ту «партію, которая увлекала императора»? Ф.-Вертеръ даетъ ей невысокую нравственную оцѣнку:

«Въ Петергофѣ... я никогда не видалъ людей въ естественномъ психическомъ состояніи, но всегда болѣе возбужденными, чѣмъ нужно... Какимъ образомъ здѣсь рѣшаются дѣла, никто не имѣетъ ни малѣйшаго представленія. Если смѣшать губительное честолюбіе, ужасный страхъ потерять (давно уже потерянный) престижъ, высокомѣріе, безпринципность, невѣжество, превосходящее въ Петергофѣ всякіе предѣлы, то Ваше Превосходительство пойметъ, что нельзя ждать отъ временнаго замѣстителя посла даже чего-либо похожаго на вліяніе... При петергофскомъ дворѣ никто не умѣетъ даже читать, какъ слѣдуетъ. Каждое письмо короля, въ особенности, если тамъ попадаются такія выраженія, какъ *perhorresciren*, которое здѣсь никто не понимаетъ,—регулярно каждый разъ толкуются невѣрно, пока Мюнстеръ или одинъ изъ Рауховъ не возьмутъ на себя труда разъясненія, послѣ чего волненіе смѣняется большой радостью и чувствомъ удовлетворенія...»

Л. Бергъ.

Г. Н. Потанинъ.

Къ 80-ти лѣтію Г. Н. Потанина.

(Потанинъ и областничество).

21-го января исполняется 80 лѣтъ со дня рожденія одного изъ замѣчательныхъ русскихъ людей, Г. Н. Потанина. Рѣдко кому приходится доживать до такого преклоннаго возраста и въ то же время сохранить бодрость духа, свѣжесть ума и глубокую вѣру въ свѣтлое грядущее и торжество идей правды и справедливости. Григорій Николаевичъ долженъ считать себя однимъ изъ счастливѣйшихъ людей: его жизненный путь всегда былъ согрѣтъ любовью къ нему окружающихъ и уваженіемъ всего общества. Среди же современныхъ сибиряковъ онъ является единственнымъ.

Въ Сибири есть два имени, окруженныя ореоломъ любви, безграничнаго уваженія и глубокой признательности—это Потанинъ и Ядринцевъ. Послѣдній скончался 20 лѣтъ тому назадъ и послѣ него, на Г. Н. сосредоточено вниманіе всей Сибири, всѣхъ слоевъ ея населенія, къ голосу его прислушивается все сибирское общество.

Ядринцевъ и Потанинъ—оба уроженцы Сибири. Дѣтство Г. Н. протекало въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ Н. М. Ядринцева,—вначалѣ въ чужой семьѣ, а потомъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, съ его дореформенными порядками, поркой и т. п. Впрочемъ, о нѣкоторыхъ учителяхъ Г. Н. вспоминаетъ съ любовью. На школьномъ періодѣ жизни Г. Н. мы уже останавливались въ 9-й книжкѣ «Голоса Минувшаго» за 1913 г.

На рубежѣ 60-хъ г.г. Потанинъ, бывшій казачій офицеръ, и Ядринцевъ, не окончившій университета, встрѣтились въ Петербургскомъ университетѣ и съ тѣхъ поръ трогательная дружба не прерывалась между этими двумя замѣчательными сибиряками. Г. Н. былъ старше Ядринцева и явился его руководителемъ и учителемъ.

Въ столицу Г. Н. пріѣхалъ съ болѣе или менѣе уже сложившимся міросозерцаніемъ, съ опредѣленными общественными убѣжденіями и съ сознаніемъ обязанности служить своей забытой

далекой родинѣ. Эти взгляды у него вырабатывались подъ вліяніемъ политическихъ ссыльныхъ, особенно петрашевца Дурова и такихъ сибиряковъ, какъ Чоканъ Валихановъ. Всѣ они собирались въ Омскѣ, въ особомъ кружкѣ Е. И. Капустиной, сестры извѣстнаго химика Д. И. Менделѣева. Труды сибирскаго историка Словцова и сохранившія письма Ершова, автора «Конька Горбунка», повліяли на Г. Н., побудивъ его служить тому областничеству, которое дало цѣль и содержаніе всей жизни Потанина. Тогдашніе журналы, особенно «Современникъ», дали Г. Н. основаніе для его общественной идеологіи.

Выводы изъ книгъ и бесѣдъ были провѣрены Г. Н. наблюденіями надъ жизнью еще въ 50-хъ гг., когда онъ, по окончаніи курса въ 1852 г. въ Омскомъ корпусѣ, служилъ казачьимъ офицеромъ въ Илійскомъ краѣ. Жизнь въ захолустномъ краѣ, наблюденія надъ природой, чтеніе Гумбольдтовой Азіи, Дарвина, естественно-историческій факультетъ положили основы для будущей карьеры «извѣстнаго путешественника по Азіи», какъ называютъ Г. Н. всѣ русскіе и иностранные энциклопедическіе словари.

Ученый и публицистъ постоянно боролись въ Г. Н.; онъ самъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, пишетъ:

«Въ раннюю пору моей жизни мои планы двоились; когда я читалъ книги по естественной исторіи, мнѣ очень хотѣлось сдѣлаться натуралистомъ, а когда читалъ романы Диккенса, я мечталъ стать романистомъ. Позднѣе, въ бытность мою офицеромъ, этотъ вопросъ о будущемъ принялъ болѣе опредѣленную форму; я сталъ мечтать о путешествіяхъ въ глубь центральной Азіи или о объ общественной дѣятельности въ Сибири».

«Шишка въ центральной Азіи», какъ А. Л. Пантелеевъ шутя называлъ одинъ вулканъ на Тянь-Шанѣ, изслѣдовать который рвался Г. Н., не заслонила собою интересовъ Сибири. Потанинъ неотдѣлимъ отъ Сибири, какъ Сибирь неотдѣлима отъ Потанина. Потанинъ замѣчательный ученый этнографъ, изслѣдователь Азіи, чье имя стоитъ въ первыхъ рядахъ міровыхъ путешественниковъ, является и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, публицистомъ и предстателемъ за интересы далекой окрайны.

Служеніе Сибири для Потанина являлось и является своего рода культомъ. Офицеромъ, студентомъ онъ намѣчаетъ программу будущей дѣятельности въ Сибири для себя и своихъ друзей. Эта программа въ тѣ далекія времена была неясна, даже для ея авторовъ. Они собственно намѣчали этапы ея и въ первую голову требовали, чтобы сибиряки ѣхали въ Сибирь и работали тамъ. Отмѣнѣ уголовной ссылки въ Сибирь они придавали до извѣст-

ной степени такое же значеніе, какъ отмѣнѣ крѣпостного права въ Европейской Россіи. Важнѣйшимъ же практическимъ дѣломъ Потанинъ и его друзья считали основаніе сибирскаго патріотическаго печатнаго органа; но какъ выполнить эту задачу Потанинъ и его единомышленники не знали.

Студенческія волненія 1861 г., сидѣнье въ Петропавловской крѣпости отвлекли вниманіе молодыхъ сибиряковъ отъ намѣченной ими цѣли въ жизни; но съ конца 1862 г. снова возникъ сибирскій кружокъ, и молодежь рѣшила ѣхать въ Сибирь. Въ это время Г. Н. принялъ предложеніе П. П. Семенова участвовать въ экспедиціи К. В. Струве въ область оз. Зайсана и въ 1863 г. выѣхалъ въ г. Омскъ. Здѣсь, какъ онъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «подвернулось казачье дѣло, и я вмѣшался въ него», потому что въ этомъ дѣлѣ была не одна казарма, а и бытъ. Въ то время вырабатывалось положеніе о казакахъ и это дѣло въ Омскѣ было поручено особому комитету изъ старыхъ полковниковъ, назначенныхъ генералъ-губернаторомъ.

Потанинъ убѣдилъ молодыхъ офицеровъ подать атаману особый адресъ, въ которомъ выражалось сожалѣніе о томъ, что комитетъ составленъ изъ членовъ по назначенію, а не народному избранію. Атаманъ согласился созвать «народное собраніе». Осенью Потанинъ вернулся изъ экспедиціи съ оз. Зайсана и былъ избранъ секретаремъ депутатскаго собранія. Комитетъ и депутатское собраніе превратились въ два враждебныхъ лагеря. Полковники настаивали на томъ, чтобы депутатское собраніе было лишено самостоятельности, а для этого необходимо было его присоединить къ комитету. Простымъ казакамъ было приказано присоединиться къ комитету, а оставшихся въ собраніи офицеровъ лишили освѣщенія. Часть офицеровъ ушло въ комитетъ, а остальные поручили Потанину подать протестъ. Атаманъ пошелъ на уступки, но отъ совмѣстнаго засѣданія комитета и собранія не отказался.

Потанинъ и его друзья горячо отстаивали интересы рядового казачества, особенно, въ земельныхъ вопросахъ. Послѣ перваго совмѣстнаго засѣданія комитета и собранія прокуроръ войскового правленія донесъ министру, что отставной сотникъ Потанинъ съ толпой изъ офицеровъ же, облеченныхъ званіемъ депутатовъ и частью изъ дѣйствительныхъ депутатовъ, ворвался въ залу, гдѣ засѣдалъ комитетъ, потребовалъ мѣста для своихъ соучастниковъ за столомъ на ряду съ членами комитета; сѣвъ за столомъ, шумѣлъ, кричалъ, билъ кулакомъ по столу, выказывалъ непозволительное невниманіе къ зерцалу и оскорбилъ сибирскихъ казаковъ, вѣрныхъ слугъ престола и отечества, обозвавъ ихъ каторжными.

Все это потомъ было поставлено въ вину Потанину, какъ и защита интересовъ кокбетинскихъ казаковъ, которыхъ войсковое правленіе лишило рыбной ловли на оз. Зайсанѣ. Потанинъ добился того, что озеро было сдано простымъ казакамъ. Казаки отслужили молебенъ о здоровьѣ ихъ «застои», какъ стали называть Г. Н. въ казачьихъ станицахъ. Выступалъ онъ и по другимъ дѣламъ на защиту интересовъ массы. Эти дѣла создали ему широкую популярность среди населенія, а въ извѣстныхъ кругахъ репутацію безпокойнаго человѣка.

Вскорѣ Потанинъ переѣхалъ въ Томскъ и занялъ мѣсто секретаря губернскаго статистическаго комитета, предварительно совершивъ нѣсколько научныхъ экспедицій. Въ это время въ Сибири уже собрались Ядринцевъ, Шашковъ, Наумовъ, Щаповъ и др. сибиряки-патріоты, къ которымъ примкнули и нѣкоторые казачьи офицеры: Усовъ, Нестеровъ, Соколовъ и др. и кое-кто изъ мѣстныхъ обывателей и чиновниковъ. Всѣ они были разбросаны по разнымъ городамъ, но сношенія между ними не прерывались. Друзья переписывались о нуждахъ Сибири, ставили на обсужденіе различные вопросы о положеніи туземнаго населенія, объ университетѣ, судьбахъ Сибири и т. д. Эти письма впослѣдствіи были чуть ли не главнымъ матеріаломъ для обвинительнаго судебнаго приговора надъ Потанинымъ и его единомышленниками.

Въ Томскѣ Г. Н. принялъ дѣятельное участіе въ «Томскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ». Въ Томскъ скоро переѣхалъ и Ядринцевъ. «Вѣдомости» обратились какъ бы въ общую газету, на страницахъ которой печатались статьи по сибирскимъ вопросамъ, этнографіи и статистикѣ. Планы о путешествіяхъ въ центральную Азію стали вытѣсняться сибирской публицистикой, выясненіемъ нуждъ сибирскаго населенія. Былъ поставленъ на очередь и муссировался вопросъ о сибирскомъ университетѣ.

Вся эта дѣятельность носила исключительно просвѣтительный характеръ и была направлена на устройство школъ, библіотекъ, чтеніе лекцій и т. п.

Лекціи Шашкова въ Красноярскѣ, изъ которыхъ потомъ составились его книги, пріобрѣли широкую популярность, и томскіе друзья Шашкова пригласили его въ Томскъ. Здѣсь лекціи также имѣли большой успѣхъ, особенно тѣ, гдѣ онъ описывалъ нравы стараго сибирскаго чиновничества.

Послѣднюю лекцію Шашкова рѣшено было превратить въ демонстрацію. Потанинъ, Ядринцевъ и Колосовъ собрали въ благородное собраніе семинаристовъ, заранѣе ознакомились съ содержаніемъ лекціи, въ которой говорилось о смутномъ времени, объ областныхъ земскихъ совѣтахъ, о великомъ земскомъ

Соборѣ, на которыхъ «всею своею землей» рѣшали земское дѣло. Параллельно съ этими историческими справками Шашковъ говорилъ о современныхъ нуждахъ. Демонстрація должна была произойти послѣ словъ лектора—«намъ, т.-е. сибирякамъ нуженъ университетъ». Когда Шашковъ произнесъ эту фразу, разсказываетъ Г. Н., то Колосовъ, стоящій на эстрадѣ громко крикнулъ: «Намъ нуженъ университетъ!» Семинаристы, стоявшіе въ разныхъ мѣстахъ залы, подхватили этотъ крикъ, а за ними вся зала начала дружно кричать: «Намъ нуженъ университетъ!»

Это былъ одинъ изъ самыхъ «злонамѣренныхъ» публичныхъ поступковъ людей, которыхъ черезъ нѣкоторое время должны были арестовать и судить по обвиненію ихъ въ сепаратизмѣ.

«Злонамѣренность нашу мы,—говоритъ Потанинъ,—проявляли только въ газетѣ, злонамѣренность, какъ она квалифицировалась въ то отдаленное время. Съ нынѣшней точки зрѣнія то, что мы писали тогда, было совершенно невинно. Но тогда другое дѣло; мы знали это и поэтому не считали себя невинными. Было, напримѣръ, преступнымъ употреблять въ печати выраженіе «наша Сибирь», нельзя было писать «мы, сибиряки», преступно было выдѣлять себя изъ общаго отечества; нельзя было любить Сибирь, можно любить только всю Россію. «Если позволить вамъ любить Сибирь,—говорили намъ,—то, пожалуй, вы полюбите ее больше, чѣмъ Россію». А, вѣдь, мы мечтали объ основаніи журнала со спеціальной цѣлью развивать любовь къ Сибири».

Значительно позднѣе, въ 80-хъ гг. Сибирь находилась также въ опалѣ у цензуры, которая даже въ 90-хъ гг. вычеркивала изъ «Восточн. Обозр.» слова «Сибирское населеніе», «Сибирскій край», противопоставленіе Сибири и Россіи и т. д. Самое названіе «Восточное Обозрѣніе» явилось результатомъ цензурныхъ соображеній: Потанинъ и Ядринцевъ предполагали въ 1882 г. издавать «Сибирское Обозрѣніе», но П. П. Семеновъ, взявшій на себя хлопоты о разрѣшеніи газеты, сказалъ, что «Сибирское Обозрѣніе», пожалуй, вызоветъ раздраженіе въ чиновникахъ, которые усмотрятъ въ этомъ названіи сибирскій сепаратизмъ, и предложилъ замѣнить «Сибирское»—«Восточнымъ».

Самыми важными вопросами для Сибири Потанинъ и его друзья въ 60-е годы считали отмѣну ссылки и открытіе университета. Но какъ приступить къ этому—они сами недоумѣвали. Фактически дѣятельность сибирской молодежи свелась къ культурной работѣ, да еще къ тому, что убѣждали сибиряковъ возвращаться на родину и работать для нея. Не желающіе возвращаться стали называть Потанина и его единомышленниковъ сепаратистами, заимствовавъ это слово изъ «Московск. Вѣдом.»

Каткова, поднявшаго послѣ польскаго возстанія вопросъ о сепаратизмѣ Малороссіи, Дона, но не Сибири.

Сибирскіе же «сепаратисты» продолжали заниматься культурной работой, отыскиваньемъ талантливыхъ сибиряковъ, научными изслѣдованіями, учеными экскурсіями и т. п.

Въ Троицынъ день 1865 г. Потанинъ съ друзьями отправился на заимку купца Пичугина, интеллигентнаго, много испытавшаго сибиряка. На другой день Потанинъ, Ядринцевъ и Колосовъ были арестованы, на квартирахъ ихъ произвели обыскъ, а затѣмъ отправили въ Омскъ въ тюрьму.

Въ Омскѣ былъ арестованъ офицеръ Усовъ и вскорѣ туда же были привезены изъ Иркутска Шашковъ и Щукинъ, а также ученикъ военнаго училища Золотинъ, изъ Москвы—Шайтановъ, изъ Уральска—Ганкинъ, а позднѣе изъ Иркутска и Щаповъ.

Началось нашумѣвшее въ свое время дѣло о «сибирскихъ сепаратистахъ», якобы, желавшихъ образовать изъ Сибири государство наподобіе С.-Американскихъ Штатовъ.

Для изложенія обстоятельствъ этого дѣла мы воспользуемся воспоминаніями Г. Н. Потанина, недавно напечатанными на страницахъ «Сибирской Жизни». Арестованныхъ держали въ одиночкахъ и не давали имъ книгъ для чтенія. На допросъ Потанина вызвали только черезъ недѣлю. Но допросъ не выяснилъ ему, за что онъ арестованъ. Предъявленныя Потанину его письма къ друзьямъ, живущимъ въ разныхъ городахъ Сибири, говорили, что и его друзья арестованы. На второмъ допросѣ Потанину предъявили двѣ рукописныя прокламаціи: одну небольшую, на почтовомъ листѣ малаго формата, написанную въ скромныхъ выраженіяхъ, другую большую, на листѣ писчей бумаги, исписанномъ кругомъ плотнымъ письмомъ. Эта послѣдняя была написана въ циничномъ тонѣ, въ грубыхъ, бранчливыхъ выраженіяхъ. Объ прокламаціи обвиняли правительство въ угнетеніи Сибири и призывали народъ къ возстанію.

Стало очевидно, что арестованнымъ приписываютъ сочиненіе этихъ воззваній.

Маленькая прокламація была найдена въ кадетскомъ корпусѣ.

«Младшій братъ Ф. Н. Усова, кадетъ Усовъ, отыскивая въ письменномъ столѣ своего брата почтовую бумагу, нашелъ исписанный листокъ, это и была прокламація. Онъ прочелъ ее, заинтересовался и, не сказавъ ничего брату, унесъ въ корпусъ, чтобы показать товарищамъ. Она начала ходить по рукамъ и попала въ руки одного кадета, фамилію котораго я забылъ. Захвативъ прокламацію, юноша сталъ пользоваться ею, чтобы выманивать у Гани Усова папиросы. Дежурный офицеръ, обхо-

дя камеры, замѣтилъ табачный запахъ, и сталъ шарить въ карманахъ кадета, надѣясь найти въ нихъ табакъ или папиросы, но вмѣсто запрещеннаго табаку нашелъ возмутительное воззваніе. Этотъ кадетъ былъ младшій братъ Ф. Н. Усова. Кадетъ разсказалъ, что онъ нашелъ эту бумажку въ ящикѣ письменнаго стола у своего старшаго брата».

Прокламація была доставлена въ жандармское управленіе. Полковникъ Рыкачевъ сдѣлалъ обыскъ въ квартирѣ Ф. Н. Усова, арестовалъ его письма, въ числѣ которыхъ нашелъ письма Потанина и Ядринцева. Онъ сразу понялъ, что наткнулся на категорію подозрительныхъ лицъ, и обратился къ генералу Панову, исправляющему обязанности генералъ-губернатора Зап. Сибири. Пановъ не находилъ достаточныхъ поводовъ для ареста Потанина, Колосова и Ядринцева, но полковникъ Рыкачевъ увѣрялъ, что онъ найдетъ автора прокламацій въ потанинской компаніи.

Для веденія дѣла была назначена особая комиссія, въ составъ которой вошли: совѣтникъ главнаго управленія Западной Сибири Пилино, жандармскій полковникъ Рыкачевъ и молодой аудиторъ.

Слѣдствіе длилось шесть мѣсяцевъ и все-таки не открыло, кто писалъ прокламаціи. Комиссіи не удалось прибавить ничего къ тому, что было найдено въ бумагахъ Ф. Н. Усова. О болѣе пространной прокламаціи, найденной въ Иркутскѣ у Щукина, Шашковъ сказалъ, что это онъ привезъ ее изъ Петербурга. Только значительно позднѣе, когда Ядринцевъ уже издавалъ «Восточное Обозрѣніе», онъ узналъ, что прокламація была написана иркутскимъ купцомъ Степаномъ Поповымъ, принадлежащимъ къ либеральному кружку Андрея Бѣлоголоваго и вмѣстѣ съ послѣднимъ давшимъ деньги не изданіе газеты «Амуръ».

Хотя слѣдственная комиссія не раскрыла происхожденія прокламаціи, но она создала дѣло, въ которомъ инкриминировала арестованнымъ всю ихъ жизнь, всю дѣятельность въ Петербургѣ и Сибири.

«Она узнала, пишитъ г. Потанинъ, наперечетъ всѣхъ нашихъ друзей, съ которыми мы переписывались; изъ нашихъ писемъ стало извѣстно, что мы въ Петербургѣ періодически собирались на сибирскія студенческія вечеринки, на которыхъ пили пиво за здравіе Сибири; что мы подговаривали своихъ товарищей возвращаться въ Сибирь отстаивать ея интересы, изучать сибирскія нужды; что иногда разговаривали на тему объ отдѣленіи Сибири отъ Россіи въ отдаленномъ будущемъ».

Въ комиссіи Потанину сказали: «Вы теперь видите, что мы все знаемъ; мы переловили всѣхъ вашихъ сообщниковъ. Вотъ

вамъ листъ, на которомъ можете сдѣлать откровенное признаніе». «Когда я,—пишетъ Г. Н.,—давалъ первые отвѣты комиссіи, я воздерживался въ признаніи, чтобы не втянуть въ дѣло непричастныхъ къ нему людей, поэтому часто приходилось отзываться незнаніемъ и чувствовать себя въ ложномъ положеніи,—это нестерпимо тревожило совѣсть. Поэтому я безъ протеста принялъ предложеніе сдѣлать откровенное признаніе, но это признаніе не дало комиссіи ничего новаго». Потанинъ призналъ, что главнымъ агитаторомъ «въ нашей компаніи былъ я». Къ допросу сибирскихъ сепаратистовъ былъ привлеченъ и братъ офицера Ф. Н. Усова Григорій, только что выпущенный изъ корпуса. Полковникъ Рыкачевъ сказалъ ему:

«Въ какое опасное дѣло вы впутались!—Вашему брату и всѣмъ его товарищамъ по дѣлу грозитъ смертная казнь; вамъ предстоитъ то же самое. Единственное для васъ спасеніе—разсказать все, что вы знаете о замыслахъ заговорщиковъ». Молодой человѣкъ началъ называть всѣ имена, слышанныя отъ брата и Ядринцева. Въ числѣ другихъ онъ назвалъ извѣстнаго зоолога Сѣверцева и Щапова.

Сѣверцева не удалось привлечь къ дѣлу, а А. П. Щапова привезли изъ Иркутска въ Омскъ. Дорогой лошади разнесли его повозку, Щаповъ выскочилъ изъ экипажа и сломалъ себѣ ногу.

Щапову была дана очная ставка съ Потанинымъ по поводу стихотворенія, въ которомъ было слѣдующее мѣсто:

«Вотъ Польша громко требуетъ свободы, просыпается Малороссія и Кавказъ, одна ты, Сибирь, молчишь. Когда же заговоришь и ты?»

Потанинъ, выгораживая товарищей, призналъ, что это стихотвореніе написано имъ; но Г. Н. опустилъ изъ виду, что подъ стихотвореніемъ стояла подпись Щапова и подлинникъ его хранился въ III отдѣленіи, гдѣ оно и было написано Щаповымъ, когда онъ сидѣлъ тамъ арестованный по дѣлу о бунтѣ крестьянъ въ Безднѣ. Слѣдствіе кончилось и дѣло было отправлено въ Петербургъ.

«Однажды во время визита въ комиссію мнѣ, пишетъ Потанинъ, попалась на глаза обложка этого дѣла. Дѣло было озаглавлено такъ: «Дѣло о злоумышленникахъ, имѣвшихъ цѣлью отдѣлить Сибирь отъ Россіи и основать въ ней республику по образцу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ». Я улыбнулся и, обратясь къ Пилино, предсѣдателю комиссіи, сказалъ: «Какъ вы насъ громко титулуете». Пилино смутился и отвѣтилъ: «Нѣтъ, это временное названіе; оно дано, когда дѣло еще не выяснилось». Ужъ не знаю, подъ какимъ заголовкомъ дѣло ушло въ Петербургъ».

Потянулись долгіе мѣсяцы до «суда». За это время арестованные много работали, учились... Потанинъ изучалъ татарскій

языкъ, работалъ въ архивѣ, задумалъ рядъ географическихъ работъ, занимался полеонтологіей; Щаповъ намѣтилъ рядъ статей, Ядринцевъ собралъ матеріалы и составилъ планъ извѣстной своей книги «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ» и т. д. Мы не останавливаемся на этой части воспоминаній Г. Н. Потанина, хотя въ нихъ приведено много интересныхъ фактовъ, характеристикъ.... Жизнь въ тюрьмѣ была обставлена льготными условіями, и Г. Н. могъ собрать въ своей камерѣ цѣлый палеонтологическій музей.

«Черезъ три года нашего тюремнаго сидѣнія, пишетъ Г. Н., наконецъ, былъ полученъ судебный приговоръ. Наше дѣло разбиралось въ московскомъ отдѣленіи Сената. Московскіе сенаторы обсудили наши дѣянія, опредѣлили мѣру нашей преступности; но мы не видѣли въ глаза своихъ судей, мы съ ними ни однимъ словомъ не обмѣнялись. Новость эту принесъ мнѣ караульный офицеръ въ то время, какъ онъ обходилъ камеры. Я думаю, что онъ нарочно пошелъ въ обходъ по камерамъ, чтобы сдѣлать мнѣ эту любезность. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы осуждены на 5 лѣтъ на каторгу».

Потанина, какъ главнаго злоумышленника, первоначально приговорили къ 15 г. каторги, но судъ нашелъ смягчающія обстоятельства и ходатайствовалъ о сокращеніи срока каторги до 5 лѣтъ. Остальные товарищи по дѣлу были присуждены къ ссылкѣ съ лишеніемъ правъ. Колосова признали непричастнымъ къ дѣлу.

«Я, вспоминаетъ Г. Н., былъ осужденъ на каторжныя работы въ нерчинскіе заводы, но такъ какъ наше преступленіе заключалось въ пропагандѣ сепаратистическихъ идей въ Сибири, то генералъ-губернаторъ Дюгамель, предшественникъ генерала Хрущова, отсылая слѣдственное дѣло въ Петербургъ, просилъ всѣхъ насъ выдворить изъ Сибири. Удовлетворяя эту просьбу, петербургское начальство приказало отправить меня въ крѣпость Свеаборгъ, гдѣ находилась арестантская рота военнаго вѣдомства съ каторжнымъ отдѣленіемъ при ней. Моихъ товарищей по дѣлу размѣстили въ сѣверной Россіи. Три товарища: Ядринцевъ, Шашковъ и Ушаровъ попали въ Шенкурскъ, Архангельской губ., Щукинъ въ Мезень и Усовъ—въ Каргополь, Олонецкой губерніи.

Въ конфирмаціи было сказано, что Потанина осудили за распространеніе въ Сибири сепаратистическихъ идей и за основаніе въ Петербургѣ тайнаго общества подъ названіемъ «Сибирскій Кружокъ». «Съ нынѣшней точки зрѣнія ни мои сепаратистическія идеи, ни это тайное общество, пишетъ Г. Н., не будутъ преступленіемъ». Тайное общество на самомъ дѣлѣ было только студенческими вечеринками.

Заочнымъ приговоромъ московскаго отдѣленія Сената Г. Н. Потанинъ былъ признанъ главнымъ злоумышленникомъ и главой сибирскихъ сепаратистовъ. Вся же «моя вина, говоритъ Г. Н., ограничивалась тѣмъ, что я иногда при случаѣ высказывалъ свою крамольную идею въ частномъ кабинетѣ, въ частномъ разговорѣ, въ обществѣ одного, двухъ, много трехъ, человѣкъ. Теперь, пятьдесять лѣтъ спустя, вспоминая это время, я нахожу, что суровая конфирмація, осудившая меня, исключительно основана на моемъ «откровенномъ признаніи». Я заявилъ, что я распространялъ сепаратистическія идеи, что я убѣдилъ своихъ товарищей раздѣлять мои мысли, что всѣ причастные къ этой идеѣ были увлечены мною. И это признаніе было единственнымъ основаніемъ къ тому, чтобы выдѣлить меня изъ среды моихъ товарищей, наложить на меня кару, значительно болѣе тяжкую. Если бы я не сдѣлалъ «откровеннаго признанія», то, можетъ быть, я пострадалъ бы меньше всѣхъ.

Кромѣ этого признанія, противъ меня другихъ болѣе сильныхъ уликъ не было; въ письмахъ не было ни одного слова о распространеніи сепаратизма. Въ показаніяхъ моихъ товарищей по дѣлу никто меня не называлъ своимъ учителемъ, и могло бы окончиться такъ, что мои друзья: Ядринцевъ, Шашковъ и другіе потерпѣли бы больше меня; а между тѣмъ, я считалъ себя коноводомъ».

Передъ отправкой на каторгу надъ Г. Н. былъ совершенъ обрядъ гражданской смерти.

«Въ день обряда меня—пишетъ Г. Н.—подняли съ постели въ 4 ч. утра и посадили на высокую колесницу, повѣсили мнѣ на грудь доску съ надписью. Эшафотъ былъ устроенъ на лѣвомъ берегу Оми, между мостомъ и устьемъ рѣки, т.-е. при входѣ на тогдашнюю базарную площадь. Переѣздъ отъ полицейскаго управленія до эшафота былъ короткій, и никакой толпы за колесницей не образовалось. Меня взвели на эшафотъ, палачъ примоталъ мои руки къ столбу; дѣло это онъ исполнилъ вяло, неискусно; руки его дрожали, и онъ былъ смущенъ. Осталось у меня въ памяти, что полицеймейстеръ, молодой, красивый и симпатичный человѣкъ, кроткимъ голосомъ сказалъ: «Палачъ своего дѣла не знаетъ». Затѣмъ чиновникъ прочиталъ конфирмацію. Такъ какъ время было раннее, то вокругъ эшафота моря головъ не образовалось; публика стояла только въ три ряда. Я не замѣтилъ ни одного интеллигентнаго лица, не было также ни одной дамской шляпки. Продержавъ меня у столба нѣсколько минутъ, отвязали и на той же колесницѣ отвезли въ полицейское управленіе;

здѣсь я нашелъ всѣхъ своихъ товарищей, которые были собраны, чтобы выслушать часть конфирмаціи, относящуюся до нихъ».

Въ тотъ же день Г. Н. былъ отправленъ въ Свеаборгъ, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ. По окончаніи отбытія срока каторги, онъ былъ водворенъ на поселеніе въ г. Никольскѣ, Вологодской губерніи. Здѣсь онъ встрѣтился съ нѣкоторыми изъ своихъ старыхъ товарищей, въ томъ числѣ и Н. М. Ядринцевымъ, и познакомился съ своей будущей женой А. В., которая пріѣзжала навѣщать своего брата К. В. Лаврскаго, находившагося также въ ссылкѣ. Лаврскій былъ областникомъ и являлся однимъ изъ вдохновителей «Волжско-Камской газеты». Потанинъ и Ядринцевъ приняли дѣятельное участіе въ этой газетѣ и открыли даже отдѣлъ, посвященный Сибири.

Воспоминанія Г. Н. пока доведены до момента его участія въ «Волжско-Камской газетѣ» и представляютъ глубокій интересъ. Будущій историкъ Сибири и общественнаго движенія 60-хъ годовъ найдетъ тамъ много яркихъ характеристикъ отдѣльныхъ дѣятелей и цѣлыхъ эпохъ, а также богатые матеріалы для исторіи общественнаго движенія 50-хъ и 60-хъ г.г.

Въ 1874 г., по ходатайству географическаго общества, Г. Н. былъ амнистированъ. Съ конца 70-хъ г.г. начались его знаменитыя путешествія въ Монголію и центральную Азію. Въ 1892 г. Г. Н. отправился въ послѣднюю свою большую экспедицію для изученія восточной окраины Тибета. Во время этой экспедиціи скончалась его жена Александра Викторовна. Въ промежуткѣ между экспедиціями и послѣ кончины жены Потанинъ отдавалъ все свое время Сибири и обработкѣ многотомныхъ трудовъ по старымъ экспедиціямъ, дѣлая научныя экскурсіи на Алтай и другія мѣста Сибири. За Г. Н. все болѣе и болѣе закрѣплялась репутація «сибирскаго сепаратиста». Эта репутація еще разъ причинила Г. Н. большія непріятности въ 1905 г., когда ему пришлось вновь познакомиться съ тѣми учрежденіями, съ которыми онъ столкнулся въ 1865 г. Въ 1905 г. Г. Н. принималъ дѣятельное участіе въ выработкѣ проекта положенія о сибирскомъ земствѣ, извѣстнаго подъ именемъ проекта томскихъ обществъ. Въ этомъ проектѣ, кромѣ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, предполагалось учредить и областное земство. Въ настоящее время Г. Н. является наиболѣе авторитетнымъ представителемъ того областничества, яркими представителями котораго были: онъ, М. В. Загоскинъ, Н. М. Ядринцевъ, Писаревъ, Нестеровъ, Вагинъ и другіе сибиряки-шестидесятники.

Въ 60-хъ г.г., когда былъ осужденъ Г. Н. Потанинъ, программа сибирскихъ областниковъ только намѣчалась. Ихъ тре-

бованія сводились, главнымъ образомъ, къ отмѣнѣ уголовной ссылки, къ учрежденію въ Сибири университета и къ борьбѣ съ абсентеизмомъ сибирской молодежи, результатомъ котораго былъ отливъ умственныхъ силъ изъ Сибири въ Европейскую Россію. Затѣмъ на сцену явились вопросы объ экономической зависимости Сибири отъ московскаго мануфактурнаго района, объ упорядоченіи переселенія и правильномъ заселеніи Сибири переселенцами, объ улучшеніи быта инородцевъ и борьбѣ съ вымираніемъ некультурныхъ племенъ. Съ введеніемъ въ Европейской Россіи земствъ и судебныхъ уставовъ сибирскіе сепаратисты и ихъ печать неустанно указывали на необходимость полнаго уравненія населенія Сибири въ правахъ съ населеніемъ Европейской Россіи.

Сибирскихъ дѣятелей сибиряки-областники дѣлили на три категоріи: одни—сибиряки по своему происхожденію, работавшіе для Сибири; другіе—сибиряки, дѣятельность которыхъ протекала внѣ Сибири, и третьи—не сибиряки по мѣсту своего рожденія, но работавшіе въ Сибири и *для нея*.

Къ послѣдней категоріи областники относились съ такой же любовью, какъ и къ природнымъ сибирякамъ, работавшимъ для Сибири.

Ни въ этомъ дѣленіи, ни въ требованіяхъ областниковъ не было и тѣни преступности. Нѣтъ преступнаго по уголовной терминологіи и въ позднѣйшей, болѣе развитой программѣ сибирскаго областничества, несомнѣнно заключающей въ себѣ не мало политическихъ моментовъ.

Г. Н. Потанинъ въ своихъ воспоминаніяхъ останавливается на этомъ вопросѣ, пользуясь статьей г. Ветошкина, въ «Современномъ Мірѣ» «О сибирскомъ областничествѣ». Въ этой статьѣ г. Ветошкинъ говоритъ о Потанинѣ, что послѣдній заблуждался, утверждая, что въ областничествѣ нѣтъ политическаго сепаратизма, а лишь литературный. Г. Н. Потанинъ по этому поводу пишетъ:

«Недоразумѣніе между нами произошло оттого, что онъ (г. Ветошкинъ) не вошелъ глубже въ разсмотрѣніе этого вопроса и не выработалъ болѣе точную терминологію.

Въ самомъ дѣлѣ, культурный сепаратизмъ не покрываетъ собою всего понятія объ областничествѣ, очертанія послѣдняго шире этого термина. Областничество включаетъ въ себѣ сепаратизмъ не только въ области культуры, но и въ области политики, за исключеніемъ только самаго крайняго акта (покушеніе на цѣлость государства), который на обычномъ общепринятомъ языкѣ называется политическимъ сепаратизмомъ; послѣдній не-

допустимъ съ государственной точки зрѣнія; но областническій сепаратизмъ не угрожаетъ цѣлости государства, хотя можетъ заходить очень и очень далеко.

Политическій сепаратизмъ въ обычномъ смыслѣ можетъ явиться своекорыстнымъ вожделѣніемъ какого-нибудь одного класса или сословія, класса аграріевъ или буржуазіи. Г. Ветошкинъ, кажется, и подозрѣваетъ, что подъ сибирскимъ областничествомъ скрывается защита интересовъ сибирской буржуазіи, или, по крайней мѣрѣ, онъ хочетъ предостеречь сибирскихъ патріотовъ отъ опасности попасть въ ловушку мѣстной буржуазіи; подозрѣвать сибирскихъ патріотовъ въ прислужничаньи мѣстной буржуазіи нѣтъ никакихъ основаній.

Конечно, если сибирская буржуазія воспользуется областнической идеей и подъ видомъ ея будетъ проводить свои классовые интересы, этому слѣдуетъ противодѣйствовать. Для этого нужно на мѣстѣ въ провинціи создать необходимое соціальное условіе, создать организацію, посредствомъ которой мѣстное населеніе могло бы собственными силами защищаться какъ противъ внѣшней эксплоатаціи, такъ и противъ внутреннихъ эксплоататоровъ. Дать народнымъ массамъ провинціи политическое образованіе, сдѣлать ихъ способными къ тому, чтобы онѣ могли сами защищать свои интересы, это въ данномъ случаѣ лучшее средство, чѣмъ та опека изъ прекраснаго далека, которую намъ сулитъ г. Ветошкинъ.

Когда мы будемъ надѣяться на свои собственныя силы, это будетъ вѣрнѣе.

Мы вѣримъ, что хотя г. Ветошкинъ не хочетъ насъ обмануть, но боимся, что его самого обманутъ тѣ силы, на которыя онъ надѣется».

Болѣе обстоятельное изложеніе основъ и развитія сибирскаго областничества заключается въ статьяхъ Потанина—«Областническія тенденціи въ Сибири», «Сибирскія проблемы въ Госуд. Думѣ» и др.

Мы остановились лишь на одномъ моментѣ жизни нашего маститаго юбиляра, на той сторонѣ его общественной дѣятельности, которая отличаетъ Г. Н. отъ его друзей не-сибиряковъ. Потанинъ и Ядринцевъ настолько крупныя и яркія величины, настолько отличныя по своему міросозерцанію отъ представителей большинства прогрессивной интеллигенціи, что будущему историку страны придется выяснять ихъ значеніе, опредѣлять удѣльный вѣсъ каждаго изъ нихъ и указать ихъ роль въ общественномъ развитіи всей страны.

Г. Н. до глубокой старости сохранилъ чистоту идеаловъ юности и глубокую вѣру въ свѣтлое будущее. Въ этомъ отношеніи онъ остается неизмѣннымъ на протяженіи всей своей долгой жизни. Гуманность въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, внимательное любовное отношеніе къ народамъ, отставшимъ въ культурѣ, сознаніе неоплатнаго долга передъ народомъ—кладутъ особый отпечатокъ и на его общественную дѣятельность, и на научные его труды, и на его замѣчательныя работы по религіозному и бытовому фольклору народовъ Серединной Азіи. Широкой гуманностью обвѣяны и всѣ экспедиціи знаменитаго путешественника. Въ то время, какъ экспедиціи его современниковъ въ центральную Азію представляли изъ себя скорѣе военные отряды, чѣмъ научныя экспедиціи, Потанинъ съ женой проходилъ безъ всякаго оружія среди дикихъ племенъ, населяющихъ Азію, и никто никогда не прикоснулся къ нему, потому что передъ Потанинымъ всегда стоялъ человѣкъ—это лучшее твореніе природы. Освѣщая географію невѣдомыхъ странъ, Г. Н. въ своихъ трудахъ даетъ преимущественное мѣсто быту народовъ, ихъ религіи, эпосу, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на первомъ мѣстѣ среди современныхъ изслѣдователей земного шара. Человѣкъ и человѣчность—вотъ тѣ стимулы, которые лежали и лежатъ въ основѣ дѣятельности знаменитаго ученаго, поражающаго своей скромностью всѣхъ, кто съ нимъ сталкивался.

Г. Н. является однимъ изъ послѣднихъ представителей той блестящей плеяды дѣятелей, которая намъ дала Ядринцева, Щапова, Шашкова, Наумова... Онъ свято хранитъ завѣты своихъ друзей, изъ которыхъ многіе были его учениками. Среди современныхъ не только сибиряковъ, но и дѣятелей Европейской Россіи онъ занимаетъ исключительное мѣсто; Сибирь же преклоняется передъ его нравственнымъ авторитетомъ.

Привѣтствуя въ день восьмидесятилѣтія этого замѣчательнаго человѣка, мы вмѣстѣ со всей Сибирью и просвѣщеннымъ міромъ отъ души желаемъ, чтобы судьба сохранила Григорія Николаевича на его важномъ и нужномъ посту еще годы и годы!.

И. И. Поповъ.

Критика и библіографія.

А. Ѳ. Кони. Отцы и дѣти судебной реформы. Къ пятидесятилѣтію Судебныхъ Уставовъ. 1864 г. 20 ноября. 1914. Изд. Сытина.

Торжество пятидесятилѣтія Судебныхъ Уставовъ вылилось въ странную форму. Юбилей былъ «отпразднованъ» въ большинствѣ случаевъ *панихидами* по дѣятелямъ судебной реформы. Мотивъ статей, посвященныхъ юбилею въ общихъ и спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ, и рѣчей, произнесенныхъ на немногихъ собраніяхъ, прозвучалъ странно-жуткою мелодіей: щемящіе погребальные аккорды реквіема объ исковерканныхъ Судебныхъ Уставахъ чередовались съ торжествующими, радостными нотами о ихъ продолжающейся и будущей жизни. Случилось то, что происходило въ обширныхъ залахъ старыхъ французскихъ королей, когда въ безмолвной тишинѣ провозглашалось о наступившей смерти короля только для того, чтобы возвѣстить о торжествѣ рожденія новаго повелителя: «Le roi est mort, vive le roi!»

Юбилейная книга А. Ѳ. Кони какъ будто не хочетъ говорить о смерти, хотя почти всѣ помѣщенныя въ ней характеристики и относятся къ уже умершимъ. Но когда ея авторъ прикасается къ мертвецамъ своимъ чудодѣйственнымъ словомъ, онъ воскрешаетъ ихъ къ новой жизни. И они, эти воскресшіе мертвецы, живутъ теперь, уже не умирая, такъ какъ онъ далъ имъ не только жизнь, но часто далъ имъ и безсмертіе. Съ особою яркостью эта сторона таланта А. Ѳ. Кони проявилась въ его книгѣ о докторѣ Гаазѣ, но она сказалась также и на «Отцахъ и дѣтяхъ судебной реформы».

Воскрешенные къ новой жизни «Отцы и дѣти» чисты и свободны отъ «всякія скверны». Авторъ, однако, заявляетъ въ своемъ предисловіи, что онъ не опасается упрека въ обращеніи имъ вниманія будто бы исключительно на свѣтлую сторону въ описываемыхъ имъ лицахъ. Считая такой упрекъ неправильнымъ по существу, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ, что «истинная справедливость требуетъ судить людей не по временнымъ ихъ заблужденіямъ и уступкамъ подъ давленіемъ непосильныхъ обстоятельствъ, а по лучшимъ, возвышеннымъ свойствамъ ихъ личности и дѣятельности».

Такъ бережно относясь къ человѣку, пользуясь лишь свѣтлыми и яркими красками, этотъ большой художникъ-портретистъ пишетъ свои портреты по *темному* фону суровой русской дѣйствительности, и отъ этого его портреты-шедевры кажутся еще болѣе свѣтлыми, еще болѣе проникнуты внутреннимъ сіяніемъ. Съ этой точки зрѣнія, приложенные къ книгѣ на особыхъ листахъ фотографіи дѣятелей судебной реформы, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только лишни, но даже вредны: онѣ мѣшаютъ цѣлостности впечатлѣнія, создаваемаго текстомъ книги, когда съ ея вкладныхъ листовъ на насъ смотрятъ иногда холодно застывшія, иногда даже какъ будто преисполненныя олимпійскаго величія лица тѣхъ самыхъ чиновниковъ съ лентами и звѣздами, въ «трафаретныхъ некрологахъ» которыхъ, по ироническому замѣчанію А. Ѳ. Кони, должно быть сказано, что они «достигли званія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и имѣли всѣ ордена, до Александра Невскаго включительно».

Характеристику русской дѣйствительности въ прошломъ и въ настоящемъ авторъ даетъ и въ біографическихъ очеркахъ, и въ своемъ изслѣдованіи. Въ послѣднемъ онъ останавливается на общей оцѣнкѣ измѣненій Судебныхъ Уставовъ, на ихъ исправленіяхъ и искаженіяхъ. Для него Судебные Уставы явились «островкомъ среди текущей дѣйствительности, съ ними не согласованной, явились своего рода «insula in flumine nata». Ихъ духу и смыслу была противоположна и часто упорно противопоставляема неподвижная въ своей организаціи, застарѣлыхъ источникахъ и пріемахъ усмотрѣнія администрація».

Если нужно было бы узнать, чѣмъ одухотворена книга Кони, что проходитъ черезъ нее красною нитью, что заставляетъ насъ снова и снова перечитывать съ неослабѣвающимъ интересомъ эти очерки, уже не одинъ разъ авторомъ ранѣе напечатанные и теперь только собранные воедино, вмѣстѣ, въ одной книгѣ, мы легко бы нашли это. Это—борьба, борьба закона съ произволомъ, борьба Судебныхъ Уставовъ «съ противоположной имъ по духу администраціей», борьба, въ результатѣ которой «волны вражды и вольнаго или невольнаго невѣжества стали заливать берега этого островка, отрывая отъ него кусокъ за кускомъ».

Содержаніе книги составилось изъ очерковъ, посвященныхъ Ровинскому, Зарудному, Стояновскому, Замятнину, Буцковскому, Ковалевскому, Спасовичу, кн. Урусову, Плевако и др. Въ этомъ спискѣ больше «дѣтей», нежели «отцовъ» судебной реформы, но и ихъ немного. Это—тѣ, кто, по образному выраженію автора, остались на заливаемомъ островкѣ, когда другіе бѣжали съ него на болѣе спокойный, удобный и выгодный старый материкъ.

Помимо этихъ характеристикъ, въ книгу вошли еще два очерка: одинъ—о первыхъ мировыхъ судьяхъ, а другой—о старомъ и новомъ судѣ въ изображеніи И. Ѳ. Горбунова. Въ первомъ изъ этихъ очерковъ авторъ говоритъ о многихъ носителяхъ скромныхъ и большею частью неизвѣстныхъ именъ, о первыхъ мировыхъ судьяхъ въ провинціи и столицѣ. Написанный въ удивительно мягкихъ тонахъ, этотъ очеркъ не столько о мировыхъ судьяхъ, сколько о выборномъ мировомъ институтѣ, заканчивается страницами, можетъ быть, самыми сильными во всей книгѣ по ихъ рѣзкости: на этотъ разъ старый судья выноситъ суровый приговоръ закону 1889 г. о земскихъ начальникахъ, этимъ «кандидатамъ безправія», съ ихъ «узаконеннымъ произволомъ», со смѣшеніемъ «понятій о личномъ распоряженіи и судебномъ рѣшеніи»...

Второй очеркъ «о судѣ въ изображеніи Горбунова» вполнѣ умѣстенъ въ книгѣ о дѣятеляхъ судебной реформы. Словами сатирика авторъ характеризуетъ работу стараго и новаго суда при его первыхъ шагахъ и, вызвавъ здоровый смѣхъ читателя, заканчиваетъ свою книгу уже отмѣченнымъ нами «послѣсловіемъ». На послѣдней страницѣ книги стоятъ тѣ же слова, которыя мы находимъ и въ предисловіи къ ней. Они обращены къ молодымъ судебнымъ дѣятелямъ, они служатъ предостереженіемъ новому поколѣнію тамъ, гдѣ «рутина пытается усѣсться на мѣстѣ живого дѣла», гдѣ «подчасъ образъ судебнаго дѣятеля затемняется образомъ судейскаго чиновника», гдѣ «утрачивается широта и независимость взглядовъ». Они говорятъ о вѣрѣ «въ дальнѣйшее духовное и гражданское развитіе родины».

Такъ говоритъ общественный и судебный дѣятель, прошедшій уже 70-лѣтній путь жизни, но по прежнему полный силъ и несокрушимой энергіи, весь проникнутый прежнею неоскудѣвшею вѣрою. Мощнымъ призывомъ звучитъ эта великая, по ея силѣ, книга о добрѣ и правдѣ, написанная словами, идущими отъ сердца и хватающими за сердце.

Мих. Гернетъ.

Проф. И. А. Линниченко. Рѣчи и поминки. Сборникъ статей по исторіи русской литературы и біографическихъ воспоминаній. Одесса. 1914.

Книга профессора новороссійскаго университета И. А. Линниченка содержитъ, во-первыхъ, нѣсколько рѣчей и статей, посвященныхъ корифеямъ русской литературы, во-вторыхъ, рядъ статей и замѣтокъ, имѣющихъ характеръ памятокъ и справокъ о рядѣ лицъ изъ ученаго міра, преимущественно принадлежа-

вшихъ къ кіевскому или новороссійскому университетамъ. Съ большою скромностью авторъ, въ введеніи, говоритъ, что его книгу будутъ помнить, вѣроятно, только библіографы и, можетъ быть, небольшой кружокъ ближайшихъ пріятелей, учениковъ и ученицъ, которымъ онъ ее и посвящаетъ въ память прошлаго духовнаго общенія. Но и помимо библіографовъ и учениковъ и пріятелей, она найдетъ читателей, и они съ удовольствіемъ будутъ перелистывать эту книгу и оцѣнятъ теплый сердечный тонъ многихъ и многихъ страницъ.

Авторъ не открываетъ въ знаменитыхъ людяхъ, о которыхъ онъ говоритъ, никакихъ новыхъ сторонъ и не старается подойти къ нимъ непремѣнно съ какой-нибудь новой и необыкновенной точки зрѣнія, что составляетъ обычную и иногда невыносимую претензію многихъ современныхъ авторовъ литературныхъ характеристикъ, портретовъ и силуэтовъ. Начиная съ первой статьи «Жизненная драма Пушкина», въ лекціи «Бѣлинскій въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками», въ рѣчи «Душевная драма Гоголя», и кончая двумя замѣтками о Львѣ Толстомъ,—вездѣ чувствуется только простая и искренняя, непритязательная любовь къ дѣятелямъ прошлаго и сердечное, заражающее желаніе передать и слушателямъ, и читателямъ эту любовь, заставить ихъ, вмѣстѣ съ лекторомъ, пережить впечатлѣнія и думы, навѣянныя на него ихъ образами и созданіями, ихъ облагораживающими помыслами, страданіями, порывами и стремленіями. Съ авторомъ не приходится спорить, такъ какъ онъ вращается обычно въ области общепризнанныхъ историко-литературныхъ положеній. Но нельзя не быть признательнымъ за то, что онъ заставляетъ читателя лишній разъ перечувствовать и передумать кое-что, за то, что сообщаетъ кое-что новаго для читателя; за то, наконецъ, что онъ умѣетъ показать живую и по-своему симпатичную общественную и человѣческую физіономію даже въ неуклюжемъ и угловатомъ историкѣ Погодинѣ.

Особый характеръ носятъ статьи и замѣтки г. Линниченка, посвященныя лицамъ, которыхъ онъ зналъ лично и съ которыми былъ близокъ. Изъ этихъ статей, по личностямъ, которымъ онѣ посвящены, болѣе любопытны статьи о Н. И. Костомаровѣ, Н. И. Стороженкѣ, А. А. Котляревскомъ, А. Е. Назимовѣ, А. И. Маркевичѣ и В. А. Антоновичѣ. Здѣсь разсѣяно очень много необыкновенно живыхъ черточекъ изъ обыденной жизни названныхъ лицъ. Отличный и остроумный разсказчикъ, г. Линниченко умѣло переплетаетъ анекдотическія черточки съ теплой сердечной рѣчью о друзьяхъ, и портреты ихъ, видимо, весьма схожи съ оригиналами. Многое въ этихъ поминальныхъ рѣчахъ пригодится и

для біографовъ, и для историка русской науки и культурности. Напримѣръ, въ воспоминаніяхъ о Маркевичѣ разсказанъ изумительный фактъ, повлекшій его отставку отъ профессуры: заслуженный уже человѣкъ, онъ подвергся гоненію со стороны министра народнаго просвѣщенія Делянова за обнаруженныя у него при переѣздѣ изъ-за границы въ Россію и забытыя въ карманѣ какія-то брошюры, при чемъ ни министерство внутреннихъ дѣлъ, ни министерство юстиціи не сочло возможнымъ возбуждать противъ него какого-либо преслѣдованія...

Ч. Вѣтринскій.

Александръ Закржевскій. Лермонтовъ и современность. Издательство И. И. Самоненко. Кіевъ. 1915. Стр. 153. Ц. 1 р.

Пафосъ этой книги—апломбъ. Авторъ выражается очень сильно. «Теперь, въ дни юбилея Лермонтова»,—пишетъ онъ,—«эта («критическая») *пошлость кретиновъ* [1]) вокругъ нераскрытаго генія (силы больше, чѣмъ грамотности. В. Ф.) достигнетъ, конечно, апогея, и *кирпичи всевозможныхъ бездарныхъ истолкователей и фабрикантовъ—филологовъ*—загромоздятъ путь къ постиженію...» и т. д. «Для меня Лермонтовъ интересенъ, не какъ выразитель эпохи и времени, въ которыхъ (sic!) онъ жилъ, для меня рѣшительно все равно, насколько онъ былъ подверженъ вліянію Байрона и Пушкина(!) и что въ немъ было свое, а что чужое, *разбираться въ этомъ—дѣло старьевщиковъ и архиваріусовъ...*» «Понять Лермонтова могутъ такіе же *алчущіе странники*, отверженные и одинокіе, какъ онъ самъ, и пониманіе этихъ немногихъ будетъ подлиннымъ празднествомъ для его неуспокоеннаго духа, а не *базарныя торжества юбилейной пошлости*».

Очень жаль, что г. Закржевскій ясно не сказалъ, что онъ себя не причисляетъ къ числу этихъ «бездарныхъ истолкователей», потому что читатель, пожалуй, самъ не догадается по его книгѣ. Но не будемъ пользоваться промахомъ автора и причислимъ его, какъ онъ этого желаетъ, къ «алчущимъ странникамъ, отверженнымъ и одинокимъ»,—тѣмъ болѣе, что самъ онъ, не желая смѣшиваться съ юбилейными «кретинами», помѣтилъ свою книгу 1915-мъ годомъ.

Этотъ «алчущій странникъ» проявляетъ силу только тамъ, гдѣ ругаетъ «кретиновъ», но, когда говоритъ о Лермонтовѣ, сила ему измѣняетъ, и не только сила, но и синтаксисъ: «Онъ (Лермонтовъ) изнемогалъ въ душной атмосферѣ тридцатыхъ годовъ, его угнетала скука салоновъ и гостиныхъ, его душу изводила

[1]) Курсивъ вездѣ мой.

пустота свѣтскаго человѣка, который (?) чувствовалъ въ себѣ силы необъятныя, но не могъ найти для нихъ выхода и способа приложенія...» (стр. 7). Стереотипныя фразы одного изъ безчисленныхъ школьныхъ пособій, вѣющія рутиной и скукой. Но «алчущій странникъ» умѣетъ говорить и красиво (вы себѣ не думайте!), напримѣръ: «Одиночество—это мистическая тишина, въ которой чудеснымъ образомъ кристаллизуются всѣ вещи, въ которой скелетъ бытія познается во всей своей истончившейся сущности, въ которой единое и нераздѣльное *я* расцвѣтаетъ опьяняющей розой вѣчности...» (стр. 42). Страницей раньше читаемъ: «Одиночество—это высшее терзающее благо». На стр. 48: «одиночество—вѣрный признакъ генія...» Таковъ стиль книги, и таковы ея откровенія. «Алчущій странникъ», такъ энергично отмежевавшійся отъ пошлости, не чувствуетъ ея въ этихъ фразахъ, рѣжущихъ ухо на протяженіи полутораста страницъ.

Содержаніе книги «алчущаго странника» очень скудно и сводится къ тому, что Лермонтовъ по духу нашъ современникъ. Авторъ дѣлаетъ цѣлый рядъ «открытій»: что у Лермонтова есть элементы богоборчества, что одинъ изъ мотивовъ его поэзіи—одиночество, что онъ страдалъ отъ любви. Богоборчество роднитъ его съ Достоевскимъ и Ницше, любовь—съ Александромъ Блокомъ: ergo—онъ нашъ современникъ. Авторъ и не подозрѣваетъ, какъ это все старо и заѣзжено, не подозрѣваетъ потому, что онъ презираетъ труды «старьевщиковъ и архиваріусовъ». И хорошо дѣлаетъ: презрѣть эти труды гораздо легче, чѣмъ ознакомиться съ ними.

Но вотъ что удивительно. Современной поэзіи «алчущій странникъ» даетъ такую же нелестную характеристику, какъ и всѣмъ пишущимъ о Лермонтовѣ. Для современныхъ поэтовъ, по мнѣнію автора, «кромѣ риѳмы, ничего не существуетъ», ихъ «мысль убита ремесломъ» (стр. 144); творчество ихъ предано «наживѣ, рекламѣ и низменнымъ интересамъ...» (стр. 147); литература «кончилась и никому не нужна, ибо въ ней всѣ заняты пережевываньемъ гнили» (стр. 148). Повидимому, съ такой литературой нечего считаться, тѣмъ болѣе сближать ее съ Лермонтовымъ, передъ которымъ такъ благоговѣйно склоняется авторъ. А между тѣмъ вся его книга построена на этомъ сближеніи. Оказывается, Лермонтову родственны Брюсовъ, Блокъ, Сологубъ, Мережковскій, Гиппіусъ, даже Игорь Сѣверянинъ, даже Маяковскій и Давидъ Бурлюкъ (!), которыхъ восторженно цитируетъ этотъ многообѣщающій критикъ. Съ легкостью психопата, одержимаго маніей величія, онъ раздаетъ дипломы: Лермонтовъ получилъ отъ г. Закржевскаго дипломъ величайшаго

русскаго поэта; Константинъ Леонтьевъ произведенъ въ «русскіе Ницше»; Игорь Сѣверянинъ—«пѣвецъ сиреневыхъ усладъ».

Въ литературномъ отношеніи книга г. Закржевскаго такъ слаба, что объ ней даже неловко говорить въ историко-литературномъ журналѣ. Съ наукой она не имѣетъ ничего общаго. Она интересна, какъ показатель того, что все еще здравствуетъ безсмертный Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, который, между прочимъ, «литературой существуетъ».

Влад. Фишеръ.

Пушкинъ въ печати. 1814—1837. Составили *Н. Синявскій* и *М. Цявловскій*. Изданіе Л. Э. Бухгейма. Москва. 1914. VII+191 стр. Ц. 3 руб.

Эта книга—не для чтенія. Не только рядовой читатель, но и любитель исторической литературы не сможетъ прочесть ее подъ рядъ, изъ страницы въ страницу. Это справочная книга для спеціалистовъ по исторіи русской литературы. Но ее необходимо отмѣтить въ общемъ историческомъ журналѣ, какъ добрый признакъ общаго повышенія нашей культурности. Такой трудъ могъ зародиться и завершиться только въ устойчивой и зрѣлой культурной средѣ, питающей любовь къ родной поэзіи.

Составители прослѣдили, въ строжайшемъ хронологическомъ порядкѣ, не только первое появленіе въ печати того или другого произведенія или сборниковъ произведеній Пушкина, но и всѣ перепечатки какъ въ книгахъ, такъ и въ музыкальныхъ произведеніяхъ. Для такой лѣтописи имъ пришлось пересмотрѣть не только обычный, общеизвѣстный матеріалъ, но и такой, куда никто не заглядываетъ, напримѣръ, хронику и даже объявленія въ старинныхъ газетахъ и журналахъ. Результаты оказались прекрасны. Теперь мы точно знаемъ, когда появились произведенія великаго поэта въ свѣтъ, т.-е. когда для нихъ загоралась жизнь въ потомствѣ. И было бы ошибочно думать, что подобная лѣтопись имѣетъ только библіографическое значеніе; при томъ огромномъ вліяніи, какое Пушкинъ оказывалъ на современную ему литературу, эта хронологія имѣетъ и обще-литературное значеніе. Она важна и для біографа Пушкина, часто упорядочивая наши свѣдѣнія о ходѣ его литературной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи прекрасная работа г.г. Синявскаго и Цявловскаго раскрываетъ массу пропусковъ и неточностей въ извѣстной книгѣ Н. О. Лернера «Труды и дни Пушкина».

Всѣмъ, изучающимъ литературу пушкинской эпохи, книга сослужитъ хорошую службу; не говорю уже о пушкинистахъ.

Н. Пиксановъ.

Записки Неофилологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Выпускъ VII. Изданъ подъ редакціей проф. Д. К. Петрова и прив.-доц. К. Ѳ. Тіандера. С.-Петербургъ, 1914. Цѣна 75 к.

Неофилологическое Общество при Петроградскомъ университетѣ существуетъ около 30 лѣтъ. Его основателемъ былъ нашъ знаменитѣйшій историкъ западно-европейской литературы Александръ Николаевичъ Веселовскій. Его ближайшими членами и сотрудниками состоятъ всѣ профессора и преподаватели романо-германскаго отдѣленія Петербургскаго университета и большинство спеціалистовъ по западно-европейской литературѣ въ другихъ университетахъ. Программа дѣятельности Неофилологическаго Общества очень обширна и интересна. Оно изслѣдуетъ вопросы, относящіеся до изученія литературы и народной поэзіи новыхъ европейскихъ, преимущественно романскихъ и германскихъ народовъ, а также ихъ быта, искусства, исторіи и миѳологіи; вопросы, относящіеся до изученія языковъ романскихъ и германскихъ въ ихъ исторіи, фонетикѣ, морфологіи, синтаксисѣ и стилистикѣ и, наконецъ, вопросы, относящіеся къ преподаванію новыхъ языковъ.

Къ сожалѣнію, дѣятельность Общества до настоящаго времени могла проявляться, главнымъ образомъ, въ чтеніи и обсужденіи докладовъ на засѣданіяхъ. Недостатокъ денежныхъ средствъ не давалъ возможности основать свой собственный періодическій органъ. Очевидно, значительная часть докладовъ не попадала въ печать; общедоступныя статьи печатались въ литературныхъ журналахъ. Въ результатѣ почти за 30 лѣтъ существованія вышло всего 7 выпусковъ «Записокъ Неофилологическаго Общества», послѣдній выпускъ всего въ 86 страницъ.

Незавидна судьба всякаго рода «Записокъ» и «Извѣстій» нашихъ ученыхъ обществъ. Справедливо ихъ сравниваютъ съ саркофагами, куда съ почетомъ хоронятъ иногда очень хорошія вещи, чтобы объ этомъ зналъ десятокъ-другой ученыхъ спеціалистовъ. Изъ большой публики никто не догадается, что весь 7-й выпускъ «Записокъ Неофилологическаго Общества» посвященъ К. Д. Бальмонту; что въ немъ напечатаны статьи, большинство которыхъ было прочитано на торжественномъ собраніи Неофилологическаго Общества 11 марта 1912 года по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности поэта. Неофилологическое Общество организовало это торжество потому, что Бальмонтъ не только оригинальный поэтъ, но и переводчикъ, а Общество ставитъ одной изъ своихъ главныхъ задачъ—научное выясненіе взаимоотношенія западной и русской литературъ.

Члены ученаго Общества отнеслись къ Бальмонту съ полнымъ сочувствіемъ и доброжелательствомъ. Они говорили о поэтѣ языкомъ удивительнымъ для университета, гдѣ обыкновенно произносятся приговоры осторожные и сдержанные. Они называли его «великимъ русскимъ поэтомъ», самымъ яркимъ изъ русскихъ модернистовъ или нео-романтиковъ (проф. Браунъ); ему приписывали спасеніе русской поэзіи въ то время, когда она готова была куда-то улетѣть отъ насъ, и признавали за нимъ больше, чѣмъ достаточно заслугъ для того, чтобы упрочить его значеніе въ русской литературѣ (проф. Батюшковъ).

Проф. Тіандеръ придумалъ новую, интересную теорію для объясненія особенностей и для оправданія самыхъ недостатковъ поэзіи Бальмонта. Предки Бальмонта по отцовской линіи были выходцами изъ Скандинавіи; въ немъ чувствуется возвратная наслѣдственность скандинавскихъ викинговъ; какъ викинги, онъ любитъ путешествовать и проникать въ чужую культуру; викингамъ также, какъ и ему, была свойственна замысловатость словеснаго творчества, невѣроятная причудливость въ описательныхъ выраженіяхъ, склонность къ игрѣ словами и мыслями; въ благозвучныхъ стихахъ Бальмонта нерѣдко проявляется жестокость, алчность и задоръ викинговъ. Проф. Петровъ, нашъ лучшій испанистъ, извѣстный строгостью своихъ приговоровъ, написалъ Бальмонту цѣлый панегирикъ за переводы изъ Кальдерона. Бальмонтъ, по его словамъ, сумѣлъ оцѣнить глубокую религіозность старой Испаніи и самобытность ея культуры; владѣя красивымъ и изящнымъ стихомъ, онъ подошелъ близко къ трудной Кальдероновской метрикѣ; ему удалось справиться и съ другой важной задачей переводчика—удержать въ переводѣ идейное и эмоціональное содержаніе подлинника; образцовый переводъ драмы Кальдерона La devocion de la Cruz—одинъ можетъ обезпечить прочную славу Бальмонта среди русскихъ переводчиковъ. Заключительную часть апоѳеоза можно было бы сдѣлать изъ статьи проф. Аничкова, который прямо заявилъ, что русская поэзія въ стихахъ Бальмонта изъ только русской, домашней стала міровой, и что пройденный Бальмонтомъ путь—это путь отъ Луны убогой русской поэзіи послѣнекрасовской поры къ излюбленному и столько разъ воспѣтому имъ Солнцу.

Приподнятый тонъ похвалъ объясняется въ значительной степени тѣмъ, что это были юбилейныя рѣчи, которыя всегда переоцѣниваютъ юбиляра. Но Неофилологическое Общество поступило хорошо, организовавъ празднество въ честь поэта, имѣющаго, несомнѣнно, большія заслуги въ переводческой лите-

ратурѣ. Жаль, что въ сборникъ статей не попала рѣчь проф. Аничкова «Бальмонтъ и англійская поэзія», которая значится въ протоколѣ празднества. Переводы Бальмонта изъ Шелли въ свое время подвергались жестокой критикѣ, и мнѣніе объ этомъ спеціалиста интересно.

Больше всего жаль, что Неофилологическое Общество принуждено печатать свои труды—и то далеко не полностью—въ «Запискахъ», о существованіи которыхъ мало кто знаетъ,

В. Лазурскій.

К. В. Сивковъ. Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII вѣкѣ. Культ. ист. библ., подъ ред. Истор. Ком. № 7. Изд. «Энергіи» Спб. 1914. Стр. 134. Ц. 85 к.

Собранные К. В. Сивковымъ отрывки воспоминаній, записокъ, дневниковъ, писемъ, написанныхъ русскими XVIII вѣка во время пребыванія ихъ за границей,—дадутъ богатый матеріалъ для интересующагося культурной исторіей читателя. Отрывки начинаются статейнымъ спискомъ посольства Б. М. Шереметева 1697 года и кончаются «Письмами русскаго путешественника» Карамзина. За эти сто лѣтъ развитіе умственной культуры русскаго общества пошло очень далеко. Если тяжеловѣсные журналы путешествій Петровской эпохи даютъ много поводовъ для оцѣнки ихъ съ точки зрѣнія «курьезовъ», то дневники и письма русскихъ путешественниковъ конца XVIII вѣка представляютъ часто тонкія наблюденія надъ западной жизнью (таковы, напримѣръ, если и пристрастныя, то во всякомъ случаѣ интересныя замѣчанія Д. И. Фонвизина о Франціи 1777 и 1778 годовъ). Для дѣльца Петровской эпохи, П. А. Толстого, шедевры античной скульптуры—только «поганскіе идолы»; для А. Р. Воронцова уже понятно литературное значеніе Вольтера; съ самимъ Вольтеромъ семнадцатилѣтній Воронцовъ вполнѣ умѣетъ завязать знакомство и поддержать разговоръ. Въ концѣ вѣка Карамзинъ ведетъ бесѣду съ вождями нѣмецкой науки и литературы и провозглашаетъ въ средѣ лейпцигскихъ профессоровъ права и возможности русскаго литературнаго языка. Развитіе русскаго общества за XVIII вѣкъ находитъ себѣ, такимъ образомъ, яркое—хотя и отрывочное—отраженіе въ сборникѣ г. Сивкова.

Сборнику составитель предпосылаетъ вступительную статью. Во второй части ея онъ дѣлаетъ необходимыя замѣчанія о томъ матеріалѣ, который имъ напечатанъ (кромѣ названныхъ выше, это—путешествія неизвѣстнаго 1697—99 г.г., гр. Матвѣева 1705 г., кн. Б. И. Куракина 1705—09 г.г., кн. М. Голицына 1711 г.,

И. И. Неплюева 1716—21 г., А. Т. Болотова [1]), Ѳ. В. Ушакова въ описаніи А. Н. Радищева, Н. А. Демидова 1771—73 г.г., кн. А. Б. Куракина 1770—72 г.г., кн. Е. Р. Дашковой 1770—71 и 1777—82 г.г., Ѳ. В. Растопчина 1786 г. и В. И. Зиновьева 1786 г.).

Первая часть введенія г. Сивкова разсматриваетъ общій вопросъ о «путешествіяхъ русскихъ людей за границу въ XVIII в.». Эта часть, соотвѣтственно съ выборомъ напечатанныхъ отрывковъ, вызываетъ нѣсколько вопросовъ.

Прежде всего, нельзя согласиться съ г. Сивковымъ въ его приговорѣ надъ впечатлѣніями русскихъ дипломатовъ за границей до XVIII вѣка. Статейные списки пословъ московскаго государя г. Сивковъ называетъ «сухими офиціальными документами», «не имѣющими значенія для культурной исторіи». Авторы статейныхъ списковъ, по мнѣнію г. Сивкова, «не говорятъ о томъ, что они видѣли въ пути и за границей».

Чтобы опровергнуть такое мнѣніе, достаточно сослаться на IV томъ «Древней Россійской Вивліоѳики», гдѣ напечатаны статейные списки, относящіеся къ посольствамъ XVII вѣка, стольника Чемоданова въ Венецію, дворянина Лихачева во Флоренцію и стольника Петра Потемкина въ Испанію и во Францію.

Статейные списки эти рисуютъ яркую картину впечатлѣній русскихъ людей XVII вѣка за границей, показываютъ все, что особенно ихъ захватывало и привлекало ихъ вниманіе. Мы находимъ тамъ описанія и флорентійскихъ фонтановъ, изъ которыхъ «сажени съ двѣ вверхъ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли», и самого «безмѣрно стройнаго» града Флоренска, и трудностей пути черезъ снѣжныя горы «Сангутары» (С. Готары), наблюденія надъ характеромъ жителей и образомъ жизни въ Испаніи, гдѣ за шесть мѣсяцевъ посланники и всѣ посольскіе люди «не видали пьяныхъ людей, чтобъ по улицамъ валялись или идучи по улицамъ, напився пьяни, кричали», описаніе благотворительныхъ учрежденій въ Амстердамѣ и замѣтки о государственномъ и общественномъ строѣ Западной Европы.

Путешествія русскихъ эпохи Петра В. еще мало разнятся отъ этихъ поѣздокъ XVII вѣка; психологія наблюдателей и интересующіе ихъ объекты наблюденія въ значительной мѣрѣ тѣ же самые.

Говоря о поѣздкахъ начала XVIII вѣка, необходимо было бы

[1]) «Путешествіе» А. Т. Болотова въ Восточную Пруссію 1758—60 гг. не есть, какъ извѣстно, прогулка туриста. Болотовъ попалъ въ Кёнигсбергъ офицеромъ русской арміи, занявшей этотъ городъ во время семилѣтней войны. Значеніе этой войны въ смыслѣ расширенія заграничнаго кругозора русскихъ XVIII в. не отмѣчено въ предисловіи г. Сивкова.

сказать о результатахъ ихъ для развитія естественно-научныхъ знаній въ Россіи, такъ же, какъ говоря о позднѣйшихъ поѣздкахъ, нельзя было не коснуться вопроса о впечатлѣніяхъ, созданныхъ общественнымъ строемъ и общественными настроеніями Запада (любопытныя письма кн. Д. А. Голицына приведены В. И. Семевскимъ въ I томѣ его «Крестьянскаго вопроса»).

Далѣе, читатель не получаетъ полнаго представленія объ эстетическихъ интересахъ и коллекціонированіи предметовъ искусства русскими путешествующими вельможами средины вѣка. Большой матеріалъ для этого могли бы дать письма гр. И. Г. Чернышева къ И. И. Шувалову (напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» за 1869 годъ).

Наконецъ, религіозно-философскія, въ частности масонскія исканія русскихъ въ Европѣ XVIII вѣка не ограничивались же однимъ путешествіемъ Зиновьева, какъ объ этомъ можно, пожалуй, заключить по сборнику г. Сивкова. *Г. Вернадскій.*

И. Г. Прыжовъ. Исторія кабаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа. Изд. 2-е. Казань. Издательство «Молодыя силы». Ц. 2 р.

Историческіе труды рано сошедшаго съ арены общественной и научной дѣятельности Прыжова написаны въ такую эпоху, когда ученые методы нерѣдко существенно отличались отъ современныхъ. Правда, архивный трудъ, неутомимо закрѣпляющій каждый добытый выводъ документальнымъ подтвержденіемъ, имѣлъ своего великаго представителя въ лицѣ Соловьева; рядомъ съ Соловьевымъ дѣйствовали такіе блестящіе таланты обобщеній и тонкаго анализа, какъ Чичеринъ или Кавелинъ. Прыжова нельзя сравнить ни съ однимъ изъ названныхъ ученыхъ. Онъ не изслѣдуетъ историческаго процесса, не изслѣдуетъ быта: онъ скорбитъ о народѣ, который еще въ своемъ младенческомъ возрастѣ создалъ для себя общественный питейный домъ, служившій клубомъ, собраніемъ, гдѣ обмѣнивались мыслями и толковали о дѣлахъ, и негодующе повѣствуетъ, какъ древнерусскія власти, а въ особенности московское правительство обращали такія собранія въ орудія гнета и спаиванія народа, и какъ, параллельно этому, оно вытравляло народную самодѣятельность. Съ такой постановкой вопроса теперь согласиться нельзя, но книга Прыжова, тѣмъ не менѣе, интересна какъ отраженіе взглядовъ, промелькнувшихъ въ нашей исторіографіи въ опредѣленный моментъ жизни нашего общества, и какъ богатый сборникъ бытового матеріала, заимствованнаго изъ всѣхъ извѣстныхъ и изданныхъ въ то время первоисточниковъ, прекрасно

использованныхъ авторомъ. Это даетъ намъ право съ признательностью отмѣтить второе изданіе давно вышедшей изъ продажи книги Прыжова. *Ю. Готье.*

Вѣстникъ Общества ревнителей исторіи. Вып. I. Подъ редакціей замѣстителя предсѣдателя М. К. Соколовскаго. Петр. 1914.

Первый выпускъ изданія новаго петербургскаго Общества, недавно получившаго право именоваться «императорскимъ», производитъ въ общемъ довольно странное впечатлѣніе. Наряду съ интересными, несомнѣнно, историческими матеріалами и статьями помѣщены и произведенія, не имѣющія рѣшительно никакого значенія и во всякомъ случаѣ весьма мало подходящія къ «Вѣстнику» Общества «ревнителей исторіи». Сборникъ составленъ изъ докладовъ, прочитанныхъ въ засѣданіяхъ Общества и помѣщенныхъ въ сборникѣ или цѣликомъ, или въ видѣ конспектовъ, и показываетъ, какое въ общемъ путанное представленіе о наукѣ имѣетъ Общество.

Одно изъ наиболѣе интересныхъ сообщеній сдѣлано предсѣдателемъ Общества, герцогомъ Г. Н. Лейхтенбергскимъ: «Изъ записокъ о Россіи гр. фонъ Герца, прусскаго посланника при дворѣ Екатерины II». Эти записки даютъ подчасъ любопытныя характеристики вельможъ екатерининскаго двора[1]). Извѣстный интересъ представляютъ и выдержки изъ дневника флигель-адъютанта александровскаго времени, Н. Д. Дурново. Не давая большого матеріала, онѣ заключаютъ въ себѣ иногда любопытные штрихи для исторіи декабрьскихъ дней 1825 г. Къ такимъ же заслуживающимъ вниманія матеріаламъ слѣдуетъ отнести статью г. Соколовскаго «Военно-судныя дѣла въ 1812—1814 г.г.». Интересны не выводы автора, а приводимыя имъ архивныя данныя. Значительный интересъ представляютъ дневники масона Л. А. Симанскаго за 1817—1821 г.г., опубликованные г-жей Соколовской. На ряду съ подлинникомъ идетъ и статья г-жи Соколовской, излагающая все наиболѣе интересное въ указанныхъ дневникахъ. Для широкихъ слоевъ читателей, конечно, болѣе доступно изложеніе, чѣмъ сухой подлинникъ, въ которомъ надо отыскивать интересное. Но на ряду съ этими историческими матеріалами въ сборникѣ помѣщается на много претендующая, но донельзя мало дающая статья г. Булацеля «Забытый герой Отечественной войны ген.-маіоръ И. С. Гурьяновъ». Потомокъ обидѣлся за предка, который будто бы былъ равенъ Суворову. Едва ли вся статья не написана съ единственной цѣлью высказать

[1]) Слѣдовало бы, однако, оговорить, что напечатанныя теперь по черновому оригиналу записки Гёрца были помѣщены еще въ 1816 г. во II т. «Denkwürdigkeiten meiner Zeit» (1778—1806) W. von Dohm. Извлеченія отсюда были сдѣланы въ № 10 за 1879 г. «Древней и Новой Россіи».

возмущенія противъ штатскихъ чиновниковъ, которые осмѣливаются возбуждать «вопросъ о томъ, что князья Гурьяновы не были утверждены въ департаментѣ герольдіи, а потому не могутъ называться князьями». Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ конспектовъ, прочитанныхъ докладовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ весьма малоцѣнныхъ. Напримѣръ, «Послѣдній боевой конь Наполеона», или общія мѣста въ докладѣ г-жи Соколовской «Трагедія заката» (о Наполеонѣ), или ея же «Мотивы русской исторіи въ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ», г. Соколовскаго «Александръ Невскій» и мн. др.

Здѣсь есть и конспектъ доклада спеціалиста по Смутному времени, проф. Платонова: «Почему въ 1613 г. избранъ былъ на московскій престолъ именно Романовъ». Что о немъ сказать?— давно уже замѣчено, что юбилейныя рѣчи имѣютъ часто лишь приблизительное историческое правоподобіе. Вѣроятно, авторъ относительно своего доклада, какъ спеціалистъ данной эпохи, знаетъ это лучше другихъ.

Мы забыли еще упомянуть о работѣ проф. П. И. Ковалевскаго «Двѣнадцатый годъ на Кавказѣ». Читатель «Голоса Минувшаго», впрочемъ, достаточно уже освѣдомленъ по рецензіямъ С. Л. Авальяни о познаніяхъ отечественнаго психіатра какъ въ исторіи Кавказа, такъ и вообще въ исторіи; исторія у проф. Ковалевскаго всегда подвергается весьма специфической обработкѣ.

С. Мельгуновъ.

Ф. Сарсе. Осада Парижа. Переводъ съ французскаго. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. Москва. 1914. Ц. 1 р.

Приступая къ изображенію осады Парижа пруссаками, авторъ предупреждаетъ читателя, что «вовсе не намѣренъ писать ея исторію». Какъ современникъ и очевидецъ событій этого періода, онъ оставляетъ за собою болѣе скромную роль бытописателя. Подробно, день за днемъ, воспроизвести жизнь осажденнаго города; воскресить разнообразныя впечатлѣнія, волновавшія душу нервныхъ и воспріимчивыхъ парижанъ; сохранить при этомъ правдивость свидѣтеля, далекаго отъ всякихъ личныхъ и партій, ныхъ пристрастій: вотъ задача, которую ставитъ себѣ Сарсе. Выполняя ее, онъ надѣется оказать услугу будущему историку, который воспользуется этимъ матеріаломъ, чтобы возстановить полную и точную картину великаго національнаго испытанія.

Съ тѣхъ поръ минуло почти полвѣка. Франко-прусская война имѣетъ уже своихъ историковъ. И теперь, пересматривая книгу Сарсе, мы слишкомъ ясно видимъ, какъ ничтожна ея объективная цѣнность. Авторъ чуждъ самаго элементарнаго безпристрастія.

Узко-буржуазная точка зрѣнія назойливо выступаетъ во всѣхъ его оцѣнкахъ. Книга его—восторженный панегирикъ «достойной удивленія» парижской буржуазіи, этой «истинной соли» мірового города. Напротивъ, къ широкимъ массамъ трудового населенія онъ относится съ явнымъ недоброжелательствомъ. Демократическіе элементы Монмартра, Бельвилля, Менильмонтаня, Клиньянкура—въ его глазахъ не болѣе, какъ низкая чернь. Въ этихъ «притонахъ нищеты и ненависти» «вѣчно бродятъ и накипаютъ зависть, лѣность, озлобленіе, готовыя прорваться мятежомъ каждую минуту» (148). Описывая бѣдствія осажденнаго Парижа, Сарсе прежде всего отмѣчаетъ тѣ лишенія, которымъ подвергалась буржуазія: рантье, чиновники, торговцы, промышленники, биржевики. Его умиляетъ то стоическое мужество, съ какимъ расходовала она свои сбереженія, предусмотрительно отложенныя на черный день. Конечно, «очень много страданій выпало и на долю рабочихъ»—великодушно добавляетъ онъ. Но, въ значительной мѣрѣ въ томъ виноватъ былъ самъ пролетаріатъ. Во-первыхъ, онъ не умѣетъ дѣлать сбереженія,—тратитъ свой заработокъ часто совершенно зря (179). Во-вторыхъ же, при своей склонности къ пріятному бездѣлью, рабочіе и сами не хотѣли трудиться. Всѣ они стремились стать подъ ружье, въ ряды національной гвардіи. Имъ такъ нравилось—получать здѣсь ежедневно полтора франка, «болтать, играть, смѣяться и пить—главное—пить»... (180). И вотъ, когда г-ну Сарсе понадобилось во время осады заказать себѣ визитныя карточки, мастерская не взялась приготовить ихъ—за отсутствіемъ рабочихъ рукъ. Сообщивъ объ этомъ возмутительномъ фактѣ, потерпѣвшій заключаетъ меланхолически: «Такимъ образомъ, у насъ опять завелись пресловутыя національныя мастерскія 1848 г., только въ иной формѣ»...(182).

Въ своихъ воспоминаніяхъ о парижской Коммунѣ Мишель разсказываетъ объ одномъ толстякѣ, который, въ памятный день 31-го октября, обратился къ національной гвардіи со словами увѣщанія. «Всегда должно быть начальство!»—воскликалъ онъ: «Всегда нужно правительство, чтобы вести насъ»... Каждая страница книги Сарсе представляетъ варіацію на эту благодарную тему. Лойяльность автора, по истинѣ, безпредѣльна. Вторая Имперія пала. Правительство Наполеона III бѣжало изъ столицы. Но когда, уже во время осады, артисты нѣкоторыхъ театровъ стали декламировать со сцены «Châtiments» Гюго,—«мы почувствовали»—признается Сарсе,—«что неприлично бичевать, при апплодисментахъ толпы, имена людей, находящихся въ отсутствіи»... (196). Въ Парижѣ организовалось временное

правительство: его двуличная политика уже стяжала ему въ народѣ печальную славу «національной измѣны». Но почтительная преданность всякому начальству мѣшаетъ нашему бытописателю признать слишкомъ очевидные факты. Онъ твердитъ о «честныхъ людяхъ», коимъ ввѣрена судьба столицы; онъ горячо защищаетъ «добросовѣстнаго и знающаго полководца»—Трошю, котораго, однако, самъ считаетъ способнымъ на «увертки» (216. 227). Даже Базенъ кажется ему выше подозрѣній (138). Понятно, что всякая агитація противъ установленныхъ властей вызываетъ у него самое глубокое негодованіе. Говоря о «красныхъ», онъ утрачиваетъ свое обычное душевное равновѣсіе. Въ его голосѣ начинаютъ звучать визгливыя интонаціи, съ языка срываются отнюдь не изящныя выраженія. «Крайніе»—это «волки», «глупцы», «бѣсноватые». Ихъ вожаки—въ лучшемъ случаѣ, фанатики. Бланки—лживый софистъ; Делеклюзъ— болѣе искусный, нежели искренній агитаторъ; самъ Ледрю-Ролленъ попадаетъ въ категорію «отцеубійцъ» (151, 152). Клубы демократовъ Сарсе изображаетъ въ нарочито смѣхотворномъ видѣ,—хотя признается, что бывалъ тамъ раза два-три. Радикальную прессу онъ высокомѣрно игнорируетъ, утверждая, что она не имѣла читателей; о дѣятельности Интернаціонала, повидимому, и не подозрѣваетъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ политической чуткости Сарсе можетъ служить его убѣжденіе, что послѣ 31-го октября идея Коммуны была «похоронена» окончательно. (198). Порою плачевная неспособность этого «бытописателя» возвыситься надъ уровнемъ чисто личныхъ интересовъ проявляется въ самой забавной формѣ. 1-го января 1871 г., сидя передъ тарелкой съ кускомъ конины, онъ разражается горькими слезами и проклинаетъ пруссаковъ. «Всѣ несчастья наши, всѣ ваши грабежи, убійства, разрушеніе нашихъ городовъ... все это, можетъ быть, мы и простимъ когда-нибудь... Но никогда не забудетъ французскій народъ (!) этого дня, проведеннаго въ разлукѣ съ семьями и безъ всякихъ вѣстей,—дня, когда такъ пріятны бываютъ поцѣлуи жены и смѣхъ бѣлокураго мальчугана» (251).

Очень жаль, что въ тѣ дни, когда русское общество особенно нуждается въ серьезной исторической литературѣ, издательство не нашло иной книги для удовлетворенія этой потребности. Но совсѣмъ уже непростительно, что переводъ Сарсе носитъ печать отнюдь не литературной обработки. Конечно, довольно забавно, когда переводчикъ пишетъ: «Іоанны д'Арки»(45), увѣряетъ, что Базенъ въ Мецѣ былъ въ «засадѣ», (53) фразу—«il n'en restera guère» передаетъ: «не останется нисколько» (93), а выраженіе «rédacteur en chef» понимаетъ, какъ «главный редак-

торъ» (27). Но уже не хочется смѣяться, когда на каждой почти страницѣ книги попадаются такія «русскія» выраженія: «превозносили со славою» (17), «ослѣплялся своей ненавистью» (18), «республика провозгласилась» (28), «пункты, не представлявшіе опасеній» (45), «восторжествуя сами» (78), «не могли уладить между собою» (101), «ходить въ карманъ за словами» (135),«умолчать имя» (143), «на тарелкѣ... стоялъ кусокъ конины» (25), «вѣшали... чучелу бѣлки» (262) и т. под... Немудрено, что, «ворочая страницы» этой книги,—по живописному выраженію талантливаго переводчика (34)—читатель говоритъ себѣ—его же словами: «Нѣтъ, положительно это,—не переводъ, а что-то особенное»... (23).

Вл. Потемкинъ.

Исторія инквизиціи. Т. III. *С. Г. Лозинскій.—Исторія инквизиціи въ Испаніи.* Спб. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ, 1914, ц. 5 руб.

Этимъ третьимъ томомъ заканчивается «Исторія Инквизиціи», предпринятая издательствомъ Брокгауза-Ефрона. Первые два тома заключали въ себѣ исторію инквизиціи въ средніе вѣка и представляли собой переводъ труда англійскаго ученаго Ли (Lea). Третій томъ составленъ нашимъ русскимъ историкомъ, С. Лозинскимъ, и посвященъ дѣятельности инквизиціи въ новое время (1480—1830 г.г.)—и именно въ Испаніи, поскольку нигдѣ въ Европѣ она не вылилась въ независимое учрежденіе, существовавшее до 30-хъ гг. XIX в. и поскольку именно здѣсь инквизиція, какъ могучее учрежденіе, сыграла и роковую политическую роль немаловажнаго фактора сокращенія когда-то «великой» испанской державы. С. Лозинскій, взявшись за эту огромную работу, имѣлъ передъ собой четырехтомную «History of the Inquisition of Spain»—Ли, трудъ испанскаго историка Llorente, Beiträge—Шэфера и др., но онъ долженъ былъ выполнить взятую на себя задачу заново и самостоятельно. И слѣдуетъ признать, что эта замысловатая, сложная работа выполнена имъ очень хорошо. Это настоящее-крупное научное изслѣдованіе на основаніи огромнаго, въ значительной части еще непочатаго, архивнаго матеріала, напр. хранящагося въ барцелонскомъ Archivo de la Corona de Aragon. Если первыя, вводныя главы, посвященныя эпохѣ Реконкисты, царствованію Изабеллы и Фердинанда и учрежденію Новой Инквизиціи, и носятъ до нѣкоторой степени компилятивный характеръ, то и здѣсь уже авторъ умѣетъ занять опредѣленную позицію, убѣдительно опровергая довольно прочно утвердившееся мнѣніе католическихъ историковъ Гамса, Гефеле, что испанская инквизиція есть дѣло рукъ государства, а не

церкви, что инквизиторы были агентами королевскаго абсолютизма. Но уже начиная съ IV главы (Организація Новой Инквизиціи), передъ нами выступаетъ самостоятельный изслѣдователь, строящій свою работу на документальныхъ данныхъ, часто разысканныхъ и привлеченныхъ къ дѣлу впервые. Съ увлеченіемъ прочитываются живо и ярко написанные отдѣлы о дѣятельности знаменитаго (главнымъ образомъ, благодаря Достоевскому) Торквемады, объ устройствѣ инквизиціи, о народныхъ возмущеніяхъ противъ нея, объ изгнаніи евреевъ-мавровъ и морисковъ и послѣдствіяхъ его. Все это ново для насъ, читателей, и полно крупнаго интереса, поскольку г. Лозинскій вычерчиваетъ исторію инквизиціи на фонѣ общей соціально-культурной исторіи Испаніи, мало извѣстной у насъ въ Россіи. Богатое содержаніе труда г. Лозинскаго трудно передать въ краткой рецензіи, но нельзя не отмѣтить хотя бы главы X, озаглавленной: «Разнообразная дѣятельность инквизиціи»; здѣсь даются цѣнныя указанія о мистицизмѣ, иллюминатствѣ и квіетизмѣ, молинизмѣ, двоеженствѣ, исцѣлительствѣ и мудрыхъ женщинахъ, вѣдовствѣ, натурализмѣ, франкмасонствѣ и другихъ движеніяхъ въ Испаніи, квалифицировавшихся, какъ ереси. Но, несомнѣнно, особо животрепещуще любопытна заключительная глава объ инквизиціи въ XIX в. Здѣсь выясняется, что уже со второй половины XVIII в. она становится преимущественно политическимъ учрежденіемъ, оказывавшимъ упорное сопротивленіе либеральнымъ идеямъ, шедшимъ изъ Франціи. Она оказалась и смертельнымъ врагомъ выступавшаго подъ флагомъ «революціи» Наполеона. Послѣдній, эдиктомъ 4 декабря 1808 г., отмѣнилъ инквизицію. Но съ паденіемъ имперіи она снова была введена, несмотря на протестъ кортесовъ. Любопытна живучесть этого средневѣковаго института. Въ 1820 г. его вторично отмѣнили, но возобновившаяся въ 1823 г. реакція реставрировала ее въ формѣ такъ наз. Хунтъ (Iuntas de fé). И какъ ни странно,—еще въ 1826 г. въ Валенсіи былъ приговоренъ къ сожженію одинъ еретикъ. Только въ 1834 г. послѣдовало, несмотря на усилія карлистовъ, окончательное уничтоженіе инквизиціи. Эти факты представляютъ характерную страницу въ исторіи Западной Европы прошлаго столѣтія.

Къ достоинствамъ разбираемой книги слѣдуетъ отнести и помѣщеніе въ ней въ подлинникѣ и переводѣ (а нѣкоторыхъ и facsimile) важнѣйшихъ и типичнѣйшихъ документовъ по исторіи даннаго учрежденія. Здѣсь и инструкціи инквизиціи, и приказы объ арестѣ, и декреты объ изгнаніи, и обвинительные акты—и еще цѣлый рядъ бумагъ, собранныхъ въ особомъ приложеніи. Огромное, исчерпывающее сочиненіе г. Лозинскаго (свыше 500 стр.

мелкаго шрифта) должно служить основнымъ пособіемъ при изученіи этого крупнаго историческаго момента, а конкретность изложенія могутъ сдѣлать его интереснымъ и поучительнымъ чтеніемъ и для широкихъ круговъ не-спеціалистовъ. Характерныя, умѣло подобранныя и прекрасно выполненныя иллюстраціи служатъ внѣшнимъ украшеніемъ этой работы. И только цѣну (5 рублей), можетъ быть, слѣдовало бы признать не столько высокой, сколько недоступной.

К. Успенскій.

Д-ръ Ф. Мюллеръ-Ліэръ. Формы брака, семьи и родства. Авторизованный переводъ съ нѣмецкаго И. Степанова. М. 1913 г. IV+93 стр. Ц. 75 коп. *Д-ръ Ф. Мюллеръ-Ліэръ. Фазы любви.* Авторизованный переводъ съ нѣмецкаго В. Базарова. М. 1913 г. Из. П. Г. Дауге. VI+243 стр. Ц. 1 руб. 50 коп.

Д-ръ Ф. Мюллеръ-Ліэръ задумалъ обширную работу по соціологіи, объединивъ различные томы этого своего труда общимъ заголовкомъ: «Ступени развитія человѣчества». Томы III—VII этого сочиненія посвящены «генеономіи», т.-е. соціологіи воспроизведенія человѣка, куда входятъ изслѣдованія по «исторіи развитія любви, брака, семьи, наслѣдованія, полового отбора, воспитанія, отношеній родства и т. д.» («Формы брака», предисловіе).

Разбираемыя нами книги являются томами третьимъ («Формы брака») и пятымъ («Фазы любви») «Ступеней развитія человѣчества». Русскій издатель обѣщаетъ дать публикѣ и остальные томы по «генеономіи», но не говоритъ ничего о своемъ намѣреніи дать переводъ тѣхъ томовъ (т.-е. томовъ I, II, VIII, IX и X), которые трактуютъ о другихъ соціологическихъ проблемахъ.

Соціологія, какъ особый отдѣлъ человѣческаго вѣдѣнія, до сихъ поръ еще не нашла себѣ всеобщаго признанія, что отчасти объясняется и тѣмъ, что она до сихъ поръ еще не выработала своихъ общеобязательныхъ основъ. Мы думаемъ, что значеніе соціологіи можетъ быть уяснено при помощи слѣдующей аналогіи: низшія животныя одарены сознаніемъ, т.-е. они имѣютъ ощущенія и чувствованія, но одинъ лишь человѣкъ одаренъ самосознаніемъ и одинъ лишь онъ имѣетъ волю, просвѣтленною мыслью; подобно этому и общества, не возвысившіяся до соціологическаго пониманія, въ своемъ общественномъ строительствѣ могутъ лишь руководиться слѣпыми общественными инстинктами, а просвѣтленная общественная воля можетъ возникнуть лишь на почвѣ соціологическихъ изысканій, ибо *соціологія есть самосознаніе общества.*

Вѣроятно приблизительно подобную же мысль имѣлъ Мюллеръ-Лiэръ, когда писалъ: «колоссальная энергiя, дѣйствующая въ мозгахъ многомилліоннаго человѣчества, не вѣчно будетъ раздробляться въ мелкихъ и отчасти взаимно противоположныхъ дѣйствiяхъ; просвѣтленная соцiологическимъ пониманiемъ, на высшей ступени культуры, она должна сконцентрироваться въ единомъ великомъ организованномъ твореніи, мощь котораго, на первыхъ ступеняхъ мiрового хозяйства, мы едва можемъ предчувствовать» («Формы брака», стр. 5). Подобную формулировку взгляда на роль соцiологiи мы, однако, не можемъ считать удачной, ибо не одна соцiологiя, а всякая наука, всякое искусство, всякая передача «опыта» есть не что иное, какъ концентрацiя раздробленныхъ дѣйствiй.

Разбираемыя нами книги Мюллера-Лiэра, какъ мы уже сказали, занимаются лишь общимъ отдѣломъ соцiологiи: «генеономiей». Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ отдѣлѣ, мы познакомимъ читателей съ соцiологическимъ методомъ автора. Относительно соцiологическихъ изысканiй онъ говоритъ: «методомъ изслѣдованiя, пригоднымъ для такихъ цѣлей, я считаю такъ-называемый сравнительный методъ естественныхъ наукъ, который въ примѣненiи его къ наукѣ и культурѣ я назвалъ *«фазеологическимъ методомъ»*. По этому методу вся область культуры прежде всего разлагается на отдѣльныя главныя части, важнѣйшими изъ которыхъ являются слѣдующiя: *хозяйство, семья, государство, языкъ, наука, религiя, мораль, право* и *искусство*. Въ каждой изъ этихъ отдѣльныхъ частей послѣдовательный ходъ отдѣльныхъ культурныхъ явленiй отъ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней раздѣляется на рядъ стадiй, или ступеней, или *фазъ*. Этимъ съ самаго начала вносится порядокъ въ хаосъ фактовъ,— мы овладѣваемъ нашимъ матерiаломъ. Потомъ, если мы, по правиламъ сравнительнаго метода, сравнимъ отдѣльныя фазы между собою, то мы откроемъ *линiи направленiя прогресса*, т.-е. линiи, которыя проходятъ черезъ всѣ послѣдовательныя фазы и даютъ намъ возможность познать направленiе, въ которомъ движется культура. А изученiе этихъ линiй мы углубимъ изслѣдованiемъ тѣхъ причинъ, дѣйствiе которыхъ лежитъ въ основѣ явленiй культуры, тѣхъ соцiологическихъ силъ, которыя воздвигли чудное зданiе культуры, тогда изъ линiй направленiя получатся *законы направленiя*: т.-е. мы придемъ къ познанiю тѣхъ закономѣрностей, которымъ слѣдуетъ движенiе культуры» («Формы брака», стр. 10).

Примѣненiемъ этихъ руководящихъ принциповъ къ генеономiи и заняты томы III—VII «Ступеней развитiя человѣчества».

Въ генеономіи нашъ авторъ намѣчаетъ три отдѣла: 1) половое отношеніе; 2) отношеніе между поколѣніями; 3) отношеніе родства. Изученію съ соціологической точки зрѣнія формъ и способовъ отношенія между мужчиной и женщиной и между родителями и дѣтьми, а также изученію различныхъ формъ родства посвящена громадная литература, и сравнительно маленькіе томы Мюллера-Ліэра не даютъ ничего новаго съ фактической стороны. Но значеніе этихъ книгъ и не заключается въ сообщеніи новыхъ фактовъ, а въ обработкѣ уже ранѣе добытыхъ данныхъ.

Общій ходъ развитія генеономическихъ отношеній нашъ авторъ дѣлитъ на три эпохи. 1) Родовая эпоха, когда все общество построено на принципѣ кровнаго родства. 2) Семейная эпоха, когда родъ распадается на семьи, при чемъ семьи берутъ на себя лишь хозяйственныя функціи рода, а функціи политическія переходятъ къ новому образованію: къ государству(объ эти «эпохи» дѣлятся нашимъ авторомъ на три фазы: раннюю, высокую и позднюю). Затѣмъ начинается третья эпоха—«эпоха индивидуальная или личная». Намъ извѣстно лишь начало этой эпохи: «ранне-личная фаза», начавшаяся дифференціаціей женщины по профессіи.

Взаимоотношеніе общества, семьи и женщины нашъ авторъ формулируетъ слѣдующими словами: «Положеніе женщины обнаруживаетъ неправильный ходъ развитія: по окончаніи первобытной эпохи оно сначала падаетъ (ранне-родовая фаза), затѣмъ возвышается и достигаетъ высшаго пункта (высоко-родовая фаза), начиная съ котораго снова начинается глубокое паденіе (семейственная фаза) и, наконецъ, новый подъемъ (ранне-личная фаза). Развитіе это, повидимому, издѣвается надъ всякимъ порядкомъ и всякою правильностью. И, однако, эта кажущаяся безпорядочность превратится въ совершенно ясную закономѣрность, если мы будемъ разсматривать женщину не самое по себѣ, *а въ связи съ обществомъ, если мы будемъ изучать ее въ ея отношеніяхъ къ этому послѣднему и къ семьѣ.* Ключомъ и путеводной нитью будетъ слѣдующее, сведенное къ краткой формулѣ, положеніе: *слабое общество—сильная семья, слабая женщина; сильное общество—слабая семья, сильная женщина*» («Фаза любви», стр. 178).

Эта формула страдаетъ существенными недостатками, вытекающими изъ слишкомъ узкой трактовки предмета нашимъ авторомъ. Семья есть явленіе гораздо болѣе сложное, чѣмъ это думаетъ авторъ. Самое противопоставленіе «эпохи семейной» эпохѣ «личной» нужно считать весьма неудачнымъ: вѣдь, въ сущности, при эпохѣ личной гибнетъ лишь *патріархальность* семьи,

а сама семья обновляется и, пожалуй, укрѣпляется. Когда авторъ говоритъ, напримѣръ, слѣдующее: «*чѣмъ выше и интенсивнѣе организованъ соціальный союзъ, тѣмъ больше функцій отрываетъ онъ, конечно, отъ семьи, и тѣмъ слабѣе становится, вообще говоря, также и бракъ*. У отдѣльныхъ народностей, напримѣръ у *малайцевъ*..., дѣло доходитъ почти до полнаго разложенія брака и семьи. Мужчина остается въ своемъ родѣ, образуя лишь придатокъ материнской семьи... жену онъ посѣщаетъ лишь ночью, чтобы произвести дѣтей ея материнскому роду» («Фазы любви», стр. 143); когда, повторяемъ, авторъ говоритъ подобную вещь, то очевидно, что онъ смѣшиваетъ «высоту» и «интенсивность» соціальнаго союза съ его *одноидейностью*: соціальный союзъ малайцевъ не «высокъ и интенсивенъ», а просто одноидеенъ, построенный исключительно на самыхъ низшихъ матеріальныхъ отношеніяхъ, онъ просто не хочетъ терять принадлежащаго ему приплода, какъ не захочетъ потерять приплода и какой-либо скотоводъ. Но параллельно ходу культуры развивается многоидейность человѣческихъ отношеній, и вотъ это-то обстоятельство и игнорируетъ черезчуръ упрощенная схема нашего автора.

Это приводитъ насъ ко второму основному вопросу, относительно котораго мы намѣрены сказать нѣсколько словъ. Нашъ авторъ является сторонникомъ «историческаго матеріализма», но въ его «умѣренномъ видѣ». Онъ рѣшительно возстаетъ противъ «радикальнаго матеріализма», который полагаетъ, что «хозяйство не только создаетъ условія высшаго развитія культуры, но и опредѣляетъ собой всю прочую культуру во всѣхъ ея частностяхъ» («Фаза любви», стр. 204). Относительно этого утвержденія радикальнаго матеріализма нашъ авторъ говоритъ: «Въ этой формѣ теорія не только не представляется чѣмъ-то само собою разумѣющимся, но... недоказуема или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ никогда еще не была доказана», а нѣсколько ниже онъ говоритъ: «Каждой соціальной функціи присуща собственная закономѣрность проявленій, которая не можетъ быть исчерпывающе объяснена ходомъ хозяйственнаго развитія».

Такимъ образомъ очевидно, что нашъ авторъ неповиненъ въ односторонностяхъ «крайняго» марксизма, однако его «умѣренность» создалась, такъ сказать, механическимъ путемъ, путемъ простого раздѣленія сферъ вліянія факторовъ, а не путемъ отысканія и функціональной зависимости. Экономическій факторъ и факторъ психологическій нельзя разсматривать, какъ явленія одной и той же категоріи. Выражаясь не вполнѣ удобопонятно для широкой публики, но зато вполнѣ точно, мы скажемъ, что факторъ психологическій слѣдуетъ разсматривать, какъ функцію,

въ которую входятъ много перемѣнныхъ, и экономическій факторъ есть лишь одна изъ этихъ перемѣнныхъ. А между тѣмъ нашъ авторъ, хотя и отвергаетъ самимъ рѣшительнымъ образомъ «радикальный матеріализмъ», все-таки при изученіи «фазъ» брачныхъ отношеній и при опредѣленіи положенія женщины въ семьѣ постоянно сводитъ дѣло прямо къ экономическому фактору. «Причины, опредѣляющія характерныя особенности примитивнаго брака низшихъ охотниковъ, нетрудно уловить. Ихъ надо искать въ хозяйственной области» («Фаза любви», стр. 138). «Матріархатъ мы находимъ у примитивныхъ земледѣльцевъ... и у нѣкоторыхъ рыболововъ... при особо благопріятныхъ условіяхъ рыболовство оказываетъ на бракъ и семью... приблизительно такое же вліяніе, какъ и примитивное земледѣліе» («Фаза любви», стр. 143). «Въ поздне-родовой фазѣ женщина теряетъ свое высокое положеніе, чтобы превратиться въ служанку мужчины. Этотъ великій переворотъ также можетъ быть въ значительной степени сведенъ къ хозяйственнымъ причинамъ» («Фаза любви», стр. 145). Мы могли бы привести еще много цитатъ, изъ которыхъ видно, что авторъ склоненъ устанавливать *непосредственную* связь между формами производства и формами брака.

П. Мокіевскій.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) **Алтаевъ, А.** Король и инфантъ. Изд. И. Сытина. Ц. 90 к. 2) **Веселовская, М.** Бельгія до войны 1914 г. Кн-во «Звѣзда». М. Ц. 40 к. 3) **Веселовскій, С.** Сошное письмо. Т. I. М. Ц. 3 руб. 4) **Веселовскій, Ю.** Трагедія турецкой Арменіи. Кн-во «Звѣзда» Н. Орфенова. М. Ц. 25 к. 5) **Грузиновъ, И.** Бубны боли. Стихи. М. Ц. 80 к. 6) **Джаншіевъ, Г.** Сборникъ статей. 1864—1914. Подъ ред. В. Обнинскаго. Со вступ. статьей ак. А. Кони и перепиской Г. Джаншіева съ А. Кони. Изд. «Задруга». М. Ц. 3 р. 7) **Дѣвинъ, П.** Философія преподаванія родного языка. Вып. I Петр. Ц. 50 к. 8) **Жерлицынъ, М.** Кольриджъ и англійскій романтизмъ. Одесса. Ц. 2 р. 9) **Завитневичъ, В.** Русскіе славянофилы. Кн-во И. Самоненко. Кіевъ. Ц. 35 к. 10) **Записки А. А. Яковлева,** бывш. въ 1803 г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Изд. В. Андреевъ. М. 1915. 11) **Исторія Московскаго Купеческаго Общества.** 1863—1913. Т. IV. Вып. I. Изд. Моск. Куп. О-ва. Подъ ред. В. Сторожева. 12) **Кривенко, С.** М. Е. Салтыковъ. Біограф. очеркъ. Петр. Ц. 75 к. 13) **Лисовскій, Н.,** сост. и изд. Русская періодическая печать 1703—1900 гг. Петр. 14) **Мальбраншъ, Н.** Бесѣда христіанскаго философа съ философомъ китайскимъ о бытіи и природѣ Божества. Перев. М. Ершова. Казань. Ц. 40 к. 15) **Обнинскій, П.** Сборникъ статей къ юбилею судебной реформы. Изд. «Задруга». М. Ц. 1 р. 50 к. 16) Pamiętny dzien dla Polaków. I (14) Sierpnia 1914 r. w pojęciu Tadeusza Korzona. Варшава. 17) **Переписка Н. В. Станкевича.** 1830—1840. Ред. и изд. А. Станкевича. М. Ц. 3 р. 18) **Петрушевскій, Д.,** проф. Великая хартія вольностей. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. Ц. 85 к. 19) **Погодинъ, А.,** проф. Зарубежная Русь. Изд. Сойкина. Петр. Ц. 50 к. 20) **Русская литература XX вѣка.** 1890—1910. Подъ ред. проф. С. Венгерова. Изд. т-ва «Міръ». М. 21) **Соловьевъ, С.,** проф. Очерки изъ исторіи новой французской и

провансальской литературы. Спб. Ц. 2 р. 22) **Сочиненія Пушкина.** Изд. Имп. Академіи Наукъ. Т. XI. Петр. Ц. 3 р. 23) **Сторожевъ, В.** Война и Московское купечество. Историч. этюдъ. М. 24) **Судебные Уставы** 20 ноября 1864 г. За пятьдесятъ лѣтъ. Томы первый, второй и дополнительный. Петр. 25) **Тарасовъ, И.** Лекціи по полицейскому праву. Томъ третій. Особ. часть. М. Ц. 4 р. 50 к. 26) **Толстовская библіогр.** за 1912 г. Подъ ред. А. Бема. Изд. Толстовск. Музея въ Спб. Ц. 30 к. 27) **Труды** Пермской Губ. Уч. Арх. Ком. IX, X и XI. Пермь. 1905, 1913 и 1914. Ц. IX—80 к., X—1 р. 50 к., XI—1р. 50 к. 28) **Фатовъ, Н.** Библіогр. матер. для изуч. жизни и творчества Е. А. Ганъ. Петр. **Фатовъ, Н.** Любовь и смерть Д. В. Веневитинова. Варшава. 29) **Цаликовъ, А.** Въ горахъ Кавказа. (Быль, очеркъ и легенда). Кн-во «Востокъ». М. Ц. 75 к. 30) **Цаликовъ, А.** Кавказъ и Поволжье. Изд. М. Мухтарова. М. Ц. 1 р. 50 к.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ!

Съ самаго начала войны Императорское Вольное Экономическое Общество сосредоточило свою дѣятельность на оказаніи посильной помощи прямымъ и косвеннымъ жертвамъ народнаго бѣдствія. Оно собирало и распредѣляло пожертвованія въ пользу семей запасныхъ, открыло въ Петроградѣ имени И. В. Э. Общества два лазарета для раненыхъ воиновъ на 240 кроватей, составило около 1000 библіотечекъ для раненыхъ, которыя и разослало по госпиталямъ многихъ городовъ Россіи, и т. д.

Нынѣ И. В. Э. Общество обратило свою дѣятельность на помощь пострадавшему отъ войны населенію Царства Польскаго и сопредѣльныхъ съ нимъ районовъ, а съ открытіемъ войны съ Турціей, также арміи и населенію Кавказа. Само собою разумѣется, что помощь населенію оказывается и будетъ оказываться безъ различія національности и вѣроисповѣданія.

Сверхъ того, Общество постановило:

1) устроить еще одинъ лазаретъ на 100 кроватей, но поставить его уже не въ Петроградѣ, а въ Тифлисѣ, отправивши туда для этой цѣли уполномоченнаго и другихъ лицъ отъ Общества.

2) устроить, если позволятъ средства, питательные пункты въ тылу Кавказской арміи, для чего послать туда свой отрядъ.

Для осуществленія всѣхъ этихъ начинаній нужны значительныя средства и потому Совѣтъ И. В. Э. Общества покорнѣйше проситъ Васъ помѣстить въ Вашемъ уважаемомъ изданіи настоящее письмо и открыть сборъ пожертвованій, которыя и благоволите пересылать Обществу. При этомъ желательно, чтобы сами жертвователи указывали, на какую именно изъ вышеупомянутыхъ цѣлей (помощь населенію Польши, помощь населенію Кавказа, лазаретъ въ Тифлисѣ, продовольственные пункты въ тылу Кавказской арміи) они желали бы, чтобы были обращены ихъ пожертвованія, но послѣднія могутъ быть, конечно, направляемы и безъ спеціальныхъ указаній, а вообще въ распоряженіе И. В. Э. Общества на нужды, связанныя съ военнымъ временемъ.

Пожертвованія принимаются въ помѣщеніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества (Петроградъ, Забалканскій проспектъ, 33).

Совѣтъ И. В. Э. Общества проситъ Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи.

Вице-Президентъ *Л. Лутугинъ*.

Секретарь *В. Яковлевъ*.

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**